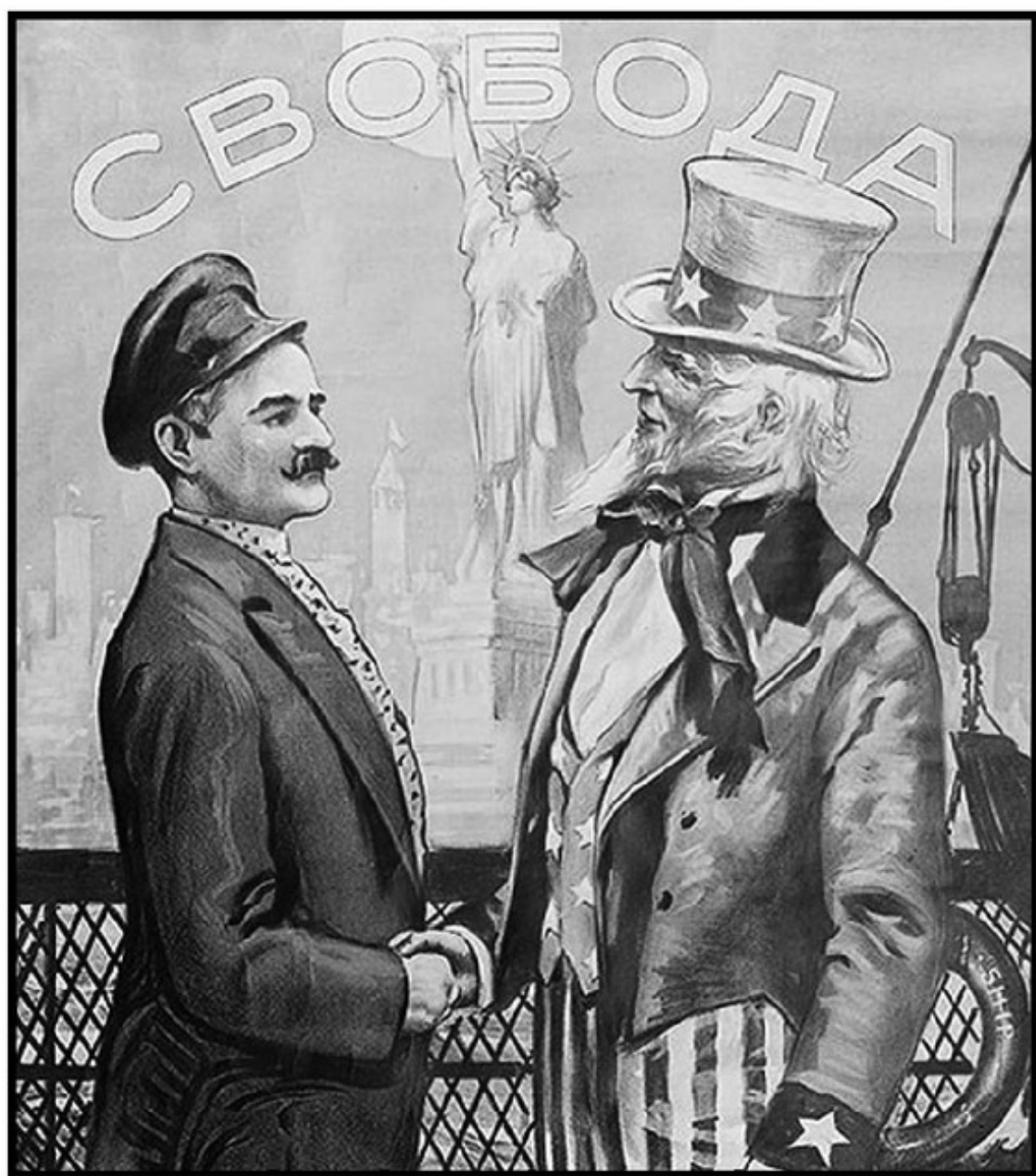

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ

Новые подходы и взгляды

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2012

КАФЕДРА РУССКОЙ ИСТОРИИ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

**Революция 1917 года в России:
новые подходы и взгляды.**

Санкт-Петербург, 2012

ББК 63.3(2)524

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Печатается по решению кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена

Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2012 - с.

ISBN 978-5-904247-56-0

В сборник включены материалы межвузовской научной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», проведенной 15 ноября 2011 г. кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена. Издание рассчитано на историков-специалистов и всех интересующихся историей революции 1917 года в России.

ББК 63.3(2)524

© А.Б. Николаев, идея, отв. ред. и отв. сост., 2012.

© Авторы статей, 2012.

© А.А. Иванов, оформление обложки, 2012.

© Кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2012.

ISBN 978-5-904247-56-0

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

История революции 1917 года в России постепенно стала одной из основных научных тем кафедры русской истории благодаря ее заведующему – профессору Виталию Ивановичу Старцеву. Справедливости ради необходимо заметить, что первоначально этот кафедральный интерес выражался в том, что в учебном плане исторического факультета ЛГПИ им. А.И. Герцена (ныне – факультет социальных наук РГПУ) для студентов 3-го курса дневного отделения в 1976/1977 – 1978/79 уч. гг. появился спецкурс «Революционные события 1917 года», который читал Виталий Иванович Старцев, работавший тогда на условиях почасовой оплаты. Начиная с 1979/1980 уч.г. В.И. Старцев, перешедший на полставки профессора, читал для студентов 3-го курса дневного отделения спецкурс «Историография Великого Октября». Спецкурсы, читаемые Старцевым, кстати, пользовались большой популярностью у студентов исторического факультета ЛГПИ. Став в апреле 1984 года заведующим кафедрой, Старцев начал проводить научные конференции по истории революции 1917 года. В первое время они проходили в форме школ-семинаров по истории Великой Октябрьской революции для студентов 3 – 5 курсов истфака ЛГПИ. Первая из них прошла 5 декабря 1984 году, а вторая, в которой принимали участие аспиранты и преподаватели кафедры, – 3 декабря 1985 г. Следующая научная конференция под названием «Россия в 1917 году: новые подходы и взгляды» состоялась 19 – 20 января 1993 года. После ухода В.И. Старцева из РГПУ в 1998 году кафедра долгое время научных конференций по этой теме не проводила.

Начиная с 2007 года, кафедра русской истории вновь обратила свое внимание на изучение истории революции 1917 года, проводя ежегодные научные конференции, по итогам которых выходят сборники научных статей. Заметим, что эти сборники достаточно высоко оцениваются специалистами¹.

Очередная межвузовская научная конференция «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», организованная кафедрой русской истории, прошла 15 ноября 2011 года. В ее оргкомитет вошли доктор исторических наук, профессор А.Б. Николаев (председатель), кандидаты исторических наук, доценты Д.А. Бажанов и А.А. Иванов. В конференции приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Орла и Петрозаводска. В ее программу было включено 19 докладов.

Конференция вызвала интерес у студентов факультета социальных наук, которые участвовали в ней не только в качестве гостей, но и докладчиков. Заметим, что именно в факультетской студенческой газете «Двадцатый корпус» была опубликована единственная (!) статья, посвященная ходу и итогам

¹ См., напр.: Куликов С.В. Мал золотник, да дорог! // Клио. Журнал для ученых. 2012. № 6. С. 138 – 140.

конференции, которая по мнению ее авторов оживила «всех политических “мертвецов” <...> какие только силы не воскресли <...> И упавшие духом после подавления первой русской революции анархисты, и большевики, <...> и либералы, и правые деятели». Приведем и заключительный абзац статьи, весьма, надо сказать, оптимистичный: «Как-то незадолго до конференции, стоя около объявления, случайно услышала брошенную фразу: “Какие новые взгляды и подходы? Там же все уже изучено!”. Но, глядя на широкий тематический спектр докладов, связанных с 1917 г., хочется заметить в ответ: новые подходы и взгляды существуют! И будут существовать до тех пор, пока есть люди, которые находят новые факты и сохраняют память об этих днях русской истории!»¹.

И хотя в сборнике представлены не все доклады, прозвучавшие на конференции, но широту ее тематики он отражает. Три статьи, публикуемые в сборнике «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», посвящены правым: А.А. Иванов (1-й), анализируя публицистические заметки видного правого деятеля П.Ф. Булацеля, приходит к выводу о том, что его суждения оказались пророческими и среди них это – «Мятеж против законной власти приводит неизбежно к тирании, а вовсе не к разумной свободе». Д.И. Стогов пишет о так называемом «монархическом контрреволюционном заговоре» июля 1917 года. Автор утверждает, что «донос прапорщика Н. Стембо в адрес Н.Н. Жеденова, П.А. Бадмаева и других монархистов, имевший место как раз в период максимально развернувшейся антибольшевистской кампании (июль 1917 года), был использован политическими конкурентами большевиков – эсерами и меньшевиками – для дискредитации своих политических оппонентов путем создания мифа о некоем, на самом деле, не существующем “черносотенно-большевистском заговоре”». А.В. Репников в своей интересной статье, изучая мировоззрение Г.В. Шварца-Бостунича, доказывает, во-первых, что он не был монархистом, и, во-вторых, не «мог считаться примером типичной эволюции русских правых в сторону фашизма и национал-социализма».

В трех статьях содержится интересный материал и ценные выводы о событиях на местах. И.Е. Алексеев пишет о реакции «верхов» на революционные события в Казани в феврале-марте 1917 года. Он приходит к выводу о том, что «старая власть» в Казани «устранилась» сама, открыв широкую дорогу для «нового строя». Е.Ю. Дубровская рассматривает в своей работе армейскую и флотскую повседневность российских военнослужащих в Финляндии в период революции 1917 года. Д.А. Бажанов изучая памятные революционные даты в Гельсингфорсе, справедливо указывает, что «революционные праздники марта – июня 1917 г. демонстрировали тенденцию к постепенному усилению партийной направленности».

¹ Дворкина А., Чикова В. 1917: Ожившие «мертвецы» // Двадцатый корпус. 2011. № 75. декабрь. С. 4.

Две статьи сборника посвящены деятельности судебных органов в 1917 году. А.В. Никитин сообщает о деле протоиерея Владимира Гуляева, которое рассмотрела Петроградская духовная консистория. А.Б. Николаев, продолжая изучение деятельности в марте – июле 1917 года Петроградского временного суда, в этот раз обращает свое внимание на судебное преследование наркоторговцев. Он приходит к выводу о том, что Временный суд выносил приговоры «отравителям» «по совести, не опираясь на де-юре существующие правовые нормы дореволюционной России, т.е. показывал свою несвязанность старым материальным законом».

В двух работах характеризуются отношение англичан к революции 1917 года в России. Е.С. Гавроева сообщает о том, какие вопросы обсуждались в ходе парламентских дебатов в связи с событиями Февральской революции, а А.А. Иванов (2-й) приводит взгляд английских разведчиков на события февраля 1917 – марта 1918 гг. в России.

Можно утверждать, что определенный научный интерес представляют также статьи П.Н. Гордеева, П.Ю. Мажара, К.С. Романова, А.В. Соколова и Т.Г. Фруменковой, публикуемые на страницах данного сборника.

А.Б. Николаев
17 сентября 2012 г.

Иванов (1-й) А.А.
«Все, что теперь совершается в России, сеет семена
близкой бури»: предреволюционные «пророчества»
П.Ф. Булацеля

О том, что накануне Февральской революции 1917 г. русские правые гораздо лучше представляли себе последствия для страны «штурма власти», предпринятого либералами, нежели его творцы, писалось уже не раз¹. Чего стоит хотя бы хорошо известная историкам «пророческая» «Записка» лидера правой группы Государственного совета П.Н. Дурново², в которой он еще в 1914 г. с большой точностью предсказал не только последствия военного столкновения России и Германии, но и судьбу российской революции, начинщиками которой станут либералы, обреченные затем передать власть левым радикалам. В конце концов, даже один из лидеров российской либераль-

¹ См., напр.: *Иванов А.А.* «В своих предсказаниях правые оказались пророками». Русские монархисты о войне с Германией, перспективах либерализма и революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2009. № 2. С. 13 – 20.

² *Дурново П.Н.* Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павлович // Красная новь. 1922. № 6 (10).

ной оппозиции правый кадет В.А. Маклаков в эмиграции вынужден был признать, что «в своих предсказаниях правые оказались пророками»¹.

В этой связи большой интерес представляют публицистические заметки видного правого деятеля Павла Федоровича Булацеля, публиковавшиеся на страницах издаваемого им «Российского гражданина» в самом конце 1915 и на протяжении всего 1916 года в форме дневниковых записей, внимания исследователей на которые, на наш взгляд, обращено явно недостаточно. С одной стороны, нельзя сказать, что публицистическое наследие П.Ф. Булацеля пребывает сегодня в полном забвении – в последнее время историки обращаются к нему все чаще и чаще, но, как правило, основное свое внимание как при публикации трудов правого политика, так и при цитировании его работ в своих исследованиях, современные исследователи обращают либо на публицистику 1905 – 1907 гг.², либо на громкий скандал, спровоцированный в 1916 г. публикацией в «Российском гражданине» заметки его издателя в защиту кайзера Вильгельма II от намерения англичан учинить над ним после победы показательный суд³. Однако не менее интересными представляются сюжеты из «Дневника» П.Ф. Булацеля, посвященные размышлениям публициста о надвигавшейся на Россию революции.

Первым, кто обратил внимание на высокую точность аналитического прогноза П.Ф. Булацеля, был бывший председатель Главного совета Союза русского народа Н.Е. Марков, неоднократно ссылавшийся на страницы из «Дневника» публициста в своей эмигрантской работе «Войны темных сил»⁴. «При условиях тогдашней военной цензуры в печати нельзя было более ясно и резко определить истинное положение вещей, чем это сделал достойный

¹ Цит. по: Двуглавый орел. (Париж). 1929. № 34. 30 ноября (13 декабря). С. 27.

² См., напр.: *Булацель П.Ф. Борьба за правду* / Сост., предсл., комментарии Д.И. Стогов. М., 2010.

³ В № 29 «Российского гражданина» за 1916 г. П.Ф. Булацель выражал негодование требованием лидера английских либералов лорда Г. Асквита привлечь к ответственности за военные преступления германцев лично императора Вильгельма. Категорически выступив против создания международного трибунала, Булацель указывал, что российские газеты, смакующие заявление Асквита, руководствуются желанием «через голову “кайзера” приучать в России народные толпы к мысли о возможности вообще какого-то “верховного суда” над верховной властью» (*Булацель П.Ф.* 1) Дневник // Российский гражданин. 1916. № 29. С. 14; 2) *Борьба за правду* / Сост., предисл., коммент. Д.И. Стогов. М., 2010. С. 562 – 563). В ответ на Булацеля, а заодно и на других правых со страниц либеральной прессы посыпались обвинения в защите кайзера, германофильстве и измене. Сам Булацель был вынужден объясняться с английским послом Дж. Бьюкененом, а его журнал был взят под контроль предварительной военной цензуры. См., напр.: Дневники издателя П.Ф. Булацеля // *Булацель П.Ф. Борьба за правду*. С. 560 – 566; *Иванов А.А.* «Германофильство» русских правых накануне и во время Первой мировой войны: мифы и факты // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. №1 (3). С. 202 – 212; *Лукьянов М.Н.* Враг как друг или друг как враг: российские правые, Германия и Великобритания в 1914 – 1917 гг. // Вопросы культурологии. 2010. № 9. С. 48 – 50.

⁴ *Марков Н.Е.* Думские речи. Войны темных сил / Сост. и коммент. Д.И. Стогов. М., 2011. С. 355, 356, 359, 360, 368.

патриот П.Ф. Булацель», – отмечал Марков¹. Ссылаясь на сочинение Н.Е. Маркова, одну из самых ярких цитат-«пророчеств» Булацеля привел в 1990-е гг. в своей работе ««Черносотенцы» и Революция» известный российский литературовед и публицист В.В. Кожин². Однако в дальнейшем, страницам «Дневника» Булацеля, посвященным его размышлениям об угрожавшей Российской империи революции, специального внимания историки не уделяли. Между тем, публикация именно этого сюжета из публицистического наследия правого деятеля представляется весьма важной и интересной.

В связи с тем, что на сегодняшний день, благодаря целому ряду работ российских историков специальной нужды останавливаться на биографии Булацеля нет³, в рамках данной статьи отметим лишь то, что Павел Федорович по роду своих занятий был присяжным поверенным, занимался публицистикой, а в политику включился лишь с началом революции 1905 г., став одним из организаторов Союза русского народа (затем – членом его Главного совета), сотрудником ведущей черносотенной газетой «Русское знамя» (в 1906 – 1907 гг. исполнял обязанности редактора), членом Русского собрания и Русского народного союза имени Михаила Архангела. Имея репутацию одного из лидеров русского монархического движения, П.Ф. Булацель в конце 1915 г. предпринял издание журнала «Российский гражданин», на страницах которого делился с читателем своими мыслями на различные темы, представленными в виде поденных дневниковых записей.

Уже в первом номере «Российского гражданина», увидевшем свет в декабре 1915 г., П.Ф. Булацель писал о том, что пока представители российской либеральной оппозиции «в своем близоруким ослеплении заливаются канареечными трелями», «со всех сторон на русском небосклоне накаплиются свинцовые тучи», угрожающие самому существованию страны⁴. В последующих же номерах своего журнала Павел Федорович упорно проводил мысль о том, что явления, происходящие в политической жизни России 1916 года мало чем отличаются от французских событий кануна революции, а значит и финал их может стать не менее трагичным, чем он был во Франции конца XVIII в.

Прозрачно намекая на министров-либералов, П.Ф. Булацель 17 января 1916 г. писал: «Никто так не способствовал ускорению хода революции во

¹ Там же. С. 356.

² Кожин В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). Изд. 2-е, доп., М., 1998. С. 114.

³ См.: Кирьянов Ю.И. Булацель П. Ф. // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 90 – 91; Степанов А.Д. 1) Всероссийский часовой самодержавия. Павел Федорович Булацель (1867 – 1919) // Воинство святого Георгия. Жизнеописание русских монархистов начала XX века / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб., 2006; 2) Булацель П.Ф. // Черная сотня. Историческая энциклопедия. Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов, М., 2008. С. 73 – 76; Репников А.В. Булацель П.Ф. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 74 – 76; Стогов Д.И. Предисловие // Булацель П.Ф. Борьба за правду. С. 5 – 29.

⁴ Булацель П.Ф. Дневники // Российский гражданин. 1915. № 1. С. 11.

Франции, как “умеренные” <...> Разрушительные силы крепили и росли вследствие нерешительности монарха. Умеренные либералы путем уступок думали успокоить бунтов, но заигрыванием с якобинцами они лишь окрыляли наглость черни»¹.

Выражая, как и большинство правых, недовольство слабостью правительственной власти, П.Ф. Булацель поучал ее представителей со страниц своего издания: «Все великие революции ведут свое происхождение от тревожного состояния умов или от шаткости воли правителей. С возрастанием народных бедствий и общей дороговизны революционный дух резко начинает заявлять о себе сперва в мятежных речах и пасквилях, а затем оказывает тем более влияния на легковесные умы, чем больше слабости, нерешительности и снисходительности проявляет правительство в отношении врагов существующего строя»². «Все эти неоспоримые истины, – делал экскурс в историю консервативный публицист, – уже доказаны историей французской революции; все это уже однажды было; все это повторяется с точностью фотографического снимка, но, увы, “дух оппозиции” проникает даже в те круги, “те сферы”, которые должны были бы поддерживать строй великой Российской Империи»³. «Не противодействие, а именно отсутствие действий окрыляло и усиливало французских революционеров», – продолжал П.Ф. Булацель, считавший, что в «политической борьбе партий внутри государства в конце концов держит победу та партия, которая пользуется наибольшей безнаказанностью» (здесь и далее разрядка и курсив П.Ф. Булацеля)⁴. «Если правительство будет продолжать идти по следам французских жирондистов, унижаясь и заискивая перед Думским блоком, – отмечал он в ноябре 1916 г. – то мы доживем и до того, что “блокистов” сметут более искренние и более смелые Керенские, Чхеидзе, Сухановы и К°... Напрасно думают министры, что покорно глотая заявления Вл. А. Бобринского “о холопском правительстве”⁵, они упрочат спокойствие в стране и приобретут “доверие” думских демагогов. Нет, этими уступками и самоуничижением правительство лишь облегчает наступление катастрофы...»⁶. Все больше и больше убеждаясь в том, что политические события ведут к трагической развязке, и повторение французских революционных событий становится для России неизбежностью, П.Ф. Булацель в декабре 1916 г., замечал: «А русская власть молчит, глотает обиды и покорно ждет, пока кавказские дикари⁷ в союзе с наворовавшими казенные деньги общест-

¹ Там же. 1916. № 4. С. 12.

² Там же. 1916. № 7. С. 16.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ 19 ноября 1916 г. прогрессивный националист граф В.А. Бобринский с думской кафедры назвал правительство «холопским», за что был лишь мягко остановлен председательствующим. Со стороны правительства реакции на этот выпад не последовало.

⁶ Булацель П.Ф. Дневники // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 16.

⁷ Имеются в виду депутаты социал-демократы Н.С. Чхеидзе и А.И. Чхенкели, выступившие в 1916 г. в Государственной думе с резкими речами.

венными городскими и земскими “либералами” настолько обнаглеют и окрепнут, что перейдут от слов к делу и потащат на виселицы тех либеральных сановников, которые не решаются проявить свою законную силу, пока эта сила еще существует»¹.

При этом П.Ф. Булацель позволял себе и вполне прозрачные намеки в отношении верховной власти. «Английский король Карл Стюарт, – писал он, – погиб вследствие собственной нерешительности. <...> Он не умел властно и с достоинством управлять государством, “но зато он сумел с достоинством умереть” и в этом, по выражению одного историка, “его единственная заслуга перед потомством. <...> Король Людовик XVI, заискивающий у революции и в угоду ей порицавший наиболее стойких своих приверженцев, погиб на плахе»².

Откликаясь на развязанную оппозиционной печатью травлю власти, прикрываемую патриотическими лозунгами борьбы с «немецкой партией», П.Ф. Булацель замечал: «В низших слоях есть очень много честных тружеников, любящих свою родину и готовых отдать последний кусок хлеба для спасения родины. Но эти люди не знают, кто из сановников их друг, и кто враг, и вот появляется целая литература всяких газет, листков, сплетен, инсинуаций, окончательно сбивающих народ с толку. При этом народу обещают заманчивое освобождение от иноземщины и всяких стеснений! А когда страсти народные разошлись, их натравливают постепенно уже против не только иноземцев, но и против той власти, которую желают уничтожить... <...> Теперь в России вступили на этот гибельный путь! <...> Пройдет, быть может, еще год-два и умы привыкнут к таким кошмарным событиям, от которых теперь народные массы отшатнулись бы еще в ужасе. Медлить нельзя. Ибо под видом обновления и на почве общего недовольства опять подняли голову все отрицательные силы, частью бессознательно стремящиеся к всеуничтожению и к всеобщему беспорядку»³.

В отношении же своих политических единомышленников-консерваторов, которых оппозиционные силы обвиняли в реакционности и противодействии прогрессу, П.Ф. Булацель замечал: «Люди сильные умом и волею, тем и отличаются от “прогрессивных эпилептиков”, что первые с годами постепенно становятся уравновешеннее и рассудительнее, тогда как слабые неврастеники, мечтающие о “бурных” рукоплесканиях толпы и о похвалах в лондонских газетах, меняя свой образ мыслей так круто, что уже не соблюдают никакой соразмерности в своих поступках, и вместо того, чтобы идти, они уже только скачут прогрессивным галопом все вперед и вперед, хотя впереди их ожидает не свет, не общее благо, не бессмертная истина, а зияющая пропасть... Большой еще вопрос, что полезнее для человечества:

¹ Булацель П.Ф. Дневники // Российский гражданин. 1916. № 46. С. 13.

² Там же. 1916. № 7. С. 16.

³ Там же. № 4. С. 12 – 13.

стоять некоторое время в раздумье на месте или во имя прогресса безудержно смело стремиться в бездну!»¹.

При этом, обращал внимание сторонников прогресса, «мечтающих о бурных рукоплесканиях» Булацель, опять-таки проводя аналогию с историей Франции, что «толпа, неистово рукоплескавшая Робеспьеру² <...>, также точно неистово рукоплескала, когда самого Робеспьера осудили на казнь»³. «Французская революция дала великий урок трагической участи всех тех, кто являлся ее виновником и соучастником, – напоминал П. Ф. Булацель. – Все ее вожди и пособники погибли в той самой яме, которую они вырыли для других. Каимиль Демулен⁴, бросивший в массу первые призывные мятежные клики, погиб сам на эшафоте. Роллан⁵ покончил жизнь самоубийством, а его обворожительная жена⁶, создавшая один из первых великосветских салонов, с отчаянием убедилась, что нож гильотины также хорошо отточен для ее легкомысленной красивой головки, увлекшейся идеями революции, как и для голов роялистов, казни которых она рукоплескала. Робеспьер сам погиб той же смертью, на какую осудил тысячи невинных благородных защитников королевской власти... <...> Жирондисты в тюрьмах и на эшафоте рассеяли свои последние иллюзии о прелестях прогресса, подобно адскому колесу, раздавливающему в бешеном круговороте событий виновных вслед за невинными»⁷. «Увы, – резюмировал Булацель, возвращаясь к российским реалиям, – наши кадэки и левые октябристы не считают уроками истории и не хотят понять, что сбитый с толку левыми ораторами, озлобленный все возрастающе дороговизною и увлеченный страстями простой народ не будет считать себя угнетенным лишь при том условии, когда сам сделается безжалостным угнетателем»⁸.

¹ Там же. № 7. С. 15.

² Робеспьер Максимилиан (1758 – 1794), один из руководителей якобинцев, фактически глава революционного правительства (1783), организатор массового террора. Казнен термидорианцами.

³ Булацель П. Ф. Дневники // Российский гражданин. 1916. № 7. С. 15.

⁴ Люси Семплис Камилл Бенуа Демулен (1760 – 1794), адвокат и журналист, деятель Великой французской революции. Накануне восстания 14 июля 1789 призывал народ к вооруженной борьбе против монархии. Редактировал ряд демократических газет, примыкал к правому крылу якобинцев (сторонникам Ж. Дантона). За критику политики М. Робеспьера был арестован и по решению революционного трибунала гильотинирован.

⁵ Ролан де Ла Платьер, Жан Мари (1734 – 1793), французский ученый и политический деятель. Министр внутренних дел в период Великой французской революции в жирондистских правительствах. Затем бежал и скрывался от угрозы передачи революционному суду, в конце концов, покончив жизнь самоубийством.

⁶ Ролан, Манон Жанна (1754 – 1793), активная участница Французской революции. Одна из лидеров жирондистов. Искренне веря, что революция обновит мир, сделала свой салон ее очагом. После начала репрессий в отношении жирондистов, в 1793 г. Ролан предстала перед революционным трибуналом и вскоре была казнена.

⁷ Булацель П. Ф. Дневники // Российский гражданин. 1916. № 7. С. 16.

⁸ Там же.

Видя приближение революционной грозы, монархист Булацель вместе с тем хоть и слабо, но все же верил, что при грамотных правительственных действиях государственного переворота еще можно избежать. «Всякую надвигающуюся политическую грозу, – писал он, – даже если она представляется неизбежной, можно на некоторое время отдалить, если только у кормила власти стоят сильные люди, объединенные не взаимной ненавистью, а общим желанием блага родины. Иногда же выиграть время равносильно выигрышу сражения»¹. «Отвратить террор необузданной толпы еще пока вполне возможно, но надо торопиться, иначе будет поздно...» – отмечал он в ноябре 1916 года².

Сразу же после нашумевшей думской речи П.Н. Милюкова «Глупость или измена?», 2 ноября 1916 г. Булацель писал: «Если правительство не примет *немедленно решительных мер*, то Павел Николаевич Милюков сыграет в истории России такую же роль, какую сыграл г. Барнав³, лидер “друзей конституции” в истории Французской революции...»⁴ Напоминая, что издаваемые французским либералом А. Барнавом и его единомышленниками памфлеты и журналы, которые распространяли в обществе «злобную клевету про правительство Франции, обвиняя его в том, что оно будто бы сносится с иноземными врагами Франции и продает Родину», Булацель напоминал, что в своем желании «свергнуть ненавистное королевское правительство Людовика XVI» французские оппозиционеры «не останавливались ни перед какими инсинуациями, но они не рассчитали, что поощряемые ими руководители клубов “якобинцев” и “кордильеров” привлекут на свою сторону весь простой народ и, покончив с правительством короля, не задумаются казнить всех французских “кадэтов” и “земских октябристов”, то есть “друзей конституции” и друзей умеренной политической свободы...»⁵.

«Если бы Людовик XVI после первых же обвинений и гнусных клевет, которые в народном собрании позволил себе высказать Барнав, немедленно отдал бы под суд Барнава и его “товарищей”, то, может быть, вся революция остановилась бы надолго, – явно обращаясь к российской власти писал Булацель. – Но король вечно колебался, и как только во французской государственной думе раздавались нападки на кого-нибудь из его друзей или защитников, он сейчас же отрекался от того, что подписал и одобрил накануне. В результате “общественное мнение”, подогреваемое газетами и наглыми речами в клубах и в национальном собрании, давало электрический ток к общему

¹ Там же. 1916. № 8. С. 10.

² Там же. 1916. № 39. С. 15.

³ Барнав Антуан (1761 – 1793, Париж), адвокат, был известен как активный сторонник реформирования политической системы Франции и противник абсолютизма. Являясь депутатом Генеральных Штатов, принимал активное участие в борьбе представителей третьего сословия с депутатами от дворянства и духовенства и королем. Принял активное участие в Великой французской революции. Был казнен в период якобинской диктатуры.

⁴ Булацель П.Ф. Дневники // Российский гражданин. 1916. № 39. С. 15.

⁵ Там же.

недовольству всей страны. Одна и та же искра сразу воспламеняла страсти у миллионов людей. Небольшая “нелегализованная” кучка людей, стремившихся к перевороту, обвила своими сетями *правительство закона*, давала толчок в центре, а отражение этого толчка при помощи газет чувствовалось уже через несколько дней во всех концах государства». «Законная власть была *нема и невидима*; она не решалась проявить свою силу, а “незаконное правительство партий” было дерзко и красноречиво, как П.Н. Миллюков! Дерзновение и ненависть прививались народу речами Барнава и Сиеса, а вне государственного национального собрания и в клубах кордильеров уже нарождались новые еще не признанные вожди – Дантон, Марат и Робеспьер, которые порождали своими необузданными речами *дикий фанатизм*, являющийся предвестником *кровавого террора*», – писал консервативный публицист, указывая на последствия антимонархической пропаганды французских предшественников российских кадетов¹.

В связи с этим, Булацель напоминал правительственной власти, что в истории Французской революции известны и другие примеры: «Наполеон I без особых затруднений сумел разогнать 18 брюмера *поддонки* “трех сословий”, угнетавшие в течение четырех лет несчастную Францию»². Отсылая к требованиям думской оппозиции «министерства общественного доверия», без которого, якобы, Россия не могла бы надеяться на победу над Германией, автор «Дневников», обращаясь к опыту Наполеона, замечал: «Для победителя под Арколем и Монтмиралем не могло быть никаких сомнений в том, что *государственная оборона* может быть улучшена не столько обличительными речами депутатов, заседающих в “пятисотенном совете”, сколько талантливыми генералами, которых умел находить, выдвигать и награждать по заслугам этот великий полководец»³. Призывая власть не смущаться теми нападениями, которые обрушиваются на нее думской оппозицией, Булацель писал: «Наполеона освистали в народном собрании, но эти свистки не испугали его. 18 брюмера он разогнал совет старейшин и “совет пятисот”, а через несколько недель вся Франция не только преклонилась перед силою духа Наполеона, но и с восторгом приветствовала этого бесстрашного диктатора, водворившего спокойствие, безопасность и порядок во всех областях государственного управления...»⁴

Когда же в обществе стало широко обсуждаться письмо А.И. Гучкова генералу М.В. Алексееву⁵, в котором лидер октябристов обрисовывал на-

¹ Там же.

² Там же. № 40. С. 13.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Как отмечал историк Н.Н. Яковлев, в конце лета 1916 года по всем доступным А.И. Гучкову каналам «разнеслось его громовое письмо Алексееву от 28 августа», в котором оппозиционный политик «обрабатывал» генерала, такими словами: «...В тылу идет полный развал, ведь власть гибнет на корню. Ведь, как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт и Вашу талантливую стратегию, да и всю страну в то невылазное болото, из которого мы

чальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего все ужасы внутреннего положения страны, намекая на неизбежный крах всех планов командования, если страной и дальше продолжит руководить царское правительство, П.Ф. Булацель усмотрел и в этой ситуации сходство с французскими событиями XVIII в. «Как же не найти сходства между тем, что теперь творится в тылу нашей доблестной армии с тем, что проделали в 1790 году французские жирондисты? Разве пресловутые, ходящие теперь в Петрограде по рукам, копии письма А.И. Гучкова к генералу Алексею чем-нибудь отличаются от тех “пророческих” памфлетов, которые в 1782 году были расклеены в Париже в день рождения дофина?¹ <...> Людям, не посвященным во все тайны сложной интриги борющихся за власть партий очень трудно разобрать, где начинается клевета и где кончается правда... Теперь однако научно доказано на основании неоспоримых исторических данных, что в политических памфлетах времен французской революции было гораздо больше лжи, чем правды. Но памфлеты все-таки достигали своей цели и сбивали с толку самых уравновешенных и спокойных людей...»².

Не верил П.Ф. Булацель и в то, что в случае свершения в России революции, страна получит равенство и свободу, о которой так много говорилось в речах противников самодержавия. По его словам, Французская революция прекрасно показала, что «главари революции только до тех пор проповедует равенство, пока сами не доберутся до власти». «Призрак равенства у нас, как и во Франции, выдвигается только для того, чтобы возбудить страсти против верховной власти... Если же у народа являлось желание напомнить французским якобинцам о применении на деле идеи равенства, то республиканские *демагоги* казнили за это без всякого колебания», – напоминал Булацель, считавший, что и российские апологеты свободы, в случае своей победы

когда-то выкарабкались со смертельной опасностью... А, если Вы подумаете, что вся власть возглавляется г. Штюмером, у которого (и в армии, и в народе) прочная репутация если не готового предателя, то готового предать, – что в руках этого человека ход дипломатических отношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем, – а, следовательно, и вся наша будущность – то Вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей Родины охватила и общественную мысль, и народные настроения. Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом. <...> Я уже не говорю, что нас ждет после войны – надвигается потоп, – и жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм мерами, которыми ограждают себя от проливного дождя: надевают галоши и открывают зонтик. Можете ли Вы что-либо сделать? Не знаю. Но будьте уверены, что наша отвратительная политика (включая и нашу отвратительную дипломатию) грозит пересечь линии Вашей хорошей стратегии в настоящем и окончательно исказить ее плоды в будущем. История, и в частности наша отечественная, знает тому немало грозных примеров» (Цит. по: *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 2003. С. 262 – 263).

¹ Речь идет о многочисленных клеветнических памфлетах и виршах распространявшихся во Франции после рождения наследника престола, в которых дофин объявлялся бастардом, а королева Мария-Антуанетта – развращенной женщиной, якобы изменяющей своему легковверному супругу.

² *Булацель П.Ф.* Дневники // Российский гражданин. 1916. № 40. С. 14.

могут оказаться властителями, не признающими ничьей правды, кроме своей¹.

Схожесть предреволюционных событий во Франции и России, пугала консервативного публициста, который настойчиво продолжал вновь и вновь возвращаться к этой теме. «Пусть другие говорят и думают что угодно, но я не перестану находить в событиях современной европейской жизни поразительное сходство с тем, что переживала Европа сто двадцать шесть лет тому назад», – писал он на страницах «Российского гражданина»².

Единственное, в чем он, пожалуй, видел принципиальное отличие, так это в масштабах французской революции и той, которая стояла на пороге России. «Если все эти ужасы могли иметь место в богатой, просвещенной Франции, где сама природа, тучная почва и мягкий климат располагают к добродушию и веселости, то какие чудовищные формы анархии могу принять политические потрясения в стране снегов, бездорожья, голодовок и “ханжи”...» – задавался вопросом П.Ф. Булацель³. При этом, пессимистично констатировал правый публицист, «все, что теперь совершается в России, сеет семена близкой бури»⁴. Обращаясь к разжигателям революционного пожара, Булацель восклицал: «Вы с думской кафедры призываете безнаказанно к революции, но вы не предвидите, что ужасы французской революции побледнеют перед ужасами той революции, которую вы хотите создать в России, пользуясь нерешительностью теперешнего правительства. Вы готовите могилу не только “старому режиму”, но бессознательно вы готовите могилы себе и миллионам ни в чем неповинным гражданам. Вы создадите такие погромы, такие варфоломеевские ночи, от которых содрогнутся даже “одержимые революционной маниею” демагоги бунта социал-демократии и трудящихся!»⁵. Если революция в России произойдет, писал публицист 20 декабря 1916 г., то «она явится не благодеянием для культуры и прогресса, а карою для всех, не только высших, но и средних классов». Обращаясь к состоятельному российскому еврейству, которое П.Ф. Булацель призывал отказаться от финансовой поддержки врагов царского самодержавия, публицист заявлял: «Помяните мое предсказание: не будьте серого зверя, он будет страшен в своем сером гневе! <...> Будет массовое дикое помешательство, которое, как лавина, обрушится на богатые классы вообще, а на евреев в особенности. Вот почему русская революция, в отличие от французской, будет могилою для богатого еврейства»⁶.

Во многом верным оказался и прогноз П.Ф. Булацеля о том, что российские «свободолюбцы» по логике исторического развития будут вынуждены, в конце концов, повторить судьбу своих французских предшественников,

¹ Там же. № 42. С. 16.

² Там же. № 39. С. 15.

³ Там же. № 8. С. 15.

⁴ Там же. № 7. С. 16.

⁵ Там же. № 46. С. 14.

⁶ Там же. С. 16.

которые из «ярких обличителей “царской тирании” Людовика XVI» вскоре были вынуждены превратиться в «усердных слуг деспота Наполеона I, ставившего *свою могучую волю* выше всего на свете». «Мятеж против законной власти приводит неизбежно к тирании, а вовсе не к разумной свободе», – пророчески заключал П.Ф. Булацель¹.

Многие из «пророчеств» правого политика и публициста стали сбываться уже в самом скором времени. Сам же Павел Федорович, узревший своими глазами ту революцию, о которой он с такой настойчивостью предупреждал общество, практически сразу же отошел от какой-либо общественной деятельности и, не приняв новой власти, удалился в свое имение. Оставшись в России после Октябрьской революции, Булацель был арестован чекистами 29 сентября 1918 г. в качестве заложника и после нескольких месяцев заключения был расстрелян в Петрограде 15 февраля 1919 года.

Алексеев И.Е.
Революционные события февраля – марта 1917 г.
в Казани: реакция «верхов»

В начале 1917 г. Казань, в связи с обстоятельствами военного времени, являлась административным центром сразу двух губерний: собственно Казанской и оккупированной Холмской (так как именно сюда были эвакуированы ее губернские и уездные учреждения и здесь, до своего официального «отрешения», находился последний Холмский губернатор – камергер Высочайшего двора Л.М. Савелов). Одновременно она была центром одного из крупнейших в стране военных округов – Казанского, а также служила «пунктом водворения» перебрасывавшихся в тыл неиссякаемым потоком военнопленных и беженцев.

Вкупе со сложной национальной и религиозной спецификой Казани и одноименной губернии, последнее обстоятельство способствовало усугублению экономических проблем и усилению социальной напряженности в местном масштабе. Однако, с другой стороны, полувоенное положение и предпринимавшиеся на протяжении предшествовавшего десятилетия жесткие меры по нейтрализации революционных сил заметно «дисциплинировали» местную политическую жизнь. Вывести ее из состояния равновесия, несмотря на наличие стандартного набора «революционных предпосылок», можно было только с помощью сильного внешнего фактора, каковой губернской администрацией в расчет долгое время всерьез не принимался. В результате, петроградские революционные события грянули в Казани как гром с чужого по-

¹ Там же. № 40. С. 15.

литического «неба», приведя губернские «верхи» в состояние замешательства¹.

В связи с этим весьма показательными являются результаты проведенного в конце 1916 г. – начале 1917 г. изучения местными властями общественного мнения и социально-политической ситуации в Казанской губернии.

Так, в подготовленном 15 октября 1916 г. Казанским губернским жандармским управлением (КГЖУ) и представленном 20 октября в четыре инстанции² за подписью и.д. начальника последнего подполковника М.В. Прогнаевского «Обзоре настроения населения Казанской губернии» отмечалось, в частности, что: «Создавшаяся тяжелая обстановка жизни тыла возбуждает в обществе сильное желание избавиться от нее, и оно пока готово верить правительству и полагаться на него. Годы войны приучили общество чувствовать близость к правительству, жить по его указаниям и слушаться его. В этом отношении общество едва ли было когда-либо за последнее время более лояльным»³.

Но, одновременно, как отмечалось в «Обзоре», всюду слышались разговоры о том, что «теперь нужна сильная власть», которая бы «твердой рукой руководила страной и вывела ее из создавшегося тупика». «Должно сказать, – подчеркивалось там же, – что Казань и Казанская губерния в смысле публичного проявления дворянством, земством и представителями свободных профессий своих политических взглядов и надежд всегда отличалась скромностью, что принималось некоторыми даже за ее отсталость. Большинство общества надо причислить к умеренным элементам, что определилось, например, при выборах в Государственную думу последнего созыва, когда Казанская губерния послала в нее своих представителей с политической программой не левее октябристской»⁴.

Активность либеральных и социалистических партий в Казани и Казанской губернии с началом Первой мировой войны оказалась почти полностью парализована, что предопределило их дальнейшее запоздалое полити-

¹ Для сравнения следует отметить, что, в отличие от февральско-мартовских событий, предчувствие большевистского мятежа, начавшегося в Казани 24 октября 1917 г., что называется, давно витало в воздухе. Тем не менее, уже «революционные» губернские власти умудрялись практически до последнего момента игнорировать очевидную угрозу. Так, 20 октября 1917 г., Казанский губернский комиссар Временного правительства отписывал управляющему Казанским учебным округом: «В виду полной несостоятельности слухов об имеющих быть в г. Казани беспорядках, прошу Вас немедленно сделать распоряжение о безотлагательном возобновлении учебных занятий в местных учебных заведениях, вверенных Вашему надзору» (См.: НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 25. Л. 331).

² Директору Департамента полиции Министерства внутренних дел (с грифами «Секретно» и «Лично»), в штаб Отдельного корпуса жандармов («Секретно»), главноначальствующему Казанской губернии и командующему войсками Казанского военного округа (См.: НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1108. ЛЛ. 87 – 89 об.).

³ НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 1108. Л. 93.

⁴ Там же.

ческое «воскрешение». «В данное время в Казани революционных организаций не наблюдается», – констатировалось в указанном «Обзоре»¹.

Местные жандармские аналитики, безусловно, не могли не признать и то, что со времени выборов в Государственную думу четвертого созыва «казанское общество сильно полевело и особенно за последние годы», все чаще велись разговоры о необходимости формирования правительства, «пользующегося доверием страны». «Однако озлобления против правительства в массах не замечается, – указывалось в «Обзоре». – К местной губернской администрации отношение спокойное, причем, высшая пользуется полным доверием общества. Низших представителей власти иногда обвиняют в том, что они не проявляют якобы достаточно энергии в борьбе со спекулянтами, но обвинения голословны и не имеют под собой почвы»².

15 октября 1916 г. (в тот же день, когда был подписан жандармский «Обзор») управляющий МВД А.Д. Протопов «совершенно доверительно» обратился, в циркулярном порядке, к казанскому губернатору П.М. Боярскому с просьбой собрать и сообщить ему «в непродолжительном времени» статистические данные о числе избирателей в Государственную думу, «участвовавших в прошлых выборах и ныне по обстоятельствам военного времени лишенных возможности осуществить свои избирательные права, с указанием наиболее видных из них»³. Несмотря на весьма туманное обоснование причины этого⁴, означенное поручение вполне определенно было нацелено на то, чтобы собрать предварительные сведения о предполагаемом количестве и политическом составе участников новой избирательной кампании в Государственную думу пятого созыва, возможность проведения которой – после намечавшегося роспуска четвертого «издания» российского парламента – активно обсуждалась тогда в высших эшелонах государственной власти. Главнoначальствующему губернии понадобилось более четырех месяцев, чтобы в условиях строжайшей секретности (дабы «не возбудить в населении каких-либо подозрений по адресу правит[ельственной] власти») справиться с данным заданием.

При этом, в процессе сбора и обобщения информации, выяснилось, что, хотя мобилизация и заметно «потрепала» ряды «избирателей и выборщиков» (которых «выбыло на военную службу около 1/3 бывшего состава»),

¹ Там же. Л. 94.

² Там же. Л. 93 об.

³ См.: Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6592. Л. 1.

⁴ «Осенью будущего года, – писал, в частности, А.Д. Протопов, – за истечением срока полномочий нынешнего состава Государственной думы предстоят новые выборы, если к назначению их не встретится неожиданных препятствий по обстоятельствам военного времени. Имея вместе с тем в виду существующее в некоторых общественных кругах опасение, что производство выборов в то время, когда армия будет находиться еще в мобилизационном состоянии, может помешать значительной части населения принять участие в выборах, имею честь просить Ваше Превосходительство незамедлительно озаботиться выявлением, насколько это опасение может иметь значение в отношении управляемой Вами губернии» (НА РГ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6592. Л. 1)

решающие исход голосования курии (в том числе, духовенство, крупные и мелкие землевладельцы) от этого особенно не пострадали¹.

24 февраля 1917 г., то есть на второй день после того, как в столице уже началась революция, П.М. Боярский, наконец, направил на имя министра внутренних дел А.Д. Протопова доклад с грифом «Совершенно секретно». В нем он, в частности, подтверждал сделанный ранее вывод «о необходимости производства выборов именно до окончания войны», а также советовал предпринять перед этим «некоторые шаги в смысле подготовительной стадии».

П.М. Боярский предлагал «краткий перечень» из пяти мер, осуществление которых, по его мнению, «привело бы население, по крайней мере Каз[анской] губ[ернии], всецело на сторону правительства», а именно: «оказать открытое доверие лучшим общественным силам, поскольку это вызывается потребностями не только государственной обороны, но и помощи правительству», «радикально решить вопрос о дороговизне и, главным образом, об отсутствии продуктов потребления», проявлять повышенную заботу об армии, «установить твердые взгляды в нашей внутренней политике на иностранцев» на началах «уважения к национальности, государственного единства и развития народных творческих начал», а также – «заблаговременно заявить о предстоящих выборах, чтобы правит[ельственная] власть могла предвидеть будущий контингент выборщиков и, если обнаружатся угрожающие в этом отношении симптомы, то продлить полномочия последней Госуд[арственной] думы не будет поздно»². Однако казанский губернатор явно опоздал со своими советами, к которым в Петрограде уже некому было прислушиваться, да и сам П.М. Боярский через несколько дней радикально изменил свое отношение к действующей Государственной думе, назвав ее «спасительницей России».

Когда до казанского губернатора дошла первая информация о начавшихся в Петрограде беспорядках, доподлинно неизвестно. По каким-то причинам (предположительно, связанным именно с поступавшими П.М. Боярскому тревожными известиями), он срочно выехал в Петроград, но добрался только до Москвы. Дальнейшее поведение камергера Двора его величества выглядело весьма неоднозначным, о чем затем в своих воспоминаниях писал наблюдавший развитие ситуации «изнутри» другой камергер и губернатор – Л.М. Савелов.

27 февраля 1917 г., когда в столице произошел вооруженный мятеж, Казань по-прежнему жила своими повседневными заботами. Весьма точной фразой обстановку в городе охарактеризовал через девяносто лет один из казанских журналистов, проанализировавший по местным газетам наиболее

¹ См.: НА РГ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6592. ЛЛ. 7 и об.

² См.: Там же. ЛЛ. 7 – 9 об.

серьезные из случившихся тогда происшествий: «В городе в этот день, – констатировал он, – лишь взбесилась собака»¹.

Казанские повременные издания (среди которых «первую скрипку» играли правая газета «Казанский телеграф» и либеральная «Камско-Волжская речь») сообщили о произошедшем перевороте лишь 2 марта, хотя телеграфные сообщения о нем пришли еще днем раньше, после чего здесь, собственно говоря, и начала открыто проявляться «революционная активность».

С 1 марта 1917 г. в стенах Императорского Казанского университета (переставшего в те дни быть императорским) начали происходить ежедневные сходки, в которых, помимо собственно университетских, принимали участие студенты Казанского ветеринарного института, Казанской духовной академии, Казанских высших женских курсов, а также учащиеся средних учебных заведений города.

В этих условиях 2 марта 1917 г. под председательством ректора Г.Ф. Дормидонтова прошло экстренное заседание Совета Казанского университета, участники которого признали власть «Временного исполнительного комитета Государственной думы» и избрали из числа либеральных и «левых» представителей профессорско-преподавательской корпорации вуза «Комитет для постоянных сношений и работы совместно с коалиционным студенческим комитетом в целях возможно широчайшего успокоения студентов, урегулирования и принятия мер к недопущению в Ун[иверсите]т посторонних лиц и вообще к устранению возможных эксцессов»².

Кроме того, в Петроград, на имя министра народного просвещения, за подписью ректора Г.Ф. Дормидонтова была направлена телеграмма следующего содержания: «Совет Казанского университета в переживаемый исторический момент в экстренном заседании своем 2 сего марта единогласно постановил, поддерживая всемерно все начинания образовавшегося Временного исполнительного комитета Государственной думы, направить всю свою энергию на продолжение мирной культурной работы. В то же время Совет обратился к слушателям и слушательницам, чтобы они последовали призыву исполнительного комитета воздерживаться от всяких выступлений и продолжали с неослабной энергией свои научные занятия на пользу всем нам дорогого, обновленного отечества»³.

Практически единственным источником официальной информации в первые дни петроградских событий оказался телеграф, сообщения которого попадали на страницы местных газет. 3 марта 1917 г. об отречении от престола императора Николая II было сообщено во втором «Экстренном выпуске» «Телеграммы газ[еты] «Казанский телеграф» Петроградского телеграфного агентства». 4 марта 1917 г. о нем объявила очнувшаяся после продолжительной политической спячки «Камско-Волжская речь», опубликовавшая 5

¹ Маликов А. Февральская революция в Казани, или «В такой миг можно умереть...» // Вечерняя Казань. 2007. 7 марта.

² См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 13398. Л. 10.

³ Там же. Л. 11.

марта сам «Манифест» и «Условное согласие великого князя Михаила Александровича на принятие престола».

В своих воспоминаниях холмский губернатор Л.М. Савелов так описывал происходившие тогда в Казани события: «Начинались сложные дни конца февраля. В Казани, конечно, первыми начали волноваться студенты, не предполагавшие, что они роют яму и себе, и своей Родине. Получаемые газеты поднимали настроение у господ устроителей счастья России. Последовало отречение государя и образование самочинного Временного правительства и Совета солдатских и рабочих депутатов – все это совершенно уже сбило с толку всех, начались беспорядки в войсковых частях, юнкера арестовали командующего войсками, старика [А.Г.] Сандецкого, которого всячески оскорбляли, били по щекам и т.п., в одной из частей солдаты раздели командира догола и посадили его в сугроб снега и т.п. Сведения доходили до нас только из последних газет, главным образом из «Русского слова», мы, чиновники, волновались, но вели себя прилично. Казанский губернатор П.М. Боярский, уехавший было в Петербург, до него не доехал и возвратился в Казань, потерявши свой багаж, он сейчас же начал перекрашиваться, снял с себя все, что только говорило об его придворном звании, и на основании сообщений «Р[усского] слова» об устранении всей администрации сдал должность председателю губерн[ской] земск[ой] управы [В.В.] Молоствову и незаметно скрылся из Казани»¹.

Сохранившиеся документы и газетные публикации в целом подтверждают савеловскую характеристику поведения П.М. Боярского, хотя даже он вряд ли догадывался, что первым, кто позаботился о предоставлении свободы действий в Казани революционным студентам, был именно казанский губернатор.

Уже 28 февраля 1917 г. в Казани была получена шифрованная телеграмма из Москвы за подписью арестованного через несколько дней Московского градоначальника В.Н. Шебеко, в которой, в частности, сообщалось: «[П.М.] Боярский просит телеграфировать доверительно: [в] Петрограде кровавая революция, учреждения разгромлены, арестанты выпущены, [в] Москве начинается тоже, приеду второго, прошу Вас, [А.Н.] Боратынского позаботиться [о] жене, советую принять меры, студентов освободить, просите Ахматова телеграфировать [на] узловые станции [о] здоровье жены, детей, [в] спокойствии пошлите встретить [в] Зеленом Доле»².

Вслед за этим, 1 марта 1917 г., в Казани была принята еще одна шифрованная («военная») телеграмма, отправленная из Степурино за подписью самого П.М. Боярского: «Избранное правительство вступило, – писал он. – Необходима осторожность действий. Переговорите [с] [А.Г.] Сандецким».³

¹ Цит. по: *Любимов А.* Отголоски из Русского Зарубежья: Леонид Михайлович Савелов // *Русский вестник.* 2003. 18 февраля. № 3 [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.rv.ru/content.php3?id=708>

² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

³ Там же. Л. 3.

Как отмечает историк Р.А. Кашапов, в тот же день казанский вице-губернатор С.С. Дьяченко собрал «представителей властных структур», зачитав им телеграмму о «кровавой революции» и разгроме правительственных учреждений в Петрограде¹.

Среди тех, кто принял участие в этом совещании, был и начальник КГЖУ полковник Г.Л. Терентьев, прибывший в Казань и вступивший в исполнение служебных обязанностей только 23 февраля 1917 г.² При этом, оставаясь верным присяге и служебному долгу, новый руководитель казанских жандармов принял решение об уничтожении секретных документов, с целью недопущения их попадания в руки революционеров и агентов вражеских держав. За это Г.Л. Терентьев и его помощники полковник М.В. Прогнаевский и ротмистр Н.В. Кирсанов были вскоре арестованы новыми властями и переданы в распоряжение Казанского окружного суда для проведения следствия по якобы имевшему место факту сожжения архива КГЖУ.

Тем временем, вернувшийся 2 марта 1917 г. П.М. Боярский сразу же отбил «военную» телеграмму председателю Государственной думы М.В. Родзянко, с направлением копии депутату от Казани И.В. Годневу, вошедшему в сформированный к вечеру того же дня первый состав Временного правительства в качестве государственного контролера. «Сегодня возвратившись из служебной поездки в Казань и ознакомившись с содержанием распоряжения Комитета Государственной думы, – говорилось в ней, – прошу поставить меня в известность, сохраняются ли за мной полномочия, и в таком случае дать мне директивы, а если благоугодно будет Вам предложить мне сложить свои обязанности, то прошу не отказать срочно уведомить меня, кому я должен сдать свою должность, так как в это тяжелое время оставлять губернию без управления невозможно. Независимо от сего, как гражданин, горячо приветствую Государственную думу, решившуюся спасти Родину»³.

Несмотря на заявленную готовность уйти с губернаторского поста, П.М. Боярский еще не терял надежды на сохранение за собой властных полномочий. 3 марта 1917 г. он разослал «военные» телеграммы «Земству» и – копии «Городской управе» и «исправнику», в которых информировал их об отправке телеграммы М.В. Родзянко с признанием власти Комитета Государственной думы и своем вступлении в управление губернией «до особых распоряжений».

«Прошу ради блага Родины, – говорилось там же, – всеми мерами способствовать к полному спокойствию и ненарушению порядка. Отречение ГОСУДАРЯ от престола устраняет последние осложнения, а Государственная дума и сформировавшийся новый кабинет с князем [Г.Е.] Львовым во

¹ Кашапов Р. Казанские жандармы // Время и деньги. 2009. 14 октября.

² См.: Алексеев И.Е. На страже Империи. Выпуск IV: Статьи и документы по истории черносотенства, русского национализма, дворянства, политического сыска и белого движения. Казань, 2011. – С. 211.

³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. ЛЛ. 8 и об.

главе требуют от каждого из нас усиленной работы и исполнения своего долга»¹.

«Гражданский поступок» казанского губернатора 4 марта 1917 г. восторженно прокомментировала устами своего редактора В.К. Самсонова либеральная «Камско-Волжская речь»: «Говоря о спокойствии, – подчеркивалось в ней, – не могу не отдать дани глубочайшего уважения П.М. Боярскому, не из страха, а по долгу гражданина заявившего Комитету Государственной думы о беспрекословном подчинении новой власти. В грозные дни казанцы увидели в лице П.М. Боярского губернатора-гражданина. – «Приветственную Государственную думу – спасительницу России!» Так телеграфировал казанский губернатор председателю Думы»².

В тот же день камергер Двора его величества П.М. Боярский, который, согласно датированному 18 марта 1916 г. отзыву покойного начальника КГЖУ К.И. Калинина (вступившегося тогда за него в связи со слухами о возможной отставке), «твердо вел свое дело и смело держал знамя представителя царской власти», публично выступил с осуждением «свергнутого режима».

Открывая 4 марта 1917 г. чрезвычайное (экстренное) Казанское губернское земское собрание, он обратился к собравшимся с речью, в которой, согласно изложению «Камско-Волжской речи», в частности, говорилось: «Господа гласные, граждане Великой России. Сегодня исторический день, день, когда вы, люди земли, прежде, чем приступить к рассмотрению тех вопросов, которые собрали вас в этом зале, вы скажете свое слово о совершившемся, о том, что вместо кошмара, который создали темные силы и от которого не только все задыхались, но и отечество было в опасности, поднялось солнце ясное, начался тот рассвет, который не только спасет Родину, но и сделает ее более великой, чем она была когда-либо»³.

При этом П.М. Боярский снабдил свое выступление соответствующим лозунгом: «Слава избранникам народа, руками которых совершилось великое дело, слава Государственной Думе!» Речь губернатора была встречена «шумными аплодисментами»⁴.

Революционные «эскапады» начальника губернии, по-видимому, настолько впечатлили предводителя дворянства Казанской губернии С.С. Толстого-Милославского и остальных гласных, что он, отвечая на речь П.М. Боярского, стал «от имени земского собрания» просить последнего «оставаться на посту губернатора» ради охраны спокойствия и порядка. В результате, Казанское губернское земское собрание и Казанская городская дума единогласно приняли соответствующие постановления, о чем и телеграфировали М.В. Родзянко и князю Г.Е. Львову⁵.

¹ Там же. Л. 24.

² Самсонов В. Свободный гражданин // Камско-Волжская речь. 1917. 4 марта.

³ Камско-Волжская речь. 1917. 5 марта.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: НА РГ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 35.

Подтверждением того, что тогда в Казани многие высокопоставленные лица, как и «рядовые» гласные, еще плохо понимали суть происходящих в Петрограде событий, может служить и такой политический пассаж из принятых и отправленных Казанским губернским земским собранием указанным лицам телеграмм: «Чрезвычайное губернское земское собрание, признавая конституционно-монархический строй, – подчеркивалось в них, – с ответственными перед законодательными учреждениями министрами, приветствует Ваше превосходительство и [считает], что немедленное проявление твердой власти нового совета министров необходимо для блага России»¹.

В тот же день – 4 марта 1917 г. – П.М. Боярский обратился к казанскому городскому голове с предложением, «в виду переживаемого времени и ради интересов населения», «теперь же избрать из гласных небольшой общественной комитет, который вместе со мной мог бы осуществлять: 1) контроль за действиями полиции, 2) принимать жалобы от населения на нижних и классовых чинов полиции и 3) производить проверку правильности их». При этом он просил внести данный вопрос на рассмотрение ближайшего заседания Казанской городской думы, полагая, что до новых правительственных распоряжений «прежний состав полиции должен нести свои обязанности и пользоваться авторитетом»².

Однако оперативное признание «новой власти» не спасло казанского губернатора П.М. Боярского от неминуемого отрешения от власти.

По-своему отвечая чаяниям главноначальствующего, Казанская городская дума постановила учредить в городе «Комитет общественной безопасности» (в последующих документах чаще именовавшийся «Исполнительным комитетом Общественной безопасности г. Казани»), о чем 5 марта было доложено на заседании Казанского губернского земского собрания. Но работать совместно с П.М. Боярским ему так и не пришлось.

Со второй попытки председателем Казанской губернской земской управы был избран гласный Казанского губернского земского собрания, председатель Тетюшской уездной земской управы А.Н. Плотников. Вначале, как сообщала «Камско-Волжская речь», за него было подано двадцать пять из тридцати семи «записок», но кандидат отказался «от баллотировки». Согласие было дано лишь после «частного совещания» и подтверждено голосованием, в результате которого А.Н. Плотников был избран тридцатью тремя «шарами» против трех. Сразу же было возбуждено телеграфное ходатайство о его «спешном утверждении». При этом временно, до прибытия А.Н. Плотникова в Казань, заступающим место председателя Казанской губернской земской управы стал полковник В.В. Молоствов³.

¹ Камско-Волжская речь. 1917. 7 марта.

² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. ЛЛ. 30 и об.

³ См.: Камско-Волжская речь. 1917. 8 марта.

Тогда же произошло еще одно «неприятное» событие, которое поубавило у высших представителей губернской власти политического «оптимизма».

Вслед за начальником губернии, о своем признании петроградского переворота объявил и командующий войсками Казанского военного округа (КВО), генерал от инфантерии А.Г. Сандецкий, телеграфировав в Петроград председателю Государственной думы М.В. Родзянко, председателю Совета министров князю Г.Е. Львову и военному министру: «Я и части войск Казанского военного округа признали новое правительство. В частях войск полный порядок. Спокойно продолжают работу на благо дорогой Родины и на усиление ее боевой мощи»¹. 3 марта 1917 г. об отправке телеграммы начальник штаба КВО генерал-лейтенант Ф.Н. Добрышин «почто-телеграммой» проинформировал П.М. Боярского.

То, что происходило дальше, можно со значительной степенью достоверности восстановить по сообщениям той же «Камско-Волжской речи», превратившейся с началом революционных событий в самый осведомленный и оперативный источник информации.

«В виду того, что нахождение на посту в данный момент командующего войсками Казанского военного округа генерала [А.Г.] Сандецкого вызывает большое недовольство, начальник губернии П.М. Боярский и [казанский] городской голова В.Д. Боронин решили послать военному министру соответствующую телеграмму. Но после переговоров с П.М. Боярским генерал [А.Г.] Сандецкий заявил, что он подал в отставку и немедленно покидает Казань, передав управление округом начальнику штаба генералу [Ф.Н.] Добрышину»².

Первым делом, в два часа дня 4 марта 1917 г. Ф.Н. Добрышин посетил Казанский университет, где сообщил «профессорской коллегии и президиуму студенческих организаций» об отставке генерала А.Г. Сандецкого и своем вступлении в управление КВО и казанским гарнизоном³. Одновременно он «обратился с просьбой к профессорам и студентам оказывать всевозможные меры к поддержанию порядка и спокойствия, к которому призывает новое правительство и чего требует переживаемый момент великой войны»⁴. Однако признание Временного правительства и отставка (в необходимости которой его, скорее всего, убедил П.М. Боярский) не спасли пожилого генерала, известного своей твердостью в подавлении революционных выступлений, от скорой солдатской расправы.

¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 131; Камско-Волжская речь. 1917. 4 марта.

² См.: Камско-Волжская речь. 1917. 5 марта.

³ О своем вступлении «в исправление должности начальника гарнизона гор[ода] Казани» («во исполнение приказа по округу сего года за № 400») генерал-лейтенант Ф.Н. Добрышин объявил приказом по войскам Казанского гарнизона № 4 от 4 марта 1917 г. (См.: НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 84).

⁴ См.: Камско-Волжская речь. 1917. 5 марта.

В середине марта 1917 г. был составлен доклад «Временного военного комитета г. Казани», в котором, в частности, сообщалось об обысках, проведенных по распоряжению А.Г. Сандецкого в конце февраля, о приведении 28 февраля в боевую готовность войск для подавления народных волнений и о посылке 1 марта двух рот для разгона студенческой демонстрации. Причем, там же отмечалось, что объявленная в приказе по войскам КВО вечером 3 марта 1917 г. телеграмма А.Г. Сандецкого о признании им Временного правительства «для войск явилась полной неожиданностью и шла вразрез с распоряжениями последних дней и не могла вызвать никакого успокоения создавшейся тревожной атмосферы, шли глухие разговоры, что эта телеграмма вынужденная, а на самом деле посланы телеграммы другого содержания»¹.

Эти нелепые слухи, активно раздувавшиеся революционными элементами, по сути дела, и послужили катализатором «левого» бунта в армейской среде, имевшие печальные долгоиграющие последствия не только для А.Г. Сандецкого и его ближайшего окружения, но и для всего КВО. Уже утром 4 марта 1917 г. почти одновременно начались волнения во всех четырех пехотных полках Казанского гарнизона – 94-м, 95-м, 164-м и 240-м запасных (в трех полках были отстранены от должности командиры), а к концу дня там были образованы «солдатские комитеты».

В тот же день – 4 марта – собрание представителей войсковых частей гарнизона города Казани (председателем которого был единогласно избран «полковник Григорьев», а секретарем – «охотник Ивановский»), после доклада председателя «о текущих событиях и необходимости объединения войсковых частей гарнизона г. Казани для организации власти в целях охранения нового государственного порядка и общественного спокойствия», постановило учредить «Временный военный комитет гарнизона г. Казани» (в последующих источниках – «Временный военный комитет г. Казани»), избрать «исполнительный комитет», а также: «Находя для общественного спокойствия опасным пребывание у власти командующего войсками Казанского в[оенного] о[круга] генерала от инфантерии [А.Г.] Сандецкого, коменданта г. Казани генерал-майора [Н.В.] Комарова, генерал-лейтенанта [Ф.К.] Язвина и генерал-майора [Н.А.] Файдыша, означенных лиц немедленно арестовать»².

В час ночи с 4 на 5 марта 1917 г. А.Г. Сандецкий был арестован группой военнослужащих (по сообщению «Камско-Волжской речи», «ротой солдат во главе с офицерами») ³, после чего начались его долгие мытарства. Вместе с ним были арестованы еще три вышеназванных генерала.

6 марта 1917 г., не дожидаясь подобного исхода, казанский губернатор П.М. Боярский передал свои полномочия заступающему место председателя Казанской губернской земской управы полковнику В.В. Молоствову. При-

¹ См.: Революционное движение в военных округах (март 1917 г. – март 1918 г.) / Отв. ред. Ю.И. Кораблев. М., 1988. С. 442.

² Протокол заседания представителей войсковых частей гарнизона г. Казани // Революционное движение в военных округах. С. 20.

³ См.: Камско-Волжская речь. 1917. 5 марта.

чем, в тот же день (скорее всего, до принятия данного решения) он направил телеграмму в Киев, главноуполномоченному «Российского общества Красного Креста» Б.Е. Иваницкому, в которой, в частности, писал: «Сегодня в агентских телеграммах сообщено распоряжение Временного правительства об упразднении должности губернаторов [и] о передаче управления председателю губернской земской управы. Искренно желая работать на Армию и в это тяжелое время послужить дорогой Родине, прошу Ваше Высокопревосходительство предоставить мне какую-либо должность в Красном Кресте. Если возможно, то желательнее устроиться в Киеве или быть помощником уполномоченного Леонтовича в Лубнах»¹.

На проходившем в тот же день заседании Казанского губернского земского собрания была оглашена телеграмма из Петрограда за подписью председателя Совета министров, министра внутренних дел князя Г.Е. Львова об упразднении губернаторской власти. «Немедленно за сим» В.В. Молоствов получил «сообщение» П.М. Боярского о передаче ему своих полномочий, которое было оглашено и принято «к сведению»².

В результате, 6 марта 1917 г. полковник В.В. Молоствов автоматически вступил в исполнение обязанностей губернского комиссара Временного правительства. Причем, в самом ближайшем времени он обязывался автоматически сложить их с себя в пользу А.Н. Плотникова. В отправленной в тот же день в Петроград, в МВД, телеграмме В.В. Молоствов информировал о своем временном вступлении «в управление Казанской губернии» и просил утвердить «в срочном порядке» в должности А.Н. Плотникова³. Однако дело это затянулось до конца месяца: согласно официальному сообщению, А.Н. Плотников вступил «в исполнение обязанностей казанского губернского комиссара Временного правительства» 30 марта 1917 г., после утверждения в данной должности министром внутренних дел и прибытия в Казань⁴. В этот день, по сути дела, и была завершена передача властных полномочий в Казанской губернии «легитимному» представителю «революционной» администрации.

Сложив с себя губернаторские полномочия, П.М. Боярский 7 марта 1917 г. военной телеграммой отчитался об исполнении полученного распоряжения перед председателем Совета министров князем Г.Е. Львовым, одновременно попросив его «срочно телеграфировать [о] разрешении уехать [в] отпуск, чтобы отвезти [в] Крым семью и серьезн[о] больного ребенка»⁵. Согласно пересказу «Камско-Волжской речи», бывший казанский губернатор запросил у министра внутренних дел разрешение «ехать в Крым, куда он должен по настойчивому указанию врачей немедленно везти очень слабого после скарлатины ребенка»⁶.

¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 35.

² См.: Камско-Волжская речь. 1917. 8 марта.

³ См.: НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 34.

⁴ См.: Голос Казани. 1917. 31 марта.

⁵ См.: НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 65.

⁶ См.: Камско-Волжская речь. 1917. 9 марта.

И уже 8 марта 1917 г. – также по телеграфу – «за министра внутренних дел», товарищ (заместитель) последнего Д.М. Щепкин уведомил его о разрешении Временным правительством отпуска «для поездки с семьей в Крым». «Бывшему казанскому губернатору, гражданину Петру Михайловичу Боярскому» был выдан датированный указанным числом «открытый лист» за подписью казанского губернского комиссара В.В. Молоствова, в котором, в частности, содержалась просьба в адрес «всех должностных и частных лиц» «содействовать ему при проезде по железной дороге из гор[ода] Казани в Крым, куда везет он тяжело больного ребенка»¹.

При этом, по сообщению «Камско-Волжской речи», после перевозки семьи, П.М. Боярский должен был отправиться в Петроград к князю Г.Е. Львову и Д.М. Щепкину «для получения указаний»². Однако о том, как он поступил в дальнейшем, доподлинно не известно: очевидно только, что П.М. Боярский «исчез» из Казани очень быстро и без лишнего «шума».

«Гражданской принципиальности» П.М. Боярского оказалось недостаточно для того, чтобы остаться «у руля» в Казанской губернии, но хватило, чтобы избежать возможного ареста и преследований. В то же время, к некоторым из его непосредственных подчиненных судьба оказалась менее благоклонна. Так, вскоре был арестован управляющий (правитель) канцелярией казанского губернатора Н.М. Данилов (долгое время, при нескольких губернаторах, занимавший эту должность), после чего – 11 марта 1917 г. – казанский губернский комиссар В.В. Молоствов обратился к председателю «Исполнительного комитета Общественной безопасности г. Казани» с просьбой «распорядиться об опечатании шкафов и помещения, где имеются секретные дела и бумаги». Вполне возможно, что причиной ареста Н.М. Данилова стало его нежелание подчиниться распоряжениям «новой власти»³.

Совсем по-иному, нежели его коллега, повел себя «губернатор без губернии» Л.М. Савелов, так и не признавший Временное правительство. «Я был поставлен в невероятно глупое положение, – вспоминал он впоследствии, – распоряжений из Министерства не было никаких, земских учреждений в Холмской губернии не было, единственным выборным лицом был еврейский раввин, которому, пожалуй, при составе Временного правительства лучше всего и было сдать должность, но я все же телеграфировал кн[язю] [Г.Е.]Львову, прося указаний, но ответа не получил, очевидно, у них самих шла голова кругом, т.к. взялись за дело, в котором понимали столько же, сколько понимала свинья в апельсинах, недаром русская пословица говорит, что «беда, коли пироги начнет печи сапожник». А в то время мои чиновники взволновались тем, что [я] не выразил своих верноподданнических чувств гг[осподам] Львовым, Милюковым и всей той дряни, которая захватила власть, ко мне явилась депутация от моих подчиненных и просила меня

¹ См.: НА РГ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. Л. 104.

² См.: Камско-Волжская речь. 1917. 9 марта.

³ См.: Алексеев И.Е. Указ. соч. С. 214.

предпринять что-либо, т.к. в городе начали уже говорить, что холмский губернатор не признает Временного правительства и что могут быть какие-нибудь неприятности им и их семьям. Это заявление вынудило меня послать кн[язю] [Г.Е.] Львову следующую телеграмму: «Все чины и служащие подведомственных мне губернских и уездных административных учреждений, эвакуированные в Казань, просят доложить Вашему Сиятельству, что в момент образования нового правительства признали и подчинились таковому, трудились и продолжают трудиться на благо дорогой родины в соответствии с указаниями нового правительства». В этой телеграмме я умышленно не упомянул о себе, т.к. считаю возникновение Временного правительства актом чисто революционным, не вытекавшим из акта отречения государя»¹.

Приведенный в воспоминаниях текст телеграммы (с одним незначительным разночтением: «с момента образования», а не «в момент образования», как у Л.М. Савелова) был опубликован 11 марта 1917 г. в «Камско-Волжской речи», что является одним из подтверждений его слов². В создавшейся обстановке Л.М. Савелов подал в отставку с поста холмского губернатора и начал готовиться к отъезду в Москву.

Вполне сообразно поведению казанского губернатора проявили себя в создавшейся ситуации и многие другие представители местной властной элиты. После непродолжительного состояния растерянности – началось лихорадочное «ликование», напоминавшее, как по форме, так отчасти и по содержанию, привычное «выражение верноподданнических чувств», с той только разницей, что славословия лились уже не в адрес «обожаемого монарха», а в сторону его недавних «злейших врагов», превратившихся в одночасье в «освободителей» России от самодержавного произвола и вековой тирании.

Безоговорочно признали революцию выборные от дворянского общества Казанской губернии – представители сословия, которое уже по самому своему определению должно было служить главной и самой верной опорой царского трона. Весьма характерно при этом, что это признание оказалось завуалировано военно-патриотическими лозунгами и заклинаниями о гражданском единении.

В распространенном 4 марта 1917 г. в прессе обращении «К людям казанской земли!» за подписью предводителя дворянства Казанской губернии С.С. Толстого-Милославского, говорилось: «Выборные от казанского дворянства призывают всех встать на стражу дорогой России. Кровь дворянина, купца, крестьянина и всякого русского человека смешалась в один святой поток на полях брани. Так пусть же и наша мысль станет тоже единою. Блюдайте покой и порядок, подчиняясь новому правительству. Удвойте работу на служение родным нам воинам, памятуя, что недостаток хлеба и снаряжения равен измене им, жертвующим жизнью за нас. Да не восторжествует враг, уви-

¹ Цит. по: *Любимов А.* Указ. соч.

² См.: *Камско-Волжская речь.* 1917. 11 марта.

дя смуту на Руси, что было бы равно отказу служить разумом, трудом и молитвою нашей матери России»¹.

В том же духе (хотя и с некоторым опозданием) отреагировали на смену власти представители православного духовенства Казанской епархии.

7 марта 1917 г., в шесть с половиной часов вечера, в покоях архиепископа Казанского и Свияжского Иакова (И.А. Пятницкого) было созвано многолюдное экстренное собрание «Казанского городского и отдельных представителей сельского духовенства Казанской епархии вместе с корпорациями Казанских духовно-учебных заведений». На нем был единодушно одобрен составленный инспектором Казанской духовной академии архимандритом Гурием (А.И. Степановым) текст приветственной телеграммы первенствующему члену Святейшего Правительствующего Синода, митрополиту Киевскому и Галицкому Владимиру (В.Н. Богоявленскому) и князю Г.Е. Львову «с выражением признания нового правительства и готовности с молитвою положить все силы на благо Христовой Церкви и дорогой Родины»².

Кроме этого, на собрании был прочитан текст «Архипастырского послания к возлюбленным о Христе пастырям Богоспасаемой Казанской пасты» архиепископа Иакова, подписанный им на следующий день – 8 марта, а также «от лица казанского городского духовенства» избраны в «Исполнительный комитет Общественной безопасности г. Казани» пять лиц: три священника, один диакон и один псаломщик³.

При этом казанский архиерей, признав Временное правительство, достаточно сдержанно высказался об установлении «нового строя». «Господь Вседержитель, – говорилось в «Архипастырском послании», – устрояй времена и лета, поставляй цари и низлагай и в Своей длани содержи судьбы народов, ниспослал Богоносной родине нашей великие испытания. Он попустил во время столь грозного, столь напряженного ратоборства нашей отчизны с внешним сильным врагом быть внутреннему неустройству. Теперь у кормила правления Русской землей встало новое Временное правительство из избранников народа, которое должно управлять Русской землей вместо отрекшегося от престола государя Николая II-го и его брата великого князя Михаила Александровича впредь до того времени, когда, созванное из пред-

¹ Там же. 4 марта.

² Известия по Казанской епархии. 1917. 1 – 8 марта. № 9 – 10. С. 131.

³ По сообщению «Камско-Волжской речи»: «Собрание единогласно постановило: признать Временное Правительство, послать ему приветствие и молитвенное благожелание в успешной работе спасения родины; избрало из среды себя 5 лиц (свящ[енников] Руфимского, Богословского, Сосунцова, диакона Никольского и псаломщика Пактовского) в комитет Общ[ественной] безопасности и постановило составить воззвание к пастырям и пасомым епархии о поддержке Временного правительства в его многотрудной организационной работе с призывом к сохранению тишины и спокойствия, а также и подчинения Временному правительству». Там же обращалось внимание на присутствие на собрании «некоторых благочинных» (Камско-Волжская речь. 1917. 9 марта)

ставителей всего народа, особое собрание не установит образа правления, какое Всеблагий Господь внушит воле и желанию народа»¹.

Архиепископ Иаков наставлял духовенство «усугубить» молитвы и призвать «верных чад Церкви Христовой к горячей мольбе», чтобы Бог, «простив наши вольные и невольные прегрешения, благословил новую начинающуюся жизнь отечества нашего Своею благодатью», «укрепил и умудрил» Временное правительство «в его служении на благо и славу нашей родины и Святой Православной Русской Церкви», вложил в сердца людей апостольские слова о том, что «несть бо власть, аще не от Бога», даровал «послушание правителям не за гнев, а за совесть, единение, мир и любовь между собою», а также победу «Христолюбивому воинству нашему и союзникам». «Благо отечества, – говорилось также в «Архипастырском послании...», – требует от нас, чтобы мы своим пастырским словом разъясняли народу смысл совершившихся событий, поучали, что во имя счастья, благоденствия и процветания нашего отечества не должно быть розни и вражды между классами населения, призывали граждан к спокойствию и продолжению мирного труда в доверии к временному правительству, взявшему на себя тяжелую задачу вести государственный корабль в эти грозные дни и подготовить условия, при которых народ земли Русской мог бы свободно выразить свою волю о том, какое он желает иметь у себя верховное правление и основные законы»².

В сдвоенном №№ 9 – 10 за 1 – 8 марта 1917 г. «Известий по Казанской епархии» были напечатаны «Высочайший манифест об отречении императора Николая II-го от престола государства Российского» и «Обращение к народу великого князя Михаила Александровича», с кратким «пояснением», что: «С отречением императора Николая II от престола государства Российского данная нами ему, при его восшествии на престол, присяга утратила свою силу. Теперь следует давать присягу новому правительству, стоящему во власти»³. Здесь же были опубликованы: «Новая форма присяги», «Воззвание Святейшего Синода к чадам православной церкви», «Указ из Казанской духовной консистории», вышеозначенное «Архипастырское послание» и «Воззвание пастырей града Казани к сопастырям Казанской епархии».

Следует отметить при этом, что столь безапелляционное «упразднение» присяги императору Николаю II и резкий переход к поминанию «в многолетствованиях и в молитвословиях» «благоверного Временного правительства» не получили однозначного одобрения «на местах». Известны случаи, когда некоторые священники Казанской епархии продолжали молиться за свергнутого царя и его семью⁴, подвергаясь за это преследованиям со стороны местных духовных и светских властей.

¹ Известия по Казанской епархии. 1917. 1 – 8 марта. № 9 – 10. С. 102.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 99.

⁴ Сообщения о монархически настроенных священниках, помимо прочего, можно обнаружить в «левых» повременных изданиях. Так, например, 25 мая 1917 г. газета Казанской

Прошедший в начале мая 1917 г. в Казани экстренный съезд духовенства Казанской епархии, сознательно отказался, по сообщению «Известий по Казанской епархии», от высказывания политических предпочтений. «На съезде, – подчеркивалось в данном издании, – не было заявлено ни требований демократической республики (как равно и конституционной монархии), ни произведено какой бы то ни было ломки епархиального управления и т.п., – и это по соображениям принципиальным, продуманным»¹. Зато, по итогам состоявшегося 1 мая 1917 г. обсуждения духовенством Казанской епархии «вместе с верующими мирянами» отношения «к переживаемому нашей родиной исключительному историческому моменту», съездом было принято постановление под соответствующим названием «Отношение духовенства Казанской епархии к переживаемым событиям Русской государственной жизни», наполненное хвалебными эпитетами в отношении Временного правительства и решениями: приветствовать «совершившийся, по воле Божией и народной, государственный переворот, выведший на путь свободного самоуправления и широкого развития не только русское государство, но и русскую православную Церковь», «вполне сознательно и искренно» встать на его сторону и поддерживать таковое «от всяких посягательств на его власть со стороны крайних политических элементов, безразлично и справа и слева, направляющих государство к контрреволюции, к анархии, гражданской войне и гибели». Здесь же, в частности, утверждалось, что: «Духовенство должно быть народным, демократичным»².

Значительно быстрее и легче дворян и духовенства расставались со своими прежними монархическими «заблуждениями» представители многочисленного торгово-промышленного «сословия», принявшиеся уже в первые дни революции, по привычке, «бомбить» Петроград «верноподданническими» телеграммами. «Казанский биржевой комитет и собравшиеся члены биржи, – говорилось в одной из них, отправленной уже 3 марта 1917 г. на имя председателя Государственной думы М.В. Родзянко, – с чувством великой радости известившись, что наша дорогая Родина наконец-то освободилась от пагубного влияния темных сил, и что ныне управление страной перешло к Комитету Государственной думы во главе с Вами, приветствует Вас и Комитет Государственной думы и его все мероприятия в столь давно желанном деле раскрепощения русского народа; комитет и члены Казанской

организации партии социалистов-революционеров «Голос труда» поместила заметку «раненого солдата» К.Я. Ильмушкина, информировавшего о том, что священник села Старое Эштебенкино Седелькинской волости о. Васильев «продолжает агитацию за Николая II». «Переворот, по мнению наивного и все еще верноподданного Николая последнего, – писал он, в частности, – дело нехороших людей, так как Николай II будто всегда старался делать на пользу народа. О новом строе говорит, что новые порядки установятся лишь тогда, когда не останется ни одного представителя дома Романовых» (См.: Голос труда. 1917. 25 мая).

¹ Известия по Казанской Епархии. 1917. 1 – 8 мая. № 17 – 18. С. 235.

² Там же. С. 238.

биржи шлют свои наилучшие пожелания могучей энергии всем неутомимым борцам за честь и свободу на общее благо исстрадавшейся Родины»¹.

Столь же стремительно «перестроился» и казанский городской голова В.Д. Боронин, сумевший, благодаря неожиданному обретению «революционного сознания», сохранить свой высокий пост. На состоявшемся 21 марта 1917 г. первом заседании Казанской городской думы нового состава он был избран (а точнее – переизбран) головой большинством 63 против 3 голосов. По сообщению «Голоса Казани», после принятия гласными присяги на верность Временному правительству, В.Д. Боронин обратился к ним со словами: «Россия свободна! Своей свободой Родина обязана тем, кто томился за достижение ее в тюрьмах, кто проливал за это кровь»². По его предложению, гласные «в единодушном отклике» почтили вставанием «память павшим в борьбе за свободу», а также единогласно постановили «приветствовать в лице М.В. Родзянко Временное правительство, послать от думы приветствие нашему сочлену – государственному контролеру И.В. Годневу и выразить приветствие Совету рабочих и солдатских депутатов».

Таким образом, первоначально в местном масштабе смена власти выглядела отнюдь не как революция, а как ее добровольная сдача «до востребования», обставленная громкими отречениями от «старого режима» и клятвами верности Государственной думе и Временному правительству. В результате, вместо привычных органов государственной власти и управления в Казани и Казанской губернии начали возникать новые: советы, комитеты, комиссары вместо губернаторов, милиция вместо полиции и т.д.

Один из членов руководства «Исполнительного комитета Общественной безопасности г. Казани» И.Н. Овчинников, некоторое время спустя, достаточно бесхитростно описал процесс смены власти в городе и губернии. «Когда революционная волна докатилась до Казани, – передавала, в частности, его слова «Камско-Волжская речь», – то 5 марта собрались люди и избрали Исп[олнительный] комитет из 15 членов. Первое время было трудно: пришлось организоваться самим и откликнуться на требование момента. Комитет непрерывно осаждали просьбами и требованиями разъяснения, как быть и поступить. Были и опасные моменты. Приходило[с]ь командировать членов в разные концы города и даже уезды для разъяснения и успокоения волнений. Затем пришлось организовать собрания, лекции и митинги. Сбежала полиция, необходимо было принять меры к охране города. Была сорганизована милиция... Ежечасно в комитет являлись лица, то с недоуменными вопросами, на которые надо было дать ответы, то приносили оружие, где-то взятое, у кого-то отобранное, приносили печати должностных лиц и акты «отречения». Отбирали, приносили и дальше не знали, что делать. Надо было разъяснять».³

¹ Камско-Волжская речь. 1917. 4 марта.

² Голос Казани. 1917. 23 марта.

³ Камско-Волжская речь. 1917. 31 марта.

Одновременно местные власти оперативно провели работу по освобождению из тюрем «борцов за свободу». По сообщению «Камско-Волжской речи», 3 марта 1917 г., после получения первой телеграммы «от нового министра юстиции» А.Ф. Керенского, прокурор Казанского окружного суда «немедленно объехал места заключения г[орода] Казани, где оказались лишь политические арестованные, которые им тотчас же и были освобождены»¹. Затем дошла очередь и до уголовников.

6 марта 1917 г. «Камско-Волжская речь» сообщала также, что в Казанском военно-окружном суде «идет спешная работа по возвращению в гражданскую подсудность дел, поступивших в военный суд на основании положения о чрезвычайной охране». «Равным образом, – отмечалось в ней, – прервана выездная сессия суда в Саратове и Вольске, открывавшаяся для рассмотрения многочисленных дел о лицах гражданского ведомства, переданных в последнее время в военную подсудность на основании положения о чрезвычайной охране. Из залы судебного заседания и из прочих помещений военного суда убраны портреты бывших Государя Николая II и наследника»².

Вкупе с обнаружившейся неспособностью властей довести до широких масс населения информацию о происходящих в стране политических переменах, все это провоцировало лавинообразный рост деструктивных настроений в обществе, в военных и правоохранительных кругах (причем, порой самого противоположного свойства): от студенческих сходок и открытого грабежа крестьянами частновладельческих поместий до выступлений военных и отказов полицейских подчиниться «революционным» властям.

Еще 4 марта 1917 г., обсудив на общем собрании «события настоящего времени», «Временное правительство Государственной думы за законное правительство», под роспись, признали чины Казанской городской полиции и Казанской школы полицейских стражников, во главе с Казанским полицмейстером³. Однако «на местах» убедить с ходу в преимуществах «нового строя» удалось отнюдь не всех полицейских. Так, 8 марта 1917 г. начальник железнодорожной станции Шихраны телеграфировал в Казань о том, что на станциях Шихраны и Урмары (территориально относившихся к Цивильскому уезду Казанской губернии) «полиция осталась [на] местах, часть оружия скрыта, имеются сведения об организуемых приставами нападениях [на] воинск[их] чинов». «Исправник на месте, – сообщалось далее, – и оставляет в своем распоряжении приставов. Отмечается организация черносотенной пропаганды. Необходимо немедленно строго обыскать и арестовать полицию при посредстве воинской команды, иначе ж[елезно]д[орожная] милиция не может организоваться для спокойной работы»⁴.

¹ См.: Там же. 6 марта.

² См.: Там же.

³ См.: НА РГ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 27. ЛЛ. 148 и об.

⁴ Там же. Л. 98.

Из разных мест губернии в Казань пошли телеграммы и телефонограммы о всевозможных инцидентах. 5 марта 1917 г. из Чебоксар сообщали, что на станции Тюрлема проезжавшие на поезде в Казань «пять прапорщиков с 50 солдатами» разоружили «трех стражников». 6 марта, в базарный день, в селе Кукмор Мамадышского уезда произошли беспорядки, в результате которых были разграблены лавки и ранен пристав. Тогда же Свияжский городской голова телеграфировал о том, что «прапорщик Афанасьев во главе местной воинской команды, явясь в Городскую управу, предъявил требование об удалении от должности всего состава Городской управы». 7 марта беспорядки вспыхнули и в селе Шонгуты Тетюшского уезда¹. В этот же день Мария Дельвиг сообщила, что в ее имении Турминское, Свияжского уезда, начался погром: «Крестьяне во главе милиции, избив приказчика [и] сторожа, снимают служащих, объявили мне – увезем сено. Скотина остается без воды, кормов. Что с ней делать? Никто не водворяет порядок. Бабы с топорами пошли в лес»².

В результате, уже 7 марта 1917 г. казанский губернский комиссар В.В. Молоствов донес по телеграфу председателю Совета министров Г.Е. Львову, что «положение в уездах на местах начинает внушать серьезные опасения, местами возникают волнения погромного характера». При этом «для обеспечения прочного порядка в губернии» он предлагал командировать в уездные города отдельные воинские части³.

В известном смысле, Казанской губернии повезло, что в первые дни установления «нового строя» у власти здесь оказался военный, который, не особо размениваясь (в отличие от отставленного губернатора) на «революционные» заклинания, начал решительно пресекать нараставшую смуту, чем в значительной мере предотвратил ее стремительное расползание. Одновременно В.В. Молоствов предпринял энергичные меры по информированию широких слоев населения о произошедшем в Петрограде перевороте.

8 марта 1917 г. он выступил с обращением к архиепископу Иакову, в котором, в частности, говорилось: «Сельское население в своих массах не может уяснить совершившихся событий и, руководствуясь только слухами, зачастую самыми неосновательными, происшедшее событие толкует различно, вследствие чего в населении начинаются волнения, переходящие местами в погромные. Чтобы избежать опасных осложнений в народной жизни, могущих в корень нарушить общественное спокойствие и безопасность, необходимо немедленное объявление Манифеста об отречении от Престола ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и об отказе великого князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА вступить на престол – во всех церквах при торжественной обстановке и соответствующем разъяснении со стороны духовенства, а также пастырский призыв к населению поддерживать порядок и спокойствие и

¹ См.: Там же. ЛЛ. 80 – 81, 84, 142, 159.

² Там же. Л. 96.

³ См.: Там же. Л. 67.

продолжать обычный мирный труд на благо Родины»¹. В связи с этим В.В. Молоствов убедительно просил казанского архиерея «сделать в срочном порядке безотлагательное распоряжение о прочтении с церковных кафедр упомянутых выше Манифестов населению и о призыве последнего к должному порядку чрез духовенство».

Однако, в отличие от казанского губернатора, казанский губернский комиссар Временного правительства уже не обладал монополией на власть в губернии. Утвердившиеся с благословения и попустительства бывших «верных слуг царского режима» в Казани и одноименной губернии различные «революционные» структуры («Временный военный комитет г. Казани», «Исполнительный комитет Общественной безопасности г. Казани», и другие) уже в самом скором времени обрели «плоть и кровь», что позволило им самим чинить суд над инакомыслящими.

Так, помимо ряда военных (в том числе, четырех генералов) и жандармских чинов (фактически всей «верхушки» КГЖУ), а также служащих канцелярии казанского губернатора и других правительственных учреждений, по распоряжению «Исполнительного комитета Общественной безопасности г. Казани» 17 марта 1917 г. аресту подверглись два наиболее известных руководителя местного правомонархического движения – председатель Совета Казанского «Царско-Народного русского общества» профессор В.Ф. Залеский и председатель Совета Казанского отдела «Русского собрания» А.Т. Соловьев².

За считанные дни взявшими инициативу в свои руки «левыми» силами был практически полностью обезглавлен КВО. «В одном только Казанском военном округе, – отмечает историк С.С. Жебровский, – за первую половину марта были отстранены от занимаемых должностей командующий войсками округа генерал А.Г. Сандецкий, находившийся для поручений при командующем генерал Ф.К. Язвин, комендант Казани генерал [Н.В.] Комаров, 8 из 13 начальников запасных бригад (в том числе один – генерал М.А. Бем – убит, 5 арестованы)»³.

12 марта 1917 г., в два часа дня, войска Казанского гарнизона «в стройном порядке» с музыкой (под звуки «Марсельезы») и красными знаменами, на которых наличествовали «соответствующие моменту надписи», прошли

¹ Там же. Л. 102.

² Однако уже 19 марта 1917 г. их обоих вынуждены были освободить. Как выяснилось позже, арест А.Т. Соловьева (и, как, следует думать, задержания других неугодных) был произведен по постановлению «Исполнительного Комитета Общественной безопасности г. Казани» «в видах Общественной безопасности на основании поступивших в Комитет сведений о вредной противоправительственной деятельности г. [А.Т.] Соловьева», о чем первоначально даже не был осведомлен Казанский губернский комиссар В.В. Молоствов (См.: *Алексеев И.Е.* Указ. соч. С. 215).

³ *Жебровский С.С.* Высший командный состав русской армии весной 1917 г. // Русская армия в Первой мировой войне [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://www.grwar.ru/library/Zhebrovsky_1/ZH_02.html?PHPSESSID=9a011e084c1032eba68ff0cc35f31f84

по центральным улицам города – Проломной и Воскресенской¹. А 15 марта Казань стала свидетельницей многотысячного «Праздника Свободы», одним из наиболее заметных событий которого являлись «парад войсковым частям», молебен архиерейским чином «о победе над врагом с провозглашением многолетия Богохранимой державе Российской и благоверному Временному правительству ея» и торжественное богослужение на Театральной площади, а также панихида «по павшим жертвам революции» на Арском кладбище и многочисленные митинги².

Приняв через несколько дней делегацию «в составе членов Комитетов: военного – подполковника [М.А.] Руанет, солдата Соловьева, общественной безопасности – [Г.(Ю.)П.] Денике, Совета рабочих и солдатских депутатов – Ефименко и [В.И.] Вегера», военный министр А.И. Гучков «от имени правительства благодарил казанские организации, спокойно [и] твердо устранившие старую власть»³. Однако, как это не парадоксально, на самом деле многие факты свидетельствуют о том, что «старая власть» здесь «устранилась» сама, открыв широкую дорогу для «нового строя».

Безусловно, можно по-разному оценивать революционные события февраля – марта 1917 г. и их роль в дальнейшей судьбе России в целом и Казанской губернии в частности. Однако, в любом случае, с моральной точки зрения, поведение в эти тяжелые для страны дни многих представителей местной властной элиты, связанной с русским престолом узами священной присяги, является, на мой взгляд, горьким подтверждением хорошо известных слов свергнутого с престола императора Николая II: «Кругом измена, трусость и обман». Какими бы соображениями высшей справедливости, политической целесообразности и радения об общественной безопасности это поведение не оправдывалось.

Дубровская Е.Ю.

*Армейская и флотская повседневность:
российские военнослужащие в Финляндии в период
российской революции 1917 г.*

Изучение многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода Первой мировой войны, особенностей психологии российских военных, служивших в Финляндии, представлений рядовых и офицеров об этносах-соседах (финнах и шведах), исследование вопроса о социально-нравственных нормах военных позволяют представить ту реальность, в кото-

¹ См.: Голос Казани. 1917. 14 марта.

² См.: Там же. 17 марта; Известия по Казанской епархии. 1917. 15 – 22 марта. № 11 – 12. С. 154 – 155.

³ См.: Голос Казани. 1917. 19 марта.

рую весной 1917 г. попали тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизованных под ружье и оказавшихся на северо-западном рубеже воюющей Российской империи¹.

Русские войска, размещавшиеся в автономном Финляндском княжестве с начала XIX в., в годы Первой мировой войны оказали заметное влияние на общественную жизнь Финляндии. Воздействие военного фактора на финляндскую повседневность в мирное и непосредственно в военное время многократно усилились в период революционных событий 1917 г. в России, породив новые проблемы, перед решением которых встало российское Временное правительство².

Трудно назвать работу о событиях российской революции 1917 г. в бывшем Великом княжестве Финляндском, где бы не получили то или иное освещение вопросы о российском административном и военном присутствии в Финляндии и военных аспектах взаимоотношений России и Финляндии в годы Первой мировой войны³.

Сегодня исследователями пересматриваются стереотипы, связанные с восприятием происходившего в Финляндии лишь «глядя из Петрограда». Весной – летом, а особенно осенью 1917 г. моряки-балтийцы и армейские во-

¹ Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 434 – 435; Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война. М., 1998; *Пушкарева Н.Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник 2007. С. 9 – 54; Россия в Первой мировой войне: материалы международного научного colloquium. СПб., 1999 и др.

² *Асташов А.Б.* Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М., 2002. С. 268 – 281; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, солдат и крестьян России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; *Цветков И.Ф., Бажанов Д.А.* Дредноуты Балтики. Линейные корабли типа «Севастополь» в Первой мировой войне и революции (1914 – 1922 гг.). Самара, 2009 и др.

³ *Новикова И.Н.* 1) Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.). М., 1997. С. 5 – 17; 2) «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германии и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002; *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996; *Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 - февраль 1917 г.). Петрозаводск, 1992; *Старцев В.И.* Временное правительство и Финляндия в 1917 г. // Россия и Финляндия в XX в. СПб., 1997 С. 6 – 33; *Черняев В.Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. С. 308 – 323; *Чистиков А.Н.* Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Россией // Интервенция на Северо-западе России 1917 – 1920 гг. СПб., 1995. С. 159 – 174; *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808 – 1918. Helsinki, 1997; *Mawdsley E.* The Russian Revolution and the Baltic Fleet. War and Politics : February 1917 - April 1918. London, 1978; *Saul N.* Sailors in Revolt. Lawrence, Kansas, 1978; *Manninen O.* Kapina, kansalaisista, vapausista // Itsenäistymisen vuodet: 1917 – 1920. 2 osa. Helsinki, 1993; *Upton A.* Vallankumous Suomessa 1917 – 1918. Osa 1. Jyväskylä, 1980; *Venäläissurmat Suomessa 1914 – 1922. Osa 1. Sotatapahtumat 1914 – 22; Osa 2. Sotatapahtumat 1918 – 22 Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja / Toim. L. Westerlund. Helsinki. 1/2004 , 2/2004 и др.*

еннослужащие финляндской столицы Гельсингфорс (Хельсинки) становились «законодателями революционной моды», оказываясь более радикализированными по сравнению с Петроградом¹.

Другим стереотипом оставалось представление, что «демократическое» сознание моряков и армейцев предполагало ясное понимание ими того, что такое демократическая республика, правопорядок, парламентаризм, гражданский долг и т.п.² Предпринятое исследование материалов периодической печати («Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии флота и рабочих», «Известия Совета депутатов Або-Оландской укрепленной позиции», «Выборгский солдатский вестник», гельсингфорских газет различных политических направлений, выходивших в Финляндии в 1917 – 1918 гг.) и особенно оставшихся неопубликованными писем военнослужащих в редакцию гельсингфорских «Известий», свидетельствуют о том, что весной – летом 1917 г. воспринимали свое превращение из вчерашних подданных в граждан как почетное и важное завоевание Февральской революции³.

Финляндские войска, стоявшие в непосредственной близости от российской столицы, в числе первых оказались под влиянием революционных организаций. Их газеты сразу же в день выхода попадали в гарнизоны. Особым положением Великого княжества, которое сохраняло известную свободу от общерусских административных органов, определялось то обстоятельство, что в финляндских частях состоявшие в этих организациях в меньшей степе-

¹ Бажанов Д.А. 1) Матросы и берег: 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914 – 1917) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 155 – 166; 2) Щит Петрограда: служебные будни российских дредноутов в 1914 – 1917 гг. СПб., 2007; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 121 – 122, 145; Дубровская Е.Ю. Городское пространство Гельсингфорса глазами российских военных и символический переворот революции 1917 года // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 124: Научный журнал. СПб., 2010. С. 38 – 51; Колоницкий Б.И. 1) Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001; 2) Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

² Значительный вклад в преодоление такого стереотипа в отношении военнослужащих центральных губерний России сделан отечественными исследователями: Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт. М., 1999; Солнцева С.А. 1) Социальный статус армии России в марте – октябре 1917 года // Россия в XX веке: реформы и революции. М., 2002. Т. 1. С. 330 – 335; 2) «Об одном только просим Родину: пусть тыл не забывает фронта...»: армия и гражданское общество России после февраля 1917 года // Военно-исторический журнал. 2000. № 5. С. 58 – 65; Ямщиков С.В. 1) Армейский фактор революций 1917 года в России // Россия в XX веке. С. 325 – 329; 2) Социальная психология солдат тыловых гарнизонов русской армии накануне 1917 года и в первые месяцы после свержения самодержавия (на материалах Тверской губернии) // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 336 – 346; 3) Социокультурные истоки Гражданской войны в России // Войны, военные конфликты, терроризм как проявление экстремальных ситуаций в жизни людей: исторический опыт и уроки. СПб., 2003. С. 94 – 96, и др.

³ КА. Фонд «Русские военные бумаги». Д. 11970; РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21.

ни подвергались преследованиям по сравнению с другими участками фронта и прифронтовой полосы.

Массовое появление комитетов началось с распространением Приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских от 1 марта 1917 г. по гарнизонам Петроградского военного округа для немедленного и точного исполнения. Основной смысл приказа сводился к следующему: вся власть в воинских частях переходила в руки избранных солдатами комитетов.

Приказ предписывал войскам немедленно избирать в ротках, батальонах и полках солдатские комитеты, подчиняться в своих политических выступлениях Петроградскому Совету и комитетам, установить контроль над оружием, которое должно было находиться в распоряжении комитетов, предоставить солдатам гражданские права, отменить вне службы вставание во фронт и обязательное отдавание чести, а также титулование офицеров, запретить грубое обращение с солдатами со стороны командного состава. Выполнение пунктов Приказа последовательно подводило солдат к выборному началу в армии. В принятии Приказа № 1 в ходе Февральской революции была своя логика, это завершало ее победу, но ценой разрушения вооруженных сил¹.

Оказавшийся в феврале 1917 г. в Финляндии А.И. Куприн писал, что появление Приказа № 1 произвело на офицерский корпус Гельсингфорса впечатление разорвавшейся бомбы: «Помню, как, прочитав его вслух, один старый офицер сказал со слезами: “Господи, если Тебе угодно было осудить Россию на гибель, зачем избрал Ты для нее такой позорный путь?”»². Пришедшее к власти новое правительство оказалось не в силах предотвратить жуткие расправы над офицерами флота и армии, прокатившиеся по кораблям и гарнизону Гельсингфорса в первые мартовские дни 1917 г. На примере Северного фронта легко проследить взаимосвязь между появлением Приказа № 1 и созданием солдатских комитетов. Самое широкое распространение Приказ получил здесь 4–5 марта, в дни, когда особенно заметным оказалось его воздействие на настроение солдат³.

С получением известий о падении самодержавия был создан гарнизонный комитет в Выборге, который сразу же стал претендовать на фактическую власть в городе. В ночь с 3 на 4 марта солдаты гарнизона, узнав о событиях в Петрограде и Гельсингфорсе, заняли станцию, почту, телеграф, разоружили полицию и освободили политических заключенных. В Петроград послали те-

¹ Гальперина Б.Д. Петроградский Совет и крушение дисциплины в русской армии // Россия в 1917 г. новые подходы и взгляды. СПб., 1994. Вып. 3. С. 28–30.

² Куприн А.И. Бескровная // Куприн А.И. Мы, русские беженцы в Финляндии... Публицистика (1919–1921). СПб., 2001. С. 164.

³ См. подробн. о влиянии приказа № 1 на военнослужащих Гельсингфорса, главной из военно-морских баз на Балтике: Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны. Петрозаводск, 2008; Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе и убийство вице-адмирала А.И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы VIII ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2007.

леграмму: «Солдаты проснулись. Мы хотим узнать правду». В это же день во всех частях гарнизона прошли выборы делегатов в военный комитет депутатов Выборгского гарнизона или Совет солдатских депутатов гарнизона (с мая 1917 г. стал называться Выборгским Советом солдатских и рабочих депутатов). На первом заседании комитета была избрана делегация для доклада Петроградскому Совету о событиях в Выборге и гарнизоне¹.

В марте 1917 г., волна событий победившей в России Февральской революции быстро распространилась по всем финляндским гарнизонам. Повсеместно разоружались жандармерия и полиция, упразднялась бывшая царская администрация. В Гельсингфорсе были арестованы и отправлены в Петроград финляндский генерал-губернатор Ф.А. Зейн и вице-председатель сената В. Боровитинов. В конце апреля 1917 г. Приказом по 42-му армейскому корпусу вместе с прежними окружными воинскими начальниками в городах Тавастгус (Хямеенлинна), Йоенсуу, Або (Турку) был отчислен от занимаемой должности и воинский начальник в Сердоболе (Сортавала) подполковник В.Г. Плешко. Все они назначались в резерв чинов при Штабе Двинского военного округа в Витебске, куда им предписывалось немедленно отправиться.

Уроженец Черниговской губернии дворянин подполковник Всеволод Григорьевич Плешко, выпускник Николаевского кадетского корпуса и Санкт-Петербургского пехотного юнкерского училища, возглавлял Управление Сердобольского окружного воинского начальника с 1913 г. Особенности военной службы в пределах Великого княжества были хорошо ему знакомы: из 7-го Финляндского стрелкового полка в составе 2-й Финляндской стрелковой бригады В.Г. Плешко в 1908 г. назначен комендантом станции Торнео на границе со Швецией, а в 1910 г. – исполняющим обязанности окружного воинского начальника в г. Ювяскюля. «За отличную военную службу и труды, понесенные во время военных действий» приказом по 6-ой армии 30 декабря 1915 г. он награжден орденом св. Станислава 2 степени, а через полгода получил третью степень того же ордена². Вслед за его устранением от должности сердобольским воинским начальником с апреля 1917 г. стал тридцатидвухлетний выходец из крестьян Архангельской губернии Ф.К. Переломов, бывший делопроизводитель управления³, чье прежнее место занял писарь Петр Заводчиков, председатель солдатского комитета.

Начиная с 5 и 6 марта в соответствии с Приказом № 1 Петроградского совета в частях, находившихся в Финляндии, как и по всей стране, были созданы ротные, батальонные, командные, полковые комитеты. Выборы в солдатские комитеты втягивали в политическую жизнь военнослужащих частей, находившихся в Финляндии, не исключая самые малочисленные команды. Так, постановлением солдатской команды Управления Сердобольского воинского начальника в состав комитета помимо П. Заводчикова оказались из-

¹ Киуру М.Х. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г. Петрозаводск, 1965. С. 9 – 10.

² КА. Д. 6075. Послужной список В.Г. Плешко.

³ Там же. Д. 6885. Послужной список Ф.К. Переломова.

бранными еще один писарь и рядовой как наиболее подготовленные к такой работе¹.

5 марта командир 42-го армейского корпуса генерал-лейтенант А.А. Гулевич, обратившись к главнокомандующему Северным фронтом, просил выслать в Финляндию члена Государственной думы в связи с тем, что «в Выборге командир крепости генерал от инфантерии А.К. Петров арестован нижними чинами, но потом выпущен... Власть над гарнизоном крепости в руках солдатских делегатов»². Содержание его донесения было повторено в телеграмме великому князю Николаю Николаевичу, тогда же отправленной генералом М.В. Алексеевым³.

8 марта солдатский комитет Выборгского гарнизона обратился к военному министру с «просьбой» немедленно убрать коменданта крепости генерала А.К. Петрова «как приверженца старой государственной власти и провоцирующего население Финляндии». Чтобы дать понять Военному министру Временного правительства А.И. Гучкову, каково реальное положение дел, в телеграмме говорилось, что комендант крепости уже «отстранен от должности и подвергнут домашнему аресту». Таким образом, практически требовалось только назначение нового коменданта и решение вопроса о судьбе старого⁴.

В периферийном гарнизоне Сердоболя принимались сходные, но проведенные на своем уровне меры. 12 марта приказом Сердобольского окружного воинского начальника трое унтер-офицеров отделения жандармского полицейского управления в Антреа были в соответствии с распоряжением Начальника Финляндской местной бригады от 9 марта отправлены под конвоем в распоряжение Выборгского этапного коменданта⁵.

По наблюдению В.П. Булдакова, решающую роль в разложении армии сыграли, однако, не знаменитый Приказ № 1 Петроградского совета или лозунг «мир без аннексий и контрибуций», доведенный до логического конца декретом советского правительства о мире, а вольная или невольная дискредитация офицерского корпуса, осуществленная военными министрами Временного правительства А.И. Гучковым и А.Ф. Керенским⁶.

В конце марта 1917 г. приказом министра юстиции Керенского был перемещен с высокой должности командующего русским подводным флотом на Балтике вице-адмирал Н.Л. Подгурский. Он занимал эту должность с начала Первой мировой войны, но весной оказался направлен из Ревеля (Таллин) в Николайстад (Ваза) в качестве начальника обороны Ботнического залива. Поскольку эта часть включала лишь 5 сторожевых судов и 12 минных тральщиков, новое назначение оказалось поразительно скромным для адми-

¹ НА РК. Ф. 763. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 9. Л. 379.

³ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 608.

⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 9. Л. 379.

⁵ НА РК. Ф. 763. Оп. 1. Д. 7. Л. 2 об.

⁶ Булдаков В.П. Красная смута. С.127.

рала и выглядело явным понижением по службе. Причиной стало то, что из-за своего высокого положения в царском флоте Подгурский не мог быть популярен в глазах новой власти послефевральской России как военачальник, связанный со старой правительственной системой. В результате Подгурский занял сравнительно невысокую должность в периферийном районе, не имевшем серьезного значения в смысле военно-морской обороны¹.

Особенность властной ситуации в Финляндии весной – летом 1917 г. определялась тем, что наряду с выборными солдатскими, матросскими и офицерскими органами управления, ставшими продолжением власти военных Финляндии, здесь продолжали действовать органы финляндской гражданской администрации. Параллельное существование гражданских и военных властей приводило государственные структуры бывшего Великого княжества к управленческой неразберихе, их функционирование блокировалось или значительно замедлялось вторжением военных в важнейшие сферы гражданского управления.

Происходило и обратное противодействие финляндской гражданской администрации всех уровней начинаниям и требованиям военных. И хотя Финляндия не оказалась театром военных действий в прямом смысле, эти конфликты стали частью Первой мировой войны в княжестве так же, как и стычки местного населения с войсками, и символические войны с этническими врагами, и общая атмосфера взаимного недоверия, и самое главное – насаждение чрезвычайных мер военного времени в качестве «государственной политики». Все это до предела обострило противоречия между финским национальным движением и российскими стратегическими интересами в Финляндии².

С утратой войсками, находившимися в Финляндии, своей главной задачи – защиты трона и суверенитета империи, в глазах военнотружущих утратила смысл и одна из прежних задач – напоминать населению об обязательном уважении к центральной власти, гарантировать политический и общественный порядок.

Показательны призывы читателей гельсингфорских и абоских «Известий» не допускать действий, позорящих «революционные войска и юную обретенную свободу». «И противно, и жалко», – такие чувства испытал моряк К. Малаховский, оказавшийся очевидцем уличной сцены в Або (Турку). Подобные сцены во множестве повторялись на улицах и в парках финляндской столицы: «Финский народ», проходя мимо дюжины матросов, пристававших к барышням, «делает такую кислую физиономию, что ни один художник не сумел бы в своем искусстве выразить эту брезгливость и насмешливое от-

¹ *Westerlund L. Mannerheim i maskopi med ryska officerare. 1918 ars krig i ny belysning // Vasabladet. 10.10.1993. S.12.*

² См. также: *Дубровская Е.Ю.* Население Финляндии и российские военные: проблемы взаимного восприятия в годы Первой мировой войны // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 80 – 89.

вращение. Я тоже был в форме матроса и желал, чтобы зашло солнце, и сделалась темная ночь»¹.

Выявление положительных черт в характере соседнего народа неизбежно приводило к желанию сопоставить их с автостереотипом, который сложился в представлениях русских о себе и, как это свойственно этническому интраобразу, был эмоционально окрашен и мифологизирован. К лету 1917 г. восприятие соотечественников, находившихся в Финляндии, самими военнослужащими частей демократизировавшихся армии и флота окрашивалось горечью и недоумением.

«В Гельсингфорсе, чистом городе, как оазисы в пустыне, выделяются русские постройки своей нечистоплотностью, у артиллеристов, помещающихся в Абоских казармах, мостовая требует уборки, давно не притрагивалась метла, неоднократно публиковались заметки об антисанитарном состоянии двора гвардейских казарм, где помещается пехота. Стыдно как-то...», – писал в газету один из артиллеристов. Депутат Исполкома Гельсингфорского совета Капецкий, служивший на Лагерном острове, обращал внимание на то, что «товарищи-солдаты, к сожалению, привыкли всегда и везде грызть семечки», «пол на пассажирском пароходе переполнен плеватками и шелухой», а это «небезопасно в смысле гигиены»².

Портрет солдата или матроса российской армии и флота, складывавшийся из ежедневных наблюдений рядовых и офицеров в своих частях и подразделениях, из их знакомства с гневными газетными публикациями и сообщениями хроники о происшествиях в других гарнизонах Финляндии все менее соответствовал тому образу русского воина-богатыря, который с начала войны формировался на страницах официальных правительственных изданий.

В мае 1917 г., указывая на явные признаки разложения частей российской армии, расквартированных в Финляндии, член офицерского комитета 3-го прибалтийского конного полка В. Любимов разъяснял читателям абосских «Известий»: «Став на путь попрания финских законов, мы сослужим себе плохую службу в будущем... Нарушение нами финских законов дает повод к тому, что финны могут всегда сослаться на наши по отношению к ним беззакония... Финны веруют в закон больше, чем в бога. Вековые беззакония в России научили нас смотреть на закон легко. Пройдут года – мы изменим свои взгляды, но пока будем уважать законы и обычаи других народов». Примечательно, что, несмотря на долгие годы создававшиеся правительственной печатью образы финнов и шведов как потенциальных внутренних врагов в границах империи, весной 1917 г. российский военнослужащий мог заявить со страниц первой русской газеты в Або: «Вряд ли кто живущий в

¹ Малаховский К. Кто мы? Граждане или полудикари XX в.? // Известия Совета депутатов Або-Оландской укрепленной позиции (далее – Известия Совета депутатов АОУП). 1917. 2 августа.

² КА. Фонд «Русские военные бумаги». Д. 11970.

Финляндии может сказать что-нибудь плохое про финнов. Эти добрые отношения между нами не должны нарушаться»¹.

Автор письма в гельсингфорские «Известия», подписавшийся «Русский, но не солдат», с возмущением писал в конце июля: «Меня удивляет, что солдаты с немцами при фронте лучше относятся, нежели с мирными жителями, или, может быть, наши не дают водки и не относятся к ним с уважением, или им лучше сражаться с невооруженными жителями»². Автор сослался на случаи вмешательства солдат в жизнь местного населения, о которых упоминалось в гельсингфорской газете «Hufvudstadsbladet» — органе шведской народной партии.

В мае пограничные власти Швеции уведомили российское командование, что русские солдаты вооруженными переходили границу и не только посещали танцевальные вечеринки в приграничных населенных пунктах или предпринимали преследования дезертиров, уводя их обратно в Финляндию, но и обстреливали шведских пограничных стражников и частных лиц. Подобные сведения Королевского Шведского инспекторского отделения выглядят тем более достоверно, что на состоявшемся в конце мая заседании гарнизонного комитета в Торнео, где рассматривались эти чрезвычайные происшествия, по вопросу о соблюдении военнослужащими установленной формы одежды, собравшиеся постановили «считать недопустимым хождение без погон, пояса, носить брюки навыпуск, кому это не положено, а также ходить в смешанной форме одежды»³.

Правда, комитет вынес заключение, что нелегальный переход границы имел место не в пределах 2-го участка Финляндской пограничной охраны. Комитет постановил напомнить солдатам гарнизона Торнео о недопустимости подобных происшествий, т.к. этим наносится вред «нашей Родине, вызывая нарекания и протест соседнего нейтрального государства»⁴.

Газеты писали о фактах повсеместно отмечавшегося пренебрежения рядовых к выполнению уставных требований, в том числе и в отношении обмундирования⁵. Описывая впечатления от Гельсингфорса, увиденного в мае 1917 г., один из флотских офицеров отмечал: «Необычным было только одно — большое количество моряков, по делу и без дела ходивших по городу в урочное время, при этом в большинстве случаев разнообразно одетых с фуражками набекрень»⁶.

Говоря об особенностях повседневной жизни российских военных в Финляндии весной — летом 1917 года, следует отметить, что личный состав

¹ Любимов В. Финны и закон // Известия Совета депутатов АОУП. 1917. 2 мая.

² РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 48.

³ КА. Фонд «Русские военные бумаги». Д. 9051.

⁴ Там же.

⁵ Весьма красноречиво об этом рассказано в сатирическом стихотворении, опубликованном в Выборге: Козлов В. Новое явление // Выборгский солдатский вестник. 1917. 27 июня.

⁶ Панцержанский Э.С. От Февраля к Октябрю // Север. 1987. № 7. С. 87.

армейских частей, многие из которых прибывали в тыл для отдыха и пополнения, менялся достаточно часто. Общая усталость от войны, характерная для рядовых российской армии в 1917 г., в меньшей степени затронула военнослужащих частей и подразделений, дислоцированных на территории бывшего автономного Финляндского княжества. Что касается матросов, то подобные настроения были свойственны морякам гельсингфорсской военно-морской базы, которая оказалась тыловой по отношению к другим базам флота на Балтике.

Период с конца февраля до начала мая 1917 г. стал значительным этапом, изменившим все стороны жизни российских гарнизонов в Финляндии. Воздействие общероссийского революционного процесса на моряков и армейцев, находившихся в Финляндии, не было односторонним. За несколько недель почти во всех частях и гарнизонах возникли выборные комитеты военнослужащих, явочным порядком осуществлявшие «демократизацию» войск. Своей основной задачей они считали поддержку совершившейся революции и установление контроля в армейских частях и на кораблях Балтийского флота. Весной 1917 г. комитеты все больше признавали себя как власть и решительно вмешивались в жизнь своих частей и соединений, выступали против внешнеполитического курса Временного правительства с его верностью союзническому долгу и ориентацией на продолжение уже четвертый год длившейся войны.

Одновременно с вовлечением широких слоев рядовых военнослужащих в общественно-политические процессы, разворачивавшиеся в финляндских войсках и на Балтийском флоте, последствия «демократизации» армейской и флотской жизни необычайно осложнили положение российских вооруженных сил на театре военных действий Первой мировой войны. Наряду с другими факторами отказ от единоначалия командного состава вел к нарушению боеспособности и к фактическому разложению финляндских войск, что стало очевидным к концу 1917 г.

Конфликты между военнослужащими, выходившими из подчинения своим командирам, и гражданской администрацией коснулись обычных жителей финляндских губерний, приходов, отдельных населенных пунктов, стали утомляющей повседневностью. Люди на собственном опыте почувствовали нежелательность пребывания российских военных в крае. Это недовольство росло в течение всего военного периода и разрешилось в обретении Финляндией независимости.

Бажанов Д.А.

Памятные революционные даты в Гельсингфорсе весной-летом 1917 г. как фактор формирования и отражения настроений (на примере моряков Балтийского флота)

Отмечание памятных дат и событий в революционный период ликвидации одной политической традиции и создания, подчас, принципиально иной приобретает особое значение. С одной стороны, такие праздники оформляли и закрепляли в сознании победу нового строя, с другой – должны были демонстрировать единство и массовость победившего народа. Кроме того, подобные, по выражению Б.И. Колоницкого, «праздники революции» служили одновременно показателем и источником формирования настроений масс¹.

В Гельсингфорсе после кровавой победы революции 3 – 5 марта 1917 г. первой памятной датой стало 17 марта – день похорон «жертв революции». Значимость этого события для участников не подвергается сомнению: о нем подробно писали «Известия Гельсингфорского совета» и «Tuomies», сохранились и фотографии. В ходе революционного процесса в Гельсингфорсе это шествие и похороны стали своеобразным завершением 4 марта: официальное закрепление статуса павших героев и создание революционного мемориала. Был разработан подробный сценарий, исполнение которого Исполнительным комитетом Совета было возложено на капитана I ранга А.А. Ружека. Предполагалось в полдень, после выстрела дежурного корабля вынести гробы, установить их на специальные колесницы. Затем траурный кортеж в сопровождении членов комитета и представителей от моряков, пехотинцев и артиллеристов, т.е. всех родов войск, стоявших в Гельсингфорсе, должен был, выехав из порта, проследовать по центральным улицам и затем, через Западную набережную и Парковую улицы, обогнуть Южную гавань. Конечной точкой был Брунс-парк, где и предполагалось провести церемонию предания останков земле. В городе день был не просто выходным: помимо предприятий и учебных заведений закрывались даже магазины, а финские трамвайные служащие приостановили движение трамваев². Однако у организаторов определенно возникли трудности с определением «героев революции». Погибшие офицеры и унтер-офицеры, несмотря на отдельные предложения торжественно похоронить и их, не очень подходили по идейным соображениям, к тому же многих уже захоронили на Старом и Мальмском (православном)

¹ См. подробн. о «праздниках революции»: *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 38 – 56.

² Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 16(29) марта; *Дубровская Е.Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). Петрозаводск, 2008. С. 93; *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть. С. 46.

кладбищах¹. В результате траурная процессия сопровождала всего два гроба. Благодаря фотографии П. Тараканова удалось установить всего одно имя захороненного в Брунспарке – З. Хусаинов (Гуссаинов). В аннотированных каталожных карточках ЦВММ отмечено, что он был офицерским вестовым и служил на линейном корабле «Андрей Первозванный». Надпись на обороте гласит, что он – «вестовой офицерской кают-компании, убит офицерами из разрывной пули [? – Д.Б.], которую [выпустили офицеры – Д.Б.] во время Февральской революции, спрятавшись в рулевом отделении, вооружившиеся револьверами и пистолетами»². Однако сообщение о гибели вестового на «Андрее Первозванном» мы находим лишь в рассказе его командира капитана I ранга Г.О. Гада. Это дало возможность Р.М. Мельникову предположить, что З. Хусаинов и есть убитый при защите кают-компании вестовой, но не офицерами, а матросами³. Имя второго захороненного так и остается неизвестным. Возможно, что им стал упомянутый Г.К. Графом матрос с «Ретивого», тяжело ранивший старшего лейтенанта В.Н. Кулибина и в результате рикошета пули получивший смертельную рану сам⁴. Само шествие напоминало больше праздничную манифестацию. Сохранилось две фотографии, авторство которых принадлежит уже упоминавшемуся П. Тараканову. Первый снимок запечатлел церемонию поминания погибших на центральных улицах Гельсингфорса. Хорошо заметны колонны из нижних чинов, практически не видно офицеров (лишь три фигуры на дальнем плане). Еще одна деталь, обращающая внимание – лица у многих весьма радостные. На следующей фотографии зафиксирована толпа зевак, наблюдающая за этим шествием по набережной. Складывается ощущение, что именно здесь и собрались желавшие взглянуть на это новое для них явление горожане. Все пространство было полностью запружено людьми, для прохода траурного шествия оставлен лишь узкий коридор. По нему и двигалась колонна военных по красным флагам⁵.

¹ См. список погребенных на православном кладбище: РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 252. ЛЛ. 1 – 3; *Бажанов Д.А.* «Гельсингфорский мартиролог»: русские военные моряки, погибшие 3 – 4 марта 1917 г. и захороненные на Гельсингфорском православном кладбище // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. 15 марта 2010 г. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред и сост.), А.В. Аранович. СПб., 2011. С. 47 – 54. Судя по рапортам Гельсингфорского коменданта №№ 2010 и 2265, от 18 и 26 марта, похороны на Мальмском кладбище еще не менее 11 чел. состоялись в ночь на 8 марта 1917 г. (РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1302. ЛЛ. 70, 76 об. О похоронах убитых ночью писал и Г.К. Граф. См.: *Граф Г.К.* На «Новике». СПб., 1997. С. 284.

² ЦВММ. Фонд фотографий и негативов. № 035206, дублируется (без подписи) № 037491/5.

³ *Мельников Р.М.* Линейный корабль «Андрей Первозванный» (1906 – 1925). СПб., 2003. С. 79.

⁴ *Граф Г.К.* На «Новике». С. 282.

⁵ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов. № 037483/2 (копии – №№ 037483/6, 032562), 037491/1.

Продолжили эту череду юбилейные торжества по случаю месяца со дня победы революции в Гельсингфорсе. Интересно отметить, что депутаты местного Совета хотели, по-видимому, придать празднику более глубокий революционный смысл, связывая его с 5-летием расстрела рабочих на Ленских золотых приисках. К этому дню предлагалось украсить все военные объекты: войсковые казармы флагами и цветами, а корабли – флагами расцветивания. Но главным событием должен был стать парад. По замыслу разработчиков «Программы празднования» во главе с генерал-лейтенантом К.А. Алексеевским парад должен был охватить все основные городские районы, а также продемонстрировать выучку и мощь революционных войск. С каждого дредноута в нем приняло участие по 125 матросов, со старых линкоров, а также крейсеров «Россия» и «Громобой» – по 100. С «Дианы» и заградителей должно было принять участие 500 чел, еще столько же – с кораблей минной обороны и от Свеаборгского флотского полуэкипажа¹. В общей сложности было привлечено, таким образом, 2000 матросов при 50 офицерах. Еще столько же участвовало от сухопутных частей. Все войска были разделены на четыре колонны. На Сенатской площади в 10 ч. 30 мин. собралась первая, состоявшая из представителей 1-й бригады линейных кораблей, 511-го Сычевского пехотного и 1-го Свеаборгского артиллерийского полков. В 11 ч. 30 мин. от Вокзальной площади двинулась вторая колонна, куда вошли члены экипажей 2-й бригады линейных кораблей, «России» и «Громобоя», 428-го Лодейнопольского пехотного и 2-го Свеаборгского артиллерийского полков. От Брунс-парка в 12 ч. 30 мин. пошла третья колонна, включавшая матросов с «Дианы» и заградителей и солдат 509-го Гжатского и 510-го Волховского пехотных полков, а также инженерных частей. Наконец, в 13 ч. начала свой марш по городу колонна от Политехникума. В нее вошли представители экипажей миноносцев, сторожевых и тральных судов, Свеаборгского флотского полуэкипажа, солдаты 512-го Деснинского пехотного полка и технической роты крепостной артиллерии Свеаборга. Каждую колонну сопровождал оркестр, казачий взвод и взвод конной артиллерии. Все колонны двигались к эпицентру активности тогдашнего революционного Гельсингфорса – Торговой площади². Место было выбрано отнюдь не случайно – вероятно, комиссия хотела подчеркнуть равное значение в этих событиях матросов, находившихся в Северной гавани, солдат, квартировавших в казармах поблизости и рабочих Свеаборгского порта. Площадь также преобразилась. «С находящегося на площади обелиска императрицы Екатерины II (? – Д.Б.), – сообщили «Известия Гельсингфорского Совета», – двуглавый орел – эмблема царизма – еще до начала парада был сброшен и обелиск украшен флагами с надписями “Свобода” и “Да здравствует демократическая республика!”»³. К 15 ч. все колонны были выстроены. В этот торжественный момент над пло-

¹ Программа празднования // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 1 апреля.

² Там же.

³ Б/а. Парад революционных войск в городе Гельсингфорсе 4 апреля // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 7 апреля.

щадью кружил аэроплан, также декорированный красными флагами. Немало флагов было и в колоннах, тем более что к ним разрешили присоединиться и рабочим, не менее чем по 100 чел. Парад принимал комендант Свеаборгской крепости генерал-лейтенант В.Г. Пащенко. После его выступления слово было предоставлено председателю Совета С.А. Гарину, а также членам Исполнительного комитета В. Бриллиантову, Н. Хильяни и А. Сакману¹. Впервые как о самостоятельной политической силе заявила о себе в Гельсингфорсе партия социалистов-революционеров, отметившаяся на этом параде сразу двумя ораторами, членом Совета прапорщиком Термикеловым и членом Гельсингфорского отделения партии Семеновым. Причем, в отличие от предыдущих выступавших, оба они говорили исключительно о заслугах в деле революции эсеров. Возможно, это демонстрировало их лучшую организованность и было попыткой увеличить свою и без того немалую популярность. О последней в среде военных свидетельствовала и самая популярная песня тех дней, исполнявшаяся, кстати, колонной моряков на параде, «Крестьянская Марсельеза». В ней, в частности, присутствовали такие строки:

«Но мы свергли царя и министров
В нашей стойкой и мощной борьбе
Будем дружно стоять мы и быстро
Землю с волей [курсив наш – Д.Б.] добудем себе!»².

С 20 до 23 ч. проводился фейерверк, корабли были освещены праздничной иллюминацией³.

Однако празднование 1 мая (прошло 18 апреля) уже в программе своей отличалось от предыдущих. Колонны для прохождения формировались не по профессиональной, а, скорее, по партийной принадлежности. Колонны №№ 1 – 12 относились к РСДРП. Их организовывали Гельсингфорский комитет, представители 1-й и 2-й бригад линейных кораблей, «коллектива крейсеров», «коллектива мелких судов», представители армейских частей, рабочие, служащие и женщины-работницы Свеаборгского порта, а также Балтийского, Металлического, Адмиралтейского и Обуховского заводов, работавшие в Гельсингфорсе⁴. Особо выделим колонну членов Эстонской организации РСДРП, по степени влияния в тот период не уступавшей Гельсингфорскому отделению и поэтому получившей право на формирование отдельной колонны. Уже в апреле сами представители последнего оценивали массовость Эстонской организации в 1000 чел., что было лишь в 2 раза меньше, чем общее число членов Гельсингфорского отделения РСДРП. При этом отмечалась их

¹ Программа празднования // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 1 апреля; *Б/а*. Парад революционных войск в городе Гельсингфорсе 4 апреля // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 7 апреля.

² *Б/а*. Парад революционных войск в городе Гельсингфорсе 4 апреля (продолжение) // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 9 апреля; *Б/а*. Крестьянская Марсельеза // Там же.

³ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 2. ЛЛ. 5 об., 6 об.; Д. 10. Л. 99; Ф. 566. Оп. 1. Д. 61. Л. 8 об.

⁴ Первомайское торжество. Программа // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 18 апреля.

высокая организованность и «спаянность», что объясняется, на наш взгляд, этнической однородностью¹. Колонны №№ 13 – 17 формировались социалистами-революционерами. Какие конкретно коллективы были ответственными, выяснить не удалось. Наконец, колонны №№ 18 – 30 должны были составить беспартийные². Финские рабочие в это шествие не входили, встреча с ними должна была состояться позднее, на Вокзальной площади.

Маршрут, как и во время предыдущего праздника, должен был охватить большую часть городских районов. В то же время появилась отличительная черта, которая, вероятно, должна была подчеркнуть пролетарский характер шествия. Русские колонны должны были выступить в 9 ч. 45 мин., но не от признанного центра – порта, а от Сандвикского завода. Затем, пройдя по Бульварной улице и выйдя около здания Шведского театра к Эспланаде, они должны были соединиться с финскими колоннами и пройти совместно в северную часть города по Унионской улице. При этом, демонстрируя равенство и солидарность особо подчеркивалось, что движение русских и финнов должно было осуществляться «строго параллельно и по 4 человека в ряд»³. Пройдя через портовые сооружения и казармы в районе Сернес, колонны должны были выйти по Шоссейной дороге в район Фредриксберг, что с севера ограничивал парк Теле. Там, на Спортивном плацу – излюбленном месте для проведения спортивных мероприятий в годы войны – шествие завершалось, и должен был пройти митинг. Причем, организаторы отмечали, что «с каждой трибуны будут говорить по 2 оратора от партий социал-демократов и социал-революционеров»⁴. Таким образом, организаторы стремились подчеркнуть равный статус различных этнических групп, партий и тем обеспечить один из главных лозунгов этого шествия – «Праздник братства»⁵. Однако само деление колонн по партийному признаку, по нашему мнению, демонстрировало, что «революционному единству» первого месяца наступал конец. Однако идеи «всеобщего объединения ради защиты завоеванной свободы» были еще довольно сильны. Не случайно, полагаем, самый большой и заметный плакат, названный «Единение», несла «беспартийная» колонна моряков, обозначенная в программе под № 23⁶. Демонстранты начали собираться с 8 ч. утра. В 9 ч. 45 мин. первые колонны двинулись по намеченному маршруту. На плацу они появились примерно в 11 ч., а последние

¹ VII (Апрельская) Всероссийская и Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). М., 1934. С. 270; Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 64.

² Первомайское торжество. Программа // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 18 апреля.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Б/а. Первое мая // Там же; Фролов В. К детям родины // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 20 апреля.

⁶ Хроника // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 20 апреля.

пришли туда спустя полтора часа. Потом начался митинг, длившийся до 14 ч.¹

Проявилась эта тенденция и в демонстрации 18 июня. Гельсингфорский совет по сложившейся традиции пытался скоординировать готовившееся мероприятие. После обсуждения Исполнительным комитетом 15 июня была создана комиссия для подготовки. При этом главной задачей, как это следовало из объявления, размещенного в «Известиях» на следующий день, предполагалось «возложение венков на братскую могилу жертв русской революции», более того демонстрация приурочивалась к трехмесячному юбилею создания мемориала в Брунс-парке². Однако уже на следующий день Матросская секция выделила свою группу. По данным Е.Ю. Дубровской, в нее вошли матрос линейного корабля «Республика» В. Марусев, крейсера «Россия» Б. Должиков, также матрос с минного заградителя «Лена» В. Емельянов и еще 4 чел.³ При этом первые двое относились к большевикам, а последний – к формирующемуся крылу левых эсеров. Немудрено, что лозунги, подготовленные этой комиссией носили весьма радикальный политический и антивоенный характер. Кроме того, местные партийные организации заявили, что по окончании общей демонстрации проведут свои митинги⁴. Таким образом, в отличие от Е.Ю. Дубровской, полагаем, что Совету не удалось сохранить статус безоговорочного организатора, а с ним и прежнюю объединительную линию. Сам Совет пошел за партийными организациями, приняв их лозунги. Этот, своего рода последний «праздник революции» начался в 14 ч. Шествие отправилось с Сенатской площади по довольно длинному маршруту, включавшему ряд улиц в северной части города, Северную набережную, Торговую площадь, ставшую уже привычным местом для шествий, затем по набережным к Брунс-парку и могильному мемориалу, созданному 18 марта. Оттуда улицами колонны должны были выйти на Эспланаду. Завершалось шествие на Вокзальной площади⁵. Перед колоннами ехали 2 автомобиля для расчистки дороги. По бокам стояли цепи из солдат и матросов, чтобы «любопытствующие не могли смешаться»⁶. Очевидцы оценивали численность участников от неопределенных «нескольких десятков тысяч» до 50 тыс. чел.⁷ Особой организованностью выделялась колонна матросов с линейного корабля «Республика» с «красными плакатами». Было и несколько

¹ Там же.

² Объявления // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 16/29 июня; Протокол № 32 заседания Исполнительного комитета Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта от 15 июня // Там же. 23 июня/6 июля.

³ Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март-октябрь 1917). Петрозаводск, 1992. С. 98.

⁴ Смирнов В.М. Из революционной истории Финляндии. 1905, 1917, 1918. Л., 1933. С. 85; Антонов-Овсеенко В.А. В семнадцатом году. М., 1933. С. 173.

⁵ Воззвание // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 18 июня/1 июля.

⁶ Очевидец. Среди демонстрантов // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 19 июня/2 июля.

⁷ Там же; Смирнов В.М. Демонстрация 18 июня // Волна. 1917. 19 июня/2 июля.

«выдающихся по своей оригинальности» плакатов. Например, с изображенными солдатом и матросом, державшими в своих руках некую «эмблему» над пашущим крестьянином. Его венчал лозунг «Долой капитал, да здравствует соединение, сотрудничество сохи!»¹. Также впечатление произвело большое количество красных знамен и, особенно, группа анархистов, шедшая, по воспоминаниям И.И. Ренгартена, под черным флагом «с Адамовой головой и надписью “Смерть буржуям!”».² Необычность вызывала у современников разные чувства, в том числе и страх, соединенный с восхищением. Очевидец писал:

«Вдруг нежданно мерным шагом,
Нагоняя страх и жуть,
Демонстранты с черным стягом,
Демонстранты с черным флагом,
Смертоносно держат путь...»³.

Пользовалась популярностью эта группа и у фотографов, свидетельством чему стали две сохранившиеся фотографии. Именно с их помощью можно утверждать, что основу этой группы составляли члены экипажа линейного корабля «Петропавловск»⁴. Завершилась демонстрация в 17 ч.

Однако после этого состоялся митинг, организованный Гельсингфорским отделением РСДРП(б) на Вокзальной площади. Его центром стала импровизированная трибуна для выступавших, которую представлял грузовой автомобиль, украшенный плакатами. По-видимому, организаторы надеялись, что участники демонстрации примут участие и в их мероприятии – не случайно оно прошло там, где закончилось предыдущее. По мнению выступавшего В.А. Антонова-Овсеенко так и получилось⁵. Однако снимок дает несколько иную картину. Основными слушателями стали моряки. Бросается в глаза, что люди стояли довольно компактно возле грузовика, расположенного между вокзалом и гостиницей «Фенния». В центре виднелись плакаты и флаги, в том числе и черный. Но самих участников не много – видно значительное пустое пространство⁶.

Этот митинг явился рубежным, т.к. с этого времени многие крупные мероприятия приобрели партийную окраску и организовывались по инициативе партийных групп. И проходили они, соответственно, представляя собой «поединки» партийных ораторов, борьбу за аудиторию и вынесение подходящих резолюций.

¹ Очевидец. Среди демонстрантов // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 19 июня/2 июля; Звонарев Г. Впечатления участника // Там же.

² РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 200. Л. 26; Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет. С. 104.

³ Д.П. Картинки наблюдателя // Известия Гельсингфорского Совета. 1917. 19 июня/2 июля.

⁴ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов. № 02729. См. также: Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть. СПб., 2001. С. 44.

⁵ Антонов-Овсеенко В.А. В семнадцатом году. С. 174.

⁶ ЦВММ. Фонд фотографий и негативов. № 02729.

Таким образом, революционные праздники марта – июня 1917 г. демонстрировали тенденцию к постепенному усилению партийной направленности. Полагаем, что это – две составляющие одного процесса. С одной стороны мы имеем дело с увеличением поддержки партийных лозунгов и, как следствие, их отражением в виде плакатов, транспарантов. Тем самым, демонстрации становились отражением настроений. С другой – выступления ораторов, стремление максимально ярко и красочно представить свои идеи приводили к росту их восприимчивости, а, значит, популярности.

Никитин А.В.

Церковный суд в 1917 году: дело протоиерея Владимира Гуляева

В последние годы среди историков наблюдается устойчивый интерес к теме «Церковь и революция». Достаточно назвать труды М.А. Бабкина, П.Г. Рогозного и Т.Г. Фруменковой¹. В этих работах дается анализ как взаимоотношения государства и церкви, так и внутрицерковных конфликтов, прямо или косвенно связанных с происходившими в стране социально-политическими изменениями. При этом преждевременно говорить о полном изучении данной темы. Основное внимание ученых было сосредоточено на высшем духовенстве, однако изучение деятельности приходских священников в условиях революции также представляется весьма перспективным направлением исследований. В этом контексте большой интерес представляют следственные дела духовных лиц, обвинявшихся в совершении тех или иных антиправительственных действий. Материалы архива Петроградской духовной консистории свидетельствуют, что в 1917 году в столичной епархии разбирались 7 подобных дел². Рассмотрим в качестве примера одно из них.

5 марта 1917 года протоиереи Крестовоздвиженской церкви Андрей Кононов и Владимир Гуляев были арестованы за произнесение противоправительственных проповедей. Основные обвинения предъявили В. Гуляеву, который даже был доставлен в Государственную думу и допрошен там. Позже его дело было передано обер-прокурору Синода В.Н. Львову, а он, в свою очередь, передал материалы в консисторию. Проступок священника состоял

¹ *Бабкин М.А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. - конец 1917 г.) М., 2007; *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008; *Фруменкова Т.Г.* Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5.

² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 118. Д. 391.

в том, что 5 марта он обратился к прихожанам с проповедью. В ней указывалось, что в городе совершаются «дела постыдные – убийства, грабежи, сжигание архивов, сжигание целых домов, разгром магазинов...», забыта была присяга на верноподданство государю императору». При этом страшные преступления происходили в Святую Четыредесятницу, которая являлась «временем строгого воздержания во всем». Речь вызвала недовольство собравшихся, и вызванная ими милиция арестовала иерея. Сам Владимир Гуляев в своем объяснении консистории утверждал, что его неверно поняли: они и не думал призывать к каким-либо действиям против новой власти, и наоборот, «хотел сказать, что государь император отрекся от престола и что мы теперь обязаны подчиняться новому правительству», но не успел этого сделать, так как возмущенная толпа его уже не слушала¹.

Рассмотрев дело, консистория в целом согласилась с доводами обвиняемого. В своем постановлении она указала, что слова священника о беспорядках в столице «фактически были верны», другой вопрос, что они в свою очередь привели к беспорядкам в храме, и потому едва ли были уместны. Серьезным аргументом в пользу священника стало наличие своего рода смягчающих обстоятельств, а именно его преклонного возраста и некоторых личных особенностей. «Протоиерей Владимир Гуляев – глубокий старик, имеющий 76 лет от роду, пастырь ревностный, характера прямого, открытого, выступил с откровенною речью, не сообразовавшись ни с местом, ни обстоятельствами», – отмечалось в документе. Было признано, что сам арест священника и его допрос органами светской власти можно считать вполне достаточным наказанием: «Протоиерей Гуляев за прямую и откровенную речь был привлечен к ответу и объяснению в Государственную думу. Не без страданий он явился на суд за свою пастырскую ревность. По мнению духовной консистории, пусть эти страдания послужат искуплением вины протоиерея Гуляева, если на нем была вина. Но другому взысканию Петроградская духовная консистория полагала бы протоиерея Гуляева не подвергать»².

Отметим, что такое же весьма лояльное отношение консистории к подсудимым прослеживается и других делах политического характера, относящихся к 1917 году. Безусловно, подведение окончательных итогов возможно только после тщательного изучения всех доступных документов, при этом должен привлекаться материал различных епархий. Только тогда мы сможем получить полное представление о феномене так называемой «церковной революции», понять, насколько тенденция решительной борьбы с наследием старого режима повлияла на судьбы рядовых представителей клира.

¹ Там же. Оп. 109. Д. 83. Л.2.

² Там же Л. 7.

Николаев А.Б.
«Отравители» перед Временным судом
(Петроград, март – июль 1917)

«Отравителями» в периодической печати 1917 года называли лиц, осуществлявших незаконную торговлю кокаином, опиумом и морфием¹. В связи с этим определенным интересом представляет вопрос о правовых основах преследования таких лиц в дореволюционной России. Этот интерес к правовым нормам царской России вызван тем, что они, продолжая де-юре некоторое время существовать и после Февральской революции, могли быть задействованы в этот период в борьбе против торговцев наркотическими веществами. Заметим, что М.Н. Гернет в своей работе 1924 г., анализируя законы ряда европейских государств, направленные против распространения наркомании, умолчал о том, имелись ли в дореволюционной России их аналоги, существовали ли правовые основы для борьбы с наркоторговлей? Вместе с тем он обратил внимание на то, что в Уголовном кодексе РСФСР «не содержится специальных статей о наркотиках», «но имеется ст. 215, предусматривающая приготовление, хранение и сбыт ядовитых и сильнодействующих веществ лицами, не имеющими на то право и карающая эти деяния штрафом до 300 руб. золотом или принудительными работами»². В дальнейшем советские ученые утверждали, что правовые основы борьбы с наркоманией были заложены только после Октябрьской революции. Так, И.М. Макарь пишет, что «в 1921 году по инициативе В.И. Ленина <...> устанавливается уголовная ответственность за незаконное изготовление и сбыт наркотических средств, а также посев опийных культур»³. Такой подход присутствует и в новейших исследованиях. Например, А. Аксенкин пишет, что «до революции 1917 г. общество не понимало всей опасности и последствий применения наркотиков». И лишь после Октябрьской революции началось «устранение многих негативных явлений прошлого, в том числе наркомании и связанных с ней преступлений», «борьба с наркопреступностью вступила в активную фазу»; в 1918 г. вышло предписание СНК РСФСР о борьбе со спекуляцией кокаи-

¹ Укажем, что этих лиц не называли наркоторговцами. Точно также в газетах, милицейских рапортах и судебных делах не встречаются упоминания о наркопритонах и наркоманах. Наркопритоны именовали притонами кокаинистов и т.д., а наркоманов – кокаинистами, опиоманами и морфинистами. Вместе с тем в одной из газетных статей морфий, кокаин и опий были названы наркотическими веществами (Арест шайки отравителей // Петроградская газета. 1917. 22 марта). В суточном рапорте I Спасского подрайонного комиссариата за 7 апреля 1917 г. содержится запись о «торговле наркотиками» (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 211. Л. 7). Факт употребления в прессе понятий «наркотики» и «наркотические вещества» позволяет и нам здесь их использовать. Кроме этого, для удобства мы иногда будем употреблять такие понятия как наркоторговля, наркоторговцы и наркопритоны.

² Гернет М.Н. Наркотизм, преступность и уголовный закон // Наркоконтроль. 2011. № 3. С. 33 (Впервые статья была опубликована в журнале «Право и жизнь» (1924. Кн. III и IV. С. 39 – 46).

³ Макарь И.М. Наркомания под запретом закона. Кишинев, 1990. С. 9.

ном^{1,2}. Соглашаясь с тем, что данный подход верен и соответствует реальному положению дел, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что и до революции 1917 года в России велась борьба с незаконным оборотом сильнодействующих и ядовитых веществ. Этот вопрос подвергнут изучению в трудах современных ученых-юристов³. Так, исследователи, анализируя указ от 7 июня 1915 г. «О мерах борьбы с опиекурением», утверждают, что им «в российское право были введены такие понятия, как “хранение”, “приобретение” и “перевозка” наркотиков»⁴. В действительности, эти понятия указом от 7 июня 1915 г. не вводились. Речь в нем шла об изготовлении, приобретении, хранении и сбыте курительного опия⁵, который не выделялся в качестве наркотического вещества из списка сильнодействующих и ядовитых веществ⁶. Указ имел юридическую силу только в пределах территории Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства. Юристы утверждают, что существовало намерение «распространить юрисдикцию данной нормы на всю территорию страны после “об-

¹ Постановление СНК РСФСР от 31 июля 1918 г. «О борьбе со спекуляцией кокаином»

² Аксенкин А. Наркопреступность в России: исторические предпосылки и уголовно-правовые аспекты борьбы с ней // Наркоконтроль. 2008. № 4. С. 12. В.В. Лошкарёв, соглашаясь с утверждениями предшественников, пишет, что «1917 год» (читай – после Октябрьской революции – А.Н.) стал началом «формирования и активного развития наступательной государственной антинаркотической политики» (Лошкарёв В.В. Антинаркотизм в России: теоретический и историко-правовой анализ: Дис. ... к. юрид. Н. Самара, 2009. С. 84).

³ Калачев Б.Ф. 1) Что мы об этом знаем? Из истории распространения наркотиков и наркомании в России // Эйфория распада. М., 1991. С. 42 – 51. (Б-ка журн. «Молодая гвардия»; № 11 (478)); 2) Наркотики на Руси. Исследование Б.Ф. Калачева. Третий этап – Всероссийская империя // Нет – наркотикам. Информационно-публицистический сайт [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://narkotiki.ru/research_5284.html#u18; Калачев Б.Ф., Сбирунов П.Н., Сергеев А.Н. 1) § 1. Исторический аспект распространения наркотиков и наркомании в России / Глава I. Развитие наркомании и незаконного оборота наркотиков в России и мире // Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Учебное пособие / Под общей ред. А.Н. Сергеева. М., 2000. С. 4 – 12; 2) § 3. Противодействие незаконному обороту наркотиков и злоупотреблению ими // Там же. С. 17 – 25.

⁴ Миньковский Г.М., Побегайло Э.Ф., Ревин В.П., Целинский Б.П. Наркотизм: профилактика и стратегия борьбы // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. М., 1999. С. 16; Мусаев А.Н., Сбирунов П.Н., Целинский Б.П. Противодействие незаконному обороту наркотических средств (история и современность). М., 2000. С. 20; Назарук М.В. Административная ответственность за незаконные приобретение, хранение, потребление наркотических средств или психотропных веществ: Дис. ... к. юрид. н. Тюмень, 2004. С. 25.

⁵ О мерах борьбы с опиекурением, 7 июня 1915 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел первый (далее – СУ). 1915. 17 июня. № 170. Ст. 1291. С. 1743.

⁶ См.: Федоров А.В. 1) Сильнодействующие и ядовитые вещества как предмет преступления: история и современность (1917 – 2008 гг.) // Там же. № 2. С. 8; 2) Списки сильнодействующих и ядовитых веществ в Российской империи (XVIII в. – 1917 г.) // Наркоконтроль. 2010. № 1. С. 21.

катки” закона в наиболее криминогенном <...> наркорегиионе»¹. Но идея реализована не была в связи с революционными событиями 1917 года. Кроме этого указа с ограниченной юрисдикцией существовали и другие нормы, регулирующие оборот сильнодействующих и ядовитых веществ. Б.Ф. Калачев в связи с этим пишет, что в 1915 г. отдельным сборником, «наподобие кодекса»², были опубликованы Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уголовное уложение 1903 г., Уложение о наказаниях 1885 г. Калачев обращает внимание на следующее: 1) «статьями 104, 104¹ 104² отделения «О поступках против народного здравия» Устава о наказаниях регламентировалось использование (употребление, хранение, продажа) ядовитых и сильнодействующих веществ служащими аптеки населению; 2) «статьи 867, 868, 869, 871¹, 885, 895, 899 Уложения о наказаниях значительно уточняли круг незаконных действий, связанных с ядовитыми и сильнодействующими веществами»; 3) «в Уголовном уложении имелась только одна норма, имеющая отношение к незаконному распространению наркотиков – о контрабанде (ст. 279 п. 5)»³. В современных учебных пособиях также указывается, что Уголовное уложение 1903 года, расширив основания ответственности за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ, дифференцировало санкции в зависимости от признаков субъекта преступления и ввело три специальных статьи: «В одной из них криминализировалось нарушение правил хранения, отпуска или использования такого рода средств ответственным лицом аптеки и производств; в другой – лицом, имеющим право их использовать; в третьей предусматривалась ответственность лиц, виновных в хранении для продажи или в продаже сильнодействующих и ядовитых веществ без лицензии или с нарушением ее условий»⁴. Г.П. Новоселов, несомненно, пишет о ст. ст. 201, 204, 205 Уголовного уложения 1903 года⁵.

Серьезным недостатком отечественной историографии является отсутствие специальных работ, посвященных судебному преследованию торговцев

¹ Калачев Б.Ф., Сбирунов П.Н., Сергеев А.Н. § 3. Противодействие незаконному обороту наркотиков и злоупотреблению ими / Глава I. Развитие наркомании и незаконного оборота наркотиков в России и мире // Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. С. 19.

² [Озерецковский Н.] Свод законов уголовных: (Св. зак., т. 15, изд. 1885 г., по Прод. 1912 г.): С предметным указателем / Сост. Н. Озерецковский. 2-е изд. Неофиц. СПб., 1915.

³ [Калачев Б.Ф.] Наркотики на Руси. Исследование Б.Ф. Калачева. Третий этап – Всероссийская империя // Нет – наркотикам. Информационно-публицистический сайт [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://narkotiki.ru/research_5284.html#u18.

⁴ Новоселов Г.П. §1. История развития уголовного законодательства о преступлениях против здоровья населения / Глава 14. Преступления против здоровья населения // Уголовное право. Особенная часть. Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 2001. С. 545.

⁵ Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Изд-е Сенатской типогр. Изд-е неофиц. СПб., 1903. С. 45 – 46.

сильнодействующими или ядовитыми веществами в дореволюционной России. Ученые «скупаются» в своих трудах даже на примеры из судебной практики по таким делам¹. Иначе говоря, плохо понятно, на основании каких правовых норм выносились приговоры торговцам кокаином, опиумом и пр.

После Февральской революции 1917 года, как пишет А.В. Федоров, правовое регулирование оборота сильнодействующих или ядовитых веществ не претерпело никаких изменений. Как и раньше, ответственность за незаконный их оборот предусматривалась Уложением о наказаниях уголовных и исправительных издания 1885 г., Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями издания 1914 г., Уголовным уложением, утвержденным 22 марта 1903 г. и указом от 7 июня 1915 г. Федоров подчеркивает, что «указанные акты не выделяли из числа сильнодействующих и ядовитых веществ наркотические вещества»². Что касается вопроса о преследовании торговцев этими веществами в Петрограде в 1917 году, то он практически не изучен. Хотя, некоторые исследователи приводят отдельные факты из истории борьбы с торговцами кокаином. Так, В.И. Мусаев в своей монографии лишь кратко сообщил о раскрытии в мае 1917 г. шайки А. Вольмана, промышленявшей торговлей кокаином³. С.Е. Панин тоже привел этот факт, сославшись на работу В.И. Мусаева⁴. Заметим, что Панин, посвятив свое исследование потреблению наркотиков в Советской России в 1917 – 1920-е гг., предпринял попытку доказать, что «всплеск употребления наркотиков» произошел в России «в первые годы после событий 1917 года»⁵. Ввиду заявленных хронологических рамок и цели исследования Панину было даже выгодно ограничиться всего лишь одним фактом относительно периода, когда у власти находилось Временное правительство, дабы тем самым подчеркнуть/выпятивать рост наркотизации населения именно в советский период истории России. Кстати, и Мусаев, и Панин обошли молчанием вопрос о судебном преследовании шайки Вольмана. В связи с этим, заметим и то, что в специальных работах нет какой-либо статистики судебных дел, проходивших в 1917 году

¹ Исключение составляют работы, в которых есть сюжеты о борьбе царизма с опиекурением в Приамурье. Так, Б.Ф. Калачев, характеризуя обстановку в этом регионе накануне принятия указа «О мерах борьбы с опиекурением», цитирует книгу В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический» (Хабаровск, 1914. С. 140): «Мировые судьи за сбор опиума “с большой натяжкой” судят по статье, привлекающей виновных за выделку ядовитых веществ» ([Калачев Б.Ф.] Наркотики на Руси. Исследование Б.Ф. Калачева.

Третий этап – Всероссийская империя // Нет – наркотикам. Информационно-публицистический сайт [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://narkotiki.ru/research_5284.html#u18).

² Федоров А.В. Сильнодействующие и ядовитые вещества как предмет преступления: история и современность (1917 – 2008 гг.) // Наркоконтроль. 2008. № 2. С. 8.

³ Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917 – 1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. С. 176.

⁴ Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917 – 1920-е годы) // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 130.

⁵ Там же. С. 129.

против наркоторговцев в Петрограде. В частности, умолчал об этом М.Н. Гернет в своей работе «Наркотизм, преступность и уголовный закон». Вместе с тем он приводит сведения о том, что в Париже в 1917 г. было произведено 42 ареста за незаконную торговлю наркотиками (212 в 1921 г.), в Питсбурге (США) было 17 дел против наркоторговцев в 1917 г. (40 в 1924 г.), в Нью-Йорке – 1283 (1628 в 1921 г.)¹. Получается, что какого-либо судебного преследования наркоторговцев в Петрограде в 1917 году и не проводилось?! С формально-юридической стороны Гернет прав, т.к. в 1917 году не было правовых норм, устанавливавших ответственность за незаконный оборот наркотических веществ.

Вместе с тем милиция задерживала торговцев кокаином, опиумом и морфием и передавала их во временные суды, созданные приказом министра юстиции А.Ф. Керенского от 3 марта 1917 года. Напомним, что присутствие Временного суда состояло из трех человек – мирового судьи (председатель), представителя от армии и представителя от рабочих². В §3 Инструкции для временных судов указывалось, что суд получил право налагать следующие наказания: выговор, замечание, внушение, штраф до 10 000 руб., арест не свыше 3 месяцев, тюремное заключение не свыше 1 года и 6 месяцев³. Действуя в рамках этой юрисдикции, Временный суд при вынесении приговоров по делам о незаконной торговле кокаином, опиумом и морфием мог опираться на дореволюционное законодательство. Сразу же необходимо исключить из арсенала правовых норм Временного суда указ от 7 июня 1915 г., т.к. его юрисдикция распространялась только на территории Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства, и ст. 279 п. 5 Уголовного уложения, которая вводила для участника шайки контрабандистов наказание в виде заключения в исправительном доме⁴. Согласно ст. 18 Уголовного уложения заключение в исправительном доме назначалось на срок от одного года и шести месяцев до шести лет⁵, а по ст.ст. 64, 65 и 67 – до восьми лет⁶. Т.е., эта норма (ст. 279 п. 5 УУ) не совпадала в полной мере с юрисдикцией Временного суда, для которого высшей мерой наказания было тюремное заключение на 1 год и 6 месяцев. Что касается других норм, по которым наступала ответственность за незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ, то здесь необходимо провести дифференциацию, исходя из признаков субъектов преступления. В первую очередь речь идет об ответственности аптекарей, которые занимались незаконным оборотом сильнодействующих веществ, поставляя их пре-

¹ Гернет М.Н. Указ. соч. С. 31.

² Об образовании временных судов // СУ. 1917. № 58. 12 марта. Ст. 354. С. 544.

³ Инструкция для временных судов // Ведомости общественного градоначальства. 1917. 30 марта.

⁴ Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Изд-е Сенатской типогр. Изд-е неофиц. СПб., 1903. С. 60.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 14 – 15.

ступным организациям, которые в свою очередь распространяли их в розницу и снабжали ими притоны. Другие статьи вводили ответственность для лиц, которые не имели права приобретать, хранить и продавать сильнодействующие и ядовитые вещества. По этим статьям и могли проходить во Временном суде торговцы этими веществами не из числа аптекарей.

Наибольшее число из статей, регулирующих оборот сильнодействующих и ядовитых веществ, вводило ответственность для аптекарей, что свидетельствовало о значимости аптекарского канала для поступления их в незаконный оборот. Среди них: ст. ст. 867, 885 и 895 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных; ст. ст. 201, 202 и 204 Уголовного уложения 1903 г. Укажем, что ст. 885 Уложения о наказаниях не могла быть использована Временным судом в своей практике, т.к. предусматривала наказание, которое он выносить не мог – «лишение навсегда права управлять», в частности, аптекой «за несоблюдение должной осторожности при <...> отпуске ... веществ не только ядовитых, но и сильнодействующих»¹. Наименьшие наказания были в ст. 895 Уложения: «за отпуск лекарств по копиям рецептов или по сигнатурам без подписи врача, если в состав оных входят вещества сильнодействующие, виновный управляющий аптекой подвергается: в первый раз, выговору; во второй, денежному взысканию не свыше двадцати пяти рублей; в третий, не свыше пятидесяти рублей». Эта ж статья вводила наказание для фармацевта, который приговаривался: «в первый раз, к выговору; во второй к денежному взысканию не свыше пяти рублей; а в третий раз, не свыше десяти рублей»². Ст. 867 Уложения о наказаниях, в частности, гласила: «Тот, кто, имея право продавать вещества ядовитые или сильнодействующие, будет заведомо продавать оные лицам, не имеющим права на покупку таковых веществ <...> подвергается за сие: денежному взысканию не свыше ста рублей». В случае повторного совершения этого преступления виновный «подвергается: денежному взысканию не свыше трехсот рублей и заключению в тюрьме на срок от двух до четырех месяцев»³. Ст. 201 Уголовного уложения за неисполнение правил об отпуске ядовитых или сильнодействующих веществ вводила для управляющего аптекой и др., химика или фармацевта в качестве наказания денежную пеню в размере не свыше пятисот рублей, а для ученика – не свыше двухсот рублей. В случае же повторения преступного деяния виновный, согласно ст. 202, наказывался «арестом не свыше трех месяцев». Ст. 204 устанавливала для виновного «в хранении для продажи или в продаже ядовитого или сильнодействующего вещества» «хотя и с разрешения, но с нарушением правил, установленных законом или обязательным по-

¹ [Волков В.В.] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: Издание 1885 г. и по Прод. 1912 г.: С извлеч. из решений Правительствующего Сената, Свода законов, сводов воен. и мор. постановлений, с указанием подсудности, судопроизводств. правил и прил. / Сост. В.В. Волков. Неофиц. изд. СПб., 1914. С. 490.

² Там же. С. 495.

³ Там же. С. 478 – 479.

становлением» наказание в виде ареста «на срок не свыше трех месяцев или денежную пенею не свыше трехсот рублей»¹.

Таким образом, аптекари и фармацевты, признанные виновными в незаконном обороте сильнодействующих и ядовитых веществ, могли понести наказание – от выговора до четырехмесячного тюремного заключения, а также оштрафованы в размере от пяти до пятисот рублей.

Лица, не являвшиеся аптекарями, несли ответственность за незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ по двум статьям – 104¹ Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями и 204 Уголовного уложения. В первой из них – ст. 104¹ – указывалось, что «за продажу ядовитых или сильнодействующих веществ <...> лицами, не имевшими на то по закону право, если нарушение это не имело своим последствием причинения кому-либо смерти (ст. 28), виновные, сверх отобрания сих веществ в пользу местных богоугодных заведений, подвергаются: в первый раз, или заключению в тюрьме на время от двух до четырех месяцев, или аресту не свыше трех месяцев, или денежному взысканию не свыше трехсот рублей; а во второй и последующие разы – заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев»². Ст. 204 Уголовного уложения устанавливала для виновного «в хранении для продажи или в продаже ядовитого или сильнодействующего вещества, без надлежащего разрешения» такое же наказание как и для лица, имевшим разрешение, но нарушившим правила при продаже – арест «на срок не свыше трех месяцев или денежную пенею не свыше трехсот рублей»³. Можно заметить, что максимальное наказание для торговцев сильнодействующими или ядовитыми веществами не из числа аптекарей была ниже по размеру денежного штрафа (300 рублей против 500 для аптекарей) и в два раза выше по сроку тюремного заключения (8 месяцев против 4-х).

После Февральской революции во временные суды милицией стали передаваться дела о торговцах опиумом и кокаином. Первым из них стало дело мещанки г. Нижне-Удинска Софьи Ефимовны Храмовской, задержанной и осужденной 19 марта 1917 г. Временным судом за торговлю опиумом. По сообщению «Петроградской газеты», «милиционеры, дежурившие на Николаевском вокзале, обратили внимание на мужчину и женщину, вышедших из вагона сибирского поезда». Внимание милиционеров привлекло то, что «в руках неизвестные несли значительные пакеты». Это показалось милиционерам подозрительным и они решили задержать приезжих. По словам «Петроградской газеты», «мужчина, бросив пакеты, успел скрыться, а его спутницу арестовали»⁴. «Речь» же писала, что молодой человек скрылся «по дороге в

¹ Уголовное уложение. С. 45.

² [Таганцев Н.С.] Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Изд. 1914 г.: С прил. мотивов и извлечений из решений кассационных дел Правительствующего Сената / Изд. Н.С. Таганцевым. 22-е изд., доп. Пг., 1914. С. 253 – 254.

³ Уголовное уложение. С. 45.

⁴ Арест шайки отравителей // Петроградская газета. 1917. 21 марта.

пикет милиционеров на вокзале»¹, а по словам «Биржевых ведомостей», мужчина сбежал во время следования в Комиссариат². Храмовская в поднадзорной жалобе указала, что была задержана двумя милиционерами №№ 905 и 911 не при въезде в столицу, а, наоборот, перед отъездом из Петрограда³. «Биржевые ведомости» сообщали, что при задержанной было найдено несколько пакетов с опиумом⁴. Храмовская писала, что у нее было «15 небольших пачек опиума»⁵. Как утверждала «Петроградская газета», «в пакетах оказался пуд опия», который Храмовская, по ее же собственным словам, купила «у скрывшегося мужчины за 1000 рублей». В той же газете сообщалось о неудачной попытке задержанной подкупить милиционеров⁶, а «Биржевые ведомости» даже назвали сумму предлагаемой взятки за освобождение – 1000 рублей⁷. При допросе Храмовская заявила, что «опий она приобрела для китайцев, проживающих в большом количестве в Петрограде»⁸. В поднадзорной жалобе она утверждала, что «хотела опиум перепродать, так как знала, что аптеки, аптечные склады нуждаются в нем для лечебных целей». Но в том же прошении легко обнаруживаются слова, которые заставляют сомневаться в истинности заявленных намерений просительницы. Дело в том, что у задержанной были найдены две записки с адресами, которые она получила от продавца опиума. Храмовская в связи с этим предположила, что они могут помочь «напасть на следы какой-либо шайки, работающей с опиумом». Любопытно и другое ее замечание: «Когда я сомневалась при покупке опиума, мне продавец дал какую-то китайскую бумагу»⁹. Приведенные свидетельства самой же задержанной заставляют подозревать ее в намерении продать опиум какой-то организации, которая занималась его сбытом в Петрограде. Для этого Храмовская была снабжена адресом (адресами) этой организации и сертификатом качества опиума («китайская бумага»). После допроса, видимо, в милицейском пикете на вокзале, задержанная была доставлена в Комиссариат и после составления протокола препровождена во II временный суд Александро-Невского района (ул. Гончарная, д. 25). В этот же день она была осуждена к 6 месяцам тюремного заключения.

Отбывая срок заключения в Петроградской женской тюрьме, который должен был окончиться 19 сентября 1917 года, Храмовская обратилась с

¹ Хроника // Речь. 1917. 21 марта.

² Арест торговли опиумом / Происшествия // Биржевые ведомости. 1917. 21 марта (утр. вып.).

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 755. Л. 2.

⁴ Арест торговли опиумом / Происшествия // Биржевые ведомости. 1917. 21 марта (утр. вып.).

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 755. Л. 2.

⁶ Арест шайки отравителей // Петроградская газета. 1917. 21 марта.

⁷ Арест торговли опиумом / Происшествия // Биржевые ведомости. 1917. 21 марта (утр. вып.).

⁸ Там же; Арест шайки отравителей // Петроградская газета. 1917. 21 марта; Хроника // Речь. 1917. 21 марта.

⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 755. Л. 2 об.

поднадзорной жалобой на имя министра юстиции А.Ф. Керенского¹. В ней она указала, что уже в Комиссариате было совершено нарушение Устава уголовного судопроизводства, когда составленный протокол «не был мне прочитан, не был предъявлен для подписания ни мне, ни обоим милиционерам». Оспаривая законность осуждения ее на 6 месяцев тюремного заключения, она писала, что должна была отвечать за нарушение Таможенного устава. В этом случае, по словам осужденной, ее следовало оштрафовать «за провоз запрещенного к провозу товара», а «товар конфисковать». В связи с этим она просила министра юстиции, во-первых, затребовать из II временного суда ее дело (№ 99); во-вторых, отменить приговор и «предписать Временному суду вновь разобрать дело и поставить приговор по правилам Устава Таможенного»². Насколько можно судить по материалам поднадзорного дела, просьба Храмовской осталась без последствий³. Здесь же заметим, что ст. 1048 Таможенного устава, устанавливающая наказания и взыскания за контрабанду, гласила об «отобрании контрабандных товаров» (п. 1), денежной пени (п. 2), в случаях особо указанных – заключении в тюрьму или в исправительный дом⁴. Напомним, что заключение в исправительном доме назначалось на срок от одного года и шести месяцев до шести лет и даже до восьми лет, тогда как максимальное наказание, которое мог вынести Временный суд, ограничивалось тюремным заключением на 1 год и 6 месяцев. Таким образом, во-первых, Таможенный устав предусматривал более строгое наказание, чем Храмовская указала в своей поднадзорной жалобе, во-вторых, наказание, которое предусматривала ст. 1048 Таможенного устава, выходило за пределы юрисдикции Временного суда.

В ходе расследования дела Храмовской выяснилось, как писала «Петроградская газета», что в столице «существует целая шайка отравителей, продающих в кафе морфий, кокаин и опий⁵». Наркотики «привозились чле-

¹ Прошение подписано за неграмотную Марией Алексеевой и зарегистрировано в Петроградской женской тюрьме 28 марта 1917 г. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 755. ЛЛ. 2, 3).

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 755. ЛЛ. 2, 2 об., 3.

³ Там же. ЛЛ. 1, 5.

⁴ Устав таможенный. С примечаниями и ссылками на позднейш. узаконения / Свод законов Российской империи. Т. VI. СПб., [1912]. С. 196.

⁵ Продажа наркотиков, в частности, кокаина посетителям кафе получила распространение в начале XX века в США. М.Н. Гернет пишет: «В Америке констатирована торговля наркотиками в кофейнях, где посетителям по особому знаку подают кокаин вместо сахара» (Гернет М.Н. Указ. соч. С. 31). Здесь же укажем, что до Февральской революции мода на кокаин, как пишет М.В. Шкаровский, «не выходила за пределы ночных увеселительных заведений», а его потребителями были «“шикарные проститутки”, дамы полусвета и их молодые любовники». Исследователь замечает: «Революция кардинально изменила внешний облик и посетителей кафе, кондитерских, баров на главных улицах столицы: за всегдатаями стали молодые люди в матросских и солдатских шинелях, “лица без определенных занятий”, проститутки. Все чаще здесь ночью открыто торговали кокаином, все шире становился круг потребителей» (Шкаровский М. Семь имен “кошки”: расцвет наркомании в Ленинграде в 1917 – 1920-е годы // Невский архив: историко-краеведческий

нами шайки главным образом из Персии». Милиционерам удалось арестовать одного из членов этой организации, при обыске у которого был обнаружен «список лиц “великосветского” общества, которые являлись постоянными покупателями кокаина, морфия и опия»¹. Несомненно, что этот наркоторговец был передан во Временный суд.

21 марта 1917 г. милиция Литейного района произвела обыск в кондитерской «Плезир» (Невский пр., д. 72), во время которого была арестована шайка наркоторговцев из 20 человек, среди которых, в частности, оказались студент Волков, «Мишка-Московец» и «Абрашка»². Здесь сразу же оговоримся, что относительно задержания «Абрашки» – Абрама Вольмана есть и другая версия, изложенная в газете «Петроградский листок». Вернемся пока к милицейской операции в кафе «Плезир». При допросе задержанные показали, что продавали 1 грамм кокаина за 3 – 6 рублей, а доставали его при помощи аптекарей³. Владельцы этих аптек были тут же переданы в распоряжение временных судов⁴. К сожалению, неизвестно, ни персонального состава этих аптекарей, ни того, перед каким из отделений Временного суда они предстали, ни приговоров, которые были им вынесены. Точно также неизвестно, в каком из временных судов (X или XI) Литейного района рассматривалось дело студента Волкова и «Мишки-Московца». Думается, что дело аптекарей шло отдельно от дела Волкова и «Мишки-Московца». Заметим, что кафе «Плезир» закрыто властями не было. Судя по материалам прессы, не был привлечен к уголовной ответственности и его владелец.

В тот же день, 21 марта, милиционерами был произведен обыск в чайной на углу Надеждинской ул. и Баскова переулка. В ходе его у владельца чайной было обнаружено 10 фунтов кокаина. Владелец чайной предстал перед Временным судом, который приговорил его «за хранение кокаина и другие нарушения закона к 9 месяцам тюрьмы»⁵.

Пожалуй, самым громким делом стало раскрытие в марте 1917 года летучим отрядом милиции II Московского подрайонного комиссариата шайки Абрама Вольмана, занимавшейся продажей кокаина. Ему предшествовал арест скрывавшегося от военной службы Морица Вольмана, который на допросе показал, что «принадлежит к шайке организаторов торговли кокаином» и является братом А. Вольмана. Укажем, что Абрам Вольман был известен среди наркоманов под кличкой «Король» («Король Абрашка»). По сообщению прессы, в дореволюционный период он чуть ли не открыто торговал ко-

сборник. СПб., 1997. Т. III. С. 467). Соглашаясь в целом с этим утверждением, заметим, что торговля кокаином велась и днем пусть и не открыто.

¹ Арест шайки отравителей // Петроградская газета. 1917. 21 марта.

² Здесь же была задержана Анна Апрелькова, которая «до того нанюхалась кокаину, что ее пришлось отправить в больницу» (Арест шайки отравителей // Петроградская газета. 1917. 22 марта).

³ Арест шайки отравителей // Петроградская газета. 1917. 22 марта.

⁴ Арест в кафе «Плезир» / Происшествия // Новое время. 1917. 22 марта.

⁵ Арест шайки отравителей // Петроградская газета. 1917. 22 марта.

каином, имел конторы по его продаже в Петрограде, Москве, поставлял в южные города России¹. Оргии кокаинистов, устраиваемые на конспиративных квартирах преступной организации «Короля», назывались среди их участников «вечеринками секты Сатаны»². Милиционерам удалось установить источник получения кокаина: А. Вольман наладил связь с аптечным депо в Германии, откуда получал товар через Швецию³. Почему именно аптечный кокаин был основным наркотиком, который распространяла шайка «Короля Абрашки»? В адресной книге «Весь Петроград на 1917 год» указан Авраам Яковлевич Вольман, аптечный помощник, проживавший в д. 5 по Свечному переулку⁴. Если «Король Абрашка» и А.Я. Вольман – одно и то же лицо, то можно предположить, что он использовал свои профессиональные связи, сложившиеся в связи поставкой в Россию разных медикаментов из стран Европы и, в частности, из Германии в довоенный период. Естественно, что, занявшись торговлей кокаина, «Король» не проживал по Свечному переулку. Милиционерам удалось установить его местожительство – Загородный пр., д. 17. По этому адресу милиционерами был проведен обыск, обнаружены улики, но для задержания и предания А. Вольмана суду их было недостаточно. Поэтому он задержан не был. За ним было установлено наблюдение. Выяснилось, что главными помощниками «Короля» были известный шулер Иван Иванович Костромин, называвший себя подданным Великобритании Яков Боргман⁵ и уголовник Сергей Чеботарев. Вскоре представилась возможность взять «Короля» с поличным, т.е. при продаже кокаина. По этому поводу «Петроградский листок» писал: «Милиционеры после ареста М. Вольмана узнали, что «Король» ежедневно бывает в 2 часа дня в «Десятке», где к этому времени собираются его клиенты»⁶. Судя по этому сообщению, именно Морриц Вольман предоставил милиционерам информацию о том месте, где Абраам Вольман встречается с собственной клиентелой. Кстати, «Десяткой» называли чайную в д. 10 по Щербакову переулку. Не исключено, что о ней, как о месте сборища кокаинистов и наркоторговцев, милиция знала и раньше. Известно, что летучий отряд милиции совершал обход чайных Московского района. В «Петроградском листке» сообщалось, что милиционеры обратили внимание на странных посетителей этой чайной, «состоявшей из двух комнат мрачного вида, с грязными полами, неприглядными служащими». Среди гостей задней комнаты чайной «стали часто появляться студенты, ученики, вольноопределяющиеся, юные девы, даже из приличных семейств, прости-

¹ *Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая.

² Арест главаря кокаинистов / Что вчера случилось? // Петроградский листок. 1917. 17 июня.

³ *Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая.

⁴ *Весь Петроград на 1917 год*. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания / Под ред. А.П. Шашковского. Пг., 1917. С. 135.

⁵ В статье – Яков Боркман (*Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая).

⁶ *Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая.

тутки и т.п.». Агенты летучего отряда установили, что «приманкой в эту комнату является получения кокаина, а также опия»¹. Владелец чайной А.И. Родзевич², как сообщал «Петроградский листок», «сквозь пальцы смотрел на то, что творилось в его заведении». Именно около «Десятки» на улице А. Вольман и был арестован, когда шел на встречу к своим покупателям. Он попытался дать милиционерам взятку в 500 руб., но «его предложение успеха не имело». «Король» был препровожден во Временный суд, который присудил его к 9 месяцам тюремного заключения³. Кроме этого, по 4 месяца тюрьмы получили – М. Вольман и Р. Вольман, которые тоже вели торговлю кокаином по кафе⁴. По сообщению прессы был осужден и другой «главный отравитель» – Коломник⁵.

Т.е. именно в марте, а не в мае 1917 года, как ошибочно пишет В.И. Мусаев, была раскрыта шайка А. Вольмана. Хотя, некоторые ее члены сумели в марте 1917 года избежать ареста и судебного преследования. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в марте 1917 года Временный суд рассмотрел 5 дел наркоторговцев, осудив их на различные сроки тюремного заключения. Значение этого состоит в том, что именно с этого момента в Петрограде, пожалуй, впервые в истории столицы началась систематическая борьба против торговцев наркотическими веществами, важное место в которой занимал Временный суд.

Вплоть до конца апреля на фронте борьбы с наркоторговлей наступило затишье. Так, в начале апреля 1917 г., как сообщалось в прессе, милиционер Крейцберг задержал 10 фунтов опия у одного персианина. Торговец предложил милиционеру взятку в сумме 2000 рублей, от которой тот отказался. Временный суд приговорил наркоторговца к 9 месяцам тюремного заключения⁶. В I Спасском подрайонном комиссариате за 1, 2 и 3 апреля было зарегистрировано четыре случая о продаже кокаина. Протоколы, составленные в Комиссариате, были переданы в XXI временный суд⁷. В этом же Комиссариате 7 апреля был зарегистрирован один случай продажи наркотиков, 11 апреля принято заявление о торговле кокаином в кафе «Ампир»⁸ (ул. Коло-

¹ Там же.

² Весь Петроград на 1917 год. С. 1552.

³ *Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая. «Новое время» сообщало, что Вольман был осужден на 10 месяцев тюремного заключения (За продажу кокаина / Хроника // Новое время. 1917. 28 марта).

⁴ По утверждению «Нового времени», М. и Р. Вольманы были сыновьями А. Вольмана (За продажу кокаина / Хроника // Новое время. 1917. 28 марта).

⁵ Глава кокаинистов и «графчик» в бесте // Живое слово. 1917. 17 июня.

⁶ Хроника // Биржевые ведомости. 1917. 5 апреля.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 211. Л. 2.

⁸ Кафе «Ампир» было известно в Петрограде как притон налетчиков, проституток и кокаинистов. По словам современника, на это кафе было составлено более 200 протоколов, но закрыто оно было только после Октябрьской революции (*Амнуэль А. [Сергеевич Н.Н.] Суд первых дней // Рабочий суд. 1927. № 21. Стб. 1694.*)

кольная, д. 12)¹, а 16 апреля – о продаже кокаина в кафе Андреева. О каких либо действиях милиции по задержанию наркоторговцев и направлении их во Временный суд в суточных рапортах I Спасского подрайонного комиссариата за 7, 11 и 16 апреля не сообщалось². 28 апреля в I Московском подрайонном комиссариате был составлен протокол на Мизанта за торговлю кокаином. Протокол направлен во Временный суд³. Иначе говоря, с начала и до конца апреля 1917 года было заведено 6 дел продаже наркотических веществ.

В конце апреля начался второй этап разгрома преступной организации Абрама Вольмана. Долгое время летучий отряд милиции II Московского подрайонного комиссариата вел охоту на его сообщника И.И. Костромина, но он был неуловим. Позднее выяснилось, что у него в разных частях города было 4 многокомнатные⁴ квартиры⁵. В них Костромин организовал притоны, где собирались наркоманы. Один из них назывался среди его посетителей «Дантов ад»⁶. Попасты в притон можно было только по паролю. Милиции необходимо было установить адреса этих притонов, чтобы разгромить шайку наркоторговцев. И вскоре ей удалось это сделать. В апреле месяце в милицию стали поступать заявления об исчезновении молодых девушек из состоятельных семей. Милиционерам удалось установить, что лица, об исчезновении которых были поданы заявления, проводят время в клубе кокаинистов. Учитывая, что наркодельцы продолжали использовать кафе для поиска все новых и новых клиентов, милиция установила в наиболее подозрительных из них наблюдение за посетителями. В кафе «Амбир» внимание милиционера привлек некий Боргман, который раздавал «посетительницам, а также некоторым бывшим в кафе мужчинам, преимущественно военным, какие-то карточки, наподобие пригласительных билетов». Милиционеру, ведшему наблюдение в этом кафе, практически без труда удалось добыть это приглашение. Судя по газетной публикации, это приглашение, отпечатанное на визитной карточке И.И. Костромина, гласило: «в д. № 12 по 1-й Рождественской улице ежедневно от 10 до 3 часов ночи происходят собрания скупающих. Всех тех, у кого не спокойна душа, любезный хозяин рекомендует прийти к нему и на миг забыться от всего мирского». «Вечернее время» писало, что за Боргманом и другими лицами, имевшим с ним дела, было установлено наблюдение, в результате которого выяснилось, что он «является компаньоном и главным агентом аристократического притона на Песках и целые дни проводит в различных кафе и ресторанах, вербуя, как гостей, так и необходимых лиц для этого учреждения»⁷. Говоря о последних, газета имела в виду

¹ Владельцами кафе «Амбир» были М.А. Маслов и П.И. Савинов (Весь Петроград на 1917 год. С. 1477)

² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 211. ЛЛ. 7, 10, 15 об.

³ Там же. Д. 115. Л. 2.

⁴ *Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая.

⁵ Уничтожение притона // *Вечернее время*. 1917. 4 мая

⁶ Там же.

⁷ Аристократический притон // *Вечернее время*. 1917. 3 мая.

молодых женщин и девушек. В ночь с 29 на 30 апреля милиционеры II Московского подрайонного комиссариата¹ пришли по адресу, где размещались меблированные комнаты «Лион»² (1-я Рождественская ул., д. 12)³. Назвав пароль «Аннексия», они ворвались в помещение притона, состоявшего из 12 комнат. В одной из комнат милиционеры обнаружили опиекурильню, в которой находилась группа лиц, «мужчин и дам, находившихся в полубессознательном состоянии». В притоне не только курили опиум, но и употребляли морфий, доза которого для мужчин стоила 5 рублей⁴. Милиционеры переписали всех находившихся в притоне лиц⁵ (до 40 человек⁶), а протоколы, датированные 30 апреля 1917 г., составили только на троих задержанных – первый по обвинению Костромина и Андреевой в продаже кокаина и второй на Боргмана⁷ с тем же обвинением. Все трое содержались в Арестном помещении при II Московском подрайонном комиссариате, а протоколы были направлены в XI временный суд (Литейный пр., д. 15, который отложил дело до 3 мая 1917 года⁸). В этот день XI временный суд приговорил И.И. Костромина к полутора годам тюремного заключения, его главного помощника – студента Московского политехникума Боргмана⁹ к одному году и двум месяцам тюремного заключения, а Александру Андрееву – личную «секретаршу» Костромина, выполнявшую «щекотливые поручения»¹⁰ и торговавшую кокаином от его имени в кафе Рейтера¹¹ – к 6 месяцам тюрьмы¹². «Петроградский листок» сообщал, что к суду была также привлечена задержанная при аресте Боргмана и Андреевой в состоянии наркотического опьянения «барышня из приличной семьи, В.М.П., служащая в одном из ведомств». Как сообщалось в

¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 119. Л. 4. Кстати, «Вечернее время» 3 мая опубликовало статью, в которой утверждалось, что операция по раскрытию притона проводилась под руководством начальника уголовной милиции А.А. Кирпичникова. «Петроградский листок» не преминул указать, что «раскрытие шайки» приписано «не принимавшему в этом деле уголовному бюро и его шефу А.А. Кирпичникову». 4 мая «Вечернее время» поспешило сообщить, что «арест шайки кокаинистов и накрытие аристократического притона было проведено милицией второго подрайона Московской части» (См.: Аристократический притон // Вечернее время. 1917. 3 мая; Уничтожение притона // Там же. 4 мая; *Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая).

² *Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая.

³ Владелец меблированных комнат «Лион» был Иван Федорович Борисов (Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания / Под ред. А.П. Шашковского. Пг., 1917. С. 1374).

⁴ Аристократический притон // Вечернее время. 1917. 3 мая.

⁵ Притон морфинистов // Российская республика. 1917. 4 мая.

⁶ Аристократический притон // Вечернее время. 1917. 3 мая.

⁷ В протоколе он назван Бордманом (ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 119. Л. 4).

⁸ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 119. Л. 4.

⁹ *Ведун* в своей статье назвал его Брокманом (*Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая).

¹⁰ Уничтожение притона // Вечернее время. 1917. 4 мая.

¹¹ *Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая.

¹² Уничтожение притона // Вечернее время. 1917. 4 мая.

прессе, ей «была прочтена председателем строгая мораль, причем во время речи многие присутствующие плакали»¹. Необходимо подчеркнуть, что некоторые лица, причастные к этому делу, во-первых, не попали в руки милиции и избежали судебного преследования², во-вторых, были задержаны милицией при обысках в притонах кокаинистов, но во Временный суд не направлялись³. При раскрытии притона в чайной по Лештукову пер., д. 8⁴, насколько можно понять из газетного сообщения, милиция никого не задержала⁵.

В мае 1917 года милиция даже несколько усилила борьбу с наркоторговцами. Этому способствовала Петроградская городская управа. Так, 2 мая член Управы И.В. Никаноров обратился к начальнику Петроградской городской милиции с письмом, в котором сообщал: «В связи с наплывом в Петроград большого количества рабочих китайцев, устройство которых возложено Городской управой на меня, в городе и, главным образом в Новой Деревне возникли притоны для курильщиков опиума и азартной игры в карты». Никаноров просил начальника милиции распорядиться «о принятии самых решительных мер к обнаружению и закрытию притонов». 4 мая 1917 г. на письме была поставлена резолюция: «Сообщить телеграммой во все комиссариаты»⁶. Можно утверждать, что милиция не ограничивалась только поиском и закрытием опиокурилен для китайцев. Так, вечером 9 мая милиционеры произвели обыск в кондитерской «Плезир», в ходе которого было задержано 20 человек, «занимавшихся исключительно продажей кокаина по весьма высоким ценам». Все они были препровождены во Временный суд⁷. 10 мая во II Московском подрайонном комиссариате был составлен протокол по обвинению Крикушина и Паладина в продаже кокаина, направленный в XI временный суд⁸. 12 мая в I Спасском подрайонном комиссариате было при-

¹ *Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая.

² По сообщению «Петроградского листка», успел «скрыться в Москву» уголовный преступник Сергей Чеботарев; при попытке ареста в «Десятке» отрядом из 3- милиционеров наркоторговца Петьки Заводного за него заступились клиенты чайной, которые стали избивать милиционеров чайниками. Воспользовавшись этим, Петька Заводной сумел скрыться. Один из нападавших на милиционеров – бывший реалист Эдельман – был задержан и передан во Временный суд, который назначил ему в качестве наказания 3 месяца тюремного заключения (*Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая).

³ В прессе сообщалось, что милиция сумела накрыть притон кокаинистов в ночлежном доме «Сухиничи», где «во время обыска был задержан негр Лео, который приехал из Америки и подвизался в кафешантаных сценах в качестве исполнителя танца “Чечотка”». Познакомившись с артистской-кокаинистской, он сам увлекся кокаином, потерял работу и оказался в ночлежке (*Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая).

⁴ Владелицей чайной была М.Б. Желягина (Весь Петроград на 1917 год. С. 1551).

⁵ *Ведун*. Разрушенные гнезда кокаинистов // Петроградский листок. 1917. 4 мая.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 248. Л. 1.

⁷ Арест отравителей / Происшествия // Российская республика. 1917. 10 мая.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 119. Л. 15.

нято заявление помощника комиссара 1-го Казанского подрайона Ивана Соловьева «о продаже вольноопределяющимся Николаем Хохловым кокаина в кафе “Ампир”». Судя по записи в суточном рапорте, Хохлов был доставлен в Комиссариат и тут же сделал заявление «о продаже Анной Щипко кокаина в кафе “Ампир”». Оба дела – на Хохлова и Щипко – Комиссариат направил в XXI временный суд. Поздно вечером 12 мая милиция совершила обыск в д. 9 по Глазовской улице. По сообщению А. Перова, «этот дом в 5 – 6 этажей представляет [собой] еще незаконченную постройку», где «уже около месяца» живут китайцы-рабочие «без окон и дверей, без печей, без водопровода, без уборных, словом без всяких самых минимальных намеков на удобства и возможность жить». По утверждению автора статьи, «Временный суд постановил выселить китайцев <...> из этого жилища»¹. Приговор не был сразу же приведен в исполнение². Именно в этом доме милиция и накрыла притон, принадлежавший китайцу Лиу-Дзи-Джау. Произошло это благодаря тому, что вологодский купец, прибывший в Петроград на несколько дней, проиграл в притоне шулерам за полчаса 15 000 рублей. Моментально протрезвев, он явился в местный Комиссариат милиции, где и сообщил о притоне. Милиция обнаружила в притоне не только карточную игру, но и опиекурильню, размещенную в маленьких гостиных и посещаемую представители «золотой молодежи». Во время обыска милиционеры нашли «около 25 фун[тов] этого яда, стоимость которого превышает 20 000 рублей». Дело владельца притона было передано во Временный суд³. 24 мая I Спасский подрайонный комиссариат принял заявление Андрея Терешенкова «о продаже кокаина вольноопределяющимся Петром Пожелло и подпоручиком Георгием Пенковым в гостинице “Париж”» (ул. Караванная, д. 28). Дело о продаже кокаина «с двумя порошками и одной трубочкой, удостоверением на имя Иванова и паспортом Терешенкова» Комиссариат передал в XXI временный суд⁴. 25 мая в этом же Комиссариате было принято заявление Николая Петрова «о продаже кокаина Гавриилом Тюриным около Пассажа». Дело о продаже кокаина вместе «с отобранном порошком» Комиссариат направил во Временный суд⁵. В этот же день во II Московском подрайонном комиссариате был составлен протокол по обвинению Константиновой в продаже кокаина. Протокол направлен

¹ Перов А. Китайцы в Петрограде // Российская республика. 1917. 5 мая.

² В прессе сообщалось о том, что 10 мая депутация китайцев посетила министра юстиции П.Н. Переверзева с просьбой о приостановке приговора суда о немедленном выселении «из одного дома 2 000 китайцев». Министр юстиции приостановил исполнение приговора на 1 месяц (Депутация китайцев / Известия за день // Российская республика. 1917. 11 мая). Не исключено, что в этой заметке речь шла именно о доме № 9 по Глазовской улице.

³ Притон игроков и опиоманов / Известия за день // Российская республика. 1917. 13 мая. Кстати, в этой же статье сообщалось и о других опиекурильнях (Калужский пер., д. 5; Загородный пр., д. 6; Чубаров пер., д. 4). Но каких-либо сведений о передаче их владельцев во Временный суд нет.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 211. Л. 56 об.

⁵ Там же. Л. 57 об.

в XII временный суд¹. Иначе говоря, в мае 1917 г. милиция передала в Петроградский временный суд 9 дел. Какие приговоры вынес он по этим делам, установить не удалось.

В июне 1917 г. наркоторговцы тоже оказывались на скамье подсудимых во Временном суде, но значительно реже. Так, 7 июня милиционеры обнаружили опиекурильню на Кавалергардской улице, д. 20. Клиентами притона являлись китайцы – мужчины и женщины. Дело об этом притоне опиоманов было отправлено во Временный суд². В этом же месяце завершился разгром организации Абрама Вольмана. Брат композитора Аркадий Васильевич Рахманинов, входивший в нее, был задержан, но сумел бежать из рук милиционеров. После побега он продолжал заниматься продажей кокаина. Наконец, летучий отряд II Московского подрайонного комиссариата, во главе с начальником Салло и милиционером Кариусом³, выследил Рахманинова в кафе Андреева на Невском проспекте. Во время ареста за Рахманинова, по сообщению «Живого слова», вступился неизвестный матрос: « – Я не позволю арестовать товарища: я делегат из Кронштадта, – кричал он и призывал солдат, явившихся на помощь милиционерам, освободить арестованного». Все кончилось тем, что милиционеры доставили Рахманинова и матроса в Комиссариат. Здесь выяснилось, что матрос из Кронштадта – это вор Завьялов по кличке «Мормик Графчик». Что касается Аркадия Рахманинова, то он был препровожден во Временный суд, который приговорил его за торговлю кокаином к 1 году и 6 месяцам тюремного заключения⁴. 21 июня в I Спасском подрайонном комиссариате было принято заявление Владимира Табуркина «о продаже Георгием Эпертом кокаина в кафе “Ампир”». В этот же день дело было направлено в XXI временный суд⁵. То есть, в июне 1917 года милиция передала во Временный суд 3 дела на лиц, занимавшихся незаконной торговлей наркотическими веществами.

В июле борьба с наркоторговцами практически прекратилась. Выявлено только одно дело содержателя опиекурильни, по которому Временный суд вынес обвинительный приговор. Дело возникло следующим образом. 20 июля 1917 г. в 12 часов ночи во II Московский подрайонный комиссариат (ул. Малая Московская, д. 7) явился представитель Союза китайских граждан Джин Дяко Чуой и попросил товарища комиссара «оказать ему содействие по обнаружению мест тайной продажи и курения опиума». По распоряжению товарища комиссара был сформирован отряд, во главе со старшим милиционером № 4712 Кариусом. Прибыв на свалочную станцию Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, отряд пополнился представителем IV

¹ Там же. Д. 119. Л. 29.

² Обнаружение курильни опиума / Разные известия / Хроника // Новое время. 1917. 8 июня.

³ Арест главаря кокаинистов / Что вчера случилось? // Петроградский листок. 1917. 17 июня.

⁴ Глава кокаинистов и «графчик» в бесте // Живое слово. 1917. 17 июня.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 211. Л. 84.

Александрово-Невского подрайонного комиссариата. Отряд обнаружил барак, принадлежащий китайцу Лю-Той, доверенным лицом которого состоял китаец Му-Си-Ян. В указанном бараке проживало несколько сотен китайских рабочих. Товарищ комиссара сообщал в рапорте, что как только милиционер Кариус первым вошел в освещенный барак, свет был потушен, а на него набросилось несколько китайцев. Кариус был вынужден произвести выстрел, в результате которого легкое ранение получил один китаец¹. «Живое слово» писало, что китаец был ранен в ногу². Во время обыска милиционеры нашли в бараке комнату для курения, в которой находились курильщики. Здесь же было «обнаружено много трубок для курения, лампочек и готовые плитки опиума». В ходе обыска комнаты Му-Си-Яна милиционерами найден был револьвер, трубки для курения и лампочки; в помещении конторы – 2 коробки, в которых находилось несколько сотен готовых плиток опиума; в комнате Коу-Чин-Чун «в сундуке с двойным дном найден один фунт сырого кокаина и одна головка трубки еще не изготовленной». По результатам обыска китайцы Му-Си-Ян и Коу-Чин-Чун были задержаны³. В милицейском протоколе указывалось, что они обвиняются «в хранении опиума с целью продажи»⁴. Дело Му-Си-Яна и Коу-Чин-Чуна 22 июля было направлено в XII временный суд, который Коу-Чин-Чуна оправдал, а Му-Си-Яна оштрафовал «на одну тысячу рублей с заменой одним месяцем тюремного заключения». Му-Си-Ян заплатил штраф⁵.

Таким образом, в марте – июле 1917 года милицией было заведено 25 дел на торговцев наркотическими веществами. Ряд из них возник благодаря деятельности летучего отряда II Московского подрайонного комиссариата, во главе которого стояли его начальник Салло и старший милиционер Кариус. Отряд специализировался на борьбе с «отравителями» не только на подведомственной ему территории, но и в других районах города – Рождественском и Александрово-Невском. Дела, заведенные милицией на наркоторговцев, передавались во Временный суд. Как правило, он выносил приговоры, связанные с отбытием тюремного заключения от 4 месяцев для рядовых торговцев наркотиков до 1 года и 6 месяцев для организаторов наркоторговли без замены его денежным штрафом. Исключение делалось для китайцев, видимо, по причине укорененности опиокурения среди них, когда содержатель опиокурильни мог получить наказание в виде денежного штрафа в размере одной тысячи рублей с правом замены его тюремным заключением сроком на один месяц. Необходимо также отметить и то, что Временный суд выносил приговоры по совести, не опираясь на де-юре существующие правовые нормы до-революционной России, т.е. показывал свою несвязанность старым материальным законом. Напомним, что по царскому законодательству максималь-

¹ Там же. Д. 119. Л. 82.

² Тайная курильня опиума // Живое слово. 1917. 26 июля.

³ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 119. Л. 82 об.

⁴ Там же. Л. 85.

⁵ Там же. Л. 82 об.

ное наказание, которое мог вынести мировой суд за незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ, ограничивалось денежным штрафом в 500 рублей и тюремным заключением сроком на восемь месяцев. Временный же суд, занимаясь правотворчеством, мог присудить торговцев «отравой» к тюремному заключению на 1 год и 6 месяцев, а также назначить в качестве наказания к денежному штрафу в размере одной тысячи рублей, т.е. усилил наказание ровно в два раза по сравнению с дореволюционным законодательством. Милицейская и судебная борьба, направленная именно против торговцев кокаином, опиумом и морфием свидетельствовала о том, что сразу же после Февральской революции общество начало осознавать опасность, исходящую от незаконного оборота этих веществ; на практике происходило выделение из числа сильнодействующих и ядовитых веществ кокаина, опиума и морфия в отдельную группу наркотических веществ.

Стогов Д.И.

Дело о «монархическом контрреволюционном заговоре» в контексте июльского политического кризиса 1917 года

В эсеровской газете «Дело народа» за 19 июля 1917 года была опубликована статья с многозначным заголовком «Черносотенный заговор», в которой немного немало заявлялось о существовании вокруг редакции правой газеты «Гроза» некоей контрреволюционной группы, намеревавшейся осуществить свержение власти Временного правительства.

Но, прежде всего, несколько слов о самой газете «Гроза». Она издавалась с 1 октября 1909 г. по ноябрь 1917 г. (с перерывами) как «ежедневная литературно-политическая и общественная» газета национально-патриотической направленности¹.

Первым редактором-издателем и учредителем «Грозы» был Николай Иванович Большаков (Артамонов-Большаков), который был широко известен как редактор-издатель журналов «Кронштадтский маяк», «Свет России» и как автор книг о святом праведном отце Иоанне Кронштадтском. 2 января 1910 года Большаков скоропостижно скончался, и новым издателем газеты стал известный деятель правомонархического движения Николай Николаевич Жеденов (ок. 1861 – 1933). Как только Н.Н. Жеденов стал редактором-издателем «Грозы», стиль издания резко изменился – газета стала более ед-

¹ См. подробн. о газете «Гроза»: Стогов Д.И. 1) Газета «Гроза» – идеологический рупор крайне правых // Герценовские чтения 2006. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. науч. и учебно-методич. тр. СПб., 2006. С. 84 – 86; 2) Гроза врагов русского народа. Черносотенная газета «Гроза» и ее главный редактор Николай Николаевич Жеденов [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2005/12/24/groza_vragov_russkogo_naroda/.

кой и беспощадной в критике политических противников. За критику официальных властей и антисемитизм газета неоднократно подвергалась судебным преследованиям. Характерно, что за 1912 год в газете сменилось 13 (!) редакторов из 19, редактировавших издание за весь период его существования, причем некоторые из них успевали выпустить только по несколько номеров газеты и оказывались либо в тюрьме, либо подвергались денежному штрафу.

В предреволюционные годы «Гроза», «литературно-политическая и общественная газета», выходила ежедневно, кроме понедельников. Редакция газеты располагалась по адресу: Петербург, ул. 3-я Рождественская, 16. Телефон: 189 – 23¹. Издание активно продавалось в Русской книжной лавке по адресу: Петроград, Пушкинская улица, 16.

В 1914 – 1916 гг. газета выходила с подзаголовком «Вестник Общества изучения иудейского племени» (это общество было создано в 1914 г. Н.Н. Жеденовым), активно публикуя статьи антиеврейского характера. Кроме того, в «Грозе» на первой странице регулярно печатались месящеслов и наставления отца Иоанна Кронштадтского.

Как это на первый взгляд не покажется странным, в отличие от большинства газет черносотенной направленности («Русское знамя», «Земщина» и пр.) «Гроза» после Февральской революции была закрыта лишь на короткий срок. Последний номер перед закрытием вышел 26 февраля 1917 года (№ 3 (891)), однако издание было возобновлено уже 26 марта 1917 года (№ 4 (892)), но выходило теперь в среднем раз в неделю. Возможно, на это разрешение со стороны новых революционных властей повлияла антиправительственная позиция редакции издания в период до февраля 1917 г., хотя до конца этот вопрос остается не проясненным.

В 1917 году газета «Гроза» выходила со следующей шапкой: «Задача газеты: говорить правду, отстаивать Православие, Самодержавие и первенство Руси, бороться со взяточничеством». Всего в период с 26 марта 1917 года по 5 ноября того же года вышло в свет 24 номера издания.

В ряде номеров «Грозы», видимо, по цензурным соображениям (газета выходила в революционное время) слово «Самодержавие» из шапки убиралось, при этом оставалось пустое место, и, судя по всему, это вымарывание из шапки газеты слова «Самодержавие» производилось, за редкими исключениями, в каждом втором очередном номере издания.

Но вернемся к содержанию статьи в эсеровской газете «Дело народа». Анонимный автор заметки утверждает, что аресты врача тибетской медицины и организатора одного из крупнейших правомонархических кружков Петрограда П.А. Бадмаева, бывшего редактора правой газеты «Земщина» (одной из крупнейших черносотенных газет, закрытой революционной властью после февральских событий 1917 года) С.К. Глинки-Янчевского, художника-антисемита Л.Т. Злотникова, матери издателя московского черносотенного «Вече» (орган Московского Союза русского народа, выходивший в период с

¹ Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга. Пг., 1917. С. 241

1905 по 1910 гг.; видимо, речь идет о матери последнего редактора-издателя газеты Ф.А. Слепова), опечатание типографии «Грозы» на Песках (располагалась по тому же адресу, что и редакция газеты), а также обыск в книжной лавке на ул. Пушкинской, д. 16 находились между собой в тесной связи.

В заметке утверждается, что «раскрыта целая черносотенная организация, под наименованием «Святая Русь», в которой все арестованные принимали участие»¹. По словам автора статьи, печатным органом этой контрреволюционной организации «служила издававшаяся с апреля месяца (на самом деле, с 26 марта 1917 г. – Д.С.) газета «Гроза», которая распространялась среди войск, особенно на Румынском фронте»².

Также в статье заявляется, что «газета стремилась внести разложение в армию, доказывая, что на продолжении войны настаивают евреи, что только Царь может дать хлеб и мир России, что врагам России являются англичане и французы, что нужно заключать мир во что бы то ни стало и т. д.»³. Последнее утверждение, однако, представляется совершенно лживым. Анализ публикаций «Грозы» в послефевральский период позволяет сделать вывод о достаточной сдержанности, в условиях революционной цензуры, тона заметок и статей. Мало того, позже, когда все обвинения в организации «монархического заговора» уже рассыпались в пух и прах, а именно 15 августа, в «Грозе» была напечатана редакционная статья, в которой четко заявлялось: «Во избежание нареканий в восстановлении народа мы избегали указывать на расцветшее казнокрадство и взяточничество и весьма выдержанно отличали еврейские выступления: простое даже изложение требования американских евреев к правительству продолжать войну для укрепления положения евреев в России так испугало евреев, что они подняли в газетах неистовый гвалт, обвиняя «Грозу» в натравливании на них народы. Поэтому мы воздерживались и от прежних обличения жидовства в захвате власти, торговли, промышленности и капиталов в России в свои руки»⁴.

В «Деле народа» отмечалось, что «главным деятелем по раскрытию этой контрреволюционной организации явился прап[орщик] Николай Стембо, брат покойного журналиста⁵, в свое время поместившего в «Земщине» письмо по делу Бейлиса, от которого, правда, немедленно отрекся, заявив, что написал его в припадке болезни, но с тех пор считал себя в долгу перед еврейским народом, почему и приложил все силы, чтобы разоблачить до конца натравливающих на евреев черносотенцев»⁶.

¹ Черносотенный заговор // Дело народа. 1917. 19 июля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Петроград, 15 августа 1917 года // Гроза. 1917. 15 августа. С. 1.

⁵ Стембо Александр Лазаревич – журналист, сотрудник «Биржевых ведомостей», «Русского слова» и других газет. См.: Указатель имен к I – VII тт. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний данных в 1917 г. ЧСК Временного правительства / Под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1927. Т. VII. С. 420.

⁶ Черносотенный заговор // Дело народа. 1917. 19 июля.

В публикации также отмечается, что в начале Первой мировой войны Стембо, хотя и являлся белобилетником, тем не менее, поступил добровольцем в войска – сначала в мотоциклетную роту, затем в пехоту, был контужен. После контузии он был освобожден от военной службы, но продолжал оставаться в рядах армии. На Румынском фронте его вскоре избрали делегатом во фронтовой комитет, и в качестве такового Стембо объезжал фронт вместе с представителями стран Антанты. Он призывал к поддержанию дисциплины и воодушевлял армию к наступлению. Автор статьи в эсеровской газете утверждает, что именно во время объездов по этому фронту в качестве делегата во фронтовой комитет Стембо и наткнулся на газету «Гроза»¹.

По своем возвращении в Петроград, пишет далее газета, Стембо занялся «раскрытием черносотенной организации». Собрав «достаточные данные», он обратился к властям, вследствие чего были проведены обыски и аресты – в редакции газеты «Гроза» и в Русской книжной лавке» на Пушкинской улице, 16, где она продавалась. Когда-то эта лавка принадлежала Гамзей-Гамзеевичу², но потом перешла в собственность матери издателя «Веча». «Дело народа» утверждает, что «для виду лавка торговала безобидными книгами, хотя, главным образом, литературой по половому вопросу, но под прилавками хранились кипы «Грозы» и других черносотенных газет, которые тут же в лавке выдавались тем, со стороны которых не боялись заявления властям. На Румынский фронт были налажены регулярно отправки литературы»³.

Тенденциозность и откровенная лживость последнего утверждения эсеровской газеты явственно бросается в глаза. Дело в том, что после февраля 1917 года практически все правые периодические издания были уже закрыты. В Петрограде продолжали выходить только «Новое время»⁴ и, собственно, сама «Гроза». К тому же, как мы уже отмечали, «Гроза» выходила вполне легально, на каждом номере значились выходные данные и продавать ее «своим людям» где-то из-под полы не имело никакого смысла. Да и содержание послефевральских номеров «Грозы» было вполне респектабель-

¹ Там же.

² Настоящая фамилия – Тополев Л.А., трактирщик из Пинска, член боевой дружины при Главном совете Союза русского народа.

³ Черносотенный заговор // Дело народа. 1917. 19 июля.

⁴ Впрочем, «Новое время» периода после февраля 1917 года не только нельзя назвать «черносотенной» газетой, но и определение «право-консервативное издание» подходит для этого издания с трудом. В публикациях «Нового времени» в период с марта по октябрь 1917 года было много реверансов в сторону Временного правительства и вообще «революции». Видимо, эта особенность также связана с тем, что «Новое время» выходило непосредственно в столице, в Петрограде, городе, который стал авангардом революционного движения, и любое, даже косвенное неприятие революции могло породить соответствующие репрессивные меры со стороны новой власти (См. подробн.: Стогов Д.И. Право-консервативная печать и события июля-октября 1917 года // Революция 1917 года в России. Новые подходы и взгляды / Сб. науч. ст. СПб., 2010. С. 110 – 111, 113, 115).

ным, никаких призывов к свержению существовавшего на тот момент государственного строя или к немедленному прекращению войны в ней не найти.

Как далее сообщает эсеровская газета, помимо «Грозы» и «других черносотенных изданий» (Интересно, каких? Об этом в заметке ничего не сказано), при обыске в лавке было найдено гектографическое письмо к солдатам и проект воззвания к казакам.

В публикации отмечается, что газета «Гроза» печаталась в подвале дома № 16 по 2-й Рождественской улице (Опять ошибка. На самом деле, газета печаталась, как уже нами отмечалось, в доме № 16 по 3-й Рождественской улице) «в типографии, правда, небольшой, всего лишь с одним станком, но достаточно оборудованной, чтобы выпускать газету регулярно»¹.

Затем, как сообщает эсеровское издание, был также произведен обыск в доме П.А. Бадмаева, который дал «богатый результат». Газета утверждает, что благодаря этому обыску было установлено, что П.А. Бадмаев и Н.Н. Жеденов совместно с С.К. Глинкой-Янчевским вели подготовку издания большой газеты под названием «Социалист». Следующее заявление газеты «Дело народа» выглядит еще более нелепо: «Здесь же были найдены доказательства, что многим бывшим членам «Союза русского народа» были преподаны инструкции войти в тесную связь с леницами (Так в тексте! – Д.С.) и принять деятельное участие в устраиваемой большевиками манифестации 3-го июля. Этим и объясняется, почему в доме Кшесинской (Штаб-квартире РСДРП (б), разгромленной после событий 3–5 июля 1917 года по указанию Временного правительства. – Д.С.) были обнаружены разорванные членские билеты «Союза русского народа» и запакованные кипы черносотенных газет с адресами действующих полков»². В конце статьи «Черносотенный заговор» утверждается, что «следствие по делу арестованных черносотенцев ведется ускоренным темпом»³.

Н.Н. Жеденов, С.К. Глинка-Янчевский, Л.Т. Злотников и П.А. Бадмаев были арестованы в ночь на 15 июля 1917 г.⁴, а 16 июля вышел последний перед закрытием номер газеты «Гроза». Издание «Грозы» было возобновлено 15 августа 1917 года. Вопреки страстному желанию Н. Стембо, автора заметки в эсеровской газете и других заинтересованных лиц, следствие не обнаружило в действиях Н.Н. Жеденова, С.К. Глинки-Янчевского и других арестованных состава преступления. Продержав 18 дней в заключении, всех четверых отпустили. Жеденову вскоре вновь удалось наладить выпуск «Грозы», в которой он остался редактором. Уже 15 августа 1917 года в газете была напечатана статья под названием «Жидовский подвох», посвященная аресту Жеденова, Злотникова, Глинки-Янчевского и Бадмаева. Как значится в публикации, Николай Стембо обвинил их в монархическом контрреволюционном за-

¹ Черносотенный заговор // Дело народа. 1917. 19 июля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Жидовский подвох // Гроза. 1917. 15 августа.

говоре, но за отсутствием состава преступления 1 августа они были освобождены¹.

В отличие от наспех составленной, с многочисленными ошибками, публикации в «Деле народа», в «Грозе» значительно подробнее освещены обстоятельства, связанные с обыском и арестом Н.Н. Жеденова и других монархистов. Из «Грозы» мы узнаем, в частности, о том, что обыск в редакции «Грозы» осуществляли вооруженные молодые юнкера под командованием поручика. Тем самым они исполняли указание «чиновника контрразведки г. Данилова произвести арест и обыск по разрешению прокурора Судебной палаты без указания, однако, обвинения». В ходе обыска по вскрытию письменного стола просмотрены были письма и документы, опечатаны адреса подписчиков и номера «Грозы» и отосланы прокурору, а издатель был направлен через комиссариат в тюрьму «Кресты», где уже содержались остальные арестованные. Согласно статье в «Грозе», обыски и аресты их произведены были одновременно (напомним, эсеровская газета «Дело народа» утверждала, что обыск в доме П.А. Бадмаева был осуществлен позже, чем обыск в редакции «Грозы»), а также был произведен обыск в Русской книжной лавке, причем обыскивали юнкера, требуя сожжения книг, обличающих евреев. На требование со стороны арестованных предъявления обвинений контрразведка «отозвалась незнанием», со ссылкой на исполнение лишь распоряжения прокурора, а прокурор отозвался, что арестованные числятся за контрразведкою.

Кроме того, из публикации в «Грозе» мы узнаем о том, что за четыре года до ареста Н.Н. Жеденова и других монархистов, в 1913 году, то есть, видимо, во время суда над М. Бейлисом, в редакции «Земщины» в присутствии Н. Стембо произошел разговор о полезности издания газеты «Социалист» в христианском духе. Как утверждает анонимный автор публикации в «Грозе» (возможно, сам Н.Н. Жеденов), эту нереализованную затею Стембо «отнес в доносе <...> к текущему моменту, для большего впечатления прибавил, что особо опасный номер газеты выйдет в ночь на 15 июля, ко времени похорон убитых казаков»². Поверив, говорится далее в «Грозе», «контрразведка сыграла на руку лжедоносчику и провокатору». По ознакомлении же с документами она убедилась в «совершенной законности существования и действий газеты, типографии и общества «Святая Русь», объединяющего в себе русских людей самых разных политических взглядов в целях сохранения России единою и неделимою в пределах до войны», и что все это было отлично известно Стембо, но он умышленно ввел военные власти в заблуждение. 28

¹ Там же.

² Имеются в виду жертвы кровавых июльских событий 1917 года, когда в Петрограде произошли столкновения между революционными рабочими и органами правопорядка. Беспорядки 3 – 5 июля 1917 года вылились в итоге в кровавое столкновение (около 600 человек было ранено, 56 – убито), последствиями которого был разгром со стороны Временного правительства редакции большевистской газеты «Правда», штаб-квартиры большевиков (особняк М. Кшесинской) и временный уход большевиков в подполье.

июля дознание направлено было к прокурору, который за отсутствием состава преступления дело прекратил, и 1 августа все четверо были освобождены¹.

Итак, в традиционном для этого крайне правого издания духе «Гроза» делает упор на попытку Н. Стембо выслужиться перед «жидовским кагалом», в связи с прошлыми его «прегрешениями» (обвинения в адрес М. Бейлиса в ритуальном убийстве христианского мальчика А. Ющинского и т.д.). Но только ли один этот мотив лежит в организации обыска и ареста монархистов в самый разгар июльских событий 1917 года? Или же донос Стембо был просто использован властями в своих далеко идущих целях?

Отметим, что именно в те дни, когда арестованные монархисты пребывали в тюрьме, Особая следственная комиссия расследовала обстоятельства, связанные с событиями 3 – 5 июля в Петрограде². Нами уже упоминалось, что, как писала эсеровская газета «Дело народа», в штаб-квартире большевиков «были обнаружены разорванные членские билеты «Союза русского народа» и запакованные кипы черносотенных газет с адресами действующих полков». Чуть позже, 22 июля, подобное сообщение появилось также в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». В статье в «Известиях» говорится, что при обыске в здании ЦК РСДРП(б) были найдены: «1) Заметки о распределении воинских частей и «вооруженных рабочих» по районам <...>. 2) Резолюция, принятая на заседании общегородской конференции Российской с[оциал]-д[емократической] раб[очей] партии [(большеви́ков)] и делегатов от заводов и воинских частей 3 июля в 11 ч. 40 мин. вечера. В резолюции этой рекомендуется: немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли. Резолюцию эту подтвердили Центральный комитет и Военная организация. 3) Телеграмма из Стокгольма от 20 апреля на имя Ульянова (Ленина) за подписью Ганецкого (Фюрстенберга): «Штейнберг будет хлопотать субсидию для нашего общества, обязательно прошу контролировать его деятельность, ибо совершенно отсутствует общественный такт». 4) Литература Союза русского народа и большое количество писем издания журнала «Паук» с изображением ритуального убийства в Венгрии в 1882 году»³.

И вновь обвинение в каких-то таинственных связях большевиков с черносотенцами содержится в издании, которое на тот момент, по сути дела, носило эсеров-меньшевицкую направленность. Общеизвестным фактом, характерным для политической жизни России 1917 года, было желание представителей тех или иных политических организаций опорочить своих оппонентов. В данном случае, после событий 3 – 5 июля 1917 г. все обвинения со

¹ Жидовский подвох // Гроза. 1917. 15 августа.

² См. подробн.: Знаменский О.Н. Июльский кризис 1917 г. М.; Л., 1964; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. М.; Л., 1967; Революционный Петроград. Год 1917. М.; Л., 1977; Рабинович Л. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 г. в Петрограде. М., 1992 и др.

³ К делу Ленина и других // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 22 июля.

стороны властей обрушились на большевистскую партию, которую обвинили в попытке захвата власти. Особенно сильно распространено было в то революционное время обвинение конкурентов в связях с черносотенцами, то есть монархистами, представителями «отжившего», рухнувшего старого строя, одна лишь былая принадлежность к которому вызывала у их политических оппонентов бурную реакцию.

И вновь возникает вопрос о пресловутом «черносотенно-большевистском симбиозе»¹, о котором нам уже приходилось писать в связи с фактом послереволюционного сотрудничества с большевиками видного ученого-правоведа, в прошлом – одного из руководителей Союза русского народа Б.В. Никольского². Современный автор Вячеслав Ферштман в недавно опубликованной в сети Интернет статье утверждает, приводя в качестве доказательств цитаты из публикаций в «Грозе», в которых о деятельности большевиков в 1917 году говорится с некоторой симпатией, что такой «симбиоз», несомненно, был³. Действительно, как нам приходилось в свое время отмечать, уже после Октябрьской революции, 5 ноября 1917 года, в последнем перед окончательным закрытием номере «Грозы» (№ 916 (28)), в передовой статье, составленной, судя по всему, самим Жеденовым, выражалась, как это ни покажется странным, прямая симпатия к захватившим власть большевикам: «Порядок в Петрограде за 8 дней правления большевиков прекрасный: ни грабежей, ни насилий». Более того, антисемитская «Гроза» заверяла своих читателей, что «большевики имеют врагов в лице жидовского кагала, предателей и изменников из помещиков, генералов, купцов и чиновников», а «в войске против них лишь солдаты, проникшие в комитеты и заразившиеся властью»⁴.

Трудно, однако, однозначно сказать, чем мотивировала редакция газеты такой подход к освещению октябрьских событий – заискиванием перед большевистской властью или искренней верой в вышеизложенное. Однако существовать газете, несмотря на сделанные в адрес новой власти неуклюжие реверансы, так или иначе оставалось недолго – в ноябре 1917 года «Гроза» окончательно была закрыта большевиками.

Думается, все-таки, что, как и в упомянутом случае с Б.В. Никольским, и здесь утверждение о «черносотенно-большевистском симбиозе» голословное и надуманное. Подбросить литературу Союза русского народа в особняк Кшесинской вполне могли провокаторы со стороны политических оппонен-

¹ См., напр.: Монархист и Советы. Письма Б.В. Никольского к Б.А. Садовскому 1913 – 1918 / Публ. С.В. Шумихина // Звенья. М.; СПб., 1992. С. 347.

² Стогов Д.И. Революционные события 1917 – 1918 гг. в дневнике Б.В. Никольского // VIII Плехановские чтения. Россия в 1912 – 1922 гг.: период социально-политического слома и национальной консолидации. Материалы к конференции. СПб., 2008. С. 137.

³ Ферштман В.С. Большевистско-черносотенный симбиоз? 1917 год. Попытка исторического расследования [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer11/Fershtman1.php>.

⁴ Гроза. 1917. 5 ноября.

тов большевиков – тех же самых эсеров. С другой стороны, как известно, сами по себе монархисты после февраля 1917 года пребывали, мягко выражаясь, в депрессивном состоянии, большинство из них никакой активной политической деятельности не вело, и следствие совершенно справедливо указало на отсутствие состава преступления в действиях Н.Н. Жеденова, С.К. Глинки-Янчевского, Л.Т. Злотникова, П.А. Бадмаева. Напротив, уже в 1918 году, то есть при власти большевиков, Злотников проходит по «делу» так называемой «Каморры народной расправы» и, таким образом, стал открытым политическим оппонентом большевизма¹. О деятельности Н.Н. Жеденова после 1917 г. практически не имеется никаких сведений; видимо, он совершенно отошел от политики. Что же касается П.А. Бадмаева², то известно, что он, хотя и был освобожден после установления советской власти (тибетский врач незадолго до октября 1917 г. был арестован в Финляндии, в Свеаборге), тем не менее, впоследствии неоднократно арестовывался уже большевиками. Бадмаев пребывал под следствием, в том числе и в «Крестах». Вернувшись домой неизлечимо больным, он скончался 29 июля 1920 года от паралича сердца³.

Из виднейших черносотенцев летом 1917 года вел активную деятельность Н.Е. Марков, создавший в Петрограде подпольную организацию «Великая единая Россия», которая ставила перед собой цель спасти царскую семью (в эту организацию также входили видные правые деятели Г.Г. Замысловский, Н.Д. Тальберг, некоторые правые депутаты Государственной думы, гвардейские офицеры)⁴, но он почему-то не попал в поле зрения следственных органов.

Исходя из всего выше сказанного, полагаем, что донос прапорщика Н. Стембо в адрес Н.Н. Жеденова, П.А. Бадмаева и других монархистов, имевший место как раз в период максимально развернувшейся антибольшевистской кампании (июль 1917 года), был использован политическими конкурентами большевиков – эсерами и меньшевиками – для дискредитации своих политических оппонентов путем создания мифа о некоем, на самом деле, не существующем «черносотенно-большевистском заговоре».

¹ См.: Степанов А. «Каморра народной расправы» // Черная сотня. Историческая энциклопедия / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008. С. 239.

² Сохранились «дела» о тибетском враче (документы, брошюры и т. д.) в фонде Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: ГАРФ. Ф. 1467. Д. 600 – 604.

³ ЦГИА СПб. Ф. 2300. Опись фонда. Предисловие. Л. 3.

⁴ См.: Марков Н.Е. Думские речи. Войны темных сил / Сост., предисл. и примеч. Д.И. Стогова. М., 2011. С. 30.

Гавроева Е.С.
**Февральская революция в России по материалам
английских парламентских дебатов**

1917 год стал серьезнейшим испытанием для Российской империи – внутренние проблемы, вызванные Первой мировой войны, и обострившиеся в результате революция. Союзники России по Антанте, естественно, были заинтересованы в исполнении обязанностей России в борьбе против Центральных держав. Попытаемся проследить то, какой отклик получила Февральская революция в России в одной из стран-участниц Антанты – Англии, которая была заинтересована в сохранении Тройственного союза и не желала терять Россию как один из противовесов Германии с ее союзниками. Для рассмотрения этого вопроса были привлечены английские парламентские дебаты, являющиеся ценным источником для изучения Февральской революции.

Первое сообщение о революции в России на заседании Палаты общин относится к 15 марта (н.с.) 1917 г., которое было связано с известием об отречении царя Николая II. Члены Палаты общин задали вопрос ее лидеру, Эндрю БонарЛоу, о ситуации в России, высказывались беспокойства в отношении союзника, отречении царя и об отказе Думы распускаться, акцентируя внимание на отсутствии достоверной информации в печати. Тогда же и был употреблен термин «революция». Задавая вопрос БонарЛоу, присутствующие на заседании Палаты высказали уверенность в том, что революционные события в России можно охарактеризовать как антигерманские, что силы, совершившие революцию, поддержат Англию в стремлении закончить победоносно войну¹.

Отвечая на вопрос, БонарЛоу заверил присутствующих членов Палаты общин, что правительство и он сам не владеет полной информацией о событиях в России. Он оповестил их о том, что телеграммы, поступающие от английского посла в Петрограде, нельзя назвать достоверным источником. Сначала в них были известия только беспорядках на улицах столицы Российской империи, далее посол сообщил о том, что солдаты и матросы перешли на сторону Государственной думы, Председатель Думы контролирует ситуацию в Петрограде. Также глава Палаты общин отметил, что события в России не принесли больших человеческих потерь. БонарЛоу добавил, что сегодня (т.е. 15 марта) получена телеграмма от Думы через посла Дж. Бьюкенена об отречении царя и назначении регентом великого князя Михаила Александровича. Он заверил членов Палаты, что при поступлении какой-либо информации, он тут же оповестит их². На следующий день БонарЛоу сделал заявление о событиях в Петрограде. Он немного дополнил ту информацию, с которой уже

¹Parliamentary Debates. House of Commons. 1917. Vol. 91. 15 March. Ccl. 1419 – 1420.

²Ibid. Ccl. 1420 – 1421.

ознакомил Палату общин ранее, сказав, что отречение царя и назначение регентом Михаила Александровича еще не приведены в исполнение, хотя эти действия одобрены Исполнительным комитетом. Также глава Палаты общин сообщил о том, что неизвестно местонахождение царя. Подводя итог, Бонар-Лоу подчеркнул отсутствие точной информации о происходящих в России событиях для их реальной оценки¹.

На одном из следующих заседаний член Палаты общин, инспектор квартирмейстерской службы генерал Дж. Коллинз, высказал предположение о причинах революции в России. По его мнению, революционные события связаны с нехваткой продовольствия и транспортных средств, которые в большинстве своем уходили на нужды вооруженных сил².

19 марта в Палате общин выступал премьер-министр Ллойд-Джордж с отчетом о происходящих в мире событиях, одной из главных тем стала революция в России. В своей речи он говорил о давно нарастающем недовольстве населения в России, о ряде манифестаций, которые были направлены на то, чтобы указать правительству о неэффективности ведения войны. Ллойд-Джордж сообщил членам Палаты общин о беспорядках на улицах Петрограда из-за нехватки продовольствия, которые произошли 9 марта (н.с.), что и стало поводом к началу революции. Солдаты, которые были направлены на умирание мятежников, отказались выполнять приказы свыше. Они поддержали Комитет, во главе которого встал председатель Государственной думы. Впоследствии было создано Временное правительство во главе с графом Львовым. В прессе появилось воззвание Временного правительства, в котором говорилось об отречении от престола царя за себя и за сына, в то время как великий князь Михаил примет престол, если не голосом народом, то Учредительным собранием. Ллойд Джордж утверждал, что события в России не принесли много крови, новое правительство получило поддержку страны в целом, армии и флота в частности. Временное правительство создано с целью продолжения войны. Несмотря на отсутствие большей информации, Ллойд Джордж уверено заявлял, что русский народ осознает, что свобода совместима с порядком, даже в революционные времена, и он без посторонней помощи сможет стать прекрасным защитником своей чести и безопасности³. Стоит отметить и тот факт, что премьер-министр в своей речи не сделал отсылок на источник полученной им информации.

Также у премьер-министра спросили, будет ли отправлена какая-либо телеграмма в Россию Государственной думе в связи с происходящими событиями. Ллойд Джордж уверил присутствующих на заседании Палаты общин, что в ближайшие дни будет отправлена телеграмма в Россию, хотя какого рода телеграмма сказано не было. В то же время возник вопрос о судьбе императора Николая II, чье поведение было названо бескорыстным и патриоти-

¹ Ibid. 16 March. Ccl. 1514 – 1515.

² Ibid. Ccl. 1445 – 1447.

³ Ibid. 19 March. Ccl. 1536 – 1538.

ческим. Но именно его действия, по мнению членов парламента, вызвали революцию в России. Премьер-министр проигнорировал этот вопрос, хотя вполне возможно ответ просто не был опубликован¹.

В связи с развернувшимися событиями в России на заседаниях Палаты общин были вынесены на обсуждение вопросы, связанные с российскими подданными. Члены Палаты общин, в частности, обсудили вопрос о переправке русских подданных призывного возраста с женами и детьми, каким образом будет это происходить, за счет какой страны она будет осуществляться. Но глава Палаты общин БонарЛоу свернул обсуждение данной проблемы². Следующим пунктом стал вопрос о судьбу русских евреев, которые возможно будут депортированы в Россию. Этот вопрос был поднят в связи с изменениями в правительстве России, назначении на пост министра иностранных дел П.Н. Милюкова и объявленной в России амнистии. Решение этого вопроса было поручено Министерству иностранных дел Великобритании совместно с российским МИД.

Стоит также упомянуть обсуждение 20 марта (н.с.) 1917 года, на котором БонарЛоу был задан вопрос о готовившейся телеграмме Государственной думе. На заседании Палаты общин отмечали, что данная телеграмма стала бы средством единения союзников для дальнейшего ведения войны, так как она бы выразила восхищение общественному духу и патриотизму Государственной думы России, как это было сделано в связи с началом Первой мировой войны 10 августа 1914 г., но со стороны России. БонарЛоу заверил членов Палаты, что послание будет отправлено в ближайшее время, но телеграмма, по мнению главы Палаты, не будет вынесена на обсуждение, так как будет утеряна ценность этого послания³.

Членов Палаты Общин в большей мере интересовал вопрос о том, каким образом будет осуществлено признание Государственной думы – будет ли это признание действующего правительства или будет отправлена прокламация с одобрением и поздравлениями Государственной думе с целью пропагандистского эффекта. Министр иностранных дел Великобритании Э. Бальфур заверил Палату общин, что заявление будет носить характер и признания, и одобрения действий нынешнего правительства России⁴. Также лорд Бальфур отметил, что нет опасений для беспокойства о судьбе императора и его семьи, чье отречение придало революции бескровный характер⁵.

Наибольший интерес представляет заседание 22 марта (н.с.), на котором обсуждалась прокламация премьер-министра, адресованной Государственной думе. БонарЛоу ознакомил членов Палаты общин с ее текстом. Британское правительство сердечно поздравляло русский народ с созданием свободных институтов, которые будут способствовать развитию нации и борьбе

¹ Ibid. Ccl. 1537.

² Ibid. Ccl. 1538.

³ Ibid. Ccl. 1731.

⁴ Ibid. 21 March. Ccl. 1891 – 1892.

⁵ Ibid.

с общим врагом, который угрожает свободе Европы. События революции в России в прокламации сравнивались с ранними событиями Французской революции. Английский народ уверен, что еще рано говорить об отсутствии опасности в стране, но уверен в том, что новое правительство приведет страну к успеху и процветанию. Послание от имени премьер-министра и всей Великобритании можно назвать признанием новой власти в России. Всячески подчеркивалось, что Англия надеется на дальнейшее сотрудничество между союзниками, несмотря на трудности, которые возникли в России в связи с революцией¹. На протяжении всего обсуждения высказывались слова одобрения в адрес Временного правительства, русского народа, которые смогут справиться с трудностями, возникающими на их пути к демократии и свободе. Несомненно стоит сделать акцент на том, что все хвалебные слова по отношению к России заканчивались уверенностью, что Россия неукоснительно будет следовать союзническим обязательствам и продолжит борьбу с Центральными державами². Подчеркнем, что члены Палаты общин на заседании высказывали одобрение освобождению России, т.е. свержению монархии, от ее оков, которые мешали свободному и демократическому развитию институтов и всего русского государства³.

Члены Палаты общин, обсуждая прокламацию Думе, с полной уверенностью заявляли в ходе заседания, что русский народ примет революцию, которая прошла, по их мнению, почти бескровно. Обсуждение событий в России превратилось в приветствие и одобрение революционных событий. Стоит особо отметить факт отсутствия каких-либо ссылок на правительственные сообщения, какие-либо официальные источники информации вообще, на которые бы члены Палаты общин опирались, оценивая ситуацию в России⁴. Нескончаемые поздравления Думе за проделанную работу, в конце концов, вызвал неодобрение ирландских представителей, которые считали, что прививание свободных институтов за пределами своей страны не может быть успешным до тех пор, пока не будут решены важные дела в пределах Великобритании, т.е. ирландский вопрос⁵.

События Февральской революции стали обсуждаться на заседаниях Палаты Общин, видимо, из-за опасений остаться без союзника в войне с Центральными державами, так как большинство выступающих членов Палаты заканчивали свои речи словами о вере в соблюдение Россией своих обязанностей перед Англией и Францией. Парламент Великобритании горячо приветствовал новую демократическую и свободную страну, которая, по их мнению, могла бы использовать опыт Англии для своего будущего процветания и развития. Конституционно-монархическая Великобритания приветствовала падение Российской монархии.

¹ 22 March. Ccl. 2085 – 2087.

² Ibid. Ccl. 2088.

³ Ibid. Ccl. 2089.

⁴ Ibid. Ccl. 2090.

⁵ Ibid. Ccl. 2092 – 2093.

Иванов (2-й) А.А.
Русская революция глазами британской разведки
(февраль 1917 – март 1918 гг.)

Несмотря на то, что формально Великобритания была союзницей России в Первой мировой войне, отношения между двумя странами в этот период складывались отнюдь не просто. Не располагая крупными вооруженными силами, способными действовать на европейских полях сражений против Германии, Британия зависела от российских военных ресурсов. С другой стороны, английское правительство не было заинтересовано в предоставлении Российской империи каких-либо преференции после ожидаемой победы, тем более что в списке российских территориальных претензий значился Константинополь и стратегически важные черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. Во второй половине XX века британские историки выдвинули тезис, что главной внешнеполитической задачей Великобритании во время Мировой войны (разумеется, помимо разгрома Германии) было сохранение лидирующего положения в мире по окончании данного конфликта, и с этой точки зрения потенциальное геополитическое усиление России решению такой задачи совсем не способствовало. Тем не менее, и поражение Русской армии поставило бы Антанту в крайне затруднительное положение.

Ситуация меняется весной 1917 года в связи со свержением самодержавия, что сопровождалось почти неконтролируемым распадом Восточного фронта. Если еще в феврале этого года английский генерал-лейтенант Г. Уилсон доносил в Генштаб, что после тяжелых поражений первого этапа военных действий Русская армия смогла успешно восстановить свою боеспособность и боевой дух¹, то в течение первых двух месяцев после революции обстановка претерпевает кардинальные изменения.

Созданный в столице Совет рабочих и солдатских депутатов принимает известный Приказ № 1, который первый председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов назвал «преступлением перед Родиной». Солдаты получили беспрецедентно широкие права по демократизации армейских порядков, вследствие чего вооруженные силы начали превращаться в «малодисциплинированные и развращенные орды». Состояние тыла также характеризовалось все большей хаотичностью, а политическая жизнь – бессвязностью: «Министры и правители, с бледными лицами, вялыми движениями, измученные бессонными ночами и бесконечными речами в заседаниях, советах, комитетах, делегациях... И никакой практической работы: министры по существу не имели ни времени, ни возможности хоть несколько сосредото-

¹ Public Record Office (PRO). CAB/24/3. P. 171 – 172.

читься и заняться текущими делами своих ведомств; и заведенная бюрократическая машина, скрипя и хромая, продолжала кое-как работать старыми частями и с новым приводом»¹.

Подобное развитие событий сделало актуальным вопрос о выработке ясной позиции Великобритании по поводу смены власти в России, ее действий и намерений, что естественным образом заставляло обратиться к разведывательным учреждениям. Надо сказать, что первые впечатления военных и дипломатических агентов от революционных потрясений были весьма негативными. Так, уже в апреле 1917 года военный атташе полковник А. Нокс в письме главе британской военной разведки выразил мнение, что Россия «опасно близка к анархии». Аргументы были вполне убедительны: многие опытные офицеры оказались уволены со службы; «фабрики работают не больше, чем на 15 %»; солдаты на фронте «абсолютно пассивны»².

Серьезные опасения в связи с этими обстоятельствами выражал и британский разведчик майор К.Д. Торнхилл. В отчете, датированном 4 мая 1917 года, он уделил пристальное внимание состоянию российских войск: «армия теперь превратилась в набор спорящих вооруженных групп, для которых вопросы внутренней политики и военные реформы значат гораздо больше, чем продолжение войны и общие интересы союзников». Число дезертиров в частях, отправляемых на фронт, по словам майора, достигало 40 – 50 %; «офицеры подавлены» и постоянно конфликтуют с подчиненными на почве политических убеждений. В довершение всего за 2,5 года боевых действий почти 75 % русских солдат совершенно утратили «представление о том, за что они сражаются»; как индивидуальный, так и коллективный патриотизм ушел в прошлое³. Все это сопровождалось и иными внутривнутриполитическими проблемами, к которым Торнхилл причислил, например, развитие сепаратизма в Белоруссии.

Учитывая это, перспективы развития России по избранному демократическому пути казались союзникам весьма призрачными, и лорд А. Милнер не преминул указать на это в письме Дж. Бьюкенену в середине мая: «Боюсь, что теперь Россия пройдет через все стадии революционной лихорадки, и ничто не поможет ей, даже если это будет длиться годами – пока новая форма власти, вероятно, деспотической и непредсказуемой по своему характеру, не возникнет из этого хаоса»⁴. Тем не менее, Временное правительство получило официальное признание от Британской империи, хотя его позиция по вопросам войны и мира не всегда устраивала союзников по Антанте.

После революции в российских правящих кругах, как и в обществе в целом стал активно циркулировать лозунг скорейшего «мира без аннексий». На какое-то время он стал общим требованием самых разнообразных поли-

¹ Деникин А.И. Очерки русской Смуты. Париж, 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 74.

² PRO. CAB/24/11. P. 306 – 308.

³ PRO. CAB/24/14. P. 379 – 381.

⁴ Цит. по: Wrench J.E. Alfred Milner. The Man of No Illusions. 1854 – 1925. London, 1958. P. 328

тических сил – меньшевик Н.С. Чхеидзе, называл его «основным лозунгом» Петроградского Совета, большевик М.Ю. Козловский считал, что «нужно по полкам и заводам вести кампанию за мир без аннексий», а в мае 1917 года данный лозунг завоевал поддержку даже делегатов Всероссийского съезда мусульман. В этом же месяце увидела свет и декларация Временного правительства, в которой достижение «всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господства над другими народами, ни отнятия у них национального их достоинства, ни насильственного захвата чужих территорий» провозглашалось одной из доминант российской внешней политики.

Популярность идеи «мира без аннексий» росла и на фронте, и в тылу столь стремительно, что эта тема стала предметом специального обсуждения в Палате общин. На заседании 17 мая депутат от Ланкастера – командор Дж. Уэджвуд – высказал мнение, что Британия не готова отказаться от аннексий просто потому, что практически все политики разделяют убеждение, будто «расширение нашей колониальной Империи абсолютно необходимо для блага человечества». Однако, по словам командора, проявление подобного антагонизма в отношениях с Россией могло подтолкнуть Временное правительство к заключению сепаратного мира с Германией¹. Категорическим оппонентом такой точки зрения выступил лейборист Р. МакДональд, по словам которого выдвижением таких лозунгов революционные власти стремились дать народным массам новую цель войны, приблизить их к пониманию политики правительства, наконец, сделать внешнеполитическую сферу более открытой. К тому же, под «аннексиями» русские государственные деятели якобы подразумевали территориальные захваты, свойственные Российской империи, и на колониальные владения данный принцип не распространяется. Что же до возможности заключения русско-германского сепаратного мира, то МакДональд полностью ее отвергал: «Я уверен и прав, говоря о том, что заключение сепаратного мира не является частью политики Совета рабочих депутатов. Напротив. Немыслимо, чтобы народ, который освободился от царизма, сложил руки в карманы и позволил кайзеризму занять место царизма»².

Крайне любопытно, что в официальном меморандуме Бюро политической разведки (БПР) Департамента информации, составленном 25 мая 1917 года, основные тезисы МакДональда повторялись практически в точности. Составители меморандума также не видели угрозы в лозунге «мира без аннексий», так как он применим лишь к европейским странам, причем исключительно к тем, чьи народы не изъявляют желания присоединиться к какой-либо из держав-победительниц или получить независимость. Среди таковых назывались жители Эльзаса и Лотарингии, итальянцы, поляки, югославы, румыны, чехословаки, а также иные этносы, населявшие Австро-Венгерскую империю. Что касается «нецивилизованных рас», как в тексте документа име-

¹ Parliamentary Debates. House of Commons: Official Report. 1917. Vol. 93. № 59. P. 1676, 1678.

² Ibid. P. 1654 – 1655, 1657.

новались жители Африки, то обеспечение их безопасности от «бессердечной эксплуатации» возможно лишь за счет установления над ними покровительства «цивилизованной державы». Иными словами, разведчики предлагали способ совместить новые русские цели войны с ранее выработанными английскими. Протестов по поводу подобной интерпретации не ожидалось, потому что «вряд ли кто-то в России озабочен судьбой, например, островов Самоа или немецкой Новой Гвинеи»¹.

Общее мнение британских правящих кругов на тот момент выразил консерватор, бригадный генерал Г.П. Крофт, предложивший просто «дать России время» и не реагировать на первые действия Временного правительства и Советов излишне остро – новая власть еще находилась в поиске оптимального внешне- и внутривластного курса². Сотрудники британского Министерства иностранных дел также разделяли мнение, что взгляды российских политических деятелей по поводу участия в войне еще могли быть пересмотрены, и послу Дж. Бьюкенену дали инструкции возбудить «в социалистах и рабочих более благожелательное отношение к политике союзников по вопросу войны и особенно развеивать ложное впечатление о целях нашей страны, старательно распространяемое в России вражескими агентами»³.

Тем не менее, стремительная дестабилизация ситуации не дала английским политикам возможности ни остаться в стороне от российских событий, ни действовать в неспешной манере.

Неудача столь ожидавшегося на Западе летнего наступления Русской армии (потери составили более 150 тысяч человек) наглядно показала губительное воздействие революции на боеспособность войск. На пробуждение скрытых «духовных сил» армии и общества, о чем писали английские социалисты, уже не было надежды, тем более что в июле 1917 года члены партии большевиков предприняли первую попытку совершить государственный переворот. К этому времени британцы признали необходимым вмешательство в дела России для сохранения ее участия в Мировой войне – к этому премьер-министра всячески призывал лорд А. Милнер, который летом неоднократно обращался с предложениями активизировать участие в русских делах, «если мы не хотим последовать за Россией к бессилию и разложению»⁴.

В итоге, английский разведчик майор С. Аллей совместно с отечественной контрразведкой активно занялся поиском доказательств сотрудничества большевиков с германскими спецслужбами. В результате совместных усилий удалось собрать материал, публикация которого в открытой печати привела к компрометации многих лидеров РСДРП(б), и инспирированное

¹ PRO. CAB/24/14. P. 193 – 194, 198.

² Parliamentary Debates. House of Commons: Official Report. 1917. Vol. 93. № 59. P. 1714 – 1715.

³ Цит. по: *White S. Anglo-Soviet Relations 1917 – 1924: A Study in the Politics of Diplomacy: Thesis. Glasgow, 1972. Vol. 1. P. 11.*

⁴ *Ibid.* P. 34.

ими восстание в частях столичного гарнизона было подавлено. Примерно в то же время британский представитель в Ставке верховного главнокомандующего генерал-майор Ч. Бартер уведомил российское военное руководство, что без восстановления дисциплины в войсках страна не сможет более рассчитывать на зарубежную помощь¹. Нельзя сказать, что русский генералитет испытывал положительные эмоции от таких заявлений – к примеру, М.В. Алексеев в письме А.И. Гучкову еще в марте 1917 года с явным неудовольствием констатировал, что «мы находимся в столь большой зависимости от союзников в материальном и денежном отношении, что отказ союзников от помощи поставит нас в еще более тяжелое положение, чем мы находимся ныне»². Как следствие, требованиям англичан нельзя было отказать.

Назначение на пост верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова союзники поначалу сочли шагом на пути выхода из кризиса – во всяком случае, Бартер в отчете от 13 августа 1917 года называл генерала единственной «надеждой... Русской армии»³. Вообще, о новом главнокомандующем очень лестно отзывались практически все британские представители в России, что выгодно отличало его от А.Ф. Керенского. К примеру, А. Нокс писал о генерале, как о человеке с «сильным характером» и «честном патриоте», в то время как премьер-министр представал в отчетах атташе политиком, «боящимся проливать кровь», что в условиях войны было недопустимо. К тому же, еще летом руководство Департамента военной разведки охарактеризовало курс Временного правительства, как попустительский по отношению к солдатам – со своих постов снимались практически все высшие офицеры, выступавшие за восстановление в армии жесткой дисциплины (среди таковых назывался М.В. Алексеев), так как премьер старался избежать конфликтов с солдатскими комитетами.

В свете этих обстоятельств британцы решили «сделать ставку» на Корнилова, однако его «мятеж» осенью того же года окончился провалом, зачинщики были арестованы, и Керенский игнорировал все призывы Лондона к примирению с мятежниками. Сейчас не представляется возможным установить вероятные последствия для страны и армии успеха Корнилова, однако последствия его неудачи хорошо известны. Уже в сентябре начальник Генштаба Великобритании генерал У. Робертсон пришел к выводу, что «русский солдат более не желает воевать», а разведчик капитан В. Проктор доносил в МИД, что «бесполезно ожидать от Русской армии превращения в эффективную наступательную силу, пока она не увидит больших побед союзников на Западе»⁴. Любопытно, что агент не видел иного способа предотвратить «полное поражение России», как союзная интервенция. Схожие мотивы звучали и в отчетах генерала Бартера, согласно которым и Л.Г. Корнилов разделял убеждение, будто «единственным мирным способом спасти воен-

¹ PRO. CAB/24/21. P. 418.

² Разложение армии в 1917 году. М., 1925. С. 28.

³ PRO. CAB/24/23. P. 249.

⁴ PRO. CAB/24/25. P. 245.

ную и политическую ситуацию в России» была «интервенция западных держав»¹. Впрочем, на тот момент этот сценарий всерьез не рассматривался.

Между тем, позиция и поступки Керенского все менее устраивали как западных союзников, так и российских граждан. А. Нокс еще в августе доносил в Лондон, что «огромные массы солдат не желают воевать; в промышленности дело приближается к анархии; виды на урожай катастрофические. Если Керенский выступит с предложением сепаратного мира, огромное большинство страны поддержит его». Как ни странно, разделял эту позицию и Бьюкенен, посчитавший, что премьер уже «сыграл свою роль», и страна более в таких лидерах не нуждается². Не удивительно, что на этом фоне все большую популярность завоевывали идеи большевиков, чьи лидеры отличались гораздо меньшей степенью демократичности и одновременно пользовались авторитетом в армии.

Некоторыми историками была выдвинута гипотеза, что британское правительство, утратив веру в способность Керенского управлять государством в сложившихся обстоятельствах, было заинтересовано во временном приходе членов РСДРП(б) к власти. Принесенный большевиками социализм должен был быстро себя дискредитировать, создав почву для сильной военной диктатуры, которая обеспечила бы продолжение боевых действий на Восточном фронте³. Например, в таком духе высказывался уже упоминавшийся А. Нокс, считавший правительство Керенского слишком слабым – стране, по его мнению, «необходима военная диктатура». В этом убеждении военного атташе поддерживал и министр блокады лорд Р. Сесил.

В пользу такого подхода говорит и тот факт, что в течение первого месяца нахождения большевиков у власти, Британия практически игнорировала их и не проявляла инициативы, видимо, надеясь, что в России существуют силы способные эффективно противостоять Совнаркому и без зарубежной поддержки. К тому же, среди британских министров не было единства в «Русском вопросе», что усложняло оперативное принятие каких-либо решений.

При этом и Ч. Бартер, и А. Нокс по-прежнему представляли подробные отчеты о положении в России и позициях большевиков. Один из них – от 20 ноября – заслуживает особого внимания. В данном документе генерал утверждал, что победа большевиков носит временный характер, так как против них настроены «все образованные классы общества», коммерсанты, крестьяне-собственники и казачество. Антибольшевистские силы в лице А.Ф. Керенского, М.В. Алексеева и П.Н. Милюкова имеют гораздо больше шансов на победу в развернувшемся политическом противостоянии. Русская армия, как и основная масса рядовых «необразованных граждан», по данным Барте-

¹ PRO. CAB/24/24. P. 91.

² *Buchanan G.* My Mission to Russia and other Diplomatic Memories. London, 1923. Vol. 2. P. 173.

³ *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution. Language and Symbols of 1917. New Haven, 1999. P. 94 – 95.

ра, была слишком апатична, чтобы оказывать какую-либо поддержку, как большевикам, так и их оппонентам. Исходя из этого отчета, и последовавших за ним, британцам следовало лишь дожидаться неминуемого падения Совнаркома¹.

Примерно в том же стиле был выдержан и отчет Нокса от 26 ноября – атташе настаивал на том, что большевики продержатся у власти считанные недели или месяцы, но вне зависимости от их падения, российские солдаты не желают более воевать. «Совершенно очевидно, что какие бы политические события не произошли в России, – писал полковник, – большая часть Русской армии откажется продолжать войну». Ни одно правительство, по мнению автора отчета, не будет иметь достаточно сил и авторитета, чтобы переубедить собственных солдат. Единственное, что оставалось союзникам – это объяснить русским гражданам, что «их не собираются использовать как «пушечное мясо» союзные империалисты», хотя и это не дало бы существенных результатов². Раз так, то извлечь какие-либо выгоды из пребывания большевиков у власти Британия попросту не могла.

В итоге, 23 декабря Великобритания и Франция подписывают соглашение о совместных действиях против большевиков.

Тем не менее, на Британских островах вскоре нашлись и противники конфликта с Советской Россией. В частности, в течение января 1918 года Д. Ллойд-Джорджу поступила серия крайне любопытных отчетов Бюро политической разведки. В них избранный большевиками курс представлял, если не полностью просоюзническим, то, как минимум, выгодным Антанте. Так, в отчете от 9 января утверждалось, что новые правители России не имеют ни малейшего представления о категориях реальной политики и руководствуются лишь социалистическими идеалами, поэтому мир между ними и немцами практически исключен – у социализма и немецкого милитаризма нет никаких общих интересов и шансов договориться³.

В отчете № 36 от 18 января проводилась мысль, что заключение сепаратного мира на самом деле в планы большевиков не входит, и переговоры с немцами в Бресте они ведут лишь в угоду армии, благодаря поддержке которой и пришли к власти. В реальности же Троцкий ожидает начала в Германии революции, которая сделает подобный договор более неактуальным. Хотя в документе такие надежды назывались «по-детски оптимистическими», они вполне соответствовали задаче разгрома немцев на Западном фронте. К тому же, по данным разведчиков, никакой политической партии, способной свергнуть или хотя бы заменить большевиков просто не существовало, поэтому Британии необходимо не конфликтовать с ними, а пытаться наладить отношения⁴. В этом политическая разведка вступала с заочный спор с бри-

¹ PRO. CAB/24/32. P. 510 – 511.; CAB/24/34. P. 66.

² Цит. по: *White S. Anglo-Soviet Relations 1917 – 1924: A Study in the Politics of Diplomacy: Thesis. Glasgow, 1972. Vol. 1. P. 48.*

³ PRO. CAB/24/28. P. 348 – 349.

⁴ PRO. CAB/24/39. P. 379, 380 – 380a.

танскими военными, так как, по мнению генерала Ч. Бартера, также высказанному в январе 1918 года, составленное из эсеров правительство было бы гораздо более эффективным¹.

Как ни странно, события января 1918 года говорили в пользу предложенного агентами БПР подхода. В течение этого месяца в Германии и Австро-Венгрии имели место массовые волнения, в которых приняли участие сотни тысяч человек, так что «экспорт революции» из России в державы Четверного Союза был не так уж невероятен.

В третьем отчете – от 25 января – вышеперечисленные тезисы в основном повторялись. Вновь констатировалось отсутствие общих интересов у большевиков и немецкого правительства, вследствие чего официальные звания Совнаркома адресовались немецкому народу. Надо сказать, что в этом плане агенты БПР были не столь уж далеки от истины, так как еще на заседании ВЦИК 23 ноября 1917 года Ленин в заключительном слове заметил, что «мир не может быть заключен только сверху. Мира нужно добиваться снизу. Мы не верим ни на каплю немецкому генералитету, но мы верим немецкому народу. Без активного участия солдат мир, заключенный главнокомандующими, – непрочен»². Создавалось впечатление, что в Восточной Европе «наиболее антигерманской силой являются большевики, которым нечего терять и которые не станут спешно заключать мир с Германией для защиты своей собственности»³, то есть территории.

Эту позицию поддержал и известный британский разведчик и дипломат Р.Б. Локкарт. 6 февраля 1918 года через консула О.Ф. Линдлея он отправил в английский МИД зашифрованную телеграмму, в которой настаивал на том, что «Россия даже сейчас остается нашим самым сильным союзником»; «она враг, которого Германия боится больше всего». Из личных бесед с Л.Д. Троцким разведчик вынес мысль, что большевики прилагали все усилия своей пропаганды, чтобы спровоцировать революцию в Германии, и их агрессивная риторика в адрес европейских «капиталистов и крайних милитаристов» обращена исключительно к народам держав Четверного Союза, но никак не Антанты. В результате всего вышесказанного, Локкарт рекомендовал выдать британскую визу кому-нибудь из большевистских представителей, чтобы тот мог встретиться с Ллойд-Джорджем и согласовать совместные антигерманские действия⁴.

Под напором этих аргументов Кабинет мог пойти на реальный контакт с Совнаркомом, а военные были вовсе не уверены в благоприятном для страны исходе Мировой войны в случае подобного развития событий. В начале февраля 1918 года Генеральным штабом был представлен сценарий, согласно которому весь Северо-Запад России к концу войны должен был попасть в ру-

¹ PRO. CAB/24/38. P. 172.

² Ленин В.И. Доклад о переговорах с Духониным // Полное собрание сочинений. М., 1974. Т. 35. С. 88.

³ PRO. CAB/24/40. P. 201 – 203.

⁴ PRO. CAB/24/41. P. 336 – 336a.

ки немцев, что позволило бы им контролировать ресурсы южных регионов и Сибири¹. Это могло случиться, если у власти остались бы большевики. В победу Советской власти не верил практически никто в британском Военном министерстве, поэтому оказывать Ленину и Троцкому помощь, казалось бесперспективным. Для пресечения подобного хода событий уже в начальной стадии на заседании правительства 11 февраля 1918 года, на котором в числе прочего обсуждалось и послание Локкарта, руководство Министерства внутренних дел и генерал-майор Дж. МакДонау, возглавлявший военную разведку и контрразведку, сочли слишком опасным позволить «агенту большевиков» прибыть в Великобританию.

Более того, пока английские дипломаты пытались налаживать дружественные отношения с Советом народных комиссаров, подчиненные подполковника Т. Кейса из военной разведки в Петрограде вступили в контакт с банкиром К.И. Ярошинским для выработки схемы финансирования антибольшевистских сил. Созданный план предусматривал выделение Британией 6 миллионов фунтов стерлингов на закупку вооружений для донских казаков и Добровольской армии генералов М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова. Английские военные даже пообещали Л.Г. Корнилову при личной встрече, что в ближайшее время Север РСФСР обязательно будет занят войсками Антанты², хотя никакого официального решения правительства по этому поводу пока не существовало. Параллельно с этим 22 февраля капитан Ф. Кроми из военно-морской разведки предложил своему прямому начальству «организовать уничтожение всех имеющих ценность судов» Балтийского флота³.

Такое поведение британцев не ускользнуло от внимания руководства РСФСР, создавая крайне предвзятое мнение о работе английских дипломатических и военных агентов. По воспоминаниям Локкарта, Троцкий во время одной из личных бесед прямо обвинил британцев в двуличии: «В то время как вы здесь пускаете мне пыль в глаза, ваши соотечественники и французы интригуют против нас, поддерживая украинцев, продавшихся Германии. Ваше правительство подготавливает японскую интервенцию в Сибири. Ваши здешние миссии вместе со всей буржуазной накипью строят против нас заговоры»⁴. Эту точку зрения разделял и историк Э. Ротштейн, по словам которого «британское правительство вело грязную двойную игру с Советской Россией». Тем не менее, данные тезисы являются более чем спорными.

Начальный этап становления советско-британских связей характеризовался неустойчивостью взглядов английских государственных деятелей на место РСФСР в системе международных отношений и степень опасности распространения социалистической идеологии для Европы. Когда 14 февраля

¹ PRO. CAB/25/48. P. 1a.

² ГАРФ. Ф. 5867. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 34 – 35.

³ *Kopisto L. The British Intervention in South Russia 1918 – 1920: Academic Dissertation. Helsinki, 2011. P. 51; Цит. по: Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1982. С. 84.*

⁴ *Локкарт Р.Б. История изнутри: мемуары британского агента. М., 1991. С. 212.*

1918 года депутат Парламента Н. Биллинг спросил Р. Сесила, является ли Советская Россия врагом Британии, ее союзником или нейтральной страной, министр смог ответить лишь, что «положение столь запутанное, что сейчас невозможно делать какие-либо утверждения».

В течение 1917 – 1918 годов в Военном кабинете имела место конкуренция различных точек зрения по данному вопросу, что обусловило частое несовпадение официальных заявлений правительства с реальными действиями его агентов. Подобное стало возможным во многом потому, что за годы Мировой войны военные структуры Британской империи приобрели достаточно большую степень автономности в принятии решений, и далеко не всегда ставили высшее руководство страны в известность о своих действиях, особенно если они расходились с официальной позицией правительства¹. Как следствие, усилия многих ведомств носили разнонаправленный характер, и члены Кабинета даже далеко не всегда знали о поступках коллег. Отражением этой тенденции была разность восприятия ситуации сотрудниками политической разведки, подчиненной Департаменту информации, и военной разведки, входившей в структуру Военного министерства.

В начавшемся противостоянии, победу было суждено одержать той спецслужбе, предоставляемая которой информация оказывалась наиболее достоверной. Центральным событием в этом плане стал Брестский мир – и до его заключения, и после отчеты сотрудников БПР выражали крайнюю степень оптимизма по поводу дальнейшего участия России в Мировой войне. Так, в отчете от 7 марта один из агентов, ссылаясь на данные, полученные, по его словам, из личной беседы с Л.Б. Каменевым, настаивал на временном, тактическом характере Брестского договора. Данный документ был призван лишь дать большевикам передышку для создания боеспособной Красной Армии, которая обязательно будет противостоять немцам² (заслуживает внимания то обстоятельство, что в предшествующих отчетах разведчики отводили РККА роль борца с внутренней контрреволюцией, а не внешним противником). Фактически, агенты пытались выдавать желаемое за действительное. В вышеупомянутой разведсводке вновь повторялся тезис, что «между двумя правительствами с такими фундаментально разными взглядами настоящего мира быть не может»³. Иными словами, на этом разведчики исчерпали набор аргументов, способных заставить правительство поверить в возможность скорого советско-германского военного конфликта. В итоге, Бюро политической разведки было передано Министерству иностранных дел.

К этому времени большинство членов Кабинета уже разделяли мнение, что оказание Россией «какого-либо сопротивления Германии» без зарубежной поддержки невозможно. Дошло даже до того, что британская военная разведка совместно с антибольшевистским подпольем в марте 1918 года за-

¹ См.: *Kopisto L. The British Intervention in South Russia 1918 – 1920: Academic Dissertation.* Helsinki, 2011. P. 62.

² PRO. CAB/24/44. P. 103.

³ Ibid. P. 105.

нималась организацией диверсионных актов в полосе немецкого наступления на РСФСР. То есть, обороноспособность Советской России в представлении британцев была столь низкой, что устоять под натиском немцев в одиночку у нее не было даже теоретических шансов.

Именно в начале марта А. Нокс представил в МИД записку «Возможности партизанской войны в России», в которой оценивал вероятность организации отпора немцам силами регулярной русской армии, как призрачную, поэтому сопротивление полному захвату России могли оказать, в лучшем случае, иррегулярные части (партизанские отряды). Именно такие отряды британцы и должны были помочь сформировать в различных регионах.

Перу этого же автора принадлежит и другой документ, датированный 13 марта 1918 года – записка в Генеральный штаб под названием «Нынешнее положение России». В этой 7-страничной записке Нокс постарался представить возможное развитие событий в случае отказа британцев от планов интервенции. По мнению бывшего атташе, следовало ожидать, что Германия, без труда свергнув большевиков, в течение полугода сможет полностью восстановить систему российских железных дорог, и благодаря этому получит доступ к таким жизненно важным ресурсам как нефть Кавказа, хлопок Туркестана, уголь Украины и т.д. Под угрозой немецкого вторжения окажутся Индия, Китай и Япония¹.

В продолжение этой темы Нокс обрушился с критикой на Локкарта, предлагавшего союз с Советами: «В одной из своих телеграмм мистер Локкарт утверждает, что скоро большевики объявят «священную войну». Это полнейший вздор. Даже если они и объявят такую войну, кто будет на ней сражаться? Это точно будут не образованные классы, у которых есть причины ненавидеть большевиков больше, чем немцев; и уж, конечно, не деградировавшие солдаты, которые поддерживают большевиков только потому, что хотят мира». С этой точки зрения, вмешательство Британской империи оставалось одним из немногих способом «предотвратить продвижение Германии на восток» и «дать русской нации шанс защитить себя» от держав Четверного Союза².

В свете подобных заявлений не удивительно, что уже в марте 1918 года в Мурманске был высажен десант британской морской пехоты, что ознаменовало начало иностранной военной интервенции в Советскую Россию. Эта операция, в конечном счете, окончилась неудачей и, возможно, именно из-за того, что была спровоцирована изначально неверными данными о положении большевиков, отношении к ним населения, причинах Русской революции и т.д. Военные спецслужбы, фактически, монополизировали функцию снабжения правительства сведениями из РСФСР, представляя картину событий, выгодную сторонником активных антибольшевистских действий. Британское

¹ PRO. CAB/25/48. P. 17 – 19.

² Ibid. P. 19, 21.

правительство было лишено непредвзятого источника информации, что и создало предпосылки для дальнейшего англо-советского конфликта.

Гордеев П.Н.

«Временное положение об управлении государственными театрами»: история создания, редактирования и обсуждения «театральной конституции» 1917 года

Первый вариант «конституции»

Февральская революция, полностью изменившая весь строй государственной жизни России, не могла не сказаться и на порядке управления бывшими императорскими театрами. Он, несомненно, нуждался в такой правовой базе, которая отразила бы создавшиеся после переворота реалии: пресловутую «автономию театров» (в том числе и московских – от Петрограда), повсеместно вводимое выборное начало и т. п. Цель настоящей работы – проследить основные этапы разработки, редактирования и обсуждения «Временного положения об управлении государственными театрами», которое современники окрестили «театральной конституцией».

О необходимости создания подобного документа стали раздаваться голоса сразу же после падения монархии. Но в течение почти двух месяцев, вплоть до конца апреля, главной интригой, волновавшей весь театральный мир, было назначение нового руководителя государственных театров¹. И лишь затем было приступлено к сочинению «конституции».

Главноуполномоченный по государственным театрам Ф.Д. Батюшков, поставленный в итоге комиссаром Временного правительства над бывшим Министерством двора (далее в тексте – МИДв) Ф.А. Головиным во главе театрального ведомства, будучи высокообразованным человеком, прекрасно понимал необходимость создания новой законодательной базы для деятельности государственных театров, с учетом изменений, привнесенных в их работу революцией. Заведующий постановочной частью петроградских государственных театров С.Л. Бертенсон, бывший ближайшим сотрудником Ф.Д. Батюшкова в деле составления «Временного положения», впоследствии вспоминал: «Перед нами лежала сложная и неблагодарная задача выработать такую «конституцию», по которой высшее руководство Театрами и наблюдение за ними сохранялось бы за Правительством и, вместе с тем, актеры и служащие получили бы самоуправление, которого они почему-то страстно

¹ См. об этом подробн.: *Гордеев П.Н.* Смена руководства в государственных театрах после Февральской революции // Герценовские чтения 2011. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2012. С. 137 – 155.

домогались»¹. В своих мемуарах ему вторил и комендант петроградских государственных театров В.Ф. Безпалов, вспоминая: «Батюшков и Бертенсон засели выработать для государственных театров временное положение, которое с одной стороны отвечало бы общим пожеланиям самоопределения деятелей сцены, а с другой несколько умерило бы расходившиеся аппетиты, которые, как известно, приходят как раз во время еды»². К разработке «Временного положения» Ф.Д. Батюшков и С.Л. Бертенсон привлекли и уже уходившего со своей должности, но по-прежнему пользовавшегося огромным авторитетом в театральном деле В.А. Теляковского³.

22 апреля у комиссара Временного правительства над бывшим МИДв Ф.А. Головина состоялось собрание, на котором, помимо самого комиссара, присутствовали Ф.Д. Батюшков, С.Л. Бертенсон, В.А. Теляковский и комиссар московского Малого театра А.И. Сумбатов-Южин. Обсуждали в основном финансовые дела, но затем, согласно записи в дневнике В.А. Теляковского, «перешли к общим вопросам и отношениям Ф.Д. Батюшкова к Государственным Театрам как комиссара»⁴. Тогда, вероятно, и были определены основные контуры будущей театральной «конституции».

¹ Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. Холливуд, 1957. С. 216.

² Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. Л., 1927. С. 60. Эта подготовительная работа не была скрыта от общественности. В частности, «Русская воля» поместила 24 апреля интервью с Ф.Д. Батюшковым, который говорил: «Не могу <...> в настоящее время точно определить, в какую форму выльется окончательно мое участие в деле переустройства государственных театров. Пока я выступаю в качестве помощника комиссара Ф.А. Головина, причем в мои задачи входит возможно скорее и раньше всего выработать те основные правила, которыми будут руководствоваться деятели русских государственных театров. Выработка этих правил будет идти в совещании при комиссаре, составленном, как известно, из представителей всех трупп государственных театров и др. общественных и театральных деятелей. Мне в этом совещании отведена роль председателя и руководителя работ. Когда совещание выработает правила распорядка, эту, так сказать, конституцию государственных театров, можно будет говорить и о дальнейших этапах созидательной работы» (Ф.Д. Батюшков // Русская воля. 1917. 24 апреля (веч. вып.)).

³ Участие В.А. Теляковского, многие годы возглавлявшего императорские театры, в создании их новой, революционной «конституции», приводило иногда команду разработчиков документа к неловким ситуациям. Об одной из них рассказал в своих мемуарах С.Л. Бертенсон: «В последнем нашем совещании мне пришлось читать вслух все пункты «Положения» для их окончательного постатейного утверждения, и вот, не успел я прочесть первый пункт, как А.И. Южин прервал меня и сказал шутливо: «Сергей Львович, когда повар режет курицу, то обыкновенно он не смотрит ей в глаза. А Вы прямо глядите на Владимира Аркадьевича». Дело в том, что напротив меня за столом сидел Теляковский, и Южин, очень его любивший и много лет бывший с ним в самых дружеских отношениях, решил шуткой сгладить неприятную для бывшего директора Императорских театров атмосферу, когда в его присутствии ломалась вся структура того дела, которому он отдал столько неустанный и продуктивный труд. Теляковский, обладавший хорошим чувством юмора, был первым, который расхохотался и тем самым облегчил нам закончить заседание, разрядив его несколько напряженную атмосферу» (Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 216).

⁴ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 110 об. Ф.Д. Батюшков был в итоге назначен не комиссаром, а главноуполномоченным комиссара Временного правительства над бывшим МИДв по государственным театрам.

Вечером следующего дня (23 апреля) все вышеперечисленные деятели, кроме Ф.А. Головина, собрались уже на квартире у В.А. Теляковского для выработки конкретного проекта управления театрами. Последний описал это знаменательное совещание в своем дневнике: «Вырабатывали новое положение Государственных театров при условии упразднения Дирекции и обеих Контор. Много затруднений делал Южин за себя и за Собинова. Быстрое решение тогда сделать Южина и Собинова комиссарами так вскружило им голову, что они эти звания стали передоверять и таким образом в Москве развели целую армию товарищей комиссаров, помощников и т. п. Теперь оказалось, что комиссаром может быть один Ф.А. Головин – остальных переименовали в уполномоченных, чем Южин остался очень недоволен»¹. В этом эпизоде ярко отразилась одна из основных тенденций в жизни государственных театров в 1917 г. – стремление московских трупп к полному отделению от Петрограда. Непосредственными выразителями данного стремления стали уполномоченные по Малому и Большому театрам А.И. Сумбатов-Южин и Л.В. Собинов. Ранее они носили более громкое звание «комиссаров» этих театров, и лишение его восприняли достаточно болезненно².

Впрочем, у А.И. Сумбатова-Южина были и другие причины для недовольства – его видение будущей театральной «конституции» отличалось от взглядов на нее Ф.Д. Батюшкова, С.Л. Бертенсона и В.А. Теляковского не только по вопросу о комиссарах и уполномоченных. «Петроградская газета», всегда очень оперативно освещавшая театральные дела, 28 апреля сообщила своим читателям важную новость: «Выработанный А.И. Южиным проект автономии московских государственных театров, согласно которому московские театры отделялись от петроградских и представляли собой как бы самостоятельную «республику», признан неприемлемым»³. Таким образом, на данном этапе сторонники московской театральной автономии, представителем которых был в этом случае А.И. Сумбатов-Южин, потерпели поражение. Но и победа «централистов» была непрочной; им еще придется учесть требования москвичей.

Совещания В.А. Теляковского с Ф.Д. Батюшковым и С.Л. Бертенсоном продолжились и 24 апреля⁴. Уже на следующий день в «Новом времени» вышла заметка театрального критика и драматурга К.С. Острожского (на-

¹ Там же. Л. 112.

² А.И. Сумбатов-Южин и Л.В. Собинов были назначены комиссарами соответственно Малого и Большого театров приказом комиссара Временного правительства над бывшим МИДв Ф.А. Головина от 31 марта 1917 г. (РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 4. Д. 700. Л. 12). До этого, с 6 марта 1917 г. А.И. Сумбатов-Южин являлся комиссаром обоих московских государственных театров (Там же. Оп. 5. Д. 10. Л. 2; РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 333. Л. 3).

³ Московские театры тоже подчинены г. Батюшкову // Петроградская газета. 1917. 28 апреля. В течение нескольких дней целый ряд газет целиком или с незначительными изменениями перепечатал это сообщение (Хроника // Обзорение театров. 1917. 29 апреля; Под знаком вопроса // Раннее утро. 1917. 30 апреля; Уполномоченный государств. театров // Театр. 1917. 30 апреля – 1 мая).

⁴ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 114 об.

стоящая фамилия – Гогель¹) с кратким изложением основ будущей конституции и призывом поддержать новое театральное руководство². Подобная «утечка информации» неприятно удивила В.А. Теляковского, тем более что Острожский был одним из самых яростных его «обличителей», неоднократно выступавшим в марте-апреле 1917 г. на страницах данной газеты с нападка-ми на покидающего свой пост директора театров³. Теляковский записал в своем дневнике 25 апреля: «Вчера у меня был разговор с Батюшковым и Бертенсоном. Сегодня уже статья в Новом времени. Прямо удивительно, как скоро все это распространяется. Видно, и у стен есть уши»⁴.

25 апреля В.А. Теляковский совместно с Ф.Д. Батюшковым и С.Л. Бертенсоном продолжили работу над проектом, с тем, чтобы на следующий день представить его на утверждение Ф.А. Головину⁵. В эти же дни с проектом «конституции» были ознакомлены труппы петроградских государственных театров⁶, среди которых к тому времени циркулировали самые разнообраз-

¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1957. Т. 2. С. 304.

² Острожский К. Театр в опасности! // Новое время. 1917. 25 апреля.

³ См.: Гордеев П.Н. Смена руководства в государственных театрах после Февральской революции. С. 138 – 139. Без упоминания о В.А. Теляковском не обошлась и приведенная выше заметка К.С. Острожского. Критик, в частности, писал: «Артисты могут и должны требовать, чтобы новые руководители театра честно порвали со всем тем, что было уродливого, позорного и нелепого в бывших императорских театрах. Они должны не только номинально, но и фактически совершенно отстранить от театра г. Теляковского, его вдохновителей, приспешников и наушников» (Острожский К. Театр в опасности! // Там же. 25 апреля).

⁴ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 114 об. Рискнем предположить, что «утечка» произошла через С.Л. Бертенсона, близко знакомого с К.С. Острожским: они, в частности, являлись соавторами вышедшей в 1915 г. книги о деятельности Красного Креста на Северо-Западном фронте (Год на войне. 1914 – 1915: Красный крест на Сев.-Зап. фронте / [Сост. Бертенсон С.Л., Врангель Н.Н., Гогель К.С., под общ. ред. Волкова Е.Н.]. Пг., 1915). С.Л. Бертенсона в данном случае подозревал и Ф.Д. Батюшков, после беседы с которым 27 апреля В.А. Теляковский записал в дневнике: «Особенно неприятно на него подействовало появление в Новом времени статьи Острожского – Батюшков убежден, что она инспирирована Бертенсоном» (АРФ ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. ЛЛ. 116 об. – 117).

⁵ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 115.

⁶ Так, С.Л. Бертенсон вспоминал: «Еще до моего официального назначения заведывающим постановочной частью у меня вместе с Батюшковым было несколько встреч с актерскими группами и театральными служащими. <...> В Мариинском театре нам пришлось быть на общем собрании труппы, которая пожелала ознакомиться с новой «конституцией» до ее утверждения, как закона. Чтение этого неуклюжего документа, как ни странно, имело большой успех и даже вызвало аплодисменты, что подтвердило давно уже сложившееся во мне мнение, что актеры народ очень импульсивный. Достаточно было им почувствовать, что вводится нечто вроде самоуправления, которое в те дни являлось венцом их стремлений, как настроение их становилось оптимистическим. Внутреннее чувство говорило мне, что это хорошее настроение не будет долговечным и что недалеко то время, когда начнутся разные осложнения и хаос» (Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 217 – 218).

ные слухи о содержании готовящегося законопроекта¹. 29 апреля Ф.А. Головин подписал «Временное положение» в качестве приказа комиссара над бывшим МИДв за № 28². В преамбуле этого документа говорилось: «В соответствии с провозглашенными демократическими началами самоопределения и самоуправления отдельных групп сценических деятелей и в целях установления новых форм управления Государственными театрами, я признал необходимым выработать следующее «Временное Положение об управлении Государственными театрами»³.

Всего «Временное положение» содержало 14 параграфов (текст документа см. в Приложении). § 1 официально вводил новую должность – главноуполномоченного⁴ комиссара Временного правительства над бывшим Ми-

¹ Интересная информация о настроениях артистов Александринского театра в это время содержится в дневнике писательницы С.И. Смирновой-Сазоновой, матери актрисы этого театра Л.Н. Шуваловой. Так, 24 апреля С.И. Смирнова-Сазонова записала (со слов дочери, бывшей на собрании труппы театра под председательством режиссера Е.П. Карпова): «Актёрская автономия приказала долго жить. Они-то старались, собирались и в театре, и на частн[ых] совещаниях, вырабатывали ее, и вдруг Головин объявил, что никакой автономии им не будет. Раз государствен[ный] театр ведется на казен[ные] деньги, то хозяином будет государство, а вы, мол, св[ою] бумажку оставьте себе на память, мы ее и рассматривать не будем. На год с вами контракт заключим, а потом всех уволим и будем набирать нов[ую] труппу. Эту новость сегодня сообщил актерам Карпов, вернувшийся от Головина. <...> В отношении Головина к их театру Люба видит полн[ое] пренебрежение. С ними совсем не считаются, к[ак] со старым хламом, наследием царского правительства. А главное, я думаю, не в этом, а в том, чт[обы] всех повыгнать и посадить своих. За победителями тянется больш[ой] хвост, их собственная партия, кот[орую] надо убогатворить и раздать ей к[ак] можно больше казен[ных] мест». Заканчивалась дневниковая запись размышлением, которое можно, безусловно, назвать пророческим: «Да что будет через год? Будет ли сам Головин комиссаром? Не будут ли хозяевами театра сторожа, полотеры, бегл[ые] каторжники? Останется ли к тому времени наше рус[ское] государство или его разберут по рукам инородцы и соседи?». Однако, уже на следующий день, 25 апреля, прочитав, как можно предположить, статью К.С. Острожского в «Новом времени», С.И. Смирнова-Сазонова записывает: «Должно быть, что Карпов наврал, или Люба напутала, п[отому] ч[то] в газетах нынче пишут, что театрам предоставлена полн[ая] автономия в художествен[ной] части, только хозяйствен[ную] часть начальство берет в св[ои] руки» (РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 66. ЛЛ. 16 – 18).

² Согласно воспоминаниям В.Ф. Безпалова, еще 28 апреля «у Головина было создано совещание, на котором должна была быть выработана окончательная редакция «Единого временного положения для всех государственных театров», этого первого практического законоположения новой власти в театральной области»: *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 60. В дневнике В.А. Теляковского упоминаний о подобном совещании в этот день нет (см.: АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. ЛЛ. 117 об. – 118). Возможно, покидавший свой пост директор театров не был на него приглашен.

³ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Л. 58. Само название «конституции», вероятно, было подсказано А.И. Сумбатовым-Южиным, еще 28 марта 1917 г. пославшем Ф.А. Головину докладную записку, в которой содержался проект «Временного положения по Управлению государственными московскими театрами» (РГАЛИ. Ф. 2579. Оп. 1. Д. 1455. ЛЛ. 3 об. – 4), так, впрочем, и не утвержденный комиссаром.

⁴ Любопытно, что 22 апреля комиссар Ф.А. Головин обратился к Ф.Д. Батюшкову с официальным предложением «не отказать взять на себя обязанности моего уполномоченного по всем Государственным театрам» (РО ИРЛИ РАН. Архив Ф.Д. Батюшкова. № 15622. Л. 1). Но уже через нескольких дней от этого наименования отказались в связи с переименованием московских комиссаров в «уполномоченных» (что давало им равный титул с Ф.Д.

нистерством двора по государственным театрам¹. Данное название как бы дополнительно указывало на продолжение пребывания казенной сцены в составе теперь уже бывшего МИДв. При этом, вероятно, в целях соблюдения некоторой преемственности, там же упоминалось о передаче главноуполномоченному «прав и обязанностей» директора государственных театров. Эту часть документа нельзя признать юридически безупречной, т. к. права и обязанности директора *государственных* театров вообще нигде не были определены²; если же речь шла о директоре *императорских* театров, то, конечно, его права и обязанности главноуполномоченному комиссара Временного правительства в полной мере не могли быть переданы. Распространившееся после Февраля повсеместно (в том числе и в театрах) выборное начало существенным образом изменило всю систему управления, значительно ограничивая власть начальствующих лиц³.

Ряд параграфов «Временного положения» юридически оформлял и закреплял это начало. Это § 3 (об избрании кандидатов в уполномоченные по московским театрам), § 5 (об избрании управляющих труппами), § 7 (об избрании Художественно-репертуарных комитетов), § 10 (об избрании местных комитетов рабочих и служащих). В тесной связи с перечисленными нововве-

Батюшковым, а это в планы Ф.А. Головина не входило). Сам Ф.Д. Батюшков впоследствии вспоминал: «Прежде чем принять должность, я выразил пожелание, чтобы как-нибудь были оформлены мои отношения с составом служащих при дирекции б[ывших] императорских театров. Название «директор» было упразднено. Придумали другое обозначение – сперва «уполномоченный», потом «Главнополномоченный», ввиду несколько щекотливых отношений с Москвой» (Там же. № 15623. Л. 4).

¹ С.Л. Бертенсон в своих мемуарах характеризовал это название как «неуклюжее и сложное» (*Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 215*), а пресса того времени иронизировала: «Немножко длинно. В видах экономии бумаги при тех оживленных письменных сношениях, какие несомненно будут теперь иметь место между г. Батюшковым и различными артистическими комитетами и комиссиями, следовало бы укоротить...» (Титул и роль Ф.Д. Батюшкова // *Обозрение театров. 1917. 9 мая*).

² Комиссар ВКГД над Дирекцией театров Н.Н. Львов объявил о переименовании императорских театров в государственные на собрании артистов в Александринском театре 3 марта 1917 г. (*Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года: Монография / Научн. ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 2005. С. 369*); приказ об этом был подписан Н.Н. Львовым 6 марта (приказ Н.Н. Львова за № 19). Данный приказ, копия которого обнаружена нами в РГАЛИ (см.: РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 147. Л. 28) не датирован, однако 6 марта помечены содержащиеся в том же деле приказы Н.Н. Львова за № 16 и № 22 (Там же. ЛЛ. 34, 68). Того же 6 марта приказ о переименовании театров был отправлен в «Журнал распоряжений» по петроградским театрам (*Гордеев П.Н. Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2011. С. 42*).

³ В.Ф. Безпалов справедливо отмечал в своих воспоминаниях: «автономия частично была проведена явочным порядком самими артистами еще до ее разработки и утверждения: на совещаниях и митингах дело зашло очень далеко и принимало характер законного устава еще до утверждения властью» (*Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 63*).

дениями находились §§ 6 и 8, в которых провозглашалось упразднение должностей главных режиссеров и заведующих репертуаром.

Несмотря на свой демократический характер¹, «Временное положение» сохраняло немалую власть в руках главноуполномоченного, который утверждал избрание московских уполномоченных (§ 3), управляющих труппами петроградских театров (§ 5), инструкции для Художественно-репертуарных комитетов петроградских театров (§ 7) и годовые планы работ всех трупп (§ 9). В его же ведении находилась и хозяйственно-административная часть всех театров (§ 11). Главноуполномоченный играл значительную роль в формировании состава Литературных, Музыкальных и Балетных комиссий при Художественно-репертуарных комитетах (§§ 12 и 13). Наконец, Петроградское и Московское отделения Канцелярии главноуполномоченного (бывшие Дирекция² и Конторы театров) также, что следует уже из названия, сохраняли центральное подчинение (правда, с компромиссной оговоркой для Московского отделения, поступавшего в «непосредственное ведение» уполномоченных по московским театрам).

Протест Большого театра

Подготовка «театральной конституции» не была тайной для общественности – как уже говорилось выше, информация об этом появлялась и в печати³, не говоря уже о кулуарных беседах и слухах¹. Таким образом, пред-

¹ Впрочем, признаваемый не всеми исследователями – так, Я.В. Ратнер писал: «В апреле 1917 г. Временное правительство ликвидирует автономию театра» – вероятно, имея в виду разработку первого варианта «Временного положения» (далее в тексте речь идет о протесте труппы Большого театра, последовавшем за созданием первого варианта «конституции») (*Ратнер Я.В.* Из истории советского театра (1917 – 1919 гг.) // История СССР. 1962. № 6. С. 116). Даже делая скидку на цензурные условия советского времени, утверждение Я.В. Ратнера, статья которого была опубликована в центральном историческом журнале, представляется абсолютно необоснованным.

² Таким образом, уже в первом варианте «конституции» исчезло (и в последующих не возродилось) упоминание о Дирекции театров. Это сразу создало неудобства, не предусмотренные разработчиками. Уже 8 июня 1917 г. уполномоченный по московскому Малому театру А.И. Сумбатов-Южин обратился в Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам с просьбой уведомить, «чем должно быть заменяемо слово «Дирекция» при заключении условий и договоров по Малому театру». Южин при этом указывал, что «до сего времени все условия и договоры заключались от имени Дирекции Государственных театров» (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5114. Л. 89). Ответ, последовавший 14 июня за подписью управляющего Канцелярией Л.Д. Мещнера, гласил, что «при заключении условий и договоров слово «Дирекция» следует заменить «Управлением»» (Там же. Л. 91). То есть уже через месяц после утверждения «Временного положения» вводился новый официальный термин, не упомянутый в этом документе – Управление государственными театрами. А «Дирекция», неразрывно связанная с историей русского театра в течение полутора веков, уходила в прошлое.

³ Одна из последних заметок подобного рода, принадлежавшая перу журналиста П. Михайлова (публиковался под псевдонимом «Пав. Мих.»; см. о нем: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. С. 163) появилась в «Биржевых ведомостях» 29 апреля 1917 г. В этот день многие газеты уже поместили сообщения о состоявшейся накануне забастовке Большого театра (подробнее о ней см. ниже), но данный выпуск был утренним

ставителям театральной Москвы стало известно, что их требования о полной независимости от Петрограда в проектируемом документе воплощены не будут. Масла в огонь подлило распоряжение Ф.А. Головина, посланное телеграммой комиссарам московских государственным театров 24 апреля. Сохранилась телеграмма, отправленная на имя А.И. Сумбатова-Южина, в которой говорилось: «Ввиду предполагаемой реорганизации театров на новых началах, применение временного штата личного состава комиссариата пока должно быть отложено. Во изменение приказа моего от 31-го минувшего Марта, объявленного в журнале распоряжений по Московским Государственным театрам за № 8, сообщаю, что из Комиссара Государственного Малого театра и Московской Конторы Государственных театров Вы переименовываетесь в уполномоченного по тем же учреждениям, с правами, перечисленными в упомянутом моем приказе»². Аналогичную телеграмму получил и Л.В. Собинов, у которого она вызвала немалое возмущение³. И это неудиви-

и никакой информации о московском скандале еще не содержал. «Ф.Д. Батюшковым предполагается выработать устав конституции, единой для всех государственных театров обеих столиц, но между конституциями Москвы и Петрограда будет незначительная разница», – сообщалось в заметке, вероятно, на основании беседы с Ф.Д. Батюшковым или с кем-то из его окружения (особенный интерес представляет указание на различие между «конституциями» московских и петроградских театров, которое больше нигде не встречается). «В ближайшие дни вопрос о конституции театров будет окончательно выяснен», – сообщал читателям П. Михайлов, завершая заметку на чрезмерно оптимистической (как потом выяснилось) ноте: «Пока же можно лишь сказать, что начинания вновь назначенного главноуполномоченного комиссара встречают полное сочувствие со стороны всех трупп государственных театров» (*Пав. Мих. [Михайлов П.]*. Об управлении государственными театрами // Биржевые ведомости. 1917. 29 апреля (утр. вып.)).

¹ Информация, публикуемая газетами о предстоящих реформах в театре, вызывала и любопытные «отклики с мест». Так, 22 апреля Ф.А. Головину направил письмо уфимский губернатор П.П. Башилов. Уходящий со своего поста чиновник (П.П. Башилов был уволен от службы с 1 мая 1917 г. указом Временного правительства от 26 мая, см.: Указы Временного Правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 2 июня) в этом весьма просторном (7 страниц большого формата) послании давал комиссару над бывшим МИДв множество банальных советов, наподобие: «Надо добиться создания из театра не просто кооператива на артельных началах, но гармонического целого, живого организма <...> Необходимо предоставить полную свободу индивидуальному творчеству, но, с другой стороны, обязательно указать пределы, переход за которые нарушает гармоничность сочетания частей» и т. д. Лишь по некоторым вопросам (допущение гастролеров в театрах, система оценки труда артистов) П.П. Башиловым были внесены более-менее конкретные предложения. Ф.Д. Батюшков, которому Ф.А. Головин переслал письмо П.П. Башилова для ознакомления, написал на нем: «ломится в открытые двери» (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5114. ЛЛ. 65 – 68).

² РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 146. Л. 10. Ф.А. Головин впоследствии объяснил появление этой телеграммы подготовкой «конституции»: «Ввиду того, что окончательная редакция «Временного Положения» была установлена лишь 28 апреля, я счел долгом 24 апреля сообщить уполномоченным московских театров, что применение временного штата выборных должностей по труппам пока должно быть отложено» (*Головин Ф.А.* Письмо в редакцию // Новое время. 1917. 30 апреля).

³ Л.В. Собинов писал об этом 8 мая А.И. Сумбатову-Южину: «мне было предложено: отложить применение временных штатов личного состава комиссариата. Этот неожиданный приказ прежде всего остановил всю работу и по Большому театру и по училищу. Выбор-

тельно, т. к. данное распоряжение Ф.А. Головина, безусловно, было ударом по авторитету Л.В. Собинова и А.И. Сумбатова-Южина, уже успевших сформировать в своих театрах новую администрацию на основе выборного начала¹. Все перечисленное привело в итоге к недолгому, но весьма напряженному противостоянию москвичей и петроградского руководства. Главным зачинщиком конфликта со стороны Первопрестольной стал в недавнем прошлом комиссар, а теперь, после осуществленного переименования – уполномоченный по Большому театру Л.В. Собинов².

Началось с того, что 28 апреля в московской газете «Раннее утро», ставшей своеобразным рупором «протестантов», были опубликованы две телеграммы, адресованные комиссару над бывшим МИДв Ф.А. Головину. Автором первой из них был Л.В. Собинов; в телеграмме говорилось: «Считая утверждение вами штатов комиссариата, фактически работающего с 15 мар-

ные лица, о назначении которых было объявлено в журнале распоряжений, нашли, что они после этого приказа не вправе продолжать свою работу, так как представители старого строя, оставшиеся на местах и на своих должностях (как, например, управляющий Конторой, являющийся ex-officio управляющим училища), могли спокойно заявить, что они никаких выборных должностей, после приказа Ф.А. Головина, не обязаны признавать. И работа, действительно, остановилась. <...> А ведь это было в самую горячую пору выработки сметы и планов на будущий сезон. Кроме того, отмена утвержденных штатов комиссариата вызвала опасение со стороны масс, что такой же участи могут подвергнуться и утвержденные тем же порядком сметы их жалований» (Леонид Витальевич Собинов. М., 1970. Т. 1. С. 556 – 557).

¹ В довершение ко всему, согласно сообщению корреспондента «Русского слова», 27 апреля Л.В. Собинов получил письмо от помощника комиссара над бывшим МИДв П.М. Макарова, «поясняющее, что все начинания, получившие ранее одобрение комиссара, отменены» (Забастовка в Большом театре // Русское слово. 1917. 29 апреля). Если в письме действительно об этом говорилось (оригинал его нами пока не обнаружен), то данную меру также можно объяснить подготовкой театральной «конституции».

² Отметим, что в течение всего 1917 г. Л.В. Собинов гораздо чаще выступал против петроградского руководства (в лице Ф.А. Головина, Ф.Д. Батюшкова и др.), чем А.И. Сумбатов-Южин. С.Л. Бертенсон вспоминал: «Новая московская администрация оказалась наиболее ретивой в смысле требования самой широкой автономии, и Батюшкову приходилось сглаживать не мало шероховатостей, прежде чем ввести в какое-то ровное русло высшее наблюдение за театрами, которое налагалось на него законом. Южин много лет заведовал Малым театром при Императорском режиме, обладал большим административным опытом, и потому с ним все обстояло легко и гладко. Зато артистический темперамент Собинова и полное незнание административных вопросов уносили его очень далеко от жизни, и мне не раз приходилось быть свидетелем многих бурных его выступлений в нашей канцелярии, когда он приезжал из Москвы по текущим оперным делам. Как артист, он совершенно не желал считаться с тем, что хотя для театров и была введена автономия, но прежние законы зависимости бюджета от б. Кабинета Его Величества и Контроля б. Министерства Двора оставались еще в полной силе, и не подчиняться им казенные театры не могли. Как юрист по образованию, он, конце концов, в этом разбирался, и все заканчивалось благополучно, но только после бесконечных споров и потери времени. Подобные шероховатости нисколько, впрочем, не отражались на личных отношениях с Леонидом Витальевичем, под обаянием пленительной индивидуальности которого мы все находились» (Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 217).

та, состоявшимся 19 апреля, одновременно с утверждением смет оперы, балета, оркестра и хора, нахожу отмену невозможной. Ваше новое распоряжение создает прецедент полной неопределенности и неустойчивости для Большого театра. Вследствие этого вынужден сложить с себя полномочия бывшие комиссара, ныне уполномоченного Большого театра. Прошу телеграфно сообщить, кому должен сдать дела. Собинов».

Вторая была подписана председателем «соединенной комиссии» всех трупп Большого театра Ф.В. Павловским, ближайшим сподвижником Л.В. Собинова¹. «Ваш приказ отложить применение временного штата личного состава комиссариата мы рассматриваем как упразднение выборных должностей, а следовательно, и предоставленной Большому театру автономии» – говорилось в документе. «Никакая организация государственных театров без участия избранных представителей Большого театра неприемлема. Вызванная Вашим письмом отставка Собинова, избранного всеми труппами, постановочным и техническим составом Большого театра, создала чрезвычайно тяжелое положение, приостанавливающее весь ход дел и вызывающее необходимость немедленного приезда вашего или уполномоченного вами лица. Весь состав театра ждет приезда, не разъезжаясь. Комиссия всех трупп шлет энергичный протест против действий представителя временного правительства»².

Достаточно агрессивный тон второй телеграммы, в последних строках которой комиссар Временного правительства как бы вызывался, как провинившийся школяр, на разбирательство в Москву, дополнялся помещенным ниже объявлением: «Сегодня в Большом театре в связи с этим обстоятельством назначено общее собрание всех трупп Большого театра». Там и был нанесен второй удар по петроградскому руководству.

Вечером 28 апреля, перед началом объявленной в репертуаре оперы «Князь Игорь», при полном зрительном зале, на сцену Большого театра вышел заместитель Л.В. Собинова Ф.В. Павловский вместе со всей труппой и техническим персоналом. Извинившись перед абонентами (спектакль был абонементный), Павловский объявил, что артисты и персонал решили (подавляющим большинством – только один голос³ был подан против) объявить однодневную «забастовку-протест». Это решение было вызвано «целым рядом приказов» комиссара над МИДв Ф.А. Головина, клонящихся, по мнению забастовщиков, к упразднению автономии театров. Судьба театров, заявил

¹ Феофан Венедиктович Павловский (1880 (1881 н. ст.) – 1936) – оперный певец (баритон) и режиссер. В Большом театре служил с 1910 г. 15 марта 1917 г. на общем собрании труппы Большого театра был избран заместителем управляющего театром Л.В. Собинова; позднее Ф.В. Павловский сам занял должность управляющего театром (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 443. ЛЛ. 93 – 93 об, 100 – 104 об.; РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 5. Д. 20. Л. 1 об.; *Пружанский А.М.* Отчественные певцы. 1750 – 1917: Словарь. М., 1991. Ч. I. С. 388).

² Отказ Л.В. Собинова от звания комиссара Большого государственного театра // Раннее утро. 1917. 28 апреля.

³ К сожалению, пока не удалось установить, чей.

Ф.В. Павловский, может быть решена только Учредительным Собранием. Было также объявлено о сложении Л.В. Собиновым звания комиссара Большого театра в знак протеста против упомянутого наступления на театральную свободу¹.

В одной из газет сообщалось, что после заявления Ф.В. Павловского публика «недоумевала и не могла понять, в чем дело, но многие аплодировали и кричали: «Да здравствуют артисты-граждане». Занавес опустился и все разошлись»². Не меньшее недоумение вызвала забастовка Большого театра у петроградского руководства бывшего МИДв. Комендант государственных театров В.Ф. Безпалов вспоминал: «Театральный Петроград был удивлен выходкой Большого театра, а Батюшков и Головин были крайне недовольны. Главным виновником этой забастовки они не без основания считали Л.В. Собинова»³. Несколько иначе виделась ситуация В.А. Теляковскому, записавшему в дневнике 29 апреля: «Сведение о скандале, происшедшем в Московском Большом театре, быстро распространилось по всем газетам⁴ и вызвало большое недоумение в комиссариате, причем Головин приказал отправить в

¹ Об этом инциденте во многих газетах были помещены заметки, отличающиеся друг от друга лишь некоторыми деталями (в основном, описанием реакции публики – от восторга до недоумения) (Забастовка артистов // Новое время. 1917. 29 апреля; Забастовка-протест артистов Большого театра // Петроградская газета. 1917. 29 апреля; Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 29 апреля; Забастовка-протест в Большом театре // Раннее утро. 1917. 29 апреля; Однодневная забастовка в Большом театре // Речь. 1917. 29 апреля; Забастовка в Большом театре // Русское слово. 1917. 29 апреля; Забастовка труппы Большого театра // Утро России. 1917. 29 апреля). Одновременно с «забастовкой» Л.В. Собинов опубликовал в газетах заявление об отказе участвовать в объявленном на 2 мая в Большом театре концерте-митинге оркестра Преображенского полка (там он должен был всего лишь, как комиссар театра, «сказать приветствие Преображенскому полку», но, в связи с отказом от звания комиссара, теперь отказывался это делать) (*Собинов Л.В.* 1) Письмо в редакцию // Раннее утро. 1917. 29 апреля; 2) Письмо в редакцию // Русское слово. 1917. 29 апреля).

² Забастовка артистов // Новое время. 1917. 29 апреля.

³ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 61.

⁴ При этом далеко не вся печать сочувствовала забастовщикам. Критические замечания по их адресу появились на страницах петроградского «Обозрения театров» (достаточно лояльного по отношению к Дирекции театров; В.А. Теляковский в своем дневнике отнес «Обозрение» к тем изданиям, которые «всегда восставали против огульного хуления Государственных театров только за то, что они казенные» (АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 129 об.). «Забастовка – так забастовка» – комментировал анонимный автор события в Большом театре 28 апреля. «Этим сейчас никого не удивишь. Но кто же, собственно, нарушил права московских артистов? Головин? Теляковский? Батюшков? К кому они апеллируют или вообще, быть может, считают только Учредительное Собрание авторитетным для решения театральных вопросов? Спасибо и за это. А пока, значит, особая автономия по пословице «всяк молодец на свой образец»...» (Неразбериха // Обозрение театров. 1917. 30 апреля – 1 мая). Корреспондент московского «Утра России», написавший о забастовке, рассуждал пусть и более мягко, но в схожем направлении: «Думаем, что обращение к публичному протесту было использовано несколько поспешно. Зная исключительный такт и общественное чутье Ф.А. Головина, мы не сомневаемся, что пути соглашения будут найдены» (Забастовка труппы Большого театра // Утро России. 1917. 29 апреля).

редакции газет его протест и краткое сообщение, в котором дает объяснения. Думают, что в этом деле большую роль сыграл Павловский»¹.

30 апреля в ряде крупнейших газет Петрограда и Москвы было опубликовано «Письмо в редакцию» Ф.А. Головина, написанное 29 апреля и посвященное произошедшему днем ранее инциденту в Большом театре. Poleмизуя с Ф.В. Павловским, высказавшим во время импровизированного митинга в театре мнение, что «право решения о будущем бытии государственных театров принадлежит лишь Учредительному Собранию», комиссар Временного правительства отвечал, что в таком случае «следовало бы признать, что вся прежняя организация управления театрами (дирекция, конторы и т. д.) остается неизменной. Между тем Временное Правительство не может стать на эту точку зрения. Считаюсь с фактом уже происшедших изменений в управлении театрами, идя навстречу справедливым желанием автономии артистов и в то же время желая установить единообразие в устройении всех трупп Петрограда и Москвы, мною предпринята была выработка единого для всех театров «Временного Положения», которое отвечало бы общим пожеланиям самоопределения деятелей сцены». В конце своего письма Ф.А. Головин выражал «глубокое сожаление» в том, что «артисты и служащие Большого театра, не дождавшись решения дела, вынесли его на суд публики, лишили ее возможности прослушать спектакль и создали у общества убеждение, что старый порядок лучше гарантировал публику от печальных случаев, подобных инциденту 28 апреля»².

Помимо выступлений в прессе, 28 апреля Ф.А. Головин отправил Л.В. Собинову телеграмму: «Очень сожалею что по недоразумению сложили полномочия. Убедительно прошу продолжать работу до выяснения дела. На днях выйдет новое общее положение [об] управлении театрами известное Южину отвечающее требованиям деятелей театра»³. На следующий день (29 апреля) уже в официальном отношении на имя Л.В. Собинова Ф.А. Головин писал об «удручающем впечатлении», которое на него произвела забастовка артистов Большого театра 28 апреля. «Если при прежнем порядке у артистов могло быть недоверие к правительственной власти, то теперь, казалось бы, нет ос-

¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 120. Еще 30 марта 1917 г. после разговора с А.И. Сумбатовым-Южиным В.А. Теляковский записал в дневнике: «Южин <...> думает, что Павловский – это злой гений Собинова» (Там же. Л. 83 об.).

² Головин Ф.А. Письмо в редакцию // Новое время. 1917. 30 апреля. (См. то же в следующих изданиях: Биржевые ведомости. 1917. 30 апреля (веч. вып.); Петроградская газета. 1917. 30 апреля; Петроградский листок. 1917. 30 апреля; Речь. 1917. 30 апреля; Русское слово. 1917. 30 апреля).

³ РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 471. Л. 7. С незначительными стилистическими изменениями опубликовано (Телеграмма Ф.А. Головина Л.В. Собинову // Раннее утро. 1917. 30 апреля). Интересен сам факт публикации этой телеграммы, адресованной лично Л.В. Собинову, в московском печатном органе, активно поддерживавшем в данном конфликте труппу Большого театра. Можно предположить, что Л.В. Собинов и отправил данную телеграмму в печать, чтобы затем публично на нее ответить.

нований к такому недоверию», – заявлял комиссар Временного правительства¹.

Однако Л.В. Собинов, настроенный весьма решительно, еще только начинал свою кампанию. 29 апреля, на следующий день после «забастовки-протеста», в Большом театре шла опера Ж. Бизе «Искатели жемчуга». Этот спектакль, в котором Собинов исполнял одну из главных ролей (Надира), совпал с 20-летием со дня дебюта артиста на сцене Большого театра²; кроме того, Л.В. Собинов выступал на сцене Большого театра как певец впервые за два года (в 1915 г. он прекратил контракт с Дирекцией императорских театров и с тех пор на «императорских» сценах не выступал³). Немаловажно также, что спектакль давался в пользу обоих московских Советов (рабочих и солдатских депутатов), представители которых, а равно и комиссар г. Москвы Н.М. Кишкин, присутствовали в театре⁴. По окончании первого акта, в ответ на приветствие товарищей по сцене в связи с круглой датой⁵, Л.В. Собинов (неразгримированный, в костюме Надира) произнес яркую, политически заостренную речь. Началась она выпадом в адрес главноуполномоченного по государственным театрам Ф.Д. Батюшкова, прямо не названного, но очевидно подразумеваемого в этом выступлении. «Наша автономия не мешала идее объединения всех государственных театров в интересах государства», – заявил артист. «Для этого нужен был человек авторитетный и близкий театру. Такой человек нашелся. Это был Вл. Ив. Немирович-Данченко. Это имя знакомо и дорого Москве: оно объединило бы всех, но... он отказался. Пришли другие люди, очень почтенные, уважаемые, но чуждые театру. Пришли с уверенностью, что именно люди, посторонние театру, дадут реформы и новые начала. Не прошло трех дней, как начались попытки покончить с нашим самоуправлением». На этих «попытках» Л.В. Собинов остановился особо. Его негодование вызвала, прежде всего, завеса тайны вокруг «Временного положения». «Наши выборные должности отложены, и нам обещано на днях новое положение об управлении театрами. Нам так и неизвестно, кем и когда оно выработано» – не совсем искренне говорил Л.В. Собинов (все же процесс работы над «Временным положением», равно как и фамилии участвовавших в нем лиц, освещались в прессе, примеры чему приводились выше. Собинов, разумеется, не мог этого не знать).

¹ РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 471. Л. 8.

² Леонид Витальевич Собинов. Т. 2. М., 1970. С. 317. Собственно юбилей приходился на 24 апреля, но в этот день празднование состоялось только в кругу друзей артиста: Юбилей Л.В. Собинова // Рампа и жизнь. 1917. № 18 – 19. С. 9.

³ Спектакль-митинг. Вчера в Большом театре // Раннее утро. 1917. 30 апреля; Волков Н.Д. Творческий путь Л.В. Собинова // Л.В. Собинов. Жизнь и творчество. М., 1937. С. 76 – 78.

⁴ Спектакль-митинг. Вчера в Большом театре // Раннее утро. 1917. 30 апреля.

⁵ От труппы театра Л.В. Собинову был поднесен серебряный венок; затем Ф.В. Павловский произнес со сцены речь, в которой, обращаясь к Л.В. Собинову, призывал: «Оставайтесь с нами <...> и вместе с нами поведите борьбу за наше право и за забытое искусство» (Чествование Собинова // Там же).

Коснувшись телеграммы, посланной ему Ф.А. Головиным, Л.В. Собинов заявил: «В телеграмме глухо сказано, что оно [«Временное положение» – П.Г.] отвечает пожеланиям деятелей театра, – каких – нам неизвестно. Мы не участвовали, не были приглашены, но зато мы знаем, что недавно сброшенные приказные путы опять стараются нас запутать, опять приказное усмотрение спорит с волей организованного целого, и затихший приказный чин возвышает свой голос, привыкший к окрикам». И здесь, надо признать, артист был искренен не до конца. Он «упустил» в своем изложении телеграммы Ф.А. Головина важные слова о «Временном положении»: «известное Южину»¹. А ведь за ними скрывался факт участия А.И. Сумбатова-Южина, который в Петрограде продолжал рассматриваться как главный выборный представитель московского театрального мира, в подготовке «Временного положения». Таким образом, выстраиваемая Л.В. Собиновым в своей речи картина одностороннего диктата петроградских чиновников театральной Москве не вполне соответствовала действительности. Тем не менее, он совершенно справедливо возмущался тем, что к его голосу не прислушались («мы не участвовали, не были приглашены») – представляя сразу две труппы Большого театра (оперную и балетную) Л.В. Собинов, безусловно, имел право высказать свое мнение касательно будущей театральной «конституции». Можно предположить, что его не привлекли к этой работе ввиду достаточно радикальных взглядов знаменитого артиста, и, в том числе, его непримиримого отношения к В.А. Теляковскому.

Л.В. Собинов завершил свою речь заявлением о том, что хотя он, не считая возможным «взять на себя ответственность за подобные реформы» и сложил «власть директора» (т. е. звание комиссара театра), но, оставаясь выборным управляющим театром, он протестует «против захвата судеб нашего театра в безответственные руки». От имени труппы Большого театра Л.В. Собинов обратился «к представителям общественных организаций и Советам рабочих и солдатских депутатов» с просьбой «поддержать Большой театр и не дать его на административные эксперименты петроградским реформаторам. Пусть они занимаются конюшенинским ведомством, удельным виноделием, карточной фабрикой, но театр оставят в покое», – сказал он в заключение, имея в виду оставление после Февральской революции государственных театров в составе бывшего Министерства двора².

После выступления Л.В. Собинова произнес речь комиссар Временного правительства в Москве Н.М. Кишкин, который «от лица московских общественных организаций, от Совета рабочих и солдатских депутатов»³ заявил,

¹ Вскоре, впрочем, и этот бесспорный факт (знания А.И. Сумбатовым-Южиным о подготовке «Временного положения») был поставлен Л.В. Собиновым под сомнение (см. ниже).

² Леонид Витальевич Собинов. Т. 2. С. 43.

³ Редкий случай, когда от лица Советов выступал представитель партии народной свободы.

что все требования деятелей театра встретят их поддержку»¹. О поддержке артистов заявил и выступивший вслед за Н.М. Кишкиным представитель Московского Совета солдатских депутатов². После этого спектакль продолжился, прерываясь в антракте (всего в данной опере 3 акта и, следовательно, 2 антракта) на стихийный митинг, где «при появлении Л.В. Собинова были выступления отдельных ораторов: солдатских депутатов, рабочих депутатов, из публики. Г. Собинов в свою очередь всем отвечал. Публика восторженно приветствовала любимца»³. Сочувствовавшая «протестантам» печать писала о необыкновенно больших сборах, которые дал «спектакль-митинг» с участием Л.В. Собинова, причем данные разнились от 16⁴ до 22 тысяч рублей⁵.

В дополнение к двум прошедшим подряд «акциям» труппы Большого театра (забастовке 28 апреля и спектакле-митинге 29-го) москвичами велась и информационная кампания – преимущественно, на страницах газет «Раннее утро» и «Театр». 30 апреля в «Раннем утре» был опубликован целый ряд заметок, посвященных противостоянию между Большим театром и комиссаром Ф.А. Головиным; первая из них носила особенно тревожный характер, освещая конфликт исключительно с позиции Л.В. Собинова и его окружения (до такой степени, что кажется, будто ее анонимному автору текст продиктовал лично Л.В. Собинов). «Театральная автономия трещит по всем швам» – уже первая фраза должна была настроить читателей на определенный лад. «Удар идет из Петрограда, из комиссариата по ликвидации министерства двора, где Ф.А. Головин все еще не может расстаться с Теляковским. И ставленник романовского режима продолжает фактически по-прежнему директорствовать, консультируя не сведущего в театральных делах нового комиссара. Теперь очередной удар направлен по адресу Москвы. Л.В. Собинов уже сложил свои полномочия. Большой театр реагировал однодневной забастовкой на самодержавные поползновения петроградского управления государственными театрами». Перечислив далее целый ряд «поползновений», сводившихся к тому, что в Петрограде отказались давать московским казенным театрам полное самоуправление, в конце автор заметки патетически вопрошал: «Автоно-

¹ Л.В. Собинов впоследствии заявлял, что «29 апреля <...> согласие общества с артистами и служащими театра особенно ярко было засвидетельствовано в обращении к ним комиссара гор. Москвы Н.М. Кишкина, заявившего, что он приветствует Большой театр в его борьбе за право самоопределения, как представитель Временного Правительства и как председатель исполнительного комитета московских общественных организаций, и в речах представителей советов солдатских и рабочих депутатов» (*Собинов Л.В.* Письмо в редакцию // Новое время. 1917. 4 мая). Таким образом, свершился один из парадоксов революции – кадет Н.М. Кишкин от имени Временного правительства выступил против своего же однопартийца Ф.А. Головина, действовавшего, в качестве комиссара, от имени того же правительства.

² Поддержка // Раннее утро. 1917. 30 апреля; Хроника // Рампа и жизнь. 1917. № 18 – 19. С. 9 – 10.

³ В антрактах // Раннее утро. 1917. 30 апреля.

⁴ Там же.

⁵ Апелляция Большого театра к общественному мнению Москвы // Театр. 1917. 30 апреля – 1 мая.

мия театральная, где ты?»¹. В тот же день, когда этот материал появился в печати (т. е. 30 апреля) Л.В. Собинов написал своей супруге Н.И. Собиновой письмо, в котором изложил свой взгляд на происходящие вокруг него события. Поскольку взгляд этот представляет для рассматриваемой нами темы несомненный интерес, мы позволим себе привести из указанного письма объемную цитату: «Как жалко, что тебя здесь нет!» – восклицал Л.В. Собинов, обращаясь к жене. «Мы такое интересное время переживаем. Затеяли борьбу с Головиным и его приказными, которые хотят слопать нашу автономию. Мой отказ от комиссарства вызвал целую бурю. Театр забастовал, и спектакль в пятницу не состоялся². Очень скверную роль играет во всем Теляковский, а может быть, за ним Шаляпин и прочая компания³. Как бы то ни было, борьбу приходится вести до конца. За нас вступился комиссар Москвы Кишкин и Советы солдатских и рабочих депутатов. Вчерашний спектакль представлял нечто грандиозное, незабываемое. Я вчерашней речью вогнал актерскую братию в слезы, так удалось мне искренне все сказать. Завтра будет, вероятно, то же самое. Комиссарство я сложил, но выборным управляющим должен был остаться, т. к. иначе остановилась бы вся машина⁴. Да и во всяком случае, раз дело стало общественным и публичным, бросать его нельзя. Бог даст, все-таки я седьмого выберусь из Москвы, хотя, может быть, придут и такие события, что кризис, так или иначе, разрешится раньше. Сегодня Головин выступил уже с письмом в «Русском слове»⁵. Письмо нельзя оставить без ответа. Южин все время виляет, а Теляковский занимается провокацией. Вот видишь, Нинуша, какие без тебя дела творятся»⁶.

Вскоре в газетах появились и ответные письма Л.В. Собинова Ф.А. Головину. Их было два – артист ответил отдельно на телеграмму Ф.А. Головина, где тот просил его не слагать полномочия и упоминал о разработке положения, «известного Южину», и отдельно – на письмо Ф.А. Головина в редакцию ряда газет по поводу «забастовки» Большого театра 28 апреля. Отвечая

¹ Под знаком вопроса // Там же.

² Имеются в виду события 28 апреля в Большом театре.

³ Неприязненные отношения между двумя великими артистами – Ф.И. Шаляпиным и Л.В. Собиновым – сложились задолго до 1917 года. В.А. Теляковский утверждал в своих мемуарах, что «Собинов до болезненности не переваривал громадного успеха Шаляпина» (*Теляковский В.А. Мой сослуживец Шаляпин // Теляковский В.А. Воспоминания. Л.; М., 1965. С. 409*).

⁴ 9 марта на общем собрании трупп Большого театра Л.В. Собинов был избран управляющим театром (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 333. Л. 4; *Волков Н.Д. Творческий путь Л.В. Собинова. С. 78; Государственный академический Большой театр Союза ССР // Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр. 1917 – 1921. Л., 1968. С. 100*). 11 марта А.И. Сумбатов-Южин назначил Л.В. Собинова своим товарищем «по Управлению государственными московскими театрами» (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 333. Л. 3 об.); 31 марта, как уже упоминалось, Ф.А. Головин назначил Л.В. Собинова комиссаром Большого театра. При этом Л.В. Собинов разделял полномочия полученные «по назначению» и «по выбору», в связи с чем, отказываясь от звания комиссара, продолжал считать себя управляющим.

⁵ См. данное письмо выше.

⁶ Леонид Витальевич Собинов. Т. 1. С. 555.

на телеграмму комиссара, касавшуюся прежде всего его собственной судьбы, Л.В. Собинов писал: «Созданное вашими последними распоряжениями положение, к крайнему сожалению, лишает меня возможности сохранить полномочия. А.И. Южин, запрошенный мною по содержанию вашей телеграммы, ответил, что он не знает никакого общего положения¹. Не думаю, что Большой театр может удовлетвориться упоминаемым в вашей телеграмме общим положением об управлении театрами, разработанным без участия его представителей. Выборное начало, признанное Большим театром основой его существования, не может быть отложено или отменено»².

В другом случае, полемизируя с «Письмом в редакцию» Ф.А. Головина, Л.В. Собинов вновь перечислял причины, приведшие его и Большой театр на путь противостояния комиссару над бывшим МИДв: «Устранение Большого театра от обсуждения вопроса на петроградских совещаниях о будущем положении государственных театров, официальные указания комиссара Ф.А. Головина и его помощника П.М. Макарова о «предстоящей реорганизации театра на новых началах», новые распоряжения, отменявшие приказы, подписанные за три дня перед тем, фактическое как бы нежелание осведомить театр, какого рода реформы разрабатываются и кем именно, – все это заставило Большой театр прибегнуть к крайней мере – однодневной забастовке, как единственно возможной в данную минуту форме организованного протеста. Большой театр слишком дорожил своей прочно сложившейся автономной организацией, чтобы покорно ждать грозившую ему из Петрограда неведомую реформу». Подчеркивая, что «весь ход дел слишком напоминал «старый порядок» с его канцелярской тайной и бюрократическим самомнением», Л.В. Собинов писал: «Беспристрастному читателю, вероятно, будет странно узнать, что при выработке положения, которое «отвечало бы общим пожеланиям самоопределения деятелей сцены», как раз этих деятелей и не спросили». Отметал Л.В. Собинов и обвинение Ф.А. Головина в том, что забастовка Большого театра могла создать у публики убеждение, что старый порядок лучше охранял ее от подобных инцидентов: «Что же касается отношения московской публики к неожиданной забастовке 28 апреля, то именно оно как раз и было далеко от воспоминаний о старом порядке. Убеждение публики, поскольку оно проявилось в приветствиях по адресу артистов, было совсем другого рода, чем это предполагает в своем письме Ф.А. Головин: московское общество одобрило поступок Большого театра». При этом Собинов сообщил, что так и не состоявшийся 28 апреля абонементный спектакль назначен на 8 мая, и «в интересах публики весь личный состав театра остался на месте, хотя сезон закончился официально 30 апреля, и вся труппа имела право разъехаться»³.

¹ Крайне интересное заявление – учитывая ту роль, которую, как мы видели, сыграл А.И. Сумбатов-Южин при разработке «Временного положения» от 29 апреля. К сожалению, не удалось обнаружить каких-либо комментариев самого Южина по этому поводу.

² Ответная телеграмма Л.В. Собинова // Раннее утро. 1917. 2 мая.

³ Собинов Л.В. Письмо в редакцию // Новое время. 1917. 4 мая.

Сцена Большого театра также продолжала использоваться Л.В. Собиновым как площадка для политических выступлений. 1 мая в театре состоялся спектакль, сбор с которого должен был пойти в пользу обоих московских Советов. Во время антракта «произнес речь представитель Совета рабочих депутатов г. Егоров»¹, заявивший: «Мы надеемся, что цепи спадут и с русского театра. <...> Та казенщина, которая до сих пор царила в русском театре, должна уступить место полному демократизму², и вы явитесь носителями великих идеалов человечества, проводя их в жизнь, воспитывая мысль и дух русского народа для восприятия новых идеальных форм общественной жизни». Ему от имени труппы ответил Л.В. Собинов: «Мы оправдаем свое назначение. Большой театр в моем лице приветствует Совет рабочих и солдатских депутатов»³. Зная события нескольких предшествующих дней, нетрудно догадаться, о какой «казенщине» и о каких «цепях» (которым только предстоит еще упасть) говорил Егоров. Что касается Собинова, то в его активном сближении с советскими кругами (представители которых были вовлечены в конфликт уже на «спектакле-митинге» 29 апреля) прослеживается вполне понятный политический расчет: заигрывание с левыми силами давало ему дополнительные козыри в противостоянии с комиссаром-кадетом.

Таким образом, в течение недели Л.В. Собинов нанес целый ряд ударов по своим противникам: телеграммой, опубликованной в «Раннем утре», забастовкой 28 апреля, речью на спектакле 29 апреля и последовавшими за тем двумя открытыми письмами в газетах – ответами Ф.А. Головину (и это не считая мелких уколов, вроде отказа от участия в концерте оркестра Преображенского полка 2 мая, речи на первомайском спектакле и др.). При помощи прессы, активно освещавшей события вокруг Большого театра, они приобрели поистине всероссийскую известность. Так, например, на страницах московской газеты «Театр» (подобно «Раннему утру», безоговорочно поддерживавшей «протестантов» Большого театра), началась целая кампания, направленная лично против Ф.Д. Батюшкова⁴, а также и самого Ф.А. Головина¹. Впрочем, на этом конфликт еще далеко не был исчерпан.

¹ Вероятно, речь идет о внефракционном социал-демократе, товарище председателя Московского Совета рабочих депутатов И.И. Егорове (см. о нем: Чураков Д.О. Февральская революция 1917 г. в Москве и Центральном промышленном районе // [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/43277.php>).

² Так в тексте.

³ Большой театр // Раннее утро. 1917. 2 мая.

⁴ «Полагаем, что при всех качествах Батюшкова у него нет одного – подлинного понимания истинной сущности и потребностей театра. Ведь проф. Батюшков, хотя он и пишет театральные рецензии, человек театру посторонний. А может ли посторонний человек провести реформы в том масштабе, в каком они должны быть осуществлены?» – задавался вопросом критик, скрывшийся под псевдонимом «Театрал» (*Театрал*. За автономию! // Театр. 1917. 30 апреля – 1 мая). Данная мысль, перекликавшаяся с некоторыми пассажами из речи Л.В. Собинова на «спектакле-митинге» 29 апреля («другие люди, <...> чуждые театру», «люди, посторонние театру»), развивалась и в последующих статьях «Театрала»:

30 апреля сразу в двух российских печатных изданиях – московском «Раннем утре» и столичной «Петроградской газете» появились интервью с Ф.Д. Батюшковым. Одно из них, взятое у Ф.Д. Батюшкова корреспондентом «Раннего утра», было выдержано в примирительном тоне. Главноуполномоченный объяснял, что переименование Л.В. Собинова из комиссаров в уполномоченные, равно как и временная отмена утвержденной ранее Ф.А. Головиным сметы Большого театра исходили не от самого комиссара, а от Временного правительства (смета была существенно увеличена, что «вызвало весьма серьезные возражения со стороны контролирующих органов»). «По-видимому, эти два сообщения комиссара временного правительства Л.В. Собинову и создали у москвичей то тревожное настроение, которое, не будучи разрешено путем хладнокровного требования разъяснений по волнующим вопросам, вылилось в форму забастовки-протеста» – полагал Батюшков, выражая надежду на то, что «по выяснении московской труппой всех деталей она станет на единственный путь² согласования своих действий с действительными задачами истинно-демократических государственных театров, в которых на первом плане должны быть поставлены интересы общего блага»³.

Гораздо более «острым» оказалось интервью, данное Ф.Д. Батюшковым корреспонденту «Петроградской газеты», скрывшемуся за псевдонимом «Театрал»⁴. В данном материале приводились слова Ф.Д. Батюшкова по по-

«Ф.Д. Батюшков – человек театру чужой. Не ему ведать сложным делом театра. Казалось бы, время чужих людей прошло» (*Театрал*. «Пусть оставят театр в покое» // Там же. 3 – 4 мая). Отметим, что указание на якобы имевшую место «чуждость» Ф.Д. Батюшкова театру стала впоследствии общим местом в советской театральной историографии («Батюшков был типичным «литератором от театра», рассматривавшем сцену как своеобразное ответвление «изящной словесности»» (*Кузнецов Е.* Примечания // *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 56); «Батюшков далеко не отвечал требованиям, предъявлявшимся актерами будущему директору» (*Мокульский С.* Петроградские театры от Февраля к Октябрю // *История советского театра*. Л., 1933. Т. I. С. 31). Даже позднее, когда конфликт уже явно пошел на убыль, писатель и критик Н.Н. Вильде иронизировал на страницах «Театра»: «если избавлять театр от ненужных чиновников, если давать полномочия комиссарам, выбранным из среды артистов, то спрашивается – зачем нужны над ними – в чисто специальных вопросах искусства – еще какие-то «театральные батюшки» вроде профессора Ф.Д. Батюшкова?» (*Вильде Н.* Казенные квартиры и театр // Там же. 11 – 13 мая).

¹ «Мы лично не совсем понимаем, какая разница между «новым строем» в государственных театрах и старым?» – рассуждал в своей статье один из авторов «Театра». «Тогда искусством заведовал г. Теляковский – полковник и все прочее. Теперь – Ф.А. Головин, земский деятель и помещик, председатель одной из Государственных дум. Относясь с самым большим уважением к Головину, как общественному деятелю, мы все же не ясно понимаем, чем он заслужил этой роли заведывателя искусством? <...> Надо все же знать искусство, чтобы им управлять, знать ту среду, в которой вращаются деятели искусства, знать их запросы. Ничего того Головин не знает и знать не может, ибо он – из другого мира» (*Диез*. Ньюансы // Там же. 30 апреля – 1 мая).

² Так в тексте.

³ Беседа с Ф.Д. Батюшковым // Раннее утро. 1917. 30 апреля.

⁴ Достоверно расшифровать этот псевдоним пока не представляется возможным. В «Словаре псевдонимов» И.Ф. Масанова указаны 8 журналистов, подписывавшихся в разное время и в разных изданиях как «Театрал», но ни один из них вроде бы не подходит для этого случая (см.: *Масанов*

воду забастовки артистов Большого театра 28 апреля: «Я считаю возмутительным основывать протесты, строить бунты на какой-то сплетне, лжи и тем усиливать общую разруху, которая и без того господствует во всей стране». Касаясь вопроса по существу, Ф.Д. Батюшков будто бы¹ сообщил корреспонденту, что «тут мы имеем дело с простым недоразумением». Рассказав затем о демократических нововведениях, содержащихся во «Временном положении» (учреждение Художественно-репертуарных комитетов, должностей главноуполномоченного, уполномоченных, управляющих труппами и их сфере ответственности), Батюшков (в передаче «Театрала») резюмировал: «Таким образом, автономия сохраняется, но не устанавливается независимость. Разве может быть иначе? Артисты как будто говорят: – Давайте нам деньги, а мы будем делать то, что хотим! Мне кажется, что таким артистам нужно устраивать частную антрепризу. Об этом было сообщено г. Собинову, а также о том, что он лишь по недоразумению называется комиссаром. Комиссар – есть лицо, заменяющее министра, и Ф.А. Головин счел долгом извиниться, что при его предшественнике, Н.Н. Львове, произошло подобного рода недоразумение. Мы просили г. Собинова подождать, пока мы с А.И. Южиным не выработаем новые начала автономии московских театров, и я очень жалею, что г. Собинов поторопился выразить свой протест»².

Это интервью Ф.Д. Батюшкова вызвало новую бурю негодования в Москве. В.А. Теляковский записал в своем дневнике 4 мая: «Когда появилась беседа Ф.Д. Батюшкова в “Петроградской газете” – Собинов прислал Батюшкову телеграмму с запросом, говорил ли он все то, что было сказано в газете»³. Саму эту телеграмму выявить пока не удалось; однако, в фонде Л.В. Собинова в РГАЛИ обнаружилась дальнейшая переписка. 3 мая Ф.Д. Батюшков отправил Л.В. Собинову ответ: «Принимаю ответственность только за то что лично мною подписано проверять и обсуждать чужую передачу частных разговоров не считаю возможным надеюсь когда приедете обо всем догово-

И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1958. Т. 3. С. 164). Современный театровед Н. Зозулина высказала предположение, что под псевдонимом «Театрал» в «Петроградской газете» мог писать сам владелец газеты, крупный историк театра и журналист С.Н. Худеков (см. электронный вариант № 1 (19) журнала «Балет ad libitum» за 2010/2011 г., в печатном варианте данный фрагмент публикации Н. Зозулиной отсутствует (*Бинокль*. Беседа с Н.Г.Сергеевым. Письмо М.А.Эрлер (публикация Н.Зозулиной) // [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: <http://forum.balletfriends.ru/viewtopic.php?p=122108#122108>). В то же время, И.Ф. Масанов приводит целых 17 псевдонимов С.Н. Худекова, но «Театрала» среди них нет (*Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 503).

¹ Позднее достоверность передачи слов Ф.Д. Батюшкова в интервью будет поставлена под сомнение, в том числе и самим Батюшковым (см. ниже). И действительно, существенные различия в стиле и тоне высказываний главноуполномоченного, которые видны при сравнении материалов «Раннего утра» и «Петроградской газеты», не могут не вызывать определенных сомнений в добросовестности интервьюеров (хотя бы в одном из приведенных случаев).

² *Театрал*. Ф.Д. Батюшков – о московской забастовке и г. Теляковском // Петроградская газета. 1917. 30 апреля.

³ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 127 об.

ряться. Юза¹ Комиссара Батюшков»². В другом деле (также из фонда Л.В. Собинова) содержится машинописный (недатированный) отпуск телеграммы, по смыслу похожий на ответ на телеграмму Ф.Д. Батюшкова от 3 мая: ««Срочно. Комиссару Головину для Батюшкова. Зимний дворец – Петроград. Телеграмма запросом о Вашей беседе 30 апреля “Петроградской газете” подписана мною по полномочию собрания объединенных комиссий Большого театра, которое нашло Ваши объяснения неудовлетворительными и ждет категорического ответа по существу запроса. Уполномоченный собрания Собинов»³. 5 мая последовал ответ Ф.Д. Батюшкова: «Вопрос принципиальный никогда не полемизирую с газетными обозревателями отвечаю только за подписанное лично задержал какие либо свои публичные выступления до Вашего приезда»⁴.

В бумагах Ф.Д. Батюшкова, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского дома, имеется интересная записка (черновик, написанный Батюшковым собственноручно). Документ не датирован, но по содержанию его можно отнести именно ко времени полемики автора с Л.В. Собиновым в начале мая 1917 г. Возможно, он являлся ответом (так и не отправленным?) на первую телеграмму Л.В. Собинова. Так или иначе, записка представляет собой самостоятельный интерес, раскрывая взгляды Ф.Д. Батюшкова как на сущность конфликта с труппой Большого театра, так и на принципы театрального управления вообще. Приводим ее ниже целиком: «Выводы из этих «положений» ясны⁵. Я не знаю, какая большая «автономия» может быть предоставлена государственному театру, как сосредоточение в руках коллектива, т. е. трупп артистов, с правом кооптации кого угодно для определенной цели, всей инициативы и руководства художественной жизни театра, лишь под контролем представителя правительственной власти, ибо имущество и [неразб. слово – П.Г.] государственные. И репертуар, и приглашение, и увольнение артистов, и постановки, и регулирование отношений к служащим в театрах – все передано на усмотрение худ[ожественно-]реп[ертуарных] комитетов, как избранному⁶ труппой органу управления. Наконец, по отношению к Москве права главноуполномоченного санкционировать постановления комитетов переданы им уполномоченным, которые только по вопросам, требующим разрешения комиссара над б[ывшим] Мин[истер]ством двора, сносятся с комиссаром через посредство главноуполномоченного. В письме г. Собинова есть только одно конкретное указание относительно личного со-

¹ Так в тексте; вероятно, имеется в виду телеграфный аппарат Юза, установленный в кабинете комиссара Ф.А. Головина (на телеграмме помечено, что она отправлена из Зимнего дворца, где находилась резиденция Ф.А. Головина).

² РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 398. Л. 4.

³ Там же. Д. 221. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 398. Л. 5.

⁵ С этой фразы документ начинается. Под «положениями» в данном случае имеется в виду «Временное положение об управлении государственными театрами».

⁶ Так в тексте.

става Комиссариата, по Москве, по поводу которого оспаривается мое мнение, что выборные должности оплачиваются из кредитов, отпущенных на труппу и на Канцелярию. Об утверждении штата «комиссара по Б[ольшому] театру», относящемуся к 21 апреля я не имею никаких сведений, так как данный акт предшествовал моему назначению¹. Но раз «комиссары по Москве» признаны временной должностью, упраздненной с введением нового Вр[еменного] положения по госуд[арственным] театрам, я не вижу, откуда может быть взят особый кредит на упраздненные должности и могу высказывать соображения лишь в пределах утвержденной при мне сметы. Воля комиссара над б[ывшим] Мин[истер]ством двора вновь возродить эти должности и утвердить новый кредит на оплату содержания тем лицам, которых уполномоченный по Б[ольшому] театру считает своим личным штатом, – я тут совершенно не при чем. Итак, никакого ни «пассивного», ни «активного» противодействия «московской автономии» я не проявлял. Я действовал с самого начала открыто и откровенно, указывая мотивы правильности, с моей точки зрения, вырабатываемых «Положений», единообразных для всех государственных театров, так как в этом вижу смысл управления именно с государственной точки зрения. Особенности местного управления учитываются «инструкциями», вырабатываемыми самими труппами или их выборными органами управления. Ни одного проекта «инструкций» я еще не получал, поэтому об них даже не могу высказываться, но заранее не делал и не делаю никаких возражений тому, что не противоречит установленным и принятым общим нормам управления»².

После обмена телеграммами и открытыми письмами между Ф.А. Головиным, Ф.Д. Батюшковым и Л.В. Собиновым конфликт стал постепенно угасать. 2 мая на общем собрании всех трупп Большого театра «совместно с М.В. Челноковым, обсуждалось временное положение об управлении государственными театрами, присланное Ф.А. Головиным»³. Стоит отметить, что видный общественный деятель, член ЦК кадетской партии М.В. Челноков был близким Ф.А. Головину человеком – так, в конце марта 1917 г., когда обсуждался вопрос о возможном назначении Ф.А. Головина на Кавказ, его кандидатом на пост комиссара над бывшим МИДв называли именно М.В. Чел-

¹ В.А. Теляковский записал в дневнике 21 апреля, что Ф.А. Головин «подписал уже смету Собинова» (АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 109) (сам Собинов указывал, что утверждение штатов состоялось еще 19 апреля – см. выше). В любом случае, последовавшее 24 апреля распоряжение Ф.А. Головина о том, что «применение временного штата личного состава комиссариата пока должно быть отложено» (см. выше) серьезно задело обоих московских комиссаров, ставших теперь уполномоченными (в особенности – Л.В. Собинова). 3 мая после беседы с А.И. Сумбатовым-Южиным, рассказавшим ему о положении дел в Москве, тот же В.А. Теляковский записал в дневнике: «Главная обида Собинова, это что не утвердили его штаты для комиссариата Большого театра» (Там же. Л. 124).

² РО ИРЛИ РАН. Архив Ф.Д. Батюшкова. № 15647. ЛЛ. 4 – 4 об.

³ Борьба за театральную автономию // Раннее утро. 1917. 3 мая. «Временное положение» было прислано Ф.А. Головиным Л.В. Собинову днем ранее, 1 мая (Л.В. Собинов о Большом театре // Театр. 1917. 2 мая).

нокова¹; позднее (27 мая 1917 г.) Ф.А. Головин назначил М.В. Челнокова своим уполномоченным по делам Русского музея². Таким образом, присутствие на этом собрании М.В. Челнокова было далеко не случайным – он неофициально представлял там интересы Ф.А. Головина и его окружения. Правда, не очень успешно – как отмечалось в газетной заметке, «беседа не дала окончательных результатов. М.В. Челноков послал телеграмму Ф.А. Головину по просьбе всех представителей труппы Большого театра приехать лично в Москву для выяснения всех этих вопросов»³.

На следующий день⁴ на очередном общем собрании артисты Большого театра вынесли окончательный вердикт «Временному положению» от 29 апреля – «признали его неприемлемым»; труппа вновь постановила «не разъезжаться до окончательного выяснения вопроса», ожидая «приезда Ф.А. Головина или его уполномоченного»⁵. В Москву, однако, Ф.А. Головин так и не поехал – 4 мая он прислал Л.В. Собинову телеграмму, в которой, ссылаясь на отсутствие свободного времени, просил Собинова приехать в Петроград «для выяснения «временного положения» об управлении государственными театрами и бюджета». Л.В. Собинов в данном случае уступил – пообещал приехать, но только 10 мая, «так как к этому времени будет уже закончен общий доклад по Большому театру и театральному училищу»⁶.

«Бунт» Большого театра вынудил руководителей бывшего МИДв сделать более значительные уступки москвичам, чем это предусматривало «Временное положение» от 29 апреля. Судьба самого документа, таким образом, была предрешена – на сохранившемся в архиве подлиннике приказа Ф.А. Головина по бывшему МИДв за № 28 (в котором и содержался текст «Временного положения»), уже подписанного комиссаром, С.Л. Бертенсон 2 мая написал: «Настоящая редакция приказа признана недействительной и за-

¹ Бенуа А.Н. Дневник 1916 – 1918 годов. М., 2006. С. 237, 245.

² Тютюнник Л.И., Додонов Б.Ф. Учреждения Временного правительства // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801 – 1917. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. С. 236.

³ Борьба за театральную автономию // Раннее утро. 1917. 3 мая.

⁴ В газетной заметке, сообщившей об этом событии, его дата не указана. Мы основываем свое предположение на том, что в заметке, помещенной в предыдущем номере газеты (где говорилось о собрании 2 мая) еще не говорилось о признании артистами «Временного положения» «неприемлемым» – а значит, речь идет о двух различных заседаниях.

⁵ Борьба за театральную автономию // Там же. 4 мая. Тем не менее, при более близком знакомстве труппы Большого театра с выработанным в Петрограде проектом «конституции», бушевавшие вокруг него эмоции в значительной степени улеглись. «Временное положение повторяет те основы, на которых конструировался Большой театр, только с излишней централизацией», – пересказывал во вполне примирительном тоне свою беседу с Л.В. Собиновым корреспондент московской газеты «Театр». «По словам Л.В., соглашение между Ф.А. Головиным и Большим театром, несомненно, будет достигнуто. Что же касается вопроса о возвращении Л.В., то он останется только при том условии, если будут удовлетворены все требования о благоустройстве театра, которые им были представлены» (Л.В. Собинов о Большом театре // Театр. 1917. 2 мая).

⁶ Борьба за театральную автономию // Раннее утро. 1917. 5 мая.

менена новой в приказе от 13¹ мая 1917 г.»². Листы документа были надорваны; в данной редакции он полностью так и не был опубликован³.

Работа над текстом

Текст «Временного положения» практически сразу же стал подвергаться редактированию. В Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга удалось выявить еще один (рукописный) экземпляр документа, в конце которого (тем же почерком, которым написан остальной текст) сделана приписка: «На собрании Оперного комитета⁴ 30 апреля в присутствии гг. Батюшкова и Бертенсона были сделаны примечания: а)⁵ к § 1 – прибавлено пояснение: «за исключением функций, отходящих к органам Управления трупп, означенных в §§ 5 – 7 – 9 – 10 и 13»⁶.

Указанный вариант «Временного положения» представляет для нашего исследования определенный интерес. Во-первых, в нем всего 13 параграфов (из текста был полностью исключен § 12 – о создании, вместо Театрально-литературного комитета, Литературной комиссии при Художественно-репертуарном комитете артистов). Вероятно, так как этот параграф касался только драматических трупп, оперным артистам решили не предлагать его на обсуждение, из-за чего сбилась нумерация (§ 13 – о создании Музыкальных и Балетных комиссий в тексте был отмечен как 12-й⁷, § 14 – о судьбе француз-

¹ Число вписано позже, другим почерком.

² РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). Л. 58.

³ В двух номерах газеты «Раннее утро» была опубликована большая часть документа (§§ 1 – 13), с сокращениями некоторых мест (в §§ 12 и 13) и без разбивки на параграфы (см.: Борьба за театральную автономию // Раннее утро. 1917. 3 мая; Борьба за театральную автономию // Там же. 4 мая). Еще один сокращенный вариант (§§ 1 – 11, также без соответствующей разбивки) был опубликован позднее в «Театральной газете» ([Без названия] // Театральная газета. 1917. 14 мая).

⁴ Вероятно, здесь имелся в виду «Временный комитет по текущим делам государственной петроградской оперы», состав которого окончательно сформировался 10 апреля 1917 г. (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5119. Л. 1).

⁵ Примечания под буквой «б» и далее в тексте отсутствуют.

⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об. Таким образом, речь в этом «пояснении» шла о том, что в документе необходимо сделать оговорку об ограничении прав главноуполномоченного там, где начиналась область компетенции органов самоуправления артистических трупп.

⁷ Этот «сбой» ввел труппу в заблуждение. В начале мая (между 6 мая – эта дата упоминается в тексте, и 13 мая, когда документ, судя по печати, был получен адресатом) от имени Художественно-репертуарного комитета оперной труппы Мариинского театра было отправлено заявление главноуполномоченному по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову, в котором, в частности, говорилось о намерении комитета вновь «пересмотреть» ряд опер, принятых ранее к постановке, «комиссией, учреждаемой согласно 12 пункту Временного положения об управлении Государственными театрами» (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5119. Л. 15). Тогда как во «Временном положении» от 29 апреля о Музыкальной комиссии (явно имевшейся здесь в виду) говорилось не в 12, а в 13 параграфе.

ской труппы – как 13-й¹). Во-вторых, текст некоторых параграфов уже несколько отличался от текста «Временного положения» от 29 апреля. Так, например, § 4 в данной редакции был сформулирован следующим образом: «Московское отделение Канцелярии находится в ведении одного из уполномоченных, а Московское театральное училище – в ведении другого уполномоченного, по указанию главноуполномоченного». Незначительные изменения (в основном, стилистического свойства) присутствовали также в §§ 7, 9 и 11².

Однако наиболее значительные изменения были внесены в текст по настоянию деятелей театральной Москвы. Многие их требования были высказаны в пространном письме главного бунтаря – Л.В. Собинова к А.И. Сумбатову-Южину от 8 мая. Написанное по формально незначительному поводу (Л.В. Собинов объяснял причину задержки своего приезда в Петроград), это письмо содержало как развернутую критику «Временного положения», так и предложения по его исправлению. «Что же касается временного положения в том виде, как оно было сочинено в Петрограде, то в нем много недоговоренного и неясного, начиная с первого пункта» – обращался к своему корреспонденту Л.В. Собинов. «И вы, и я как комиссары и потом как уполномоченные получили по нашим театрам права директора, что и подтверждено приказами Ф.А. Головина.

Но как же тогда понять фразу, что главноуполномоченному комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов передаются все права и обязанности директора государственных театров? В законе об установлениях при Министерстве двора помещены про права и обязанности директора только две строчки. Стало быть, и здесь нет указаний на компетенцию директора, и вопрос о разграничении наших прав от главноуполномоченного остается открытым». Переходя далее от критического разбора «Временного положения» к изложению своих взглядов на будущее устройство государственных театров, Л.В. Собинов отмечал: «жизнь Большого театра так, как она сложилась, нуждается лишь в центральном органе по вопросам ассигнований всяких денежных требований, правильности расходования кредитов и т. д. И власть нового главноуполномоченного, в сущности, будет объединением функций бывшего Кабинета, именно в этом отношении. Что же касается направления деятельности всех государственных театров, то такая важная задача может решаться только совещательным путем, а именно совещанием представителей всех государственных театров во главе с главноуполномоченным, будет ли это Ф.Д. Батюшков или кто другой. Так рисуется

¹ Тем не менее, 13-й параграф, упоминаемый в «пояснении» к документу, соответствует именно § 13 «Временного положения» от 29 апреля – т. к. в § 14, где речь шла о французской труппе, не содержалось никаких указаний на «функции, отходящие к органам Управления трупп».

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 3 – 4. Ввиду незначительности отличий данного документа от «Временного положения» от 29 апреля, его текст в «Приложении» не публикуется.

мне наша будущая конституция»¹. Адресат этого письма – А.И. Сумбатов-Южин – принимал в выработке нового варианта театральной «конституции» самое непосредственное участие. В РГАЛИ, в личном фонде Южина, сохранился ряд документов, показывающих этапы его редакторской работы над «Временным положением»². В деле с названием «Временное положение об управлении государственными театрами; проекты инструкций и положений о Малом театре, выработанные Сумбатовым-Южиным А.И.» имеется два подобных документа, написанных Южиным собственноручно (их текст см. в Приложении) и один машинописный, с рукописными правками. Первый из них озаглавлен «Приказ комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора» (рядом с заголовком проставлена дата: «Мая 1917 года», но день не указан). Он состоит из переписанных А.И. Южиным синими чернилами параграфов «Временного положения» от 29 апреля (при этом порядок расположения параграфов иной) с дописанными Южиным же (красными чернилами) дополнениями к документу. Данный вариант содержит многочисленные исправления (многие фразы и даже целые абзацы документа перечеркнуты автором карандашом)³. Это – явно черновой вариант «Временного положения».

Второй документ, также написанный рукой Южина и озаглавленный «Приказ и т. д.», представляет собой более поздний этап работы артиста над «конституцией»⁴. Такой вывод можно сделать исходя из следующих фактов: если в первом варианте, о котором говорилось выше, число параграфов, как и во «Временном положении» от 29 апреля – 14 (лишь затем, после исправлений, внесенных Южиным в текст карандашом, оно было доведено до 16), то второй вариант уже изначально включал в себя 17 параграфов; исправлений (и ручкой, и карандашом) в нем значительно меньше; если в первом варианте ряд параграфов был пропущен (лишь в конце документа говорилось, что они «без изменений»), то во втором все они прописаны в тексте.

Что касается третьего документа (машинописного), то его содержание практически полностью повторяет предыдущий вариант⁵. В него А.И. Сумбатовым-Южиным был также внесен ряд исправлений (карандашом), кото-

¹ Леонид Витальевич Собинов. Т. 1. С. 557 – 558. В постскрипуме Л.В. Собинов приписал: «О моем письме не откажите сообщить Ф.А. Головину, так как он, по-видимому, ждет меня 10 мая, а я могу быть не ранее 12-го» (Там же. С. 558). Вполне возможно, что эта просьба несла в том числе и «дипломатическую» функцию – донести до Ф.А. Головина и разработчиков новой редакции «Временного положения» требования и пожелания представителей Большого театра.

² РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 114. ЛЛ. 7 – 12 об.

³ Там же. ЛЛ. 11 – 12 об. (документ начинается с Л. 12).

⁴ Там же. ЛЛ. 9 – 10 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 7 – 8 об.

рые максимально приблизили текст документа к итоговому тексту, утвержденному Ф.А. Головиным 13 мая¹.

Рассмотрим ход работы А.И. Сумбатова-Южина над театральной «конституцией» подробнее. Уже в первом варианте, выписав первый параграф «Временного положения», он внес в него существенные дополнения (отмечаю их в данном случае курсивом – П.Г.): «Права и обязанности директора государственных театров передаются главноуполномоченному комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора по государственным *петроградским театрам и уполномоченным комиссара по государственным московским Малому и Большому театрам, по каждому в отдельности, ввиду отдаленного положения Москвы и по особым условиям местного характера*» (полный текст этого и остальных параграфов обеих редакций Южина см. ниже, в Приложении). Далее следовало обширное примечание, посвященное распределению полномочий между главноуполномоченным и московскими уполномоченными, которые должны были быть подчинены ему в том объеме, «в каком бывшая должность директора государственных театров была подчинена бывшей должности министра двора»². Это примечание (полный текст см. в Приложении) было первой попыткой сколько-нибудь подробно обрисовать служебные отношения уполномоченных и центрального управления в лице главноуполномоченного. Несмотря на то, что примечание в документе было перечеркнуто карандашом, его текст в значительной степени повлиял и на последующую редакцию, и на окончательный вариант «Временного положения».

§§ 3 – 5 (§ 2 в тексте был пропущен) также закрепляли дальнейшее развитие московской автономии. Появившаяся еще во «Временном положении» от 29 апреля Канцелярия главноуполномоченного по государственным театрам в проекте Южина наследовала лишь функции Дирекции и Петроградской

¹ В связи с тем, что данный вариант после редакторской правки практически полностью повторяет текст окончательной, итоговой редакции, он не публикуется в Приложении. О различиях, сохранившихся между этим документом и итоговой редакцией, см. ниже.

² Требование о подчинении московских уполномоченных (комиссаров) в административном отношении преемнику министра двора – комиссару над бывшим МИДв содержалось еще в докладной записке, отправленной А.И. Сумбатовым-Южиным Ф.А. Головину 28 марта 1917 г. (Там же. Ф. 2579. Оп. 1. Д. 1455. ЛЛ. 3 – 3 об.). Сутью этого требования было повышение статуса представителей московской казенной сцены путем ликвидации промежуточной ступени в чиновной иерархии между ними и главой всего ведомства, а именно должности директора театров (точнее, низведение этой должности до директора *петроградских театров*). Однако, Ф.А. Головин, утвердив 29 апреля первоначальный текст «Временного положения», придал должности главноуполномоченного – преемника директора театров – характер общегосударственный, распространив круг его полномочий на театры обеих столиц. Таким образом, в данной редакции А.И. Сумбатов-Южин предлагал компромиссный вариант – уполномоченные подчиняются главноуполномоченному, но не так, как Московская контора театров (а собственно, функциям Конторы и наследовали в большей степени московские уполномоченные) подчинялась своему непосредственному начальнику – директору театров, а так, как последний, бывший все же главой самостоятельного «установления» МИДв, подчинялся министру двора.

конторы театров; что же до Московской конторы, то оно перестроивалась в две Канцелярии: уполномоченного по Большому и уполномоченного по Малому театру, получавшие самостоятельность в хозяйственно-административных вопросах. Напомним, что в прежней редакции и Петроградская, и Московская конторы становились всего лишь отделениями Канцелярии главноуполномоченного. Однако, представителей Москвы это категорически не устраивало. Так, 3 мая В.А. Теляковский записал в дневнике о визите в Петроград А.И. Сумбатова-Южина: «Сегодня он беседовал довольно долго с Батюшковым, доказывая полную невозможность для Москвы иметь Канцелярию – а необходимо Контору разделить. На этом настаивает и Собинов»¹. Интересно, что сведения о грядущем разделении Московской конторы на две канцелярии появились в московской прессе еще в конце апреля, возможно, с подачи А.И. Сумбатова-Южина².

Самым объемным (и содержащим более всего исправлений) оказался § 6, посвященный учреждению должности управляющего театром. Очевидно, что эта должность и должность уполномоченного по театру не могли не дублировать большую часть своих функций. Инициатором введения должности управляющего театром был А.И. Сумбатов-Южин³. В.А. Теляковский записал в своем дневнике 24 апреля, анализируя состоявшееся днем ранее совещание театральных деятелей: «Вчера, когда мы составляли штаты нового управления государственных театров с Южиным, наглядным образом всем стало ясно, как все в рассуждениях Южина клонилось не к пользе службы, а к счету с личностями. Сделав громадную ошибку, назначив помощником комиссара Правдина⁴, Южин, отказавшись от Большого театра, не знал, куда деть Правдина; из помощников комиссара нельзя было его сделать управ-

¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 124. В докладной записке А.И. Сумбатова-Южина комиссару над бывшим МИДв Ф.А. Головину от 28 марта 1917 г. Московскую контору еще предлагалось сохранить единой, дав обоим комиссарам московских театров по отношению к ней права бывшего директора театров (РГАЛИ. Ф. 2579. Оп. 1. Д. 1455. ЛЛ. 2 об. – 3, 4). С тех пор позиция Южина по этому вопросу, как видим, существенно изменилась (вероятно, под влиянием Л.В. Собинова, желавшего независимости в вопросах управления Большим театром).

² «Вместо Конторы театров будут две канцелярии: одна для Большого, другая для Малого театров»: К реформе государственных театров // Театр. 1917. 28 – 29 апреля. Поскольку в статье излагались основные положения готовящейся «конституции», можно предположить, что информацию ее автор получил от единственного на тот момент хорошо информированного в этом вопросе москвича – А.И. Сумбатова-Южина. Что же касается вопроса о разделении Конторы, то возможно, что Южин, говоря об этом, либо неверно понимал достигнутые в Петрограде договоренности, либо намеренно выдавал желаемое за действительное, надеясь в будущем добиться подобной реформы.

³ А.И. Сумбатов-Южин предлагал ввести должность управляющих театрами еще в своей докладной записке Ф.А. Головину от 28 марта 1917 г. (РГАЛИ. Ф. 2579. Оп. 1. Д. 1455. ЛЛ. 2 об., 4).

⁴ Речь в данном случае идет об актере и театральном педагоге О.А. Правдине (настоящая фамилия – Трейлебен), которого А.И. Сумбатов-Южин 11 марта назначил своим помощником (РГИА. Ф. 497. Оп. 18. Д. 333. Л. 3 об.).

ляющим труппою, и потому Южин его сделал управляющим театром, а потому получилось положение, что все труппы имеют управляющих, а Малый театр не имеет, и Южин целый час старался доказать, что так и должно быть – на это приноравливание мест к личностям уходили всегда часы длинных и бесполезных разговоров, и создавали систему столь запутанной бюрократической системы [так в тексте – П.Г.], которой и в монархической России не было»¹. § 6 был написан А.И. Сумбатовым-Южиным на основе § 5 «Временного положения» от 29 апреля, подвергнутого в данном случае существенной правке – помимо управляющего труппой, вводилась должность управляющего театром. Данному параграфу А.И. Сумбатов-Южин хотел придать обширное примечание, где подробно были бы расписаны случаи, когда управляющий труппою называется управляющим театром, а управляющий театром – уполномоченным по театру. Он написал два варианта, и оба сам же зачеркнул – они, вероятно, не устроили автора своей местной ограниченностью (речь там шла только о московских театрах)². Только третий вариант (см. Приложение) был составлен уже применительно ко всем государственным театрам; разграничение должностей двух управляющих (труппой и театром) и уполномоченного ставилось здесь в зависимость от того, сколько артистических трупп (одна или более) существует в данном театре.

Седьмой параграф черновика был посвящен возможности передоверия управляющими труппами части своих обязанностей другим лицам. Наконец, § 14³ (соответствующий § 12 «Временного положения» от 29 апреля и посвященный преобразованию Театрально-литературного комитета) был А.И. Южиным оставлен для Петроградского отделения этого Комитета неизменным; что же касалось Московского отделения, то оно упразднилось, а «трое из его наличных членов входят в состав Художеств[енно]-реперт[уарного]

¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 113 об. В итоге В.А. Теляковский приходил к неутешительному выводу: «Вообще свободные артисты, когда начинают управлять, они делаются много бюрократичнее чиновников» (Там же).

² РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 114. ЛЛ. 11, 12 об. Тем не менее, второй, развернутый вариант примечания представляет определенный интерес, т.к. в нем приведено обоснование объединения должностей управляющего труппой и театром в Малом театре и управляющего театром и уполномоченного – в Большом: «Управляющий труппою московского Малого театра именуется управляющим театром, [далее несколько слов тщательно зачеркнуты А.И. Сумбатовым-Южиным – П.Г.] так как в его распоряжении находятся некоторые стороны заведования не только сценою, но и остальными частями театра – время открытия и закрытия кассы, сила и характер освещения зрительного зала, установление правил о входе во время действия, наблюдение за тишиною во время репетиций и распределение мест на генеральных репетициях. Должность управляющего Большим театром соединяется с должностью уполномоченного по Большому театру в целях объединения обеих трупп, оркестра и хора» (Там же. Л. 11).

³ Всего документ содержал 16 параграфов. Из них §§ 8 – 12 и 15 – 16 (соответствующие §§ 6 – 10 и 13 – 14 «Временного положения» от 29 апреля) были оставлены Южиным без изменений (предполагалось лишь изменить их нумерацию). § 13 рассматриваемого черновика, посвященный хозяйственно-административной части театрального дела, практически повторял (вероятно, по ошибке) § 5 того же документа.

комитета со всеми правами его членов, избранных труппою». По сравнению с текстом § 12 «Временного положения», редакция Южина носит менее универсальный характер. Особенно это касается пункта о вхождении наличных членов Московского отделения Театрально-литературного комитета в состав Художественно-репертуарного комитета без выборов, предполагавшихся по «Временному положению», с правами его членов, «избранных труппою» (исходя из этих слов, можно предположить, что труппа Малого театра уже проголосовала за доверие членам Московского отделения Театрально-литературного комитета). Но в данном случае, из-за привязки к конкретным личностям, нарушалась стройность механизма комплектации Художественно-репертуарного комитета. Впрочем, для *временной* «конституции» это было не таким уж большим недостатком. В «добавке» Южина исчезло также содержащееся во «Временном положении» от 29 апреля упоминание о Литературной комиссии при Художественно-репертуарном комитете, которая в Петрограде, видимо, должна была быть создана (для столичных театров Южин изменений этого параграфа «Временного положения», как уже говорилось выше, не предполагал).

Существенный интерес для изучения работы А.И. Сумбатова-Южина над текстом «конституции» представляет и второй, более поздний ее вариант, хранящийся также в его бумагах. О том, какое значение придавал этому документу сам Южин, свидетельствует сделанная им надпись в правом верхнем углу первого листа проекта: «В этой форме считал бы Положение отвечающим интересам Малого московского¹ театра. Остальных театров не касаюсь. Кн. А. Сумбатов»².

Во второй редакции число параграфов достигает уже семнадцати. Первые четыре посвящены важнейшему вопросу – учреждению должностей главноуполномоченного и уполномоченных, их служебным отношениям и разграничению их компетенции. Если сравнить данную редакцию с соответствующими параграфами первого проекта А.И. Сумбатова-Южина, можно заметить, что введенные изменения носили в основном дополняющий, корректирующий характер. Появился, в частности, отдельный параграф (первый), в котором указывалось, что главноуполномоченный стоит «во главе» театрального ведомства. Возникло упоминание (имевшееся во «Временном положении» от 29 апреля и исчезнувшее, возможно, по недосмотру, в первом проекте Южина) о том, что уполномоченные назначаются из числа лиц, избранных труппами. Исчезло положение о представлении московскими уполномоченными всех ходатайств перед «Министерством» («о сверхсметных, экстренных и передержных ассигнованиях») через главноуполномоченного. Последнее изменение, несомненно, было шагом к упрочению независимости московских театральных руководителей.

¹ Подчеркнуто Южиным.

² Там же. Л. 9.

§§ 5, 6 и 7 повторяют (с минимальными стилистическими отличиями) соответствующие параграфы первого проекта (3, 4 и 5) – с учетом той правки, которая была внесена в них Южиным карандашом. Восьмой параграф соответствует 6-му в первой редакции (без примечаний и также с учетом карандашной правки); здесь, однако, имеется уточнение А.И. Южина, дописанное красными чернилами (мы выделяем его курсивом): «Уполномоченные имеют право передавать своим приказом по театру часть своих обязанностей по управлению *всем* театром управляющим труппами и *назначать их в пределах этих обязанностей управляющими театром*». Таким образом, в данной редакции А.И. Южину удалось компактно и лаконично обозначить взаимоотношения между уполномоченными по театру, управляющими театром и управляющими труппами (на что в первом варианте документа ушло полторы страницы текста). Исчезла также привязка наименования должности управляющего (труппой или театром) к количеству трупп в театре.

§§ 9 и 11 (соответствующие §§ 6 и 8 «Временного положения» от 29 апреля) остались, как и в первой редакции, без изменений. В § 10 (во «Временном положении» – § 7), посвященный Художественно-репертуарным комитетам, был внесен ряд стилистических изменений и одно существенное – оно заключалось в том, что во фразе: «Комитет этот действует согласно выработанной инструкции» появилось уточнение: «Комитет этот действует согласно выработанной *им* инструкции» (курсив наш – П.Г.).

§ 12 (имевший своей первоосновой § 9 «Временного положения» от 29 апреля) также претерпел некоторые важные изменения. Во-первых, годовые планы художественно-репертуарной работы теперь уже устанавливались управляющими труппами не «по соглашению» с главноуполномоченным и уполномоченными, а лишь посылались им «на утверждение». Далее речь шла об утверждении не «сезонного репертуара», а «сезонного плана работы» (что является более широким понятием). И самое важное – завершающая параграф (во «Временном положении от 29 апреля») строка «Окончательное утверждение годовых планов трупп и постановок в Петрограде и Москве принадлежит главноуполномоченному» в данной редакции вообще исчезла.

Был дополнен и тринадцатый параграф (во «Временном положении» – 10-й, в первой редакции Южина был оставлен без изменений). После перечисления категорий служащих, образующих «отдельные комитеты для защиты своих интересов» теперь, через запятую, говорилось: «через свой президиум или председателя входящие во все сношения с главноуполномоченным по Петрограду или уполномоченными по Москве». Подобное уточнение было необходимым; без него, в первом варианте «Временного положения», выборные комитеты служащих оказывались как бы изолированными от всей системы театрального управления.

§ 14, посвященный преобразованию Театрально-литературного комитета в Литературную комиссию, приобрел, относительно первой редакции Южина, более универсальный характер (ход данного преобразования был теперь одинаковым для Петрограда и Москвы). Этот параграф (уже под номе-

ром 12) лишь с самыми мелкими стилистическими изменениями вошел в окончательную редакцию «Временного положения» от 13 мая.

§ 15 претерпел относительно «Временного положения» от 29 апреля (там ему соответствовал § 13) определенные изменения – как стилистические, так и существенные. Из последних отметим следующие – в строке «для оперы и балета учреждаются музыкальные и балетные комиссии» появилось уточнение (выделяем курсивом) «для оперы и *по мере надобности* для балета учреждаются музыкальные и балетные комиссии». В следующей строке также произведен ряд изменений в пользу расширения «московской автономии»: «Комиссия состоит из трех-четырех музыкальных и балетных деятелей каждая, избираемых *Художественно-репертуарным* комитетом из числа кандидатов, предлагаемых в двойном количестве *в Петрограде* – главноуполномоченным, *а в Москве* – уполномоченным *по Большому театру* и ими же утверждаемым после произведенного *выбора*»; выбор пьес для репертуара «представляется на заключение *в Петрограде* – главноуполномоченного, а в Москве – уполномоченного *по Большому театру*».

§ 16, посвященный подчиненности театральных училищ в Петрограде и Москве, был целиком вписан А.И. Южиным в текст документа красными чернилами (это значило, что он представлял собой нововведение относительно прежних вариантов); рядом, на полях, Южин синим цветом приписал: «Необходимо». Наконец, последний, семнадцатый параграф, в котором говорилось о судьбе французской труппы, никаких изменений не претерпел (в сравнении с § 14 «Временного положения» от 29 апреля).

Дописав второй вариант «конституции», Южин все же не смог (не успел?) сформулировать в ней все, что считал нужным. На полях последнего листа он приписал (со знаком «нотабене»): «Необходимо упоминание о подведомственности Медицинской части. Иначе неполно и неопределенно»¹.

Наконец, третий документ представляет собой машинописный текст, созданный на основе предшествующей (второй) редакции. Поскольку карандашная правка, внесенная Южиным во вторую редакцию, минимальна и носит чисто стилистический характер, то можно сказать, что этот вариант является ее машинописной копией. Он также содержит немало исправлений (карандашом, почерком А.И. Сумбатова-Южина), которые, как уже говорилось выше, почти полностью сближают его с окончательной редакцией, утвержденной Ф.А. Головиным 13 мая. Впрочем, здесь имеются два отличия. Во-первых, даже после карандашной правки в этом варианте сохранился § 15 (соответствующий § 13 «Временного положения» от 29 апреля и посвященный созданию музыкальных и балетных комиссий), которого в окончательном тексте уже нет. Во-вторых, А.И. Сумбатов-Южин попытался развить в нем свою мысль (зафиксированную им уже во втором варианте) о необходимости определения подчиненности Медицинской части Театрального ведомства. В конце документа он от руки дописал, что Медицинская часть в Пет-

¹ Там же. Л. 10 об.

рограде должна подчиняться главноуполномоченному, а в Москве – «Канцелярии уполномоченного по Малому театру»¹. В окончательном же варианте она была подчинена уполномоченному по Большому театру.

Рассмотрев, таким образом, обе редакции «Временного положения», сохранившиеся в личном фонде А.И. Сумбатова-Южина, правомерно (и необходимо) задаться вопросом, при каких именно обстоятельствах они были созданы, что (и кто) повлияло на те изменения, которые Южин вносил в их текст. К сожалению, выявленные источники не позволяют нам ответить на этот вопрос с абсолютной точностью². Но некоторые предположения построить можно.

Первый вариант, как уже отмечалось нами выше, носит явные черты черновика (многие параграфы в нем не выписаны целиком, а лишь указаны их номера, и то, что они «без изменений»). Он усеян различного рода правками, изменениями и дополнениями, внесенными автором (теми же чернилами) по ходу работы над текстом. Надо полагать, что он создавался Южиным еще в Москве. Отдельный вопрос – карандашная правка, также в немалом числе присутствующая в тексте. Автором ее был все тот же Южин (почерк совпадает), но она, как можно предположить, появилась в документе чуть позднее – возможно, как итог неких переговоров. Но с кем? Для того, чтобы понять это, придется еще раз вернуться к тому, что именно было исправлено карандашом, а точнее – какое *направление* имели эти изменения.

Основная часть карандашной правки в данном варианте – это линии, перечеркивающие целые параграфы или отдельные фразы. Намерению редактора в подобных случаях, как правило, трудно дать какое-либо однозначное толкование. Есть, однако, и исключения – например, в § 4 было оставлено положение о разделении Московской конторы театров на две канцелярии, но вычеркнуто важное условие: «с тем, чтобы бюджет и состав обеих канцелярий не превышал бюджета и численного состава бывшей Конторы в 1917/18 гг., по предположенным ассигнованиям в общей сложности»³. Очевидно, что «снятие» данного ограничения могло быть выгодно лишь самим москвичам, а отнюдь не петроградскому руководству. Но если инициатором данного изменения был не сам Южин, тогда кто?

Инициатива в этом случае могла исходить либо от коллег А.И. Сумбатова-Южина по Малому театру (например, от О.А. Правдина), либо от Л.В. Собинова и его окружения. Хотя приведенное выше письмо Л.В. Собинова к

¹ Там же. Л. 8 об.

² Многие вопросы, связанные с историей создания и редактирования «Временного положения», могла бы прояснить находка рукописного оригинала окончательного текста документа. Пока что даже неясно, существовал ли он вообще когда-либо: возможно, с учетом внесенных в машинописный вариант (сохранившийся в бумагах А.И. Сумбатова-Южина) правок и устной договоренности об исключении параграфа о музыкальных комиссиях, а также о переподчинении Медицинской части уполномоченному по Большому театру, был сразу же составлен печатный приказ комиссара над бывшим МИДв за № 28, подписанный Ф.А. Головиным 13 мая 1917 г. и опубликованный затем в «Вестнике Временного правительства».

³ РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 114. Л. 12 об.

А.И. Сумбатову-Южину и может создать впечатление, что это первый их разговор (заочный) о «Временном положении», тем не менее, это не так. Мы уже цитировали выше запись в дневнике В.А. Теляковского от 3 мая, сделанную после разговора с Южиным, говорившем о необходимости разделения московской Конторы на две части и указавшем, что «на этом настаивает и Собинов». Следовательно, А.И. Сумбатов-Южин еще до своего отъезда в Петроград 2 (или 3) мая¹ был уже осведомлен об основных требованиях Л.В. Собинова к выработываемой «конституции». Да и странно было бы предположить иное – ведь именно Л.В. Собинов был главным «бунтовщиком», именно его пожелания необходимо было учесть при подготовке нового «Временного положения». Что же касается весьма подробного изложения Л.В. Собиновым своих взглядов на «конституцию» в письме к А.И. Сумбатову-Южину от 8 мая, то не следует забывать, что письмо это несло дипломатическую функцию (Л.В. Собинов просил показать его Ф.А. Головину, для которого, по всей видимости, подобное изложение и предназначалось).

Сложнее определить время создания второй редакции А.И. Сумбатов-Южина. В ней, относительно предшествующего этапа, присутствуют как условно «либеральные», так и «консервативные» (с точки зрения сторонников автономии московских театров) новации. К первым можно отнести: исчезновение фразы о представлении московскими уполномоченными всех ходатайств перед «Министерством» через главноуполномоченного (§ 4), права главноуполномоченного на «окончательное утверждение годовых планов трупп и постановок в Петрограде и Москве» (§ 12), а также целый ряд исправлений в §§ 14 и 15, дававших дополнительные полномочия московским уполномоченным². Ко второй («консервативной») группе исправлений относятся: содержащееся в § 1 второго варианта определение главноуполномоченного как стоящего «во главе государственных театров»³ и более универсальный характер (общий и для Петрограда, и для Москвы), который приобрел § 14.

¹ Как уже говорилось выше, Южин приехал в Петроград 3 мая. Что же касается даты выезда из Москвы, то в «Журнале распоряжений по московским государственным театрам» говорится о 3 мая, а в архивном деле «с приказами комиссара по Управлению московскими государственными театрами» (содержащем в себе приказы комиссаров, а затем уполномоченных по московским театрам) – о 2 мая (РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 4. Д. 700. Л. 26; Оп. 5. Д. 20. Л. 17). Возможно, Южин ехал ночью со 2 на 3 мая.

² Стоит отметить, кстати, что последний из упомянутых параграфов был отнесен Южиным в первой редакции к тем, которые оставлены «без изменений моих» (РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 114. Л. 11 об.). Но изменения (в том числе, касавшиеся деятельности уполномоченного по Большому театру), как видим, в него все же были внесены; впрочем, это могло быть сделано по аналогии с § 14, в котором аналогичными правами наделялся уполномоченный по Малому театру.

³ Это, впрочем, можно объяснить тем, что данная формулировка (кажущаяся направленной на утверждение и расширение прав главноуполномоченного, т. е. противоположная идее «московской автономии») всего лишь заменила имевшуюся в первой редакции фразу о подчинении московских уполномоченных ведению главноуполномоченного «в том объеме, в каком бывшая должность директора государственных театров была подчинена бывшей должности министра двора» (примечание к § 1 первой редакции).

Возможно, вторая редакция была создана А.И. Сумбатовым-Южиным уже в Петрограде, после переговоров с Ф.Д. Батюшковым, которому он показал первый (черновой) вариант, но с учетом тех пожеланий, которые были высказаны московскими коллегами Южина и почему-либо не отразились в первой редакции. В пользу этого говорит и законченный характер документа, и крайне незначительное число исправлений в нем, говорящее о том, что его содержание, вероятно, было заранее согласовано Южиным с его визави по переговорам. Тот факт, что текст второй редакции (изначально, как и первая – рукописной) был практически без изменений напечатан на машинке, также косвенно свидетельствует в пользу того, что этот вариант рассматривался и уполномоченным по Малому театру и руководителями бывшего МИДв как итоговый. Впрочем, и в него пришлось внести целый ряд поправок – по настоянию Л.В. Собинова и стоявшего за ним коллектива Большого театра. Но об этом ниже.

Окончательная редакция

Окончательная редакция «Временного положения» была утверждена приказом Ф.А. Головина от 13 мая 1917 г.¹. Впрочем, дата 13 мая требует комментария. Некоторые исследователи датировали этот, второй вариант документа 7 мая². Такое же число (7 мая) встречается (применительно к «Временному положению») и в отдельных документах 1917 г., относящихся к государственным театрам³. Откуда же взялась эта дата? Историк Малого театра Н.Г. Зограф ссылаясь на текст «Временного положения», опубликованный в «Журнале распоряжений по московским государственным театрам» за № 30. Несколько экземпляров данного издания хранится в РГАЛИ. Действительно, в 30-м номере «Журнала» был опубликован второй вариант «Временного положения» и датирован 7 мая (сам номер, правда, вышел существенно позже –

¹ См.: *Головин Ф.А.* Приказ комиссара Временного Правительства над бывшим Министерством двора и уделов (13-го мая 1917 г., № 28) // *Вестник Временного правительства.* 1917. 16 мая.

² *Ратнер Я.В.* Из истории советского театра (1917 – 1919 гг.). С. 116; *Зограф Н.Г.* Малый театр в конце XIX – начале XX века. С. 519 – 520. Об этом же ранее писал и биограф Л.В. Собинова Н.Д. Волков, не давая, правда, ссылки на источник (*Волков Н.Д.* Творческий путь Л.В. Собинова. С. 79).

³ Так, например, в первом параграфе проекта «Краткой инструкции членам местного комитета при государственных театрах» содержалась ссылка на § 11 «Временного положения», «утвержденного приказом комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора от 7 Мая 1917 года за № 28» (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5128. ЛЛ. 1 – 2 об.). Немаловажно, что проект «Краткой инструкции» был утвержден 25 июля Ф.Д. Батюшковым, одним из главных разработчиков «театральной конституции». При этом дата 7 мая, стоявшая в самом начале документа, никаких возражений у него не вызвала. Эта же дата упоминается и в письме комиссара Ф.А. Головина, поставившего под «Временным положением» свою подпись, к А.И. Сумбатову-Южину от 25 августа 1917 г. (РГАЛИ. Ф. 649. Оп. 2. Д. 404. Л. 370).

17 июня)¹. Теперь, однако, правомерно задаться вопросом – зачем же в приказе комиссара над бывшим МИДв была поставлена другая дата (13 мая)?

Можно было бы предположить, что работа над документом была закончена 7 мая – при активном участии представителя театральной Москвы А.И. Сумбатова-Южина, приехавшего 3 мая в Петроград². Разница в 6 дней (между 7 и 13 мая) возникла бы в таком случае из-за того, что в Петрограде хотели удостовериться, что новая редакция «конституции» будет принята главными «протестантами» – Л.В. Собиновым и стоявшей за ним труппой Большого театра. Это, однако, верно лишь отчасти. Целый ряд газетных публикаций косвенно свидетельствует, что и после приезда делегации Большого театра в Петроград (12 мая³) велись активные переговоры между москвичами и петроградским руководством, повлиявшие на окончательную редакцию театральной «конституции». «Московские артисты были у Ф.Д. Батюшкова и совместно с ним обсуждали пункты «временного положения о государственных театрах»» – сообщал корреспондент «Петроградской газеты» о переговорах, проходивших 12 мая⁴. Продолжились они и на следующий день, 13-го числа, с участием А.И. Сумбатова-Южина и приехавшего из Москвы О.А. Правдина – причем в прессе отмечалось, что хотя «основные положения остались те же», тем не менее, «выработана несколько иная редакция» доку-

¹ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 4. Д. 700. ЛЛ. 51 – 52. Первая подобная публикация (с указанием даты приказа Ф.А. Головина № 28 (содержавшем текст «Временного положения») – 7 мая) была осуществлена в Петрограде в вышедшем в свет 22 мая (см.: Переименование «Журнала распоряжений» // Петроградская газета. 1917. 24 мая) первом номере «Вестника Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам» (РГИА. Ф. 498. Оп. 1. Д. 6485. ЛЛ. 1 – 1 об.).

² АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 124.

³ Л.В. Собинов вместе со своим заместителем Ф.В. Павловским и управляющим балетной труппой Большого театра В.Д. Тихомировым выехали в Петроград 11 мая (Большой театр // Раннее утро. 1917. 11 мая; РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 5. Д. 20. Л. 14. Москвичи прибыли в Петроград на следующий день, 12-го числа: Театр и музыка // Русская воля. 1917. 12 мая (веч. вып.); Приезд московских артистов // Петроградская газета. 1917. 13 мая). Ехали делегаты, разумеется, не с пустыми руками – они везли с собой «положения об управлении Большого театра» (Большой театр // Театр. 1917. 11 – 13 мая) – т. е. предложения об изменении «Временного положения» в том направлении, которое было желательно труппе Большого театра.

⁴ Приезд московских артистов // Петроградская газета. 1917. 13 мая. Интересно, что переговоры проходили на частной квартире Ф.Д. Батюшкова, а не в его кабинете, располагавшемся в большой казенной квартире директора театров. Большую ее часть в то время еще продолжал занимать В.А. Теляковский, которому Ф.Д. Батюшков писал 20 мая: «Собинов, Павловский и Тихомиров, – депутаты из Москвы, – отказались приехать в мой служебный кабинет, ссылаясь на соседство представителя «самодержавия» и я должен был их принимать на своей частной квартире» (АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 12. Л. 1 об.). И здесь, таким образом, Л.В. Собинов не упустил возможность уязвить В.А. Теляковского, с которым у артиста сложились достаточно неприязненные отношения.

мента¹. О переговорах между Ф.А. Головиным, Ф.Д. Батюшковым и делегатами Большого театра (итоном которых стало принятие всех требований последних) писали и московские газеты². Таким образом, можно, по нашему мнению, считать установленным фактом, что 12 – 13 мая в проект «Временного положения» были внесены определенные поправки³.

Откуда же тогда появилась дата 7 мая? Можно было бы предположить, что в этот день «Временное положение» (в одной из промежуточных редакций) было признано всеми театрами, кроме Большого. Однако, уже 5 мая в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» была опубликована заметка, в которой говорилось: «В настоящее время окончательно выработана конституция государственных театров. <...> Разработанная конституция признана всеми государственными труппами, кроме московской оперы, представитель которой Л. Собинов вчера должен был приехать в Петроград»⁴. Таким образом, «признание» «Временного положения» всеми труппами (кроме Большого театра) состоялось, судя по всему, за несколько дней до 7 мая⁵. Но это был

¹ Московская театральная конституция // Петроградская газета. 1917. 14 мая. «В общем, как г. Батюшков, так и московские делегаты пришли к полному соглашению и все бывшие недоразумения можно считать ликвидированными» – сообщалось в заметке.

² «Нам сообщают из Петрограда, что представители от Большого театра гг. Собинов, Павловский и Тихомиров вчера были у Головина и Батюшкова с докладом о выработанном временном положении государственного Большого театра [так в тексте; речь, конечно, идет о «Временном положении об управлении государственными театрами» – П.Г.]» – оповещало своих читателей «Раннее утро», тут же объявляя итог переговоров: «Все предложения представителей Большого театра будут удовлетворены» (Представители Большого театра в Петрограде // Раннее утро. 1917. 14 мая. См. также: Большой театр // Там же. 16 мая).

³ К ним с большой степенью вероятности можно отнести переподчинение Медицинской части при московских театрах уполномоченному по Большому театру, а также исключение параграфа о музыкальных и балетных комиссиях.

⁴ Об автономии государственных театров // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 5 мая. О том, что «за исключением труппы московского Большого театра, все отдельные труппы государственных театров приняли «временные правила по управлению труппами», сообщила на следующий день своим читателям и «Русская воля» (Театр и музыка // Русская воля (вечерний выпуск). 1917. 6 мая).

⁵ Несколько выбивается из этого информационного ряда заметка, опубликованная 9 мая в московском «Утре России», в которой говорилось о том, что «В Большом театре вчера получены сведения о том, что в настоящее время окончательно выработана конституция государственных театров. <...> Как нам передают, разработанная в таком виде конституция уже принята всеми государственными труппами в Петрограде и труппой московского Малого театра, о чем уже уведомлен А.И. Южин, находящийся в настоящее время в Петрограде» (Новая конституция государственных театров // Утро России. 1917. 9 мая). Исходя из текста и времени публикации этого сообщения, можно предположить, что около 7 мая в текст «конституции» были внесены какие-то уточнения, после чего он был объявлен окончательным (если учесть, что цитированная заметка была опубликована 9 мая, речь в ней идет о предшествующем дне (8 мая), а на оповещение труппы Большого театра о решении, принятом в Петрограде (пусть даже и телеграммой), тоже должно было уйти какое-то время, то получаем как раз ту самую дату 7 мая – дату, к которой «Временное положение» признали труппы Александринского, Мариинского и Малого театров). Однако, информационную ценность этой заметки снижает тот факт, что значительная ее часть (за исключением сообщения о получении «вчера» новости в Большом театре и об уведомлении А.И. Южина) является перепечаткой с приведенной выше статьи в «Биржевых ведомостях» от 5 мая. Это заставляет относиться к ней, как к источнику, с большой осторожностью.

еще совсем не тот документ, который позднее был опубликован в «Вестнике Временного правительства»; скорее всего, речь в данном случае шла либо о несколько измененной версии «Временного положения» от 29 апреля (что имело место при обсуждении документа 30 апреля оперной труппой Мариинского театра, о чем уже говорилось выше), либо об одной из редакций (вероятнее – второй, более законченной) А.И. Сумбатова-Южина. Можно предположить, что, заручившись поддержкой трех государственных театров из четырех (Михайловский, занятый французской труппой, в данном случае роли не играл), руководство бывшего МИДв в лице Ф.А. Головина, Ф.Д. Батюшкова и др. постановило в начале мая считать «Временное положение» действующим (и затем настаивало на этой дате, прежде всего, по политическим причинам, косвенно подчеркивая тем незначительность изменений, внесенных в документ позднее, по требованию труппы Большого театра), но все же почему датой введения в действие было избрано именно 7 мая?

Как нам представляется, здесь могло сыграть роль еще одно соображение. Возможно, создатели «Временного положения» ждали официальной отставки директора государственных театров В.А. Теляковского, утвержденной правительством 6 мая¹. С юридической точки зрения, существование должности директора театров невозможно было совместить с «Временным положением», ставившим во главе театрального ведомства главноуполномоченного по государственным театрам.

Так или иначе, но факт официальной публикации окончательной редакции «Временного положения» в «Вестнике Временного правительства» с датой 13 мая, равно как и то, что только к этому числу данная редакция была выработана, однозначно указывают на единственно правильную датировку театральной «конституции» – 13 мая. Встречающаяся в трудах ряда исследователей и в некоторых источниках дата 7 мая некорректна.

При сравнении «Временного положения» от 29 апреля, двух редакций А.И. Сумбатова-Южина и окончательного текста от 13 мая (см. его в Приложении) очевидно, что последний наиболее близок ко второй редакции Южина. Однако в нее были внесены существенные изменения.

Всего новое «Временное положение» содержало 15 параграфов. Преамбула документа осталась прежней. § 1 окончательного варианта «конституции», посвященный определению статуса и круга ведения главноуполномоченного, соответствует §§ 1 и 2 южинской редакции; при этом если текст § 1 полностью вошел в окончательный вариант, то § 2, посвященный «наследованию» главноуполномоченным прав директора театров, пусть и только по петроградским театрам, оказался вычеркнут. Скорее всего, это произошло под влиянием цитированного выше письма Л.В. Собинова к А.И. Сумбатову-Южину от 8 мая, в котором певец специально останавливался на данном положении, доказывая его юридическую несостоятельность. Упоминание о пе-

¹ Указы Временного правительства, данные Правительствующему Сенату // Вестник Временного правительства. 1917. 26 мая.

редаче прав директора (но уже касательно московских театров) обоим уполномоченным также исчезло из окончательного варианта (§ 2), но в этом же параграфе появилась фраза о решении уполномоченными всех «остальных» дел по театру (т. е. за исключением тех дел, для решения которых необходимо было утверждение главноуполномоченного) «своею властью». Это был еще один шаг на пути расширения московской театральной автономии.

§ 2 окончательного варианта, соответствующий §§ 3 и 4 второй редакции Южина, несколько изменил (в сторону демократизации) порядок избрания московских уполномоченных – если в § 4 у Южина (как и во всех предшествующих редакциях) уполномоченные назначались из кандидатов, «избираемых труппами», т. е. только артистами театров, то теперь появилось уточнение: «из лиц, избираемых театрами» (это означало, что к выборам допускался и служебный персонал). В этот же параграф было внесено еще одно уточнение – после перечисления трех вопросов («а», «б» и «в»), которые должны были представляться уполномоченными на утверждение главноуполномоченному, говорилось о том, что все остальные дела по московским театрам решаются уполномоченными своей властью. Это уточнение, четко ограничивавшее и так небольшие права главноуполномоченного в области управления московскими театрами, способствовало дальнейшему упрочению театральной автономии Москвы. И это также соответствовало пожеланиям Л.В. Собинова, высказанным им в письме к А.И. Южину («вопрос о разграничении наших прав от главноуполномоченного остается открытым»). § 4 (во второй редакции Южина ему соответствует § 6) был одним из немногих, где изменения несколько суживали права москвичей – а именно, во фразе о выработке точных штатов Канцелярий московских уполномоченных появилась важное добавление: «в пределах, не превышающих бюджета Московской конторы театров». Нет сомнения, что эти слова были внесены в «конституцию» по требованию петроградских властей. § 6 (у Южина – 8) устанавливал, что управляющим театром может быть назначен не только управляющий труппой, но и любое избранное театром лицо; конкретизировались также некоторые обязанности управляющих театрами и труппами (а именно, подписание контрактов с артистами – «по указанию» главноуполномоченного и уполномоченных).

§ 8 (у Южина – 10) лишился перечисления групп сценических деятелей, чьи представители должны были войти в состав Художественно-репертуарных комитетов. Возможно, такое перечисление посчитали излишним. Незначительной правке, никак не менявшей соотношение полномочий между главными субъектами театрального управления, подверглись также §§ 5, 10, 11, 12 нового «Временного положения» (во второй редакции Южина соответственно §§ 7, 12, 13, 14). Вообще исчез из текста параграф, посвященный созданию, аналогично литературным, музыкальным и балетным комиссиям (во второй редакции Южина – § 15, он имелся и во всех предшествующих

щих вариантах «конституции»)¹. Отметим, что сомнения в необходимости специальных балетных комиссий проникли даже в прессу; «Речь» как раз в это время сообщала своим читателям: «При Мариинском театре будет учреждена оперная комиссия по образцу литературной комиссии при Александринском театре. Предполагалось образовать и балетную комиссию. Затем признано было, что нет надобности в такой комиссии, так как новых балетов очень мало»². Однако, идея создания музыкальных (оперных) комиссий публичной критике вроде бы не подвергалась³. Вероятно, исключение данного параграфа из текста «конституции» было сделано по настоянию Л.В. Собинова – по крайней мере, из всех участников переговоров лишь Л.В. Собинов и приехавшие вместе с ним делегаты от труппы Большого театра имели отношение к музыкальному искусству, которого касался упомянутый параграф. Причины его исключения из окончательной редакции «Временного положения» установить не удалось.

Новым в тексте «Временного положения» явился § 14, посвященный Медицинской части при театрах (как уже говорилось выше, о его необходимости А.И. Сумбатов-Южин написал на полях еще второй редакции «конституции»). Наконец, §§ 3, 7, 9, 13, 15 не претерпели никаких изменений относительно соответствующих параграфов второй редакции Южина⁴.

¹ Тем временем, некоторые представители мира театральной критики уже успели обрадоваться тому, что им, возможно, будет дан «легальный» статус при театрах и возможность влиять на сами постановки. Известный музыкальный критик Э.А. Старк писал, в связи с появившимися в конце апреля – начале мая слухами о грядущем создании музыкальных и балетных комиссий: «Можно сказать: наконец-то удостоились! До сих пор чем в обширном театральном стаде были мы, критики? Только козлищами, рогатыми и косматыми козлищами. Разве кто-нибудь хотел серьезно считаться с нашими голосами осуждающими, предостерегающими, советующими? <...> Отсюда и получилось ненормальное явление: с одной стороны – театр, с другой – критика. Между ними пропасть. И никакого моста. <...> Если слух справедлив, я первый ему радуюсь, ибо совсем недавно проводил на этих же страницах мысль о «недостающем звене». Таковым я считаю именно театральную критику в том смысле, что нельзя удовлетворяться лишь теми критическими голосами, которые раздаются в газетах или журналах после первого представления, что необходимо подвести критику ближе к работе театра и прислушаться к советам, могущим быть ею преподанными до первого представления, до вынесения окончательного решения о постановке той, либо другой пьесы, до выработки репертуара, до открытия сезона и т.д. <...> Для грядущей деятельности театра это самый важный вопрос. Театр достаточно нагрешил. И понятно, чем больше людей, могущих оказать пользу делу, театр сумеет привлечь к совместной активной работе, тем будет лучше для всех» (*Старк Э. Наконец дождался! // Обозрение театров. 1917. 7 – 8 мая*).

² Театр и музыка // Речь. 1917. 4 мая. Напомним, что уже во второй редакции Южина говорилось о создании Балетной комиссии «по мере надобности».

³ В Мариинском театре, судя по публикациям в прессе, подобная комиссия успела не только возникнуть, но и провести важную работу («Оперная комиссия Мариинского театра разработала репертуар на будущий сезон» – сообщала своим читателям «Речь»: Театр и музыка // Речь. 1917. 11 мая). Можно предположить, что после публикации «Временного положения» работа этой комиссии прекратилась – по крайней мере, уже в сентябре в том же театре вновь «имелось в виду образовать комитет для рассмотрения новых русских опер» (*Хроника // Обозрение театров. 1917. 6 сентября*). Выявленные источники пока не позволяют, к сожалению, осветить этот вопрос с большей полнотой.

⁴ Один из советских историков театра, Я.В. Ратнер, на фразу которого о «ликвидации» Временным правительством автономии театра в апреле 1917 г. мы уже ссылались выше,

Таким образом, поскольку целый ряд нововведений, появившихся в тексте «Временного положения» от 13 мая, был связан с пожеланиями, высказанными Л.В. Собиновым в его письме к А.И. Сумбатову-Южину от 8 мая (исчезновение упоминания о правах директора театров, более четкое разграничение прав уполномоченных и главноуполномоченного), логично предположить, что последний этап работы над «конституцией» (внесение карандашной правки в машинописный вариант из фонда Южина) начался не ранее 9 мая (срок, за которой письмо могло дойти из Москвы в Петроград), а скорее всего, после приезда в столицу делегации Большого театра.

Рассмотрев теперь весь непростой путь выработки «театральной конституции», можно подвести некоторые итоги. Как мы видели выше, вокруг формулировок «Временного положения об управлении государственными театрами» развернулась напряженная борьба. Достаточно указать на то, что из четырнадцати параграфов первого варианта (от 29 апреля) только три – §§ 6, 8 и 14 (в окончательной редакции – §§ 7, 9 и 15) остались неизменными во «Временном положении» от 13 мая. Подавляющее большинство нововведений в той или иной форме являлись уступками сторонникам московской театральной «автономии»¹. В то же время, сохранение должности главноуполномоченного и его права «назначать» уполномоченных по Большому и Малому театрам, бывших в некоторых вопросах ему подотчетными, свидетельствовало о компромиссном решении вопроса, примирившем на время противоборствующие стороны. Наконец, глубоко недооцененной в историографии оставалась до сих пор роль А.И. Сумбатова-Южина в разработке и последующем редактировании «Временного положения». В работах, посвященных этому выдающемуся артисту и театральному деятелю, «Временное положение» либо вообще не упоминается², либо подается как часть некоего фона, на

обнаружил, что в окончательном варианте «Временного положения» «в качестве органа самоуправления театра избирались Совет и уполномоченные театра» (*Ратнер Я.В.* Из истории советского театра (1917 – 1919 гг.). С. 116). Под «уполномоченными театра» надо, вероятно, понимать московских уполномоченных; что же до Совета, то где в тексте документа его нашел Я.В. Ратнер – уму непостижимо. Вероятно, исследователь прочитал сам текст «по диагонали».

¹ Порядком утомленный борьбой с ними, Ф.Д. Батюшков в своих записях, которые он вел во время пребывания на посту главноуполномоченного, отметил (3 июня 1917 г.): «Труднее всего будет поладить с москвичами: Южиным, Правдиным, Собиновым и его свитой. Может быть, и в самом деле Москве лучше всего отделиться? Посмотрим через год» (РО ИРЛИ РАН. Архив Ф.Д. Батюшкова. № 15622. Л. 1 об.). «Через год», т. е. в 1918 г., планировалось провести кардинальную реформу театров (сам Батюшков оценивал в мае 1917 г. продолжительность «переходного периода» в театрах в 12 – 18 месяцев (*Батюшков Ф.* Ближайшие задачи государственных театров // Речь. 1917. 17 мая). Все контракты с артистами, по совету Ф.А. Головина, заключались только до 1 сентября 1918 г., что создавало в театрах немалую напряженность (ОРД СПбГМТиМИ. Ф. 67. ГИК 22056. ЛЛ. 3 – 4).

² *Чхиквишвили Д.И.* Александр Иванович Сумбатов-Южин. Жизнь и творчество. Тбилиси, 1982. С. 292 – 295.

котором протекала жизнь и шла работа Южина в то время¹. Между тем, как мы уже имели возможность убедиться, А.И. Сумбатов-Южин был одним из основных создателей «конституции» (наряду с Ф.Д. Батюшковым, С.Л. Бертенсоном, В.А. Теляковским и Л.В. Собиновым). При этом Южин, являясь представителем умеренной части московских театральных кругов (в отличие от радикально настроенного Собинова), оставался для своих петроградских коллег незаменимым партнером по переговорам, к чьим предложениям (особенно после «бунта» Большого театра) они должны были внимательно прислушиваться.

Утвержденное приказом Ф.А. Головина по бывшему МИДв от 13 мая, «Временное положение» стало играть роль своеобразной театральной «конституции» вплоть до конца 1917 года².

«Временное положение» в оценке современников

Сразу же после опубликования документа он стал активно комментироваться артистами, театрами и просто неравнодушными к театру людьми³. Один из первых откликов был помещен в «Обозрении театров» еще в период редактирования «конституции» автором, скрывшимся под псевдонимом «Вольмар»⁴. «Что ни день, – то появляются новые сведения о вырабатываемой сейчас «конституции» для государственных театров.

Казалось бы, в переживаемый Россией грозный момент, когда на карте стоит трагическое «быть или не быть» всей нашей родины, – казалось бы, в такой момент можно не торопиться со всяческими «конституциями» или «автономиями» для государственных трупп, можно обождать «спасать» наши государственные театры, если только они вообще в каком-либо спасении нуждаются» – сетовал автор. «Увы, многие (боюсь сказать – большинство),

¹ Бескин Э. А.И. Южин-Сумбатов. М.; Л., 1936. С. 136; Айхенвальд Ю.А. А.И. Сумбатов-Южин. М., 1987. С. 279. Даже такой серьезный исследователь истории Малого театра, как Н.Г. Зограф, много работавший с архивными материалами, говоря об утверждении Ф.А. Головиным «Временного положения», всего лишь констатировал, что при этом «многие пожелания Южина учитываются» (о непосредственной работе Южина над документом при этом не было сказано ни слова) (Зограф Н.Г. Малый театр в конце XIX – начале XX века. С. 519).

² Само слово «конституция» неоднократно употреблялось применительно к «Временному положению». Например, в письме В.А. Теляковскому от 20 мая, Ф.Д. Батюшков, прося своего предместника освободить служебную квартиру, жаловался, что ему выражают недоверие «по поводу соблюдения новой «конституции», пока «представитель старого режима» остается в прежнем помещении» (АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 12. ЛЛ. 1 – 1 об).

³ «Пресса иронизировала относительно «Временного положения», доказывая, что реформы приведут театры к анархии» – вспоминал С.Л. Бертенсон (Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 218).

⁴ Вероятно, за этим псевдонимом скрывался театральный критик, журналист и писатель В.А. Хавкин (Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т. 1. С. 251).

очевидно, того понимать не хотят. Больно и стыдно, но это необходимо признать.

Читаешь о том, сколько теперь будет в государственных театрах главноуполномоченных, просто уполномоченных, всяких отдельных комитетов и комиссий и диву даешься. Неужели этим чисто канцелярским «творчеством» думают создать действительно свободный театр? И неужели если уж ни на что большее неспособна артистическая мысль, вся эта канцелярская система признается такой срочной, спешной, не терпящей отлагательства?..». «Вольмар» подвергал критике и святая святых демократии – выборное начало. «Мне скажут, что дело вовсе не в названиях и уже совсем не в «канцелярщине», а в проведении в дело заведывания театрами выборного начала. Из-за этого же сейчас волнуются и даже устраивают забастовки. Ну, пусть. Хоть должен заметить, что искусство не так легко втискивается в рамки каких угодно самых радикальных политических платформ. Шаляпин может быть почему-либо неугоден артистической коллегии, но, лишая публику Шаляпина, эта коллегия несомненно пойдет против искусства, хоть и будет осуществлять коллегияльные принципы во всей их чистоте»¹. Отметим, что эти упреки (канцелярщина, сложная структура управления, неуместность строго демократического принципа в искусстве) в том или ином виде повторялись и всеми последующими критиками «Временного положения».

После возвращения из Петрограда в Москву интервью корреспонденту газеты «Театр» дал Л.В. Собинов, один из главных участников борьбы, развернувшейся вокруг текста «конституции». «Результаты поездки в Петроград утешительны», – заявил Собинов интервьюеру. «Мы добились полной автономии Большого театра. В настоящее время утвержден устав конституции² государственных театров, выработанный с согласия и при участии представителей всех трупп государственных театров Москвы и Петрограда. Наша деятельность с апреля месяца, когда мы взяли в свои руки управление театром, одобрена». Говоря о будущих своих деловых отношениях с петроградским руководством, Л.В. Собинов заявил: «Все наши сношения по текущей жизни театра будут непосредственно с кабинетом по бывшему министерству двора³. Что касается наших отношений с главноуполномоченным комиссара⁴ Временного Правительства Ф.Д. Батюшковым, то они касаются лишь вопросов сметы и отчетов нашей деятельности. Наша работа близится к концу.

¹ *Вольмар [Хавкин В.А.?]. Конституция государственных театров // Обзорение театров. 1917. 6 мая.*

² Так в тексте.

³ Мысль о том, что «жизнь Большого театра <...> нуждается лишь в центральном органе по вопросам ассигнований всяких денежных требований, правильности расходования кредитов и т. д. <...> власть нового главноуполномоченного, в сущности, будет объединением функций бывшего Кабинета» высказывалась Л.В. Собиновым еще в цитированном выше письме к А.И. Сумбатову-Южину от 8 мая.

⁴ В тексте ошибочно: «комиссаром».

<...> Работа по управлению театром¹ будет иметь теперь исключительно административный характер»².

Наибольшее внимание театральной общественности закономерно привлекла статья, написанная самим главноуполномоченным по государственным театрам Ф.Д. Батюшковым. Эта достаточно объемная печатная работа под названием «Ближайшие задачи государственных театров» была помещена в «Речи» (характерный штрих, многое говорящий о политических предпочтениях Ф.Д. Батюшкова в 1917 году) и явилась, с одной стороны, изложением для публики сути «Временного положения», а с другой – своеобразным «манифестом» нового руководителя русского театра. «По соглашению со всеми труппами государственных театров выработано и утверждено комиссаром над б. Министерством двора новое «Временное положение» о государственных театрах на новых, строго конституционных началах», – писал Ф.Д. Батюшков. «Отныне артисты и все деятели театра вступают на путь свободного самоопределения своих творческих сил и будут управляться на принципе автономии отдельных артистических корпораций, лишь под контролем, финансовым и художественным, представителя правительственной власти. В этом вся сущность конституции».

Раскрывая содержание «конституции» подробнее, Ф.Д. Батюшков сообщал своим читателям: «С упразднением прежней дирекции б. императорских театров, инициатива в выявлении художественных заданий государственных театров переходит в руки самих артистов. Демократизация театра сказалась, таким образом, прежде всего в отказе от всякого самовластия сверху, от всякого давления на самостоятельные ячейки, образующие в своей совокупности институт государственного театра в его разных отраслях. Самодержавие и здесь свергнуто. Коллектив выступает активным лицом. Это он отныне является в роли капитана судна, а должность представителя правительства сведена к роли рулевого или кормчего, на обязанностях которого ложится только забота, чтобы судно не сбилось бы с правильного пути, придерживалось бы фарватера и не подверглось бы крушению, вследствие тех или иных ошибочных уклонов в сторону. По существу, это скорее деятельность критика, чем творца, регулятора норм устройства театров, а не создателя новых форм художественной жизни. Кое в чем творческая инициатива может быть сохранена и у представителя правительства, но она остается в подчинении у коллектива в его художественных заданиях и единственный путь для воздействия на коллектив – убеждение, а не акты самовластия³. Так,

¹ В тексте ошибочно: «театра».

² З. У Л.В. Собинова. (Наша беседа) // Театр. 1917. 21 – 23 мая.

³ Впрочем, чуть ниже Ф.Д. Батюшков, как и подобает русскому интеллигенту, предался некоторой рефлексии на тему «самовластия»: «Производится опыт и будущее покажет, нужна ли в предприятии единая воля самоличных распоряжений, или единства создаются на почве объединения артистических сил и трудовых групп деятелей театра. Я верю в возможность единства на объединении, без единоличия. Мнения по этому вопросу расходятся. Поживем – увидим».

в частности, понимаю я по существу обязанности главноуполномоченного по государственным театрам».

Наконец, говоря о хозяйственной стороне деятельности государственных театров, Ф.Д. Батюшков усматривал в ней теперь элементы социализма: «Автономия без права на владение есть в то же время опыт частичного применения принципа обобществления орудий производства. Социалистическая струя вливается в новую организацию театров. Все имущество остается собственностью государства – иначе, конечно, и быть не может. Кредиты тоже отпускаются государством, которое сохраняет за собой право контроля и утверждения или неутверждения смет»¹.

Издание «Временного положения» и появление в печати статьи главноуполномоченного по государственным театрам вызвало многочисленные отклики в театральном и околотеатральном мире. На страницах «Нового времени» Ф.Д. Батюшкову ответил В.С. Кривенко, который хотя и не состоял на службе в театрах, но имел к ним прямое касательство, будучи одним из старейших (и виднейших) чиновников Министерства двора, одним из основателей Российского театрального общества и просто «заядлым театралом»². Цитируя фразу Ф.Д. Батюшкова «отныне артисты и все деятели театра вступают на путь свободного самоопределения своих творческих сил», В.С. Кривенко вопрошал: «А как же обстояло дело прежде? В самом деле, дорога эта никогда не была закрыта для таланта, другое дело возможность выявить свое самоопределение перед публикой. Можно заранее сказать с достаточной уверенностью, что никакая конституция, никакая театральная автономия не удовлетворит большинство артистов, так как им, увы, не удастся осуществить свои мечты, не удастся проявить свойства своих дарований, слишком глубоко запрятанных в тайниках их натур. Кто же из артистов, кто из художников считает себя в полной мере оцененным!.. Нет, уважаемый Федор Дмитриевич, поверьте, сущность театральной конституции не удовлетворит многих из тех, кто не будет получать желанных ролей и других профессиональных благ». Комментируя метафору Ф.Д. Батюшкова о коллективе – капитане судна и представителе правительства – его рулевом, В.С. Кривенко писал: «Батюшков вряд ли правильно определяет соотношение роли капитана и рулевого. Капитан является полным господином, властным распорядителем на судне, это он указывает курс, он за него и ответственен, а рулевой – лишь мускульная сила. Тщетно возлагать надежды на его убедительные речи по адресу зарвавшегося капитана, тут до крушения один шаг». Касаясь хозяйственной стороны «Временного положения», В.С. Кривенко предсказывал неизбежный рост расходов государства на театр: «Автономия артистических корпораций, при сохранении казенного хозяйства, не уменьшит современно-

¹ Батюшков Ф. Ближайшие задачи государственных театров // Речь. 1917. 17 мая.

² Бокова В.М. Кривенко Василий Силович // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 153; Григорьев С.И., Куликов С.В. В.С. Кривенко и Министерство двора: забытый мемуарист в контексте истории забытого ведомства // Кривенко В.С. В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 34.

го дефицита, ибо и при новом строе управления нет данных для развития стремления к самоограничению в сфере экономических достижений. Требования организованного коллектива к театральному сундуку зазвучат куда громче, куда грознее, чем бывшие, периодические заявления о выходе в отставку первых персонажей, заявления в виде протеста. Управлению государственными театрами придется идти на уступки, придется раскошелиться и дефицит сделает скачок в гору. Автономию нельзя не приветствовать, необходимость ее давно назрела, однако, очень желательно, в интересах казны, довести реформу до конца, не останавливаясь на полуслове» – делал вывод В.С. Кривенко. Выходом из этого положения Кривенко считал установление в государственных театрах системы субсидий. «Каждое культурное государство считает необходимым материально поддерживать образцовую сцену. Для этой цели можно предоставить в распоряжение артистического коллектива на определенный срок даровое театральное помещение с отоплением и освещением, можно дать точно определенную денежную ежегодную субсидию. Подобное воспособление допустимо при том условии, что репертуар и цены на места вырабатываются совместно с агентами правительства. Определенная субсидия, назначенная [в соответствии] с действительными потребностями, в соответствии с опытом прошлых лет, вызовет в составе заинтересованного материально коллектива стремление к разумной экономии, послужит стимулом к усилению работы, к увеличению продолжительности сезона и к уменьшению артистической требовательности к прибавкам содержания». Представителю же правительства, по мнению В.С. Кривенко, лучше было бы «вовсе не вмешиваться ни во внутренние артистические дела, ни в постановки, ни в ангажементы, отстранив от себя и все денежные расчеты. Казалось бы, достаточно обеспечить за собою право после определенного срока нарушать или возобновлять договор». В противном случае «не миновать ему настойчивой атаки» с требованиями «разнообразных дополнительных ассигнований». «Нельзя полууправлять, полухозяйничать» – заключал В.С. Кривенко¹.

В собственно театральной прессе «Временное положение» и выступление Ф.Д. Батюшкова на страницах «Речи» также были подробно проанализированы. Уже через день после публикации «Ближайших задач государственных театров» в «Обзрении театров» была помещена статья автора, скрывшегося под псевдонимом «Некто»². Прочитывая строки из «манифеста» Ф.Д. Батюшкова о свержении самодержавия в театрах, активной роли коллектива, капитане и рулевом и т. п., «Некто» резюмировал: «Вот как «темна

¹ Кривенко В.С. Государственные театры // Новое время. 1917. 30 мая.

² Этот псевдоним относится к числу довольно распространенных; только в известном словаре И.Ф. Масанова приведены фамилии 11 писателей и публицистов XIX – начала XX вв., подписывавшихся таким образом (Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. С. 259). Среди них, однако, нет ни одного сотрудника «Обзрения театров». Расшифровка данного псевдонима нуждается, таким образом, в дополнительном исследовании.

история Мидян» даже для лица, столь близко стоящего к разбираемому вопросу, как г. Батюшков! С одной стороны, произошел всем известный революционный фокус «обезглавливания головы»; «самодержавие свергнуто», и образовался коллектив, которому не нужно никаких указчиков и правителей. А с другой стороны, «указчик» все-таки имеется налицо и даже утверждён «временным положением», и ему как будто оставлена кое-какая инициатива... Эти рассуждения г. Батюшкова чрезвычайно характерны для переживаемого театрами времени. В самом деле, положение запуталось, и разобраться в нем трудновато не одному г. Батюшкову, но и нам. «Временное положение» устанавливает с неопровержимой ясностью одно: театры (государственные) переходят в руки коллектива. Устанавливается нечто вроде социализации театра, как справедливо замечает далее автор цитируемой статьи. Но социализация эта какая-то увертливая, и трудно поймать ее, чтобы прямо и просто заглянуть ей в лицо. Социализация эта допускает «представителя правительственной власти» в какой-то странной и невыясненной роли не то контролера ревизионной комиссии, не то «критика»... И в то же время этому критику предоставлено право, кроме наведения критики, наводить кое-какой порядок, но опять-таки в каких-то непонятных границах... Такое положение вещей, разумеется, только и остается признать «временным». Потому-то и положение о театрах «временное» подобно «временному правительству»». «Короче говоря, в духе и тоне статьи г. Батюшкова чувствуется отголосок той общественной неразберихи, которую мы переживаем, и которая отражается и на театрах» – подводил итог «Некто».

Один из наиболее обстоятельных отзывов принадлежал бессменному издателю и редактору «Театра и искусства» А.Р. Кугелю. «Ознакомившись с «конституцией государственных театров», я пришел в большое уныние» – начал он свою статью, посвященную данному предмету. ««Автономии», «федерации», «комитеты», – вся обязательная революционная номенклатура – помещены целиком и в эту «конституцию». Получается картина «федеративно-комитетской автономии», при которой исчезает как хозяйственная, так и еще больше художественная выгода крупного государственного дела. Центробежные начала, как иголки, торчащие из всего тела несчастной нашей родины – торчат и из этой «конституции» Государственных театров». Отозвавшись с иронией о весьма неопределенном правовом положении главноуполномоченного и уполномоченных, а также над количеством различных «комитетов», которые должны были возникнуть в театрах, А.Р. Кугель вступал в принципиальную полемику с утверждением Ф.Д. Батюшкова (содержащемся в его статье в «Речи») о том, что «единственный путь для воздействия на коллектив – убеждение, а не акты самовластия»: «Можно подумать, что на взгляд Ф.Д. Батюшкова всякий «акт власти» есть «самовластие», и всякое «приказание», исходящее от власти, есть вещь недопустимая. Это совершенно определенное анархическое учение, и когда ниже г. главноуполномоченный объясняет, что «социалистическая струя» вливается в «новую организацию театров», ибо «автономия без права на владение есть в то же время опыт

частичного применения принципа обобществления орудий производства», – то я беру на себя смелость с этим совершенно не согласиться». Отмечая, что социализм предполагает организацию производства, А.Р. Кугель писал: «То, что воздвигнуто попустительством комиссара Временного правительства г. Головина, при участии едва ли сознающих всю силу своей ответственности членов комиссий, есть просто анархическое неустройство государственных театров, разложение, распад, род «кронштадтской республики»¹... Будем называть вещи их настоящими именами. Ведь и «кронштадтская республика» рассуждает таким же образом; деньги должна давать казна, а управляется кронштадтская республика совершенно самостоятельно, предоставляя Временному Правительству право «горячим словом убежденья» извлекать из «мрака заблужденья» «падшие души», но не более того. К чему привело учреждение федеративно-автономных комитетов, с «уполномоченными» вместо начальников, армию и флот – мы уже знаем. И если то, что случилось, не могло быть предотвращено состоянием войны, то легко себе представить, что выйдет из государственных театров при главнокомандующем – «критике», измеряющем фарватер, по которому плывет театральный корабль, управляемый «комитетами» от «каждой группы служащих». А.Р. Кугель находил несправедливым и одну из основных демократических тенденций, содержащихся во «Временном положении» – предоставления равного права «всеобщего голосования» всем деятелям театра, значение которых для театрального искусства совершенно различно. «Но как же эта разность в способностях и значении артиста мирится с *perpetuum mobile* постоянного голосования?» – задавался вопросом критик, и сам же отвечал: «Единица и есть единица, счетный шар, голос. Что же, в этом есть логический смысл, что элементы, для театра совершенно ничтожные, уравниваются с элементами важнейшими и первостепенными? Был ли в жизни Ф.Д. Батюшкова такой случай, чтобы редакционный вопрос решался им вместе со сторожем и кладовщиком по количеству голосов?»² Эгалитарности настоящей быть не может, да ее и нет, да она и нелепа... Эгалитарность в искусстве! Боже мой, какая чепуха!» Резюме А.Р. Кугеля насчет театральной «конституции» было, как нетрудно догадаться, для авторов документа неутешительным. «Вообще «реформа» государственных театров напоминает скорее митинговую резолюцию» – отмечал публицист. «Об увеличении интенсивности театральной работы, о демократизации государственных театров в смысле служения их более широким кругам

¹ «Кронштадтская республика» – политический кризис мая-июня 1917 г., связанный с решением, принятым Исполнительным Комитетом Кронштадтского Совета 13 мая (и подтвержденным 16 мая постановлением общего собрания Совета) об объявлении Кронштадтского Совета единственной властью в городе. См. подробн. об этом инциденте (*Гордеев П.Н.* Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте – октябре 1917 года: Дис. ... к. ист. н. СПб., 2007. С. 308 – 406).

² Ф.Д. Батюшков имел большой опыт редакционной работы. В 1897 – 1898 гг. он был редактором русского отдела журнала «Космополис», в 1902 – 1906 гг. – редактором журнала «Мир Божий» (*Скворцова Л.А.* Батюшков Федор Дмитриевич // Русские писатели. 1800 – 1917. М., 1989. Т. 1. С. 180 – 181).

населения, наконец, об омоложении персонала, привлечении новых, свежих людей для руководства¹ делом – ведь нет ничего. Перекрасили старые елоты под «автономию», как раньше красили в краску «bleu gendarme»² – тут и вся реформа»³.

При сравнении всех приведенных выше отзывов и рецензий на театральную «конституцию» и статью Ф.Д. Батюшкова сразу бросается в глаза то общее, что их роднит. Все они, выражаясь языком политическим, были критикой «справа»⁴. В отличие от артистов, многие из которых (особенно москвичи) требовали дальнейшей демократизации управления театральным миром, более широкие круги общественности, лично на службе в казенных театрах не состоявшие, смотрели на дело иначе. Они опасались анархии, которая грозила упадком государственному русскому театру – храму национального искусства. И в этом смысле «Временное положение» представлялось многим очередной вехой на пути к развалу театральной машины.

Оценки «Временного положения» современниками не ограничиваются выступлениями в печати. Главнейшие разработчики документа позднее возвращались к истории его создания и редактирования в своих воспоминаниях. Первый и, пожалуй, наиболее интересный из подобных очерков принадлежит Ф.Д. Батюшкову. Он хранится в обширном архиве Ф.Д. Батюшкова в Рукописном отделе Пушкинского дома, среди бумаг, озаглавленных самим глав-

¹ Так в тексте.

² Буквально – «голубой жандарм(ский)» (франц. яз.). В данном случае обыгрывается цвет мундиров политической полиции (ср. у Тэффи в рассказе «Аэродром»: «Решили остановиться на цвете bleu gendarme. Успокоительный цвет» (Тэффи Н.А. Юмористические рассказы. М., 1990. С. 279)).

³ *Ното новус* [Кугель А.Р.]. Заметки // Театр и искусство. 1917. № 22. С. 374 – 377. Беспокойство у А.Р. Кугеля вызывал и тот факт, что с принятием «анархической» «конституции» государственных театров, «зараза» может перекинуться и на театры частные, что будет для них вдвойне губительно: «Если государственные театры, опирающиеся на казну-матушку, могут позволить себе роскошь федеративно-анархической неразберихи, уничтожающей театральную власть и единство волевого центра, то частные театры просто взлетят на воздух или, в лучшем случае, впадут в сухотку» (Там же. С. 377).

⁴ Одно из редких исключений – помещенная в «Петроградском листке» статья журналиста Н.Д. Носкова (писавшего под псевдонимом «Н. Н-в»; см. о нем (Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. С. 239)). Еще до опубликования окончательного варианта «конституции» Н.Д. Носков писал о роли, которая должна быть отведена главноуполномоченному: «При новом строе, когда все Гос[ударственные] театры уже получили широкую автономию, лицо, стоящее во главе управления, лишь кодификатор постановлений автономных единиц, блюститель того, чтобы законы отдельных театральных «штатов» не противоречили общей конституции союза Гос[ударственных] театров, построенной на республиканских началах. Иначе понимать роль управляющего делами Гос[ударственных] театров значит не только преувеличивать его значение, но и прикладывать прежние мерки к рожденной революцией новой жизни». Впрочем, критик с похвалой отозвался о намерениях Ф.Д. Батюшкова: «Новый помощник комиссара, действительно, ограничивает свою роль, считая себя поставленным лишь в качестве контролера над финансовой и художественной частями Гос[ударственных] театров. Только в области искусства за ним остается право «veto», тогда как во всех других каждый театр действует на основах широкого самоуправления, и как автономная единица вовсе не подчинен помощнику комиссара» (Н. Н-в [Носков Н.Д.]. Новые веяния в театре // Петроградский листок. 1917. 7 мая).

ноуполномоченным «Мой опыт государственной службы». По-видимому, изначально Ф.Д. Батюшков планировал написать воспоминания о своем руководстве театрами (на основании кратких записей, делавшихся им в 1917 г.); в итоге задуманный труд так и не был воплощен¹, а подготовительные записи, сочетающие в себе черты дневника и воспоминаний (они всего лишь на несколько недель отстоят от описываемых событий) стали самостоятельным и весьма ценным историческим источником. Среди них имеется запись, озаглавленная Ф.Д. Батюшковым «Как вырабатывалось «Временное положение» о государств[енных] театрах» и созданная, вероятно, 3 июня 1917 г.² Ввиду исключительного значения этого свидетельства, созданного важнейшим участником исследуемых событий, мы позволим себе процитировать его целиком: «Должен признать, что исходным пунктом нашей «конституции» пришлось взять не то, что составляет нерв театра, как такового, не соображения об условиях, при которых театры могут выявить себя наилучшим образом, а мотивы политического характера: надо было договориться с артистами, успокоить разбушевавшиеся страсти (отчасти и аппетиты, и пресловутое *Wille zur Macht*³) и предложить такие соглашения, которые установили бы порядок во всем ведомстве. С петроградскими труппами договориться было легче, благодаря прежним отношениям⁴. Артисты в сущности в большинстве милые люди, хорошие товарищи, конечно, несколько тщеславные и болезненно самолюбивые, но легко поддающиеся уговорам. Они становятся несносными, когда выходят за пределы своей непосредственной деятельности и претендуют на политическую роль, весьма мало разбираясь в вопросах политики. Очень характерно отличие Москвы и Петрограда: москвичи исходят от⁵ личностей и личных отношений. Они с трудом постигают отвлеченные нормы. В них замашки старого барства и особенно взглядов Фамусова. Может быть, при ближайшем знакомстве покажут себя с другой стороны. При первоначальном наброске «конституции» совещались и с представителем старого

¹ В архиве Ф.Д. Батюшкова в Пушкинском доме хранится лишь несколько рукописных страниц мемуаров о его деятельности в качестве главноуполномоченного (под названием «Восемь месяцев управления государственными театрами»); по сути, они являются предисловием к задуманному Батюшковым труду (РО ИРЛИ РАН. Архив Ф.Д. Батюшкова. № 15623. ЛЛ. 1 – 4).

² По крайней мере, на обороте предыдущего листа в деле стоит именно эта дата; текст на нем и на листе, где содержится интересующая нас запись, написан одинаковыми чернилами (Там же. № 15622. ЛЛ. 1 об. – 2).

³ Воля к власти – нем. яз. Под таким названием сестра Ф. Ницше Э. Ферстер-Ницше в 1901 г. издала сборник афоризмов мыслителя, долгое время считавшийся его последним трудом (впоследствии исследователями была выявлена весьма значительная роль в составлении сборника самой Ферстер-Ницше, выступившей в данном случае посмертным соавтором и редактором трудов брата (см.: *Жаворонков А.Г.* «Воля к власти» и наследие Ф. Ницше // *Вопросы философии.* 2009. № 12. С. 105 – 115)).

⁴ Ф.Д. Батюшков с 1900 г. служил в Дирекции театров, будучи сначала членом, а затем председателем Петроградского отделения Театрально-литературного комитета. Неформальные же его отношения со сценическим миром, как критика и историка литературы и театра, начались еще раньше (*Скворцова Л.А.* Батюшков Федор Дмитриевич. С. 180).

⁵ Так в тексте.

режима¹, и с московским заправилом², и с канцелярией при комиссаре³. Я просил отложить опубликование «приказа» комиссара в первой редакции, хотя она была уже им подписана, до переговоров с труппами⁴. Кажется, я не ошибся в том, что это было нужно сделать. Потом пришлось еще отложить до приезда делегатов из Москвы. И это нужно было. Несколько уступок тщеславию заинтересованных лиц и конституция прошла без трений. На другой день⁵ я напечатал в «Речи» свои пояснения – вместо речи, так как большинство артистов уже разъехалось, да я и так побывал «частным лицом» на многих заседаниях⁶. Именно потому, что политический мотив перевешивал интересы искусства при наличных обстоятельствах, некоторые возражения на мою статью особенно интересны. Сохраняя свое доверие к значению «коллектива», я надеюсь, потом удастся больше сосредоточиться на вопросах чистого искусства. Заботы об администрации, конечно, останутся, но это особая статья»⁷.

Другой разработчик «Временного положения», С.Л. Бертенсон, также вспоминал о работе над театральной «конституцией» – но уже много позднее, на склоне лет, в эмиграции. С высоты прожитой жизни С.Л. Бертенсон давал невысокую оценку этому документу: «В конце концов, было выработано длинное, запутанное, громоздкое и, как это показала дальнейшая практика, совершенно нежизненное «Временное положение об управлении государственными театрами» <...> «Положение» было далеко от реальной жизни и

¹ В.А. Теляковским.

² А.И. Сумбатовым-Южиным.

³ Упоминание об участии в разработке театральной «конституции» Канцелярии комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора (см. о ней подробнее: *Гордеев П.Н.* Ф.А. Головин – комиссар Временного Правительства над бывшим Министерством двора // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Сб. научн. ст. [В печати]) встречается только в цитируемой записи Ф.Д. Батюшкова. К сожалению, раскрыть степень этого участия пока не представляется возможной. Вероятно, Канцелярия была все же передаточным звеном между комиссаром Ф.А. Головиным и разработчиками «Временного положения».

⁴ Важное указание о том, что именно Ф.Д. Батюшков был инициатором отказа от публикации первого проекта «конституции» нигде более не встречается. В то же время, представляется странным, что в записи Ф.Д. Батюшкова нет ни слова о забастовке Большого театра и последовавших за ней событиях, сыгравших без сомнения главную роль в провале первого проекта.

⁵ Вероятно, под «первым днем» Ф.Д. Батюшков имел в виду день публикации «Временного положения» в «Вестнике Временного правительства» (16 мая), так как статья его в «Речи» вышла 17 мая.

⁶ Писательница С.И. Смирнова-Сазонова, выдержки из дневника которой мы уже цитировали выше, записала 29 апреля о посещении Ф.Д. Батюшковым очередного собрания артистов Александринского театра: «В театре опять б[ыло] собрание. Собирались, чтобы поговорить с Батюшковым. Люба [Л.Н. Шувалова, дочь С.И. Смирновой-Сазоновой – П.Г.] только затем и пошла, чт[обы] послушать, что он скажет. Но слушать пришлось своих же актеров. Ге, Пашковский, Корвин и др. выступали перед Батюшковым с длинными речами, упиваясь св[оим] красноречием» (РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 66. Л. 28).

⁷ Там же. Архив Ф.Д. Батюшкова. № 15622. Л. 2.

свидетельствовало, до чего был непрочен тот фундамент, на котором нужно было строить новое наше административное здание, основные элементы которого, как и многое тогда в России, находились в полной зависимости от демагогически настроенных безответственных комитетов. <...> Жизнь немедленно показала мертворожденность нового театрального закона: на каждом шагу администрация сталкивалась с необходимостью подвергать обсуждению очень многое из того, что, в сущности, нечего было обсуждать»¹.

«Временное положение» и устав «Комеди Франсез».

Исследователи, упоминавшие в своих трудах о «Временном положении», нередко сравнивали его с уставом знаменитого парижского театра Комеди Франсез, причем всегда в таких случаях отмечалось, что устав Комеди Франсез собственно и послужил основой для российской театральной «конституции». Вероятно, первым к этому сравнению прибег Е.М. Кузнецов, историк театрального и циркового искусства, автор комментариев к мемуарам коменданта петроградских государственных театров В.Ф. Безпалова. Е.М. Кузнецов утверждал: «В основу «временного положения» лег устав «Французской Комедии» с существенными поправками, вызванными переживаемым временем: право голоса получали не только артисты, но и все коллективы, вплоть до технического персонала и «рабочих сцены». Права выборных органов были также значительно расширены по сравнению с суровым, в общем, регламентом Наполеона. Только финансовая сторона предприятий, по сравнению с «Французской Комедией», находилась под меньшим воздействием выборных»².

¹ Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 216, 218.

² Кузнецов Е. Примечания // Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 62. Единственный из исследователей, писавших о схожести «Временного положения» и устава Комеди Франсез, Е.М. Кузнецов попытался при этом обозначить основные черты организации парижского театра. «Устав [театра] Французской комедии («Comedie-Francaise»), покоящийся на т.н. «Московском декрете» Наполеона («Decret de Moscou»), характерен образованием товарищества артистов, «сосьетерства», которое существует на правах юридического лица. Члены товарищества, «сосьетеры» театра, рассматриваются не как служащие, но в известном смысле как соучастники установления, регулирующие художественную, финансовую и внутри-бытовую жизнь театра. Принятый в число «сосьетеров» артист берет на себя обязательство играть в театре в течение 20 лет и приобретает право решающего голоса; выбор репертуара, распределение ролей, рассмотрение бюджета, дебюты и т. п. устанавливается «комитетом шести» (из числа «сосьетеров») и контролируется, с одной стороны, общими собраниями «сосьетеров», с другой стороны, правительственным директором. Декрет Наполеона предусматривает мельчайшие детали работы «сосьетерства» и строго регламентирует их. <...> Французские артистические труппы существовали на правах подобного «товарищества» задолго до Наполеоновского декрета («Palais Royal»), который санкционировал и развивал эту форму самоуправления, в некоторой степени характерную для молодого буржуазного общества» (Там же. С. 35). Ниже увидим, что Е.М. Кузнецов, подробно охарактеризовавший положение и роль сосьетеров (от французского *societaire* – член общества, товарищества), не совсем верно определил

С.С. Мокульский также находил, что «при составлении этого “Временного положения” был принят за образец устав театра «Французской комедии» (Comedie Francaise), из которого актеры гостеатров обычно исходили в своих мечтах об организации автономного актерского товарищества («сосьестерства»), по отношению к коему правительственный директор несет только функции контроля. Однако в структуру «Французской комедии» были внесены значительные поправки, прежде всего – предоставлением права голоса в управлении театром всем цехам, до рабочих сцены включительно, и значительно большим расширением прав и полномочий выборных органов. В то же время от выдвинутого александринцами проекта¹ «Временное положение» отличалось некоторым упрощением структуры выборных органов и – главное – большей акцентировкой роли «главноуполномоченного», т. е. правительственного директора, который, по проекту актеров, совершенно не должен был вмешиваться во внутреннюю жизнь театра»².

Наконец, Н.А. Горчаков, писавший свое исследование уже в эмиграции, много позднее Е.М. Кузнецова и С.С. Мокульского, подтверждал (почти теми же словами) их точку зрения: «Во «Временном положении о государственных театрах», введенном в мае 1917 г., в основу конституции театров был положен устав Французской комедии, т.е. тип автономного актерского товарищества с правительственным директором, несущим функции контроля. Французский устав был изменен и демократизирован, в сторону предоставления участия в управлении всем цехам, включая и рабочих сцены, и расширением прав выборных органов»³.

Как видим, все три исследователя, утверждая преемственность «Временного положения» от устава Комеди Франсез, парадоксальным образом отмечают прежде всего не то общее, что должно было бы быть в таком случае у обеих «конституций», а наоборот, различия между ними⁴. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, придется сделать некоторое отступление и

роль «Московского декрета» Наполеона в истории становления организационной структуры Комеди Франсез.

¹ Имеется в виду проект, выработанный «временным организационным комитетом русской драматической труппы» в середине марта 1917 г. и содержащий целый ряд весьма демократических положений (в частности, им предусматривалась выборность всех должностей театрального управления) (Автономия Александринского и Михайловского театров // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1917. 16 марта).

² Мокульский С. Петроградские театры от Февраля к Октябрю // История советского театра. Л., 1933. Т. I. С. 32.

³ Горчаков Н.А. История советского театра. Нью-Йорк, 1956. С. 18.

⁴ Исключением является ремарка Н.А. Горчакова об «автономном актерском товариществе» – но именно этого во «Временном положении» и не было (если, конечно, понимать в данном случае под «товариществом» не духовно-психологический союз, а определенную организационно-правовую форму ведения дела – второе определение, как представляется, при анализе текста подобного документа уместнее). Согласно «Временному положению», все артисты оставались на государственном жалованье, доходами театров также распоряжалось исключительно государство, поэтому о «товариществе» (которое действительно существовало и существует в Комеди Франсез) говорить в данном случае некорректно.

выяснить основные положения организационной структуры знаменитого парижского театра. Один из первых ее исследователей (в отечественной историографии) Е. Гельфанд, на чью работу мы и будем опираться, справедливо отметил, что работ, освещающих историю организации и управления Комеди Франсез «почти нет», а между тем «организационное устройство старейшего национального театра Франции уникально»¹. Основные черты внутренней структуры этого театра (наличие актерского товарищества – «сосьетерства», закрепление за каждым сосьетером своего пая (или части пая), ежегодная правительственная субсидия) начали складываться еще в XVII веке среди трупп – предшественников Комеди Франсез (комедиантов Бургундского отеля, труппы театра Маре, труппы Мольера)². После официального основания «Театра Франсе» в 1680 г. указанные положения были официально закреплены Людовиком XIV³, разработавшим и систему взаимоотношения театра, ставшего придворным, с государством: управление находилось в руках четырех камер-юнкеров, правивших поочередно⁴; передаточным звеном между ними и актерами служил специальный чиновник – интендант⁵. В то же время (рубеж XVII – XVIII вв.) в театре существовали и элементы актерского самоуправления: на общих собраниях артистов «определялся репертуар на неделю и происходило распределение ролей», актеры «из своего состава выдвигали трех должностных лиц – высший административный персонал. Это были казначей, секретарь и контролер. <...> Они ведали всеми финансовыми операциями общества»⁶. В 1757 г. Людовик XV даровал театру новый устав из 40 статей, который «сохранял организационную структуру театра как общества пайщиков-сосьетеров, к которому со времени возникновения Комеди Франсез присоединилась труппа «актеров на жалованьи», и определил его финансовую основу»⁷. Эта основа состояла, как и прежде, в ежегодной субсидии театру размером в 12 тысяч ливров (а также, конечно, сборах с продажи билетов на представления). 27 актеров-сосьетеров делили между собой 23 пая «пропорционально доле каждого в учредительном фонде». В 1766 г. устав театра был дополнен очередным регламентом, изданным камер-юнкерами; согласно этому документу, создавался «административный комитет из шести сосьетеров, которому поручалось управление внутренними де-

¹ Гельфанд Е. Основные принципы организации Комеди Франсез // Комеди Франсез. Сб. ст. Л., 1980. С. 158.

² Там же. С. 158 – 160.

³ Система паев также была сохранена, правда, «распределением их сами актеры уже не распоряжались» (Там же. С. 161).

⁴ Камер-юнкеры «заведовали финансами, административной частью и творческой работой театра, определяя репертуар, вмешиваясь в распределение ролей, занимаясь пополнением труппы» – отмечает Е. Гельфанд (Там же. С. 162).

⁵ Там же. С. 161 – 162.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Там же. С. 166.

лами общества»¹. С такой внутренней структурой Комеди Франсез и подошел к Великой Французской революции, которая сначала отменила, а затем (в 1799 г.) вернула театру его привилегированное положение. Сохранился и государственный надзор за театром – вместо камер-юнкеров его теперь осуществлял «специально назначенный правительственный комиссар»².

Наконец, 3 (15) октября 1812 г. Наполеоном был подписан знаменитый «Императорский декрет о надзоре, организации, управлении, финансах, распорядке и дисциплине Театра Франсе», более известный как «Московский декрет». Непосредственным его разработчиком стал комитет из 6 сосьетеров под руководством правительственного комиссара. Согласно декрету, Комеди Франсез «находился под контролем и руководством назначаемого императором сюринтенданта спектаклей. Связующим звеном между сюринтендантом, представляющим высшую власть, и актерским сообществом был имперский комиссар. Он осуществлял надзор за административной и финансовой частями театра, передавал актерам приказы сюринтенданта и следил за их выполнением»³. Внутреннее управление театром «было поручено административному комитету, состоящему из шести сосьетеров⁴ под председательством имперского комиссара. Члены комитета каждый год назначались сюринтендантом, который мог их отозвать или заменить по своей воле. Комитет имел все полномочия, позволяющие ему заключать юридические акты от имени общества. <...> Комитет должен был заниматься административными вопросами, формированием репертуара, следить за порядком соблюдения дебютов»⁵. Сохранялось и общество пайщиков-сосьетеров, хотя оно и подверглось небольшой реорганизации – число паев было увеличено до 24-х, при этом один пай «оставался в резерве и мог быть использован сюринтендантом на непредвиденные нужды; если сумма резервного пая полностью не расходовалась, остаток к концу года распределялся между сосьетерами»⁶. Половина второго пая шла в пенсионный фонд артистов, другая половина – на различные расходы по постановкам. Оставшиеся 22 пая делились между сосьетерами⁷.

Как видно, «Московский декрет» не внес в структуру Комеди Франсез каких-то революционных изменений. По мнению Е. Гельфанда, этот документ «удивительно точно отражал свое время – все в нем было предусмотрено в духе подчинения власти. Хотя права и материальные интересы сосьетеров были учтены, их воля полностью подчинялась воле правительства. Прак-

¹ Там же. При этом, отмечает Е. Гельфанд, «камер-юнкеры оставляли за собой право вмешиваться во все вопросы, включая формирование репертуара» (Там же).

² Там же. С. 167.

³ Там же.

⁴ Даже число лиц, избираемых в административный комитет от сообщества сосьетеров, установленное еще при Людовике XV, осталось, как видим, неизменным.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 168.

⁷ Там же.

тически Московский декрет окончательно преобразовал общество актеров в государственное учреждение»¹. Таким образом, увлечение русских театральных деятелей в 1917 г. «Московским декретом» было, по сути своей, парадоксальным – ведь «генеральной линией» всех «конституционных» дебатов того времени было именно освобождение театра, актерского сообщества, от государственного надзора и контроля. В том же, что это увлечение имело место, сомневаться не приходится². Коменданту петроградских театров В.Ф. Безпалову запомнилось, что артисты Александринского театра весной 1917 г. за образец своего устава «стремились взять структуру «Французской Комедии»»³. А.И. Сумбатов-Южин, имевший близкое касательство к разработке и «Временного положения», и «Статута» Малого театра, 20 июня 1917 г. писал московскому адвокату О.Б. Гольдовскому: «Очень был бы рад сообщить Вам, на каких матерьялах надо было бы базировать вырабатываемый Статут, но пока кроме «Decret de Moscou» и общих уставов Кооперативных и иных обществ я лично в виду ничего не имею»⁴.

Тот факт, что «Московский декрет» Наполеона неоднократно всплывал в 1917 г. в дебатах вокруг российской «театральной конституции» можно

¹ Там же. С. 167. В другом месте своей работы, характеризуя порядки, установленные в театре наполеоновским декретом, исследователь добавляет: «Вообще, всякое неповиновение администрации, изменение установленного в репертуаре спектакля без веских причин, отказ играть роль своего амплуа, прогул или опоздание на репетицию, спектакль, общее собрание карались штрафом, размер которого устанавливался в зависимости от тяжести проступка» (Там же. С. 168).

² Впрочем, находились и публицисты, писавшие о неприменимости опыта «Комеди Франсез» к русской казенной сцене. К числу таковых следует отнести Н.В. Дризену, указывавшего как на отсутствие у артистов государственных театров привычки интересоваться материальными вопросами театрального дела («Артисты этих театров испокон веку участвовали в них в качестве исполнителей известного амплуа, получали жалованье и только с этой стороны были заинтересованы в материальной сущности предприятия»), так и на общую неорганизованность артистического мира: «Кто из нас, старых театралов, не знает специфически обособленную артистическую среду? Милые, всегда и на все отзывчивые артисты никогда не были способны хорошо организовать. Артистические митинги из всех митингов наиболее шумные, темпераментные, но, да простят мне почтенные деятели театра, самые... беспочвенные. Понятно, почему «товарищества» артистов обыкновенно заканчиваются крахом. Как ни близко каждому его материальное благосостояние, но и оно ступшеывается перед чрезвычайно повышенным артистическим самолюбием» (Дризен Н. О театральной автономии // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1917. 13 мая).

³ Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 35. В действительности, проект устава Александринского театра был много «левее» статута Комеди Франсез в том, что касалось роли органов самоуправления и выборного начала вообще; в то же время, в этом проекте, как и во «Временном положении», не был предусмотрен важнейший для парижского театра институт «сосьетерства» – труппа, как и ранее, должна была целиком финансироваться государством и распоряжаться театральными доходами не могла (по крайней мере, в проекте об этом не говорилось) (Автономия Александринского и Михайловского театров // Биржевые ведомости. 1917. 16 марта (утр. вып.)).

⁴ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 6. Д. 146. Л. 23. Историк Малого театра Н.Г. Зограф отмечал, что когда весной 1917 г. начала свою работу Организационная комиссия по выработке статута Малого театра, «Южин предлагал за лето создать несколько проектов, используя устав Комеди Франсез и некоторых немецких театров» (Зограф Н.Г. Малый театр в конце XIX – начале XX века. С. 520).

объяснить, на наш взгляд, лишь относительно слабым знакомством русских театральных деятелей начала XX века как с самим декретом, так и с мировым театральным законодательством¹ (областью, и в наше время малоизученной²). В то же время, за «*Decret de Moscou*» стояло обаяние имени Наполеона и заслуженная слава одного из лучших театров Европы.

И все же – отразился ли устав Комеди Франсез на «Временном положении»? Следует сразу отметить, что со времен Наполеона вплоть до 1917 г. (и далее) внутреннее устройство «Театра Франсе» изменилось незначительно (так, например, во главе театра стоял уже не сюринтендант спектаклей, а генеральный администратор, также назначаемый правительством)³. В целом структура театра по-прежнему основывалась на «Московском декрете», что облегчает нам поставленную задачу, сводя ее до сравнения основных положений указанных двух документов.

По нашему мнению, у «Московского декрета» и «Временного положения» нет практически ничего общего. Никакого подобия «сосьетерства» (а это – основа основ структуры Комеди Франсез) во «Временном положении» и близко не было; да это и не соответствовало бы задачам *временной* конституции. Подобный институт если и стоило утверждать, то, конечно, не на несколько месяцев, а на десятилетия вперед – не говоря уже о том, что весной 1917 г., с господствовавшим тогда всеобщим стремлением к демократизации, к уравниванию разных групп населения в правах, в том числе и артистов⁴, создание в театре (на манер Комеди Франсез) привилегированной группы сосьетеров, противопоставленной много хуже оплачиваемым «артистам на жалованье», было бы несоответствующим духу времени. Выборное начало во

¹ Нам удалось обнаружить в печати того времени, при развернувшейся дискуссии вокруг «Временного положения», лишь одну статью, посвященную иностранному опыту театрального законодательства. Она принадлежала перу известного театрального деятеля барона Н.В. Дризена, который, разобрав немецкую и французскую системы управления театрами, заключал: «Из этих систем законодатель выберет, конечно, наиболее отвечающую новым течениям русской жизни. С моей точки зрения та и другая система заслуживают внимания и пригодятся в своем месте» (*Дризен Н.* Театральная система на Западе // Биржевые ведомости. 1917. 30 апреля (утр. вып.).

² Впрочем, и в России был театр, чья внутренняя структура напоминала Комеди Франсез – это знаменитый Московский Художественный театр, руководимый К.С. Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко (о схожести их организации писал еще Е.М. Кузнецов (*Кузнецов Е.* Примечания // *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 35 – 36)). Однако, этот театр был частным, и не имел опыта постоянных взаимоотношений с государственной властью; возможно поэтому его внутренняя организация и не была востребована разработчиками «конституции» государственных театров.

³ *Гельфанд Е.* Основные принципы организации Комеди Франсез. С. 169.

⁴ Так, В.А. Теляковский записал 18 марта в своем дневнике: «Из разговоров с артистами я вижу, что все почти они друг к другу плохо относятся. О доверии не может быть и речи. <...> К крупным артистам большая зависть и равенство понимается в смысле и таланта, и способностей, т. е. что менее способные должны сравняться со способными и наравне с ними получать содержание и чередоваться в ролях» (АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. ЛЛ. 70 об. – 71).

«Временном положении» было куда более развитым, чем в уставе парижского театра – все упомянутые в нем («Временном положении») должности, кроме должности главноуполномоченного, являлись выборными. Сам главноуполномоченный имел куда меньше способов воздействия на коллектив, чем генеральный администратор Комеди Франсез (не говоря уже о сюринтенданте наполеоновской эпохи, лично назначавшем членов административного комитета шести сосьетеров, ведавшего вопросами внутритеатрального управления)¹. Таким образом, историографическая традиция, согласно которой «Временное положение» было, по сути, переработанным вариантом устава Комеди Франсез, является ошибочной.

Приложение.

Редакции «Временного положения об управлении государственными театрами»².

Временное положение об управлении государственными театрами – первый вариант (от 29 апреля) ³ .	II. Первая редакция А.И. Сумбатова-Южина ⁴ .	III. Вторая редакция А.И. Сумбатова-Южина ⁵ .	IV. Временное положение об управлении государственными театрами – окончательная редакция (от 13 мая) ⁶ .
§ 1. Права и обязанности директора государственных театров передаются главноуполномоченному комиссару Временного	§ 1. Права и обязанности директора государственных театров передаются главноуполномоченному комиссару Временного	§ 1. Во главе государственных театров стоит главноуполномоченный комиссар Временного правительства над б. Министерством	§ 1. Во главе государственных театров стоит главноуполномоченный комиссар Временного правительства над б. Министерством

¹ Даже в XX веке лишь трое членов этого комитета выбирались артистами; еще трое назначались министром культуры по докладу генерального администратора (*Гельфанд Е.* Основные принципы организации Комеди Франсез. С. 170).

² В приведенных ниже четырех редакциях «Временного положения» в правильном порядке (от первого – к последнему) приведены лишь §§ самого первого варианта (от 29 апреля), соответствующие §§ остальных вариантов проставлены в тех строках, что и §§ первого варианта (при этом их порядковый номер везде сохранен). Написание различных терминов (с заглавной или строчной буквы) унифицировано – все названия должностей даются со строчной буквы, первое слово в названии учреждений начинается с заглавной.

³ РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). ЛЛ. 58 – 58 об., 60 – 60 об.

⁴ РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 114. ЛЛ. 11 – 12 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 9 – 10 об.

⁶ *Головин Ф.А.* Приказ комиссара Временного правительства над бывшим министерством двора и уделов (13-го мая 1917 г., № 28) // Вестник Временного правительства. 1917. 16 мая; РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15 доп.). ЛЛ. 61 – 62.

<p>правительства над бывшим Министерством двора по государственным театрам.</p>	<p>правительства над бывшим Министерством двора по государственным петроградским театрам и уполномоченным комиссара по государственным московским Малому и Большому театрам, по каждому в отдельности, ввиду отдаленного положения Москвы и по особым условиям местного характера.</p>	<p>двора. § 2. Главноуполномоченному передаются все права и обязанности бывшего директора государственных театров по всем петроградским театрам с ограничениями, вытекающими из последующих пунктов «Временного положения».</p>	<p>ством двора по государственным театрам.</p>
<p>§ 2. Дирекция государственных театров и обе конторы театров реформируются¹ в Канцелярию главноуполномоченного комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора по государственным театрам, с отделениями Петроградским и Московским.</p>	<p>§ 3². Дирекция государственных театров и Петроградская контора реформируются в Канцелярию главноуполномоченного комиссара над б[ывшим] М[инистерством] д[вора] по государственным театрам. К ней переходят и функции бывшей Петроградской конторы госу-</p>	<p>§ 5. Дирекция государственных театров и Петроградская контора реформируются² в Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам.</p>	<p>§ 3. [Без изменений]</p>

¹ Сначала напечатано: «переименовываются», затем карандашом исправлено.

² Позднее карандашом исправлен на 5-й.

	дарственных театров ¹ .		
§ 3. В Москве, в виду особого ее положения, взамен временно назначенных комиссаров, во главе каждого театра главноуполномоченным назначаются уполномоченные из числа кандидатов, избранных труппами.	[Примечание к § 1]. Оба уполномоченные ³ комиссара над б[ывшим] Министерством двора по московским Малому и Большому театрам подчинены ведению главноуполномоченного в том объеме, в каком бывшая должность директора государственных театров была подчинена бывшей должности министра двора, то есть московские уполномоченные ежегодно представляют главноуполномоченному на подлежащее утверждение: а) смету всего годового бюджета на предстоящий год – каждый по вверенному ему театру и отнесенным к нему учреждениям отдельно, б) отчет	§ 3. По московским государственным театрам ввиду особого положения Москвы и местных условий права директора государственных театров, с теми же ограничениями, передаются двум уполномоченным, одному – по Малому театру, а другому – по Большому.	§ 2. По московским государственным театрам главноуполномоченным назначаются два уполномоченных, один по Малому, другой по Большому театрам, из лиц, избираемых театрами. Уполномоченные представляют главноуполномоченному на утверждение а) составленную каждым из них отдельно по вверенному театру смету годового бюджета, б) денежный отчет по приходу-расходу за истекший год и в) общий план деятельности каждого театра, для ее согласования с общегосударственными видами и целями. Все же остальные дела управления каждым театром решают-
		§ 4. Оба уполномоченных назначаются из числа кандидатов, избранных труппами, главноуполномоченным, которому московские уполномоченные представляют на утверждение а) составленную каждым из них отдельно по вверенному театру смету годового бюджета, б) денежный отчет по приходу-расходу за истекший год и в) об-	

² Изначально было написано «переформируются», затем карандашом исправлено.

¹ Последняя фраза вычеркнута карандашом. Она и в самом деле является лишней, т. к. упоминание о Конторе уже содержится в начале параграфа.

³ Так в тексте.

	<p>приходо-расхода за истекший год и в) общий план деятельности каждого театра, для ее связи и объединения ее с общегосударственными целями и видами правительства. Кроме того, все ходатайства о сверхсметных, экстренных и передержных¹ ассигнованиях перед б[ывшим] Министерством возбуждаются московскими уполномоченными через главноуполномоченного.</p>	<p>щий план деятельности каждого театра, для ее согласования с общегосударственными видами и целями.</p>	<p>ся уполномоченными своею властью.</p>
<p>§ 4. Московское отделение Канцелярии и Московское Театральное училище находится в непосредственном ведении уполномоченных.</p>	<p>§ 4². Московская контора государственных театров реформируется в две канцелярии уполномоченных комиссара над б[ывшим] М[инистерством] д[вора]: 1) по Малому театру 2) по Большому театру – с тем, чтобы бюджет и состав обоих</p>	<p>§ 6. Московская контора государственных театров реформируется¹ в две канцелярии: а) Канцелярию уполномоченного по Малому театру и б) Канцелярию уполномоченного по Большому театру. Точные штаты канцелярий имеют быть выра-</p>	<p>§ 4. Московская контора государственных театров реформируется в две канцелярии: а) Канцелярию уполномоченного по Малому театру и б) Канцелярию уполномоченного по Большому театру. Точные штаты Канцелярии, в пределах,</p>

¹ Так в тексте.

² Позднее карандашом исправлен на 6-й.

¹ Изначально было написано «реформируется», затем карандашом исправлено.

	канцелярий не превышал бюджета и численного состава бывшей Конторы в 1917/18 гг., по предположенным ассигнованиям в общей сложности. Точные штаты обеих канцелярий имеют быть при сем утверждены вместе с распределением помещений вновь образуемых канцелярий и ведения зданиями между уполномоченными ¹ .	ботаны дополнительно.	не превышающих бюджета Московской конторы театров, имеют быть выработаны дополнительно.
§ 5. Во главе каждой труппы стоит избранный труппой управляющий, утверждаемый в Петрограде главноуполномоченным, а в Москве уполномоченным.	§ 6. Во главе каждой труппы стоит избранный управляющий труппой или управляющий театром ³ , утверждаемый в Петрограде главноуполномоченным, а в Москве уполномо-	§ 8. Во главе каждой труппы стоит избранный ею управляющий труппой, утверждаемый в Петрограде – главноуполномоченным, в Москве – уполномоченным по каждому театру. Уполно-	§ 6. Во главе каждой труппы стоит избранный ею управляющий труппой, утверждаемый в Петрограде – главноуполномоченным, в Москве – уполномоченным по каждому театру.

¹ Данный параграф А.И. Сумбатов-Южин подверг существенной правке (карандашом). Зачеркнуты слова «Комиссара над б[ывшим] М[инистерством] д[вора]», фразы «с тем, чтобы <...> в общей сложности» (против нее на полях карандашом поставлен знак «нотабене») и «при сем утверждены <...> между уполномоченными» (вместо последней карандашом дописано: «выработаны дополнительно»).

³ Слова «или управляющий театром» были дописаны А.И. Сумбатовым-Южиным красными чернилами (которыми в тексте отмечались нововведения), затем вычеркнуты карандашом.

	<p>ченным по каждому театру¹. Уполномоченные имеют право передавать своим приказом по театру часть своих обязанностей по управлению театром управляющим труппами².</p> <p>[Примечание к § 6]³. В театрах, где одна труппа, может быть только или управляющий труппою, или управляющий театром, где две труппы – должность управляющего театром должна соединяться с должностью уполномоченного в одном лице. Наименование должности управляющих всецело зависит от главноуполномоченного в Петро-</p>	<p>моченные имеют право передавать своим приказом по театру часть своих обязанностей по управлению всем театром управляющим труппою, и назначать их, в пределах этих обязанностей, управляющими театром.</p>	<p>Уполномоченные имеют право передавать своим приказом по театру часть своих обязанностей по управлению всем театром управляющим труппою, или другому избранному театром лицу, и назначать их, в пределах этих обязанностей, управляющими театрами. Управляющие труппами или театрами, по указанию в Петрограде – главноуполномоченного, а в Москве – уполномоченных, подписывают контракты, утверждаемые в Петрограде – главноуполномоченным, а в Москве – уполномоченными.</p>
--	--	--	---

¹ Слова «по каждому театру» дописаны А.И. Сумбатовым-Южиным синими чернилами, которыми он в данных черновиках обозначал текст, содержащийся во «Временном положении» от 29 апреля. В нем, однако, этого дополнения не было. Возможно, ввиду его незначительности, Южин не стал в данном случае отмечать его как нововведение.

² Выделенный нами курсивом текст дописан А.И. Сумбатовым-Южиным карандашом.

³ К данному параграфу А.И. Сумбатов-Южин написал 3 варианта примечаний. О первых двух, перечеркнутых в итоге самим автором, см. выше, в разделе «Работа над текстом». В «Приложении» публикуется третий вариант примечания, оставленный самим Южиным в тексте документа, однако позднее перечеркнутый карандашом.

	<p>граде и уполномоченных в Москве, сообразно особым условиям каждого театра, но с тем, чтобы в театрах, где одна труппа, не было отдельно управляющего труппою и управляющего театром, так как функции и ответственность того и другого только художественные, и распорядительные постольку, поскольку они касаются художественной стороны. Там же, где две труппы, должность управляющего театром может быть соединена только с должностью уполномоченного.</p> <p>§ 7¹. Управляющие труппами² могут возлагать часть своих обязанностей на выбранных ими лиц из числа артистического или</p>		
--	--	--	--

¹ Текст данного параграфа целиком перечеркнут карандашом.

² Перед этими словами карандашом вписано важное уточнение: «Уполномоченные и».

	режиссерского состава, с утверждения в Петрограде – главноуполномоченного, в Москве – уполномоченных. Вознаграждение избранным лицам производится лишь в том случае, когда расход предусмотрен в плане труппы на данный год.		
§ 6. Должности главных режиссеров – упраздняются.	§ 8. [Без изменений]	§ 9. [Без изменений]	§ 7. [Без изменений]
§ 7. При каждой труппе учреждается выборный Художественно-репертуарный комитет, в состав которого входят артисты, режиссеры, капельмейстеры, художники, представители хора и оркестра. Комитет этот действует согласно выработанной инструкции, утверждаемой в Петрограде главноуполномоченным, а в Мо-	§ 9. [Без изменений]	§ 10. При каждой труппе учреждается выборный Художественно-репертуарный комитет, в состав которого входят представители артистов, хора, оркестра, режиссерского управления ¹ , капельмейстеров ² и художников ³ . Комитет этот действует согласно выработанной им инструкции, утверждаемой в Петрограде главноупол-	§ 8. При каждой труппе учреждается выборный Художественно-репертуарный комитет. Комитет этот действует согласно выработанной им инструкции, утверждаемой в Петрограде – главноуполномоченным, в Москве – уполномочены ми.

¹ Затем карандашом исправлено на «режиссеры».

² Затем карандашом исправлено на «капельмейстеры».

³ Затем карандашом исправлено на «художники».

скве уполномоченными.		номо- ченным, в Москве – уполномочен- ными.	
§ 8. Должность заведующего репертуаром упраздняется.	§ 10. [Без изменений]	§ 11. [Без изменений]	§ 9. [Без изменений]
§ 9. Годовые планы художественно-репертуарной работы, выработанные вышеозначенными комитетами, устанавливаются управляющими труппами по соглашению в Петрограде с главноуполномоченным, а в Москве – с уполномоченными. Предварительно представления на утверждение сезонного репертуара управляющие труппами обсуждают его совместно с заведующим постановками и с заведующим отдельными частями и мастерскими постановочной части. Окончательное утверждение годовых планов	§ 11. [Без изменений]	§ 12. Годовые планы художественно-репертуарной работы, выработанные вышеозначенными комитетами, представляются управляющими труппами на утверждение в Петрограде – главноуполномоченного, а в Москве – уполномоченных. Предварительно представления на утверждение сезонного плана работы, управляющие труппами обсуждают его совместно с заведующим постановками и с заведующими отдельными частями и мастерскими постановочной части.	§ 10. Годовые планы Художественно-репертуарной работы, выработанные вышеозначенными комитетами, представляются управляющими ¹ на утверждение в Петрограде – главноуполномоченного, а в Москве – уполномоченных. Предварительно представления на утверждение сезонного плана работы, управляющие обсуждают его совместно со всеми лицами, принимающими участие в постановках.

¹ После слова «управляющими» в данном параграфе окончательной редакции выпущено слово «труппами» (присутствующее во всех предшествующих редакциях).

<p>трупп и постановок в Петрограде и Москве принадлежит главномууполномоченному.</p>			
<p>§ 10. При каждом театре, равно как и во всех центральных мастерских и прочих учреждениях, технический персонал, рабочие и другие категории служащих образуют отдельные комитеты для защиты своих интересов.</p>	<p>§ 12. [Без изменений]</p>	<p>§ 13. При каждом театре, равно как и во всех центральных мастерских и прочих учреждениях, технический персонал, рабочие и другие категории служащих образуют для защиты своих интересов отдельные комитеты для защиты своих интересов, через свой президиум или председателя входящие во все сношения с главноуполномоченным по Петрограду или уполномоченными по Москве.</p>	<p>§ 11. При каждом театре, равно как и во всех центральных мастерских и прочих учреждениях, каждая отдельная категория артистов, технического персонала и других служащих образует для защиты своих интересов отдельные комитеты, входящие во все сношения с главноуполномоченным по Петрограду, или уполномоченными по Москве через своего представителя.</p>
<p>§ 11. Хозяйственно-административная часть всех театров и годовые бюджеты ведутся Канцеляриею главноуполномоченного, состоя в ведении последнего.</p>	<p>§ 5¹. Хозяйственно-административная часть петроградских театров и годовые бюджеты ведутся Канцелярией главноуполномоченного, состоящей в ведении последнего, а</p>	<p>§ 7. Хозяйственно-административная часть петроградских театров и их годовые бюджеты ведутся Канцелярией главноуполномоченного, состоящей в ведении последнего, а мос-</p>	<p>§ 5. Хозяйственно-административная часть петроградских театров и их годовые бюджеты ведутся Канцеляриею главноуполномоченного, а московских – канцеляриями упол-</p>

¹ Позднее карандашом исправлен на 7-й.

	<p>московских – канцеляриями уполномоченных, состоящих в их ведении. Московские уполномоченные сообщают все¹ данные и сведения по московским театрам в Канцелярию главноуполномоченного, для общего объединения материалов по всем государственным театрам.</p>	<p>ковских – канцеляриями уполномоченных, состоящих в их ведении. Московские уполномоченные сообщают все требуемые данные и сведения по московским театрам в Канцелярию главноуполномоченного для общего объединения материалов по всем государственным театрам.</p>	<p>номоченных. Московские уполномоченные сообщают все требуемые данные и сведения по московским театрам в Канцелярию главноуполномоченного, для общего объединения материалов по всем государственным театрам.</p>
<p>§ 12. Театрально-литературный комитет преобразуется в Литературную комиссию при Художественно-репертуарном комитете труппы артистов. Комиссия состоит из трех литераторов, избираемых [Художественно-]репертуарным комитетом из числа кандидатов, предлагаемых в двойном количестве главноуполномо-</p>	<p>§ 14. Петроградское отделение Т[еатрально]-л[итературного] комитета... (без изменений. По окончании добавка)². Московское отделение Театрально-литерат[урного] к[омитета] упр[аздняется]³. Трое из его наличных членов входят в состав Художеств[енно] – реперт[уарного] комитета со всеми правами его членов, избран-</p>	<p>§ 14. Театрально-литературный комитет преобразуется в Литературную комиссию, входящую в состав Художественно-репертуарного комитета. Комиссия состоит из трех членов, избираемых Художественно-репертуарным комитетом из числа кандидатов, предлагаемых в Петрограде – главноуполномо-</p>	<p>§ 12. Театрально-литературный комитет преобразуется в Литературную комиссию, входящую в состав Художественно-репертуарного комитета. Комиссия состоит из трех членов, избираемых Художественно-репертуарным комитетом из числа кандидатов, предлагаемых в Петрограде – главноуполномо-</p>

¹ После слова «все» в тексте карандашом вписано: «требуемые».

² Так в тексте.

³ Зачеркнуто А.И. Сумбатовым-Южиным карандашом и сверху им же написано: «преобразуется».

<p>ченным и им же утверждаемым после произведенной баллотировки. Ежегодно производятся новые выборы, причем допускается переизбрание прежних членов комиссии. Кандидаты предлагаются из числа историков литературы, критиков и писателей, которые кроме чисто художественных произведений известны также своими критическими работами или литературными очерками. Комиссия может быть усилена в своем составе представителем артистов по выбору комитета. На обязанностях комиссии является прочтение всех новых произведений, предлагаемых к постановке, причем один из членов комиссии является доклад-</p>	<p>ных труппою. Председатель отделения в текущем сезоне именуется непременным членом-докладчиком и на его обязанности лежит просмотр всех пьес, поступающих в Реп[ертуарно]-худож[ественный] комитет¹ и составление по ним письменных отчетов. Составленный Реп[ертуарно]-худ[ожественным] комитетом выбор представляется на заключение уполномоченного².</p>	<p>скве – уполномоченным по Малому театру, ими же утверждаемых после произведенных выборов. Ежегодно производятся новые выборы, причем допускается переизбрание прежних членов комиссии. Кандидаты предлагаются из числа историков литературы, критиков и писателей, которые кроме чисто художественных произведений известны также своими критическими работами, или литературными очерками. На обязанностях комиссии является прочтение всех новых произведений, предлагаемых к постановке, причем один из членов числится членом-докладчиком Художественно-репертуарного комитета, в состав которого входят и</p>	<p>ченным, а в Москве – уполномоченным по Малому театру, ими же утверждаемых после произведенных выборов. Ежегодно производятся новые выборы, причем допускается переизбрание прежних членов комиссии. Кандидаты предлагаются из числа историков литературы, критиков и писателей, которые кроме чисто художественных произведений известны также и своими критическими работами, или литературными очерками. На обязанностях комиссии является прочтение всех новых произведений, предлагаемых к постановке, причем один из членов числится членом-</p>
---	---	--	--

¹ Так в тексте (правильно: «Художественно-репертуарный комитет»).

² Последняя фраза написана А.И. Сумбатовым-Южиным синими чернилами – однако, именно такой формулировки во «Временном положении» от 29 апреля нет, хотя смысл, применительно к московским реалиям, тот же.

<p>чиком на заседаниях [Художественно-]репертуарного комитета, в состав которого входят и другие члены комиссии для участия в обсуждении выбора пьес для репертуара. Этот выбор решается простым большинством голосов и представляется на заключение главного уполномоченного (в Москве – уполномоченного).</p>		<p>другие члены комиссии для участия в обсуждении выбора пьес для репертуара. Член-докладчик представляет письменные отзывы о всех прочитанных им пьесах, представляемых в Р[епертуарно]-х[удожественный] комитет¹ на рассмотрение. Выбор решается простым большинством голосов и представляется на заключение в Петрограде – главному уполномоченного, в Москве – уполномоченного по Малому театру.</p>	<p>докладчиком Художественно-репертуарного комитета, в состав которого входят и другие члены комиссии, для участия в обсуждении выбора пьес для репертуара. Член-докладчик представляет письменные отзывы о всех прочитанных им пьесах, представляемых в Художественно-репертуарный комитет на рассмотрение. Выбор решается простым большинством голосов и представляется на заключение в Петрограде – главному уполномоченного, в Москве – уполномоченного по Малому театру.</p>
<p>§ 13. Аналогично Литературной комиссии при Репертуарно-художественном комитете² драматической труппы,</p>	<p>§ 15. [Без изменений]</p>	<p>§ 15. Аналогично Литературной комиссии в составе Репертуарно-художественного комитета³ драматических трупп,</p>	<p>[Соответствующий параграф отсутствует]</p>

¹ Так в тексте.

² Так в тексте.

³ Так в тексте.

<p>для оперы и балета учреждаются музыкальные и балетные комиссии. Комиссия состоит из трех-четырех музыкальных и балетных деятелей каждая, избираемых репертуарным комитетом из числа кандидатов, предлагаемых в двойном количестве главноуполномоченным и им же утверждаемых после произведенной баллотировки. Ежегодно производятся новые выборы, причем допускается переизбрание прежних членов комиссии. Комиссия может быть усилена в своем составе представителем артистов, по выбору комитета. На обязанностях комиссии является ознакомление со всеми новыми произведениями, предлагаемыми к постановке, причем один из членов комиссии является докладчиком на заседаниях</p>		<p>для оперы и по мере надобности для балета учреждаются Музыкальная и Балетная комиссии. Комиссия состоит из трех-четырех музыкальных и балетных деятелей каждая, избираемых Художественно-репертуарными комитетами из числа кандидатов, предлагаемых в двойном количестве в Петрограде – главноуполномоченным, а в Москве – уполномоченным по Большому театру и ими же утверждаемых после произведенного выбора. Ежегодно производятся новые выборы, причем допускается переизбрание прежних членов комиссии. На обязанностях комиссии лежит ознакомление со всеми новыми произведениями, предлагаемыми к постановке, причем один из членов комиссии являет-</p>	
---	--	--	--

<p>[Художественно-]репертуарного комитета, в состав которого входят и другие члены комиссии для участия в обсуждении выбора произведений для репертуара. Этот выбор решается простым большинством голосов и представляется на заключение главноуполномоченного (в Москве – уполномоченного).</p>		<p>ся членом-докладчиком на заседаниях [Художественно-]репертуарного комитета, в состав которого входят и другие члены комиссии для участия в обсуждении выбора произведений для репертуара. Этот выбор решается простым большинством голосов и представляется на заключение в Петрограде – главноуполномоченного, а в Москве – уполномоченного по Больш[ому] театру.</p>	
<p>[Соответствующий параграф отсутствует]</p>	<p>[Соответствующий параграф отсутствует]</p>	<p>§ 16. Театральное училище в Петрограде состоит в ведении главноуполномоченного, а в Москве, в виду существования в нем только балетных классов – в ведении уполномоченного по Б[ольшому] т[еатру].</p>	<p>§ 13. [Без изменений]</p>

[Соответствующий параграф отсутствует]	[Соответствующий параграф отсутствует]	[Соответствующий параграф отсутствует] ¹	§ 14. Медицинская часть в Петрограде состоит в ведении главноуполномоченного, а в Москве – уполномоченного по Большому театру.
§ 14. Вопрос о дальнейшей деятельности французской труппы, в виду особых условий ее комплектования, связанных с военными событиями, будет решен по выяснении обстоятельств.	§ 16. [Без изменений]	§ 17. [Без изменений]	§ 15. [Без изменений]

Фруменкова Т.Г. Московский воспитательный дом и проекты преобразования системы сиротских учреждений (1917 г.)

Февральская революция 1917 г. в полную силу поставила вопрос о реформировании воспитательных домов. В обоих домах – Московском и Петроградском – работали комиссии, занятые подготовкой проектов преобразований.

В апреле 1917 г. «в бытность князя М.В. Голицына комиссаром Московского воспитательного дома» были созданы две комиссии. Председателем одной из них был А.А. Кисель, приват-доцент Московского университета, председателя общества детских врачей, она готовила доклад «по вопросу об

¹ Тем не менее, судя по надписи А.И. Сумбатова-Южина на последнем листе документа, он уже тогда был запланирован автором. В машинописном варианте «Временного положения», сохранившемся в фонде А.И. Сумбатова-Южина в РГАЛИ, указание о подведомственности Медицинской части в Москве (вписанное Южиным от руки) присутствует, причем, по мысли автора, она должна была подчиняться уполномоченному по Малому театру, т. е. ему самому (подробнее см. выше, раздел «Работа над текстом»).

общей реформе дела призрения беспризорных детей и подкидышей». Вторая комиссия под председательством доктора Рахманова, известного педиатра, директора родильного приюта имени А.А.Абрикосовой, занималась проблемами «неотложных нужд и реформ» Московского дома.

3 августа 1917 г. по запросу из Министерства государственного призрения в Петроград было направлено донесение причисленного к Министерству чиновника особых поручений IV класса Г.П. Роттаст-Мичурина. Этот служащий был направлен в первопрестольную «для общего руководства и наблюдения за московскими заведениями» Министерства после весенних социальных конфликтов в московских заведениях Мариинского ведомства¹, и, судя по всему, ему удалось навести там относительный порядок. Г.П. Роттаст-Мичурин известил столичное начальство, что первая из комиссий «наметила в общих чертах свои задачи, и будет продолжать свои работы, а вторая считает, что ее работы уже закончены и должны проводиться в жизнь правлением воспитательного дома и коллегией врачей при нем с главным врачом-педиатром во главе»².

К донесению прилагались сводные доклады обеих комиссий. Другой экземпляр докладов был послан на заключение правления Московского дома. К ним были также приложены тексты, набранные типографским способом, видимо, ранее 1917 г. Первый из них содержал очерк общественного призрения в России. Его авторы констатировали, что в России не принят устав общественного призрения, и соответственно нет никакой организации системы государственного призрения. Они проанализировали основные недостатки призрения малолетних детей. Еще две брошюры содержали предложения по призрению «сирот, детей наших доблестных воинов».

Комиссия по общим вопросам призрения детей, опираясь на документы международных организаций, с революционным пафосом заявила, что XX век поставил вопрос о защите материнства и детства, об обеспечении каждому ребенку благоприятных условий для всестороннего развития. Такой взгляд не имел ничего общего с традиционными воззрениями на призрение детей как на акт милосердия, как на требование христианской морали. О правах человека впервые заговорили во время Великой французской революции, и с этого времени на дело призрения «покинутых и обездоленных детей» начали смотреть «с другой точки зрения, с точки зрения права и решили, что это долг нации. И бедному покинутому ребенку, будущему гражданину, дали то, что монархические и капиталистические государства давали имущему ребенку, если он терял прирожденных своих родителей – опекуна – попечителя... По мере развития и торжества демократических идей все более и более распространяется мысль о равенстве людей в главных жизненных условиях... Главная задача тем более легка, что за нее ратует сама природа, дав людям инстинкт сохранения рода и инстинкт материнства. Надо сохранить для

¹ РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 3822. ЛЛ. 1, 12, 33 – 33 об.

² Там же. Оп. 27. Д. 2392. ЛЛ. 1 – 2.

ребенка кормящую мать, а если ее нет – создать ребенку семью, родную не по крови, а по чувству и разуму. Ясно, что такая обширная задача по плечу лишь государству... Безусловно, необходимо поручить это дело обществу на местах, как исполнителю общих предначертаний правительства»¹.

Государство должно было организовать систему общественного призревания, как в «единичных передовых в культурном отношении странах». Главной проблемой охраны материнства и детства во всем мире являлась борьба с детской смертностью. Авторы доклада были убеждены, что «особенно мало сделано в этом отношении у нас в России, несмотря на то, что именно Россия занимает первое место среди стран, дающих наибольший процент смертности»².

Для спасения жизни «безродных и беспризорных детей» в обеих российских столицах были созданы воспитательные дома, но «действительность не оправдала надежд». Высокая смертность в воспитательных домах объяснялась их «переполнением и связанными с ним последствиями»: «скоплением большого числа детей в одном помещении», духотой, отсутствием самых скромных удобств для кормилиц и плохим их питанием. В результате кормилиц хронически не хватало, и младенцы попросту умирали от голода. Матери могли поступать в дом вместе с новорожденными детьми, но условия для них комиссия назвала «до того неудовлетворительными, до того ниже даже минимальных требований гигиены, что неудивительно, если мать смотрит на воспитательный дом, как на тюрьму, а на пребывание в нем, как на тяжкое наказание»³.

Значительному увеличению приноса детей в столичные дома способствовало запрещение «дальнейшего устройства» сиротских домов в губернских городах России еще в 1828 г. Появление железных дорог привело к развитию «чрезвычайно вредного промысла доставки детей из провинции в столичные воспитательные дома». Резко критиковали авторы доклада и традиционную практику раздачи детей на воспитание за плату по деревням. По их убеждению, туда за детьми «и последовала смертность». К тому же, подкидыши, отдаваемые в сельские округа, влияли «деморализующим образом на окружающую их обстановку: с одной стороны, бравшие питомцев смотрели на дело воспитания как на промысел, с другой стороны, происходила сифилизация чуть ли не целых деревень» (немалая часть младенцев, поступавших в воспитательные дома, была рождена матерями, больными сифилисом – Т.Ф.)⁴.

Филиппика против воспитательных домов, в основу которых была положена «идея оторванности матери от ребенка», завершалась логичным выводом о том, что эти учреждения должны исчезнуть, потому что в них «напрасно гибнет масса едва увидевших свет детей». Забота «о безостановочном

¹ Там же. Д. 2398. Л. 6.

² Там же. ЛЛ. 4 – 4 об.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. ЛЛ. 5 – 5 об.

приумножении живых сил» являлась делом государственным, что не исключало «участия других коллективов и частных лиц». Забота о ребенке должна была начинаться с его зачатия, с той, которая «дает ему жизнь, то есть с его матери». Комиссия предложила Министерству государственного призрения заявленную лучшими специалистами на международных конгрессах идею о том, что «охрана материнства и младенчества неотделимы друг от друга, неотделимы от призрения обездоленных детей в борьбе за их жизнь». Для упорядочения дела следовало, прежде всего, уничтожить централизацию и устроить «будущие приюты для детей с соблюдением временных требований, рассеивая их по стране по возможности в большом количестве, необходимо даже издать специальный закон в охране материнства, государственного, а также взаимного страхования материнства, закон, берущий под свою защиту беременную и родильницу, но не только фабричную, а распространяющийся на все категории живущих своим трудом женщин»¹. Такой закон не должен был сводить материнство к болезни, как это предполагалось действующим законом 23 июня 1912 г., но рассматривать материнство «как особо важную социальную функцию, а женщину-мать как лицо, оказывающее огромную услугу государству»².

Закон должен был предоставить матери возможность остаться с ребенком хотя бы в течение первого месяца его жизни, что уменьшило бы число подкидышей. Кроме того, следовало улучшить правовое положение женщины. Комиссия поставила вопрос о розыске отца внебрачного ребенка. По мнению ее членов, это «не только не должно воспрещаться, как это делается во Франции (этот закон был отменен во Франции в 1912 г. – Т.Ф.), должно, по примеру Венгрии, поощряться государством». В том случае, если отца отыскать не удалось, к воспитанию ребенка предполагалось привлекать родителей матери и других близких родственников. Об опыте «северных стран», где «за ненахождением родственников к участию в расходах по воспитанию ребенка привлекается община, к которой приписана его мать», авторы доклада только упомянули. Возможно, члены комиссии понимали, что распространение опыта европейских государств на Россию, страну с сильными патриархальными традициями, с предубеждением в семье и обществе против внебрачных детей и их матерей, едва ли пройдет гладко.

Они требовали также, чтобы по искам о воспитании детей велось ускоренное судопроизводство, истцов освобождали от уплаты судебных пошлин, а мать при ведении таких процессов имела бы право опекуна. Авторы доклада подчеркивали, что новая система охрана материнства и детства будет иметь социальный характер. Создание потомства, по их мнению, является «необходимейшей функцией народа и должна быть поощряема всеми средствами». При этом «всем известно, что классы обеспеченные имеют мало детей, нуждающиеся же, наоборот, обременены большими семьями. Что боль-

¹ Там же. Л. 6.

² Там же.

шие семьи ведут к рабству перед капиталом и вырождению пролетариата, вещь очевидная, и на Западе образовались пролетарские лиги, которые поставили своим лозунгом: «Пролетарии, не имейте больших семей»¹.

Раз материнство есть государственная повинность женщины, то материнство нужно всеми доступными средствами поощрять. Предполагалось, что новая система будет основана на принципе «сохранения ребенку матери», а для проведения ее в жизнь законодательным путем государство устроит по всей стране взамен воспитательных домов сеть учреждений. Они должны удовлетворять «потребности обездоленных детей и матерей», популяризировать идеи, заложенные в основы охраны детства и материнства, и заниматься их научной разработкой.

На «известное число сел и деревень в центре их» предполагалось создать «государственное учреждение по охране материнства и младенчества обездоленных детей... с врачом-специалистом во главе». Последний является вместе с тем руководителем местного попечительного общества. Учреждение состоит из следующих частей: 1. Приют для беременных женщин. Сюда поступают в последний период беременности женщины, не имеющие семьи и материально не обеспеченные. Они обучаются уходу за грудными детьми, занимаются легкой работой и при начале родов переводятся в следующее отделение. 2. Родильный приют. Если женщина рождает дома, то ей обеспечивают медицинскую помощь, в случае нужды – снабжают продуктами и предметами ухода. Затем мать вместе с ребенком поступает в третье отделение. 3. Приют для кормящих матерей. Как только позволит состояние матери и ребенка, они возвращаются домой или направляются в «крепкие крестьянские семьи». 4. Ясли открываются в центральном учреждении и имеют отделения в деревнях. В «рабочую пору» крестьянки могли приносить туда своих детей и оставлять их на попечении подготовленного персонала. 5. Приют «для детей обездоленных, то есть сирот, полусирот, покинутых и т.п.» Здесь детей вскармливают кормилицы, которых можно подобрать в родильном приюте. Как только позволит здоровье, их устраивают «в крепкие семьи». В приюте должно быть отделение для детей, больных сифилисом. 6. Консультация для больных детей и матерей дает советы по уходу и вскармливанию. Здесь наблюдаются и дети, усыновленные приемными семьями. 7. Молочная кухня – это, по словам авторов доклада, аптека консультации. 8. Выставка предметов по уходу и вскармливанию грудного ребенка – наглядное пособие консультации. 9. Молочная ферма – склад необходимых лекарств. 10. Крепкие семьи, куда будут помещаться мать с ребенком или один ребенок, должны быть зажиточными и брать детей на воспитание «не из одной выгоды». Люди, желающие взять ребенка, представляют свидетельство от врача или священника и имеют соответствующее помещение. Преимущество следовало отдавать семьям бездетным или имеющим не более 1 – 2 детей. Дети и матери в приемных семьях находятся под контролем попечительного общества. Предпоч-

¹ Там же. Л. 7.

тительнее было отдавать по несколько детей в одну имеющую школу деревню, создавая особые колонии. Такие колонии должны были располагаться поблизости от железной дороги, чтобы заболевших детей можно было доставлять в город. Предполагалось и появление семей-приютов, куда поступали по 5 – 10 детей от 6-летнего возраста. Младшие учились в школе, старшие обучались ремеслам в особых мастерских. Способные дети получали образование за государственный счет.

Интересно, что, подвергнув уничтожающей критике передачу младенцев за плату на воспитание в крестьянские семьи, авторы доклада одним из центральных звеньев новой системы делали приемные «крепкие семьи». Они безвозмездно должны были стать, видимо, приемными родителями или попечителями (эти термины в докладе не встречаются), причем попечителями не только детей, но и их матерей. Думается, что, несмотря на предполагавшийся общественный контроль, это положение в российской действительности начала XX в. предоставляло широкие возможности для злоупотреблений. Неслучайно по разным причинам в советский период именно оно и не было реализовано.

Все районные участковые учреждения планировалось объединить в уездных городах. Кроме названных заведений (семьи-приюты должны были размещаться за городом), там предполагалось организовать: 1. Отделение для послеродовых заболеваний. Сюда должны были принимать женщин вместе с новорожденными, для которых предполагались особые палаты. 2. Амбулатория по женским болезням. 3. Детская больница с отделением для грудных детей и инфекционным отделением. 4. Юридическая консультация для матерей.

В уездном городе, как и в деревне, система учреждений по охране детства и материнства должна была находиться под опекой попечительных советов, деятельность которых контролировало государство.

Уездные города будут иметь свой «объединяющий центр» в городе, в котором должны существовать и все уездные учреждения, но в большем масштабе. В университете планировалось создать кафедру по болезням грудного возраста. Здесь специалисты организуют: 1. Курсы для фельдшерниц, акушерок, сестер, нянь, школу для матерей по уходу и вскармливанию грудью. 2. Общедоступные лекции по гигиене «детского возраста, а также по гигиене беременной родильницы и роженицы». Здесь предполагалось иметь санатории и колонии «для туберкулезных, слабоумных, эпилептиков, слепых и глухонемых», устраивая их за городом.

В 2 или 3 областях государства, обслуживающих определенные весьма крупные районы, во главе учреждения, ведающего охраной младенчества и материнства, стоит научный институт, целью которого является: 1. Научная разработка вопросов, связанных с охраной детства и материнства. 2. Подготовка кадров врачей-педиатров и среднего медицинского персонала. 3. Собрание статистических материалов.

При институте должно было работать «клинически поставленное грудное отделение, поликлиника, консультация, молочная кухня, образцовая

ферма, музей, выставка, лаборатория, рентген, кабинет-прозекторская, библиотека и справочное бюро». Одновременно с этим предполагалось вести широкую пропаганду идей охраны материнства и младенчества.

Итак, взамен уничтожавшихся воспитательных домов комиссия предложила устроить «раскинутые по всему государству учреждения для обездоленных детей как часть учреждений в охрану материнства и младенчества, осуществляющих, популяризирующих эту охрану и научно разрабатывающих все вопросы, с нею связанные»¹.

Второй доклад, подготовленный «врачебной» комиссией «по реформе воспитательного дома», помогает понять его «неотложные нужды». По мнению медиков, «помещение и расположение в нем отделений, питание кормилиц, порядок кормления детей и уход за ними, инвентарь, ведение хозяйства и всего дела... не соответствуют самым элементарным требованиям гигиены». В этом врачи и видели причины огромной смертности в доме. В центре внимания медиков оказались разнообразные «нестроения», влиявшие на уход за новорожденными.

Члены врачебной комиссии разделяли убеждения своих коллег. Они также считали «невозможным существование учреждения, где в основу благополучия детей положено возможно раннее отделение их от матерей». Они так же, как и члены первой комиссии, обратили внимание на скученность детей и кормилиц, недостатки их питания, «дефекты ухода» и отсутствие планомерной борьбы с инфекциями.

«Недопустимая скученность» детей и кормилиц значительно усилилась после начала войны, которая привела к уменьшению «вывоза детей в округа благодаря падению рождаемости, а, следовательно, и количества кормилиц, частому и весьма выгодному замещительству последних в мужской работе, то есть недосугу и вздорожанию жизни»². В результате в Московском доме обычным стало «спанье кормилиц на полу в палате вместе с детьми».

Для предупреждения «дальнейшего его переполнения» врачи предлагали передавать детей приносившим их матерям, не задерживая на 4 месяца, в их собственную или родственную семью. В связи с этим следует изыскать средства для пополнения убыли в кормилицах. Бездомных матерей с детьми следовало отдавать «в чужую семью, конечно, за плату». Если же мать не могла кормить ребенка грудью, его предлагалось отдавать «на грудное вскармливание в Москве», что уже было разрешено именно в Москве с 1 октября 1916 г. Планировалось принять меры «к развитию этого дела при условии тщательного осмотра женщин и ребенка в консультации и последующего контроля за ними»³. В Петроградском доме, в отличие от Москвы, широко практиковался прием детей, поступавших с матерями, в число питомцев и

¹ Там же. ЛЛ. 6 – 9.

² Там же. Л. 11.

³ Там же. Л. 11 об.

передача их матерям на двухлетнее воспитание, после чего дети возвращались в ведомство дома¹.

Врачи требовали также увеличения платы за содержание детей, как в округах, так и в Москве «ввиду повсеместной дороговизны». Они не были принципиальными сторонниками сохранения округов, но стремились добиться «разгрузки» дома. Кстати, плата городским кормилицам была повышена на 50 % как раз в те дни, когда доклады комиссий были направлены министру – в начале августа 1917 г.²

Предлагалось также занять малышами все помещения в квартале воспитательного дома и перевести в другие помещения «раненых воинов» (к моменту составления доклада это уже было приведено в исполнение) и «обер-офицерских детей». Следовало принять меры к уменьшению притока детей в Москву и изменить «саму форму призрения в воспитательном доме детей грудного возраста». Для этого врачебная комиссия предлагала издать правительственное распоряжение о прекращении приема в Московский дом детей из уездов и губерний, кроме Московской, и объявить об этом повсеместно. Для правильного призрения принимаемых младенцев нужно было срочно организовать целый ряд таких учреждений «по охране материнства, как убежища, «ячейки», дешевые квартиры, ясли, патронаж и других, тесно между собой связанных и друг друга дополняющих»³.

Прежде всего, женщины, поступающие «со стороны, из неизвестной обстановки», попадают на «распределительный пункт... карантинного характера». Затем они размещаются в убежищах для кормящих грудью матерей с детьми раннего возраста, в которых дети содержатся отдельно в специальной детской. Уход за ними и питание (естественное и смешанное) осуществляется по правилам современной гигиены, матери пользуются «гигиенической окружающей обстановкой (стол, помещения и т. п.) и по очереди привлекаются к дежурствам, выполняя обязанности нянь. При убежище должна быть устроена мастерская (швейная) для матерей, и заработок должен идти в их пользу»⁴. Убежища должны были укреплять связь матери с ребенком, чему, как представляется, противоречило отделение их друг от друга и дежурства по графику, обучать женщину уходу за младенцем и поощрять ее «трудовую жизнь».

В «ячейки» – небольшие квартиры – матери с детьми поступали по выходе из убежищ, срок пребывания в которых ограничивался 3 – 4 месяцами. Не реже раза в 2 недели они должны были посещать консультацию для детей, где бесплатно получали «прикорм по назначению врача». То же назначение имели и дешевые квартиры. Еженедельно «ячейки» и квартиры посещали дипломированные сестры, осуществляя санитарный надзор и наблюдение за младенцами.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 938. ЛЛ. 1 – 53.

² РГИА. Ф. 759. Оп. 67. Д. 210. ЛЛ. 1 – 6.

³ Там же. Оп. 27. Д. 2398. Л. 13.

⁴ Там же.

Врачебная комиссия предлагала также увеличить выдачу пособий на содержание детей дома «при условии неперемнной связи с консультацией» и устроить ясли для дневного пребывания детей, матери которых заняты работой вне дома. Ясли должны быть обеспечены специально подготовленным персоналом.

Если сохранить ребенку родную мать не представлялось возможным, его после убежища передавали в патронаж «другим заслуживающим доверия матерям», также обязанным посещать консультацию. При недостатке «воспитательниц для патронажа и для более взрослых детей планировалось устраивать небольшие приюты с боксированным изолятором». Для лечения больных детей из новых учреждений открывались специальные отделения. Как и консультации с общей молочной кухней, их следовало разместить на территории воспитательного дома или по соседству с ним, а в дальнейшем – по всем районам Москвы.

Однако создание новой системы было делом будущего, а летом 1917 г. врачей, кроме перенаселенности дома, особенно волновала проблема «рационально поставленного вскармливания» младенцев. Для этого, по их мнению, в доме следовало немедленно отделить матерей и кормилиц от детей и установить кормление по часам по «принципам современной диеттики и гигиены». Для организации смешанного или даже искусственного вскармливания необходимо устройство молочной кухни под наблюдением и ответственностью врача. Существовавшая молочная кухня, по мнению авторов доклада, не отвечала современным требованиям. Удорожание молока ставило вопрос и об улучшении работы молочной фермы.

Врачи вновь напомнили, что благополучие, здоровье и часто жизнь грудных детей в доме зависят от общего состояния кормилиц, качества и количества их молока. Самое серьезное внимание нужно было обратить на их «пищевой режим». Кормилица вскармливала двух детей и нуждалась в щедром пищевом довольствии. Норма в 70 коп. на ее питание «при дороговизне всех продуктов» представлялась докторам совершенно недостаточной. «Раскладка», по мнению комиссии, должна была бы «превышать норму в городских лазаретах для больных и раненых воинов, нуждающихся в усиленном питании. При этом желательное широкое применение продуктов, богатых белком – рыбы, мяса, гороха, усиление дачи молока и сахара и введение в обиход питательного кофе»¹. Питанию кормилиц, которые совершали работу, имеющую «в высшей степени важное общественное и государственное значение», следовало уделять особое внимание. Комиссия призывала принять все меры к тому, чтобы продукты, приобретаемые для них, доходили по назначению, а пища была хорошо приготовлена. Между тем, кухня была приспособлена лишь для массовой варки в котлах, и кормилиц кормили, в основном, похлебкой и кашей.

¹ Там же. Л. 15.

В интересах самих кормилиц требовалось также организовать за ними медицинский надзор, которого не было к началу работы комиссии, привлекать их к не тяжелой и не черной работе, включая и уход за детьми. Неотложной задачей являлось создание для кормилиц «условий жизни свободного человека улучшением их правового положения в воспитательном доме»¹.

Срочные меры к упорядочению ухода за младенцами ставили вопрос о «врачебном и ухаживающем персонале». В доме должны были работать образованные специалисты-педиатры во главе с крупным ученым «с широкой теоретической и практической подготовкой». Средний медицинский персонал полагалось укомплектовывать фельдшерами, сестрами, обученными няньками из воспитанниц. Со времен И.И. Бецкого в воспитательных домах существовал институт надзирательниц, выполнявших смешанные медицинские и административные обязанности, но не имевших медицинской подготовки. По мнению членов комиссии, за ними следовало сохранить лишь административные функции, предоставив решение медицинских задач специалистам. Постепенная целенаправленная замена надзирательниц фельдшерицами в Московском доме начала проводиться с весны 1917 г., но проходила очень медленно и была обставлена многочисленными бюрократическими формальностями. К этому времени из 74 женщин, наблюдающих за грудными детьми, лишь 8 имели медицинское образование, тогда как в Петрограде из 72 человек специальными знаниями обладали 34². Кроме того, нормы детей на одного специалиста необходимо было значительно уменьшить.

Медики не могли не остановиться и на организации планомерной борьбы с инфекциями, которая, по их убеждению, отсутствовала в Московском доме. Планомерность заключалась в недопущении «заразы» в детские отделения, то есть в мерах карантинного профилактического характера, в немедленной изоляции заболевших и подозрительных, а также в оказании надлежащей помощи больным. Первейшей задачей являлась организация карантинного отделения, где должен был находиться каждый принятый ребенок в течение 2 - 3 недель. Члены комиссии считали необходимым ликвидировать действующее «заразное отделение» дома (изолятор – Т.Ф.), нарушающее «самые элементарные правила помощи инфекционным больным». Они предлагали отправлять заболевших детей в действовавшие в Москве инфекционные больницы.

Следовало внедрить особые профилактические меры по предотвращению распространения сифилиса. Поступавшие в дом матери и кормилицы должны подвергаться клиническому осмотру и исследованию крови на реакцию Вассермана и находиться под постоянным надзором врача-венеролога. У детей-подкидышей полагалось также брать кровь на исследование и даже при отрицательном результате вскармливать их только сцеженным грудным молоком. Всех детей неизвестных родителей планировалось задерживать в

¹ Там же. Л. 16.

² Там же. Оп. 76. Д. 138. ЛЛ. 1 – 6.

доме не менее 3 – 4 месяцев и отправлять в семьи лишь после повторной реакции Вассермана. Проблема состояла в том, что в раннем возрасте сифилис у детей, рожденных больными матерями, трудно распознавался клинически, анализ крови по Вассерману также не давал никаких гарантий.

Кроме того, комиссия коснулась и многих других деталей обихода воспитательного дома, таких, как уборка палат, способы сбора и хранения грязного белья, лаборатории, научно поставленной прозекторской, борьбе с паразитами, мухами, пылью и т. п.

Таким образом, если врачебная комиссия сосредоточилась в первую очередь на проблемах Московского воспитательного дома, требовавших немедленного решения, то комиссия А.А. Кисель разработала проект реформы системы призрения детей-сирот, а также организации охраны материнства и детства в России. Авторы обоих докладов не сомневались в необходимости коренной перестройки и даже уничтожения просуществовавших полтора столетия воспитательных домов и настаивали на сохранении и укреплении связи между матерью и ребенком. Представленные проекты соответствовали современным представлениям об охране здоровья матери и ребенка. Подобные предложения появлялись и ранее, но в полную силу зазвучали в революционном 1917 г. На протяжении этого года сделать, естественно, почти ничего не удалось. Однако, как несложно заметить, значительная часть этих планов была реализована в советский период – с дополнением того, что предлагали в Петроградском воспитательном доме. Так сформировалась, прежде всего, особенная, весьма совершенная советская и российская система охраны материнства и младенчества, в значительной степени сохранившаяся и до настоящего времени. Интересно, что далеко не все предложения были использованы при организации системы призрения детей-сирот. Это было связано, с одной стороны, с реалиями жизни воспитательных домов в 1917 г. (распадом системы сельских округов и организацией по необходимости колоний из возвращенных крестьянами-воспитателями питомцев), а, с другой стороны, с полным огосударствлением системы воспитания в советской России и СССР.

Соколов А.В.

***Министерство исповеданий Временного правительства
и Православная Российская церковь после 25 октября
1917 года***

Министерство исповеданий было образовано постановлением Временного правительства от 5 августа 1917 года¹. В новом ведомстве объединялись бывшие канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода (переименованная теперь в Департамент по делам Православной церкви) и Департамент духовных дел инославных и иноверных исповеданий, ранее входивший в состав МВД. Тогда же 5 августа по устному предложению А.Ф. Керенского действующего обер-прокурора Синода А.В. Карташева переименовали в министра исповеданий, а его заместителя С.А. Котляревского – в товарища министра.

В Министерстве исповеданий воплотилась идея создания единого государственного органа, ответственного за контакты со всеми религиозными организациями в стране. Оно должно было распределять субсидии из казны, соразмерно значимости той или иной церкви, и следить за их деятельностью в плане соответствия государственным законам. Однако оговаривалось, что министр исповеданий и оба его заместителя должны исповедовать православие, что подчеркивало особую «государствообразующую» роль этой конфессии в России. Правовое положение каждой религиозной организации предполагалось определить изданием соответствующих «правил», и в этом плане в августе-октябре 1917 года была проделана немалая работа: к сентябрю 1917 г. Временное правительство утвердило «правила» о католической и униатской церквях, о Грузинской православной церкви, подготовило законопроекты об «иудействе» и ламаизме.

Что касается Православной Российской церкви², министр исповеданий А.В. Карташев полагал, что она сама на Поместном соборе должна подготовить собственные правила, которые потом, возможно, с некоторыми доработками, утвердит Временное правительство. Именно об этом говорилось в постановлении от 11 августа 1917 г.³ Однако до тех пор, пока эти правила не утверждены, управление церковью должно было осуществляться прежним порядком, то есть Святейшим Синодом. Поэтому в постановлении об учреждении Министерства исповеданий особо оговаривалось, что министр пока сохраняет все права и обязанности синодального обер-прокурора, а именно «пропускает» определения церковных властей, назначает секретарей духовных консисторий и других светских служащих в Ведомстве православного исповедания, а также контролирует хозяйство и финансы Синода постольку, поскольку последний по-прежнему являлся правительственным учреждением. Так, 5 октября 1917 года товарищ министра исповеданий С.А. Котляревский направил членам Синода ведомость имеющихся в Синодальном казначействе на 1 октября капиталов и знаков отличия для духовенства, а также информацию о свободном остатке по смете специальных средств Синода.

¹ Журналы заседаний Временного правительства: март – октябрь 1917 года. В 4-х тт. М., 2004. Т. 3. С. 256 – 258.

² В документах Временного правительства она именовалась «Русской православной церковью», в противовес Грузинской, хотя сама церковь по-прежнему называла себя «Православной Российской церковью».

³ Журналы заседаний Временного правительства. С. 283.

Иерархи изучили и «приняли к сведению» данный документ 30 ноября 1917 г.¹ 23 октября 1917 г. по запросу Поместного собора Котляревский разрешил его уполномоченным провести ревизию синодального Хозяйственного управления в связи с подозрением в неправильном начислении жалования преподавателям духовно-учебных заведений². И если Собор, начавший работы в Москве 15 августа 1917 г., пользовался безусловным признанием в качестве высшего выразителя церковной воли, но при этом оставался по своему статусу частным собранием, то *de jure* церковная власть оставалась у Святейшего Синода и министра исповеданий и его заместителя. В связи с этим сложилась практика, когда постановления Собора потом закреплялись синодальными определениями.

Немаловажным фактором государственно-церковных отношений в России в конце 1917 года явилось и то, что с 9 августа заседания Святейшего Синода переместились в Москву, поскольку все его члены участвовали в работах Поместного собора. Благодаря этому церковная власть оказалась до марта 1918 г. пространственно дистанцирована от светской. В связи с этим переездом 2 августа 1917 г. министр исповеданий А.В. Карташев предложил Синоду, чтобы, так как ни о он, ни его заместитель не смогут «всегда» присутствовать в Москве, разрешить «в необходимых случаях» исполнять процедурные обязанности обер-прокурора директору Канцелярии В.И. Яцкевичу «с предоставлением ему права зачитки и пропуска протоколов Св. Синода»³. В тот же день архиереи утвердили данное предложение своим определением⁴. Яцкевич вскоре был «переименован» в директора Департамента по делам Православной церкви Министерства исповеданий и для выполнения своих обязанностей переселился в Москву. С ним командировали еще 11 человек служащих, включая юрисконсульта В.В. Радзимовского⁵. Большую часть времени на Соборе в Москве проводил и товарищ министра С.А. Котляревский, продолжавший с осени преподавательскую деятельность в Московском университете⁶.

Арест Временного правительства (в том числе и министра исповеданий А.В. Карташева) в Зимнем дворце в ночь на 26 октября 1917 г. поначалу никак не изменил ситуацию. Ни церковь, ни общество в своей массе не восприняли произошедшее как нечто необратимое. Даже сами большевики на первых порах говорили о том, что передадут власть предстоящему Учредитель-

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2845. Л.111.

² Священный собор Православной Российской церкви. Деяния. Пг., 1918. Кн. III. С. 58.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I Отд. 5 Стол. 1917. Д. 315. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 21.

⁵ Там же. Л. 178.

⁶ Согласно «Обозрению преподавания на юридическом факультете Московского университета на 1917 – 1918 академический год», профессор С.А. Котляревский с осени 1917 и до лета 1918 года читал студентам-юристам лекции по русскому государственному праву (по 4 часа в неделю) и вел практические занятия по названной дисциплине (2 часа в неделю) (Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х т. М., 2007. Т. 1. С. 401).

ному собранию¹. Также оценивались принимаемые новой властью касающиеся церкви постановления: 11 декабря 1917 г. «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению», 16 и 18 декабря 1917 г. декреты «о расторжении брака» и «о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»², а также проекты декрета об отделении церкви от государства³.

Министерство исповеданий после 25 октября 1917 г. оказалось на несколько месяцев предоставлено самому себе. Лишь единожды его посетил представитель новых властей, и то, видимо, по собственному почину. Так, по короткому сообщению одной из газет, 1 декабря 1917 г. в Министерство явился левый эсер полковник М.А. Муравьев, который от имени народных комиссаров потребовал передать все монастырские капиталы в ведение Министерства призрения⁴. Куда именно прибыл полковник – в здание Синода, обер-прокурорский дом на Литейном, 62, или в бывший Департамент духовных дел – не уточнялось. Не удалось обнаружить сведений и о результатах этого похода. Во внутрицерковные дела советские руководители до начала 1918 года тоже особо не вмешивались. Исключение составило закрытие ряда «ведомственных» храмов (в Зимнем и Гатчинском дворцах, при Министерстве внутренних дел и Градоначальстве).

В том, что скоро все вернется «на круги своя», был поначалу уверен и сам арестованный министр исповеданий А.В. Карташев. 29 октября 1917 г. он отправил из Трубецкого бастиона Петропавловской крепости своему знакомому, С.П. Каблукову, письмо, в котором, отвечая на просьбу последнего о трудоустройстве в своем ведомстве, спокойно рассуждал о планах на будущее. Так, по мысли Карташева, освободившееся место прокурора Московской синодальной конторы Ф.П. Степанова никем замещать не станут, поскольку «оно лишнее, как и вся Московская контора. Ее предполагаем упразднить. Дом занимаем пока сами на время эвакуации, а делами (очень малыми) будет управлять секретарь Андреев». Далее министр отметил, что уже устроил троих человек в Департамент по делам Православной церкви, что стоило больших усилий, так как «при нынешних демократических нравах (рекомендация членов чиновничьего союза), да и вообще по традиции, да за упразднением Училищного совета, своих чиновников много. На высшие должности, конечно, пойдут старые служаки, из лучших, к огорчению старейших, но не годных». Карташев рекомендовал Каблукова в старообрядче-

¹ В декрете об образовании Совнаркома он именовался «временным рабочим и крестьянским правительством», так же первое время назывался и его официальный печатный орган. Декрет о земле, предписывавший немедленную передачу всей монастырской и церковной земли волостным земельным комитетам, оговаривал, что окончательное решение вопроса будет осуществлено Учредительным собранием (Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 18).

² Декреты Советской власти. Т. I. С. 237 – 239, 247 – 249.

³ Правда. 1917. 3 декабря; Дело народа. 1917. 31 декабря.

⁴ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 49. Л. 130.

ский отдел Департамента инославных и иноверных исповеданий на должность VII класса (оклад 3000 рублей): «Там много старья, которое скоро уйдет в отставку, и тогда Вы вскоре продвинетесь в VI класс на 4500 руб. основного оклада... Служба там легкая, для уроков время найдется, директор Г.Н. Тарановский умный, культурный, церковный и дисциплинированный бюрократ. Вице-директором будет С.Д. Бондарь, очень ловкий делец и знаток своего дела (кандидат богословия Московской духовной академии)»¹. В конце письма Карташев посетовал от себя, что происходит «какая-то политическая бессмыслица: министры-социалисты уже освобождены! Как будто они не такие же члены Временного правительства и как будто не ту же политику вели как и мы! Во всяком случае помолитесь, чтобы нас спас Бог «от всякой вещи во тьме приходящей», как спасал и в страшную ночь на 26-е»².

По ряду свидетельств Карташев во время своего нахождения в Петропавловской крепости показал себя человеком сильным духом и не склоняющим головы перед обстоятельствами. Товарищ министра юстиции А.А. Демьянов именовал последнего обер-прокурора Синода «одним из самых крупных людей нашего времени»³. По сообщению Демьянова, большевики вскоре после ареста предложили Карташеву, министру финансов М.В. Бернацкому и государственному контролеру С.А. Смирнову свободу, но при условии, что те сами подадут об этом прошение. Однако все трое ответили отказом⁴. По информации посетившего Петропавловку около 11 ноября С.Ф. Ольденбурга, Карташев и Бернацкий заявили советскому руководству, что покинут крепость, только если будут отпущены все оставшиеся арестованные министры⁵. Вологодский губернский комитет кадетов направил А.В. Карташеву приветствие по поводу победы партии на городских выборах в Учредительное собрание, на что арестованный передал в письме от 26 ноября «сердечную благодарность» и поздравления с успехом⁶. 4 декабря З.Н. Гиппиус писала С.П. Каблукову, что они кое-как добились возможности регулярного посещения Карташева, о его дальнейшей судьбе пока ничего не известно, «но все таки не теряется надежда на выпуск в связи с Учредительным собранием, если таковому удастся открыться при более или менее нормальных условиях»⁷. В середине декабря министра исповеданий перевели в карцер за высказанную им в личном письме к сестре фразу о том, что «русский народ попадает в батраки к немцам». Только вмешательство меньшевика Н.Д. Соколова позволило вернуть Карташева в обычную камеру⁸.

¹ Там же. Д. 48. ЛЛ. 229, 229 об., 230, 329.

² Там же. Л. 330 об.

³ Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. В 22 т. / Изд. И.В. Гессеном. М., 1991. Т. 2. Кн. 4. С. 68.

⁴ Демьянов А. Записки о подпольном Временном правительстве // Там же. Т. 7. С. 41.

⁵ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 48. Л. 418.

⁶ Наш век. 1917. 14 декабря.

⁷ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 49. Л. 157.

⁸ Наш век. 1917. 20 декабря.

2 января 1918 г. в связи со сведениями об ухудшении здоровья А.В. Карташева, А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина¹ Совет народных комиссаров разрешил наркому юстиции в случае подтверждения диагноза перевести арестантов из Петропавловской крепости в «лечебницу»². При активной помощи ближайших родственников и друзей узников в субботу 6 января 1918 г. А.В. Карташева и С.А. Смирнова перевезли в клинику Герзони, а А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина – в тюремное отделение Мариинской больницы³. Возможно, лишь счастливая случайность уберегла Карташева от участи его однопартийцев-кадетов: в ночь с 6 на 7 января 1918 г. Шингарев и Кокошкин были заколоты ворвавшимися в больницу матросами. А.В. Карташев пробыл в заключении до конца января 1918 года⁴.

Православная церковь в лице Поместного собора отнеслась к Октябрьским событиям в Петрограде без сочувствия к арестованным министрам. Это можно объяснить той низкой популярностью, которую имела политика правительства Керенского в церковной среде, особенно в школьном вопросе. По мнению соборян, одни социалисты просто сменили других. Примечательно, что даже судьба кадета Карташева поначалу мало волновала членов собора, хотя он лично и пользовался их симпатиями⁵. Только 24 ноября делегаты приняли специальное заявление «для оглашения» в печати: «выражаем твердую уверенность, что в деятельности А.В. Карташева не было ничего, что могло бы явиться предметом общественного суда и запятнать его доброе имя, и имея ввиду, что многие товарищи его по кабинету, одинаково ответственные за деятельность правительства, давно уже получили свободу, Всероссийский церковный собор настаивает на немедленном освобождении А.В. Карташева из Петропавловской крепости»⁶. Вместе с тем ни Синод, ни Поместный собор не признали в конце 1917 года возглавляемый В.И. Лениным (Ульяновым) Совет народных комиссаров. Чиновники Министерства исповеданий Временного правительства, возглавляемые товарищем министра С.А.

¹ Не участвовавшие в последнем составе Временного правительства бывшие министры А.И. Шингарев и Ф.Ф. Кокошкин прибыли в Петроград в качестве делегатов будущего Учредительного собрания и были арестованы 28 ноября 1917 года на квартире графини С.В. Паниной. См. также: *Иоффе Г.З.* «Долой Временное правительство!» (Судьбы «временных» после падения зимнего) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 109 – 116.

² Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006. С. 179.

³ *Философов Д.В.* Дневник // Звезда. 1992. № 3. С. 147 – 166.

⁴ Только 24 января 1918 года по предложению А.В. Луначарского СНК постановил освободить бывших министров А.В. Карташева и С.А. Смирнова, поручив выполнение заместителю наркома юстиции левому эсеру А.Л. Шрейдеру (Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 290).

⁵ На этот факт 28 октября указал в своей речи прот. П.Н. Лахостский (Священный собор Православной Российской церкви. Деяния. Пг., 1918. Кн. III. С. 3).

⁶ Священный собор Православной Российской церкви. Деяния. Пг., 1918. Кн. IV. С. 147. Примечательно, что первоначально в депеше заявлялось об обращении к «правительству» (СНК), но при обсуждении члены Собора сошлись на том, что «никакого правительства сейчас нет» и переименовали ее в «заявление для оглашения в печати».

Котляревским, оставались для церкви de jure представителями законной власти, по крайней мере, до января 1918 года.

Гораздо больше взволновали членов Собора бои на улицах Москвы и особенно – осада и обстрел из пушек Кремля. В обращении «ко всем чадам церкви» от 11 ноября 1917 года происходящие события Собор обрисовал как начавшуюся «великую междоусобицу», в ходе которой в течение ряда дней «русские пушки обстреливали величайшую святыню России – Московский Кремль». Собор обрушился с критикой на большевиков и их союзников: «Для тех, кто видит единственное основание своей власти в насилии одного сословия над всем народом, не существует Родины». В то же время, отстраняясь от павшего правительства, авторы послания с горечью констатировали, что «доселе не народилось еще власти воистину народной, достойной получить благословение церкви православной»¹.

Свержение Временного правительства невероятно ускорило решение вопроса о восстановлении патриаршества. Изначально эту тему вообще не планировалось поднимать, и даже в проекте Предсоборного совета о высшем церковном управлении оговаривались лишь периодически созываемый Собор и постоянно действующие Священный Синод и Высший церковный совет². Однако уже 25 августа 1917 года на общем соборном заседании делегат А.В. Васильев поднял вопрос о патриархе³. С нарастанием политического кризиса в октябре все чаще вразрез с повесткой дня разные ораторы возвращались к этой теме (выступления С.Н. Булгакова, И.Н. Троицкого, А.В. Васильева). В начале октября отдел о высшем церковном управлении за подписью 27 своих членов подготовил проект из 4-х положений: «1) Поместному собору принадлежит высшая власть в российской церкви; 2) восстанавливается патриаршество, которым возглавляется управление церковными делами русской православной церкви; 3) патриарх является первым между равными епископами; 4) патриарх вместе с органами церковного управления подчиняется собору»⁴. Звучали и противоположные мнения. В частности, в общем собрании 19 октября прот. Н.В. Цветков заявил, что восстановление патриаршества неуместно с точки зрения заповедей Христа о первенстве среди апостолов и пастырей. Цветкова поддержал профессор Московского университета И.М. Громогласов. Дискуссии шли также и за пределами Поместного собора. 29 сентября 1917 г. кадетская «Речь» опубликовала статью Д.В. Философова «Собор и министр исповеданий», в которой подчеркивалось, что патриаршество «не соответствует новому строю», и за него выступает «консервативная часть Собора», ищущая твердой власти ввиду слабости правительства. «Для определения «правительственной «линии» гораздо важнее знать, кто охраняет Зимний дворец, юнкера Павловского училища или мат-

¹ Церковные ведомости. 1917. № 46 – 47. С. 415 – 419.

² Священный собор Православной Российской церкви. Деяния. М., 1918. Кн. I. Вып. 1. С. 34.

³ Там же. Пг., 1918. Кн. I. Вып. 3. С. 103.

⁴ ОР РНБ. Ф. 322. Д. 48. Л. 123.

росы с крейсера «Аврора», – писал Философов. – Как только «Аврора» начала охранять Зимний дворец, на соборе начала поднимать голову патриотическая партия, которая выдвигает патриарха как «охрану» церковных устоев». Автор статьи призвал министра исповеданий использовать свои номинально сохраняющиеся обер-прокурорские полномочия и «властным окриком» не допустить «реставрации монархии» в церкви¹.

18 октября, выступая перед соборными делегатами, товарищ министра исповеданий С.А. Котляревский сообщил, что он «с удивлением слушал заявления некоторых ораторов, что патриаршество имеет сходство с монархическим строем и самодержавием, что патриаршество – символ политической реакции... Нет логического отношения между государственной организацией и церковным строем... Если патриаршество действительно нужно, то никакие политические соображения не должны остановить Собора». Упомянув статью Д.В. Философова, товарищ министра подчеркнул, что «Министерство исповеданий отказалось от роли постоянного вмешательства в церковную жизнь, от оценки по существу явлений церковной жизни и должно ограничиться лишь охраной закономерности, не находящейся в противоречии с самостоятельностью церкви». Котляревский добавил, что принятый закон о свободе совести предоставил всем религиозным организациям право самим решить вопрос о собственном устройстве, и Временное правительство не может не предоставить такой же свободы и православной церкви: «если бы Правительство стало бояться патриаршего церковного строя, оно допустило бы недопустимый оппортунизм»².

Однако, единственное, что все же пытались «отследить» чиновники Министерства исповеданий – это скорейшее принятие закона о правовом положении Православной церкви в государстве, *de jure* предоставляющее ей возможность определять и вводить в действие органы собственного управления. Ведь по действующему законодательству церковью управлял Синод, и скорые выборы патриарха создали бы юридический нонсенс. Именно поэтому Котляревский призывал делегатов не торопиться с решением вопроса о патриархе, а юрисконсульт Министерства исповеданий В.В. Радзимовский, рассматривавший формулу введения патриаршества, предлагал согласовать ее кроме Отдела о высшем церковном управлении еще и в Уставном отделе, что епископ Астраханский Митрофан (Краснопольский) назвал умышленным затягиванием дела³.

По сообщению Деяний Собора уже 24 октября во время моления у раки преподобного Гермогена в частных беседах соборных делегатов идея выборов патриарха восторжествовала⁴, однако именно известие о вооруженном перевороте в Петрограде и последовавшие за этим бои на улицах Москвы

¹ Философов Д.В. Собор и министр исповеданий // Речь. 1917. 29 сентября.

² Священный собор Православной Российской церкви. Деяния. Пг., 1918. Кн. II. Вып. 1. С. 298 – 300.

³ Там же. Кн. III. С. 6.

⁴ Там же. Кн. II. Вып. 2. С. 407.

определили скорейшее решение вопроса. 4 ноября Собор принял положение, в котором заявлялось, что церковное управление возглавляется патриархом, являющимся «первым среди равных ему епископов»¹. 5 ноября прошли выборы, в результате которых патриархом Московским и Всея Руси стал митрополит Московский Тихон (Беллавин). Причины такой поспешности очевидны: после ареста Временного правительства церковь столкнулась с реальной опасностью утверждения в России враждебной к религии власти. Патриарх представлялся членам Собора, с одной стороны, защитником церковных интересов, а, с другой, вождем, который сможет объединить вокруг себя всех православных России. При этом делегаты исходили из того, чтобы избрание состоялось как можно раньше, так как в будущем обстоятельства могли совсем не позволить этого. Необходимо также отметить, что поначалу у патриарха не было определенных прав и обязанностей, их Собор сформулировал несколько позже. 6 ноября 1917 года на 17-ом заседании соборного отдела о правовом положении Православной церкви в России товарищ министра исповеданий С.А. Котляревский предложил ввести упоминание патриарха в выработываемый отделом одноименный законопроект, но эта поправка не прошла².

Формально управление церковью в конце 1917 г. продолжало осуществляться прежним порядком – Святейшим Синодом и товарищем министра исповеданий, исполняющим обязанности обер-прокурора³. Чтобы как-то «вписать» уже избранного патриарха в действующие процедуры, 7 ноября Синод принял определение о том, чтобы «впредь до представления на уважение подлежащей государственной власти выработанных Священным Собором статей о восстановлении патриаршества в России» просить избранного патриарха Тихона возглавить Синод в качестве его председателя, «о чем и представить подлежащей государственной власти, для чего передать в Департамент по делам Православной церкви выписку из сего определения»⁴.

Делопроизводство в высшем церковном управлении после 25 октября не претерпело никаких изменений. Так, 20 ноября 1917 года Синод принял около тридцати определений о назначении или повышении пенсий и пособий священникам и членам их семей, причем бумаги содержали текст «предоставить г[осподину] министру исповеданий внести на уважение Временного

¹ Священный собор Православной Российской церкви. Собрание определение и постановлений. М., 1918. Вып. I. С. 3.

² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 277. Л. 137 об.

³ С.А. Котляревский не участвовал в заседаниях «подпольного» Временного правительства. С конца октября 1917 года он находился в Москве. Котляревского в своих записках о деятельности министров после 25 октября 1917 г. (Демьянов А.А. Записки о подпольном Временном правительстве // Архив русской революции. В 22 т. М., 1991. Т. 7. С. 34 – 52). Нет фамилии товарища министра исповеданий и в опубликованных актах «подпольного» Временного правительства (Наша речь. 1917. 17 ноября).

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I отд. 5 ст. 1917. Д. 471. Л. 3.

правительства» соответствующее ходатайство¹. И только на одном из них эти слова были зачеркнуты и сверху карандашом приписано: поручить «товарищу министра исповеданий возбудить в установленном порядке» необходимое прошение².

Исполняя обязанности обер-прокурора, товарищ министра исповеданий сохранил право назначения секретарей духовных консисторий. 25 ноября 1917 года из Владивостока на имя А.В. Карташева поступила телеграмма от члена местного епископского совета прот. Шерстенникова с просьбой предоставить съезду духовенства право выбора кандидата в секретари консистории. В случае отказа Шерстенников просил назначить на эту должность «студента семинарии Корсунского состоящего девятнадцать лет личным секретарем при архиепископе»³. В ответной телеграмме от 12 декабря В.И. Яцкевич ответил, что Департамент по делам Православной церкви «согласно приказанию г[осподина] товарища министра исповеданий» предоставляет съезду духовенства самим выбрать на пост секретаря духовной консистории «то или иное лицо»⁴.

Вслед за Карташевым, Котляревский старался решение собственно церковных вопросов предоставлять Синоду, что привело к возникновению крупного скандала, затянувшегося на несколько месяцев. 18 ноября 1917 г. Синод своим определением постановил поменять местами секретарей Псковской и Екатеринославской духовных консисторий, причем в формулировке приказа оговаривалось, что сделано это на основании «словесного предложения г[осподина] товарища министра исповеданий»⁵. Скорее всего, сам С.А. Котляревский не имел никакого отношения к предполагаемой перестановке, а его имя использовали в силу необходимости соблюсти процедуру. В постановлении не объяснены и причины, побудившие к его принятию. В архивном деле имеется лишь письмо, направленное одному из синодальных архиереев секретарем Псковской духовной консистории В. Филипповским о том, что он «узнал» в октябре, что его екатеринославский коллега П.И. Зорин скоро будет смещен, вследствие чего автор просил назначить себя на освобождающееся место. Филипповский уверял, что в его лице преосвященный Агапит (Вишневецкий) «найдет верного и преданного сотрудника», а главное – в Екатеринославе «содержание, по сравнению со Псковом, значительно больше, есть казенная квартира..., климатические условия нам, как южанам, более сродни, чем всегда сырой климат Пскова»⁶. При этом никаких указаний

¹ Там же. Оп. 209. Д. 2845. ЛЛ. 77, 78, 79, 84 – 96, 98 – 101, 103 – 105, 114, 122, 124 – 125, 127 – 128.

² Там же. Л. 84. Стоит отметить, что первую половину ноября Государственное казначейство оставалось под контролем «подпольного» Временного правительства, и С.А. Котляревский действительно мог «возбудить соответствующее ходатайство».

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I отд. 1 ст. Д. 79. ЛЛ. 359 – 360.

⁴ Там же. Л. 361.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I отд. 5 ст. Д. 464. Л. 3.

⁶ Там же. ЛЛ. 1 – 2 об.

на какие-либо проступки самого П.И. Зорина нет, что подталкивает к выводу о закулисных интригах.

23 ноября 1917 г. постановление Синода разослали в епархии, а 7 декабря Зорин направил С.А. Котляревскому пространное послание, где обвинял товарища министра в том, что последний «побил рекорд в области произвола прежних обер-прокуроров». «Незаконно перемещенный» секретарь Екатеринославской духовной консистории направил свой гнев именно на Котляревского как своего непосредственного начальника, говоря: «неужели Вы, делая это свое предложение, ни на минуту не задумались о том, какому страшному наказанию Вы подвергаете меня?» Зорин жаловался, что не прошло и года, как Н.П. Раев разорил его «совершенно бесцельным» переводом из Самары, что средств нет не только на переезд среди зимы в прифронтовую территорию, но и на пропитание, а дети больны: «...Почему без моего участия вынесли мне приговор? И это сделали Вы – Член Временного революционного правительства, того самого правительства, которое в первых же декретах своих заявило, что отныне никто не может быть подвергнут взысканию без суда! А Вы не предъявили мне даже обвинений для дачи объяснений... Ведь есть министр исповеданий, хоть и арестованный, но не осудивший до ареста меня, как не осудил меня и его предшественник обер-прокурор Львов». Секретарь просил товарища министра «принять меры» к отмене постановления от 18 ноября и направить дело «законным порядком, то есть через министра исповеданий и судебное расследование». В заключение Зорин предположил, что определение спешно принято Синодом по инициативе митрополита Платона (Рождественского) – «личного друга и товарища» епископа Екатеринославского Агапита и «осуществляющего все желания последнего с исключительной настойчивостью»¹. С.А. Котляревский и Синод отреагировали практически мгновенно. 18 декабря 1917 г., рассмотрев письмо П.И. Зорина, синодальные архиереи решили «приостановить перемещение» до «особых распоряжений»². Товарищ министра исповеданий тут же составил две телеграммы, одну – епископу Агапиту: «предложите Филипповскому возвратиться Псков. Расходы ему будут возмещены», а вторую – Зорину: «дело о Вашем переводе Псков приостановлено», и внизу подпись: «Котляревский. Москва, Кремль»³. Однако ввиду прекращения связи с южными регионами России сразу отправить телеграммы не удалось, и их получили в Екатеринославе значительно позже. Тем временем, В. Филипповский уже прибыл на новое место службы, его принял преосвященный Агапит и викарный епископ Евлампий (Краснокутский), которые потребовали от П.И. Зорина сдать дела. В защиту пострадавшего выступил Комитет Союза служащих государственных и общественных учреждений Екатеринослава, направивший 22 декабря 1917 г. соответствующую телеграмму на имя патриар-

¹ Там же. ЛЛ. 4 – 6 об.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. ЛЛ. 8, 9.

ха Тихона и «профессора Котляревского»¹. Зорина поддержали также комиссар Всеукраинской церковной рады К.Г. Хидченко и председатель Екатеринославской губернской рады, правда, по тем соображениям, что епархии объявившей себя независимой Украины более не должны подчиняться распоряжениям русского Синода и патриарха². В. Филипповский 23 января 1918 г. направил в Департамент по делам Православной церкви свой рапорт, полученный в Москве 19 февраля (4 марта), в котором не без гордости доложил, что не подчинился указанию назначенного Всеукраинской церковной радой комиссара по духовным делам Екатеринославской епархии сдать должность предыдущему секретарю. Филипповский жаловался, что Зорин, уже согласившийся на переезд в Псков, когда ему пообещали собрать «подъемных» денег 1000 рублей, 16 января вновь собрал общее собрание служащих консистории и объявил о перемене решения: в результате «все стоит, в бракоразводном столе до 2500 нерешенных дел, ежедневно поступает в среднем до 30 новых»³.

Только 24 января 1918 г. в Екатеринославе получили известие о решении Синода приостановить перемещение секретарей. 26 января П.И. Зорин телеграфировал патриарху Тихону о том, что, несмотря на данное постановление, управляющий епархией «препятствует», а В. Филипповский «умышленно приехал скоро один без семьи и имущества, ибо был предуведомлен». Зорин просил «допустить его к должности», так как «положение мое отчаянное, голодаю»⁴. 27 января 1918 г. он написал уже в Высший церковный совет, что Екатеринославская епархия – «вотчина Агапита», и последний по своему усмотрению «ест» секретарей консисторий, а на Котляревского явно было оказано «намеренное давление со стороны». Зорин уповал на министра исповеданий А.В. Карташева, которого, как он узнал, заочно избрали в указанный Совет⁵.

Со своей стороны викарный епископ Павлодарский Евлампий (Краснокутский) 26 января 1918 г. рапортовал в Синод о том, что постановление от 18 декабря они получили два дня назад, Филипповский уже приехал и принял дела, вследствие чего «в интересах правильного и нормального течения жизни в епархиальном управлении дальнейшее пребывание г[осподина] Зорина в Екатеринославской консистории признавал бы нежелательным»⁶. 29 января 1918 года Синод все же постановил немедленно допустить П.И. Зорина к исполнению обязанностей, Филипповскому дать отпуск на два месяца, и, кроме того, поручил юрисконсульту при Министерстве исповеданий В.В. Радзимовскому в скорейший срок представить заключение о растрате сумм Забай-

¹ Там же. Л. 23.

² Там же. Л. 25.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Там же. ЛЛ. 12 – 13. 8 декабря 1917 года Поместный собор признал А.В. Карташева одним из членов Высшего церковного совета.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I отд. 5 ст. Д. 464. ЛЛ. 15 – 15 об.

кальской духовной консистории, «к которой причастен Василий Филипповский»¹.

Далее началась долгая переписка, в которой Агапит обвинял Зорина перед Москвой в проукраинских симпатиях (в то время как сам активно участвовал в организационных церковных мероприятиях новопровозглашенной республики), а два секретаря консистории находились одновременно в Екатеринославе, не имея возможности исполнять служебные обязанности и требуя зарплаты.

Секретари духовных консисторий продолжали писать свои рапорты на имя уже не существующего к тому времени министра исповеданий до февраля 1918 г. Так, 29 января 1918 года из Воронежа исполняющий обязанности секретаря известил о погроме в с. Добруни имения гражданина Подлинева и храма при нем. Были похищены святыни и церковная утварь, а Св. Анимис принесли в приходской храм². 6 (19) февраля 1918 года секретарь Курской духовной консистории Николай Дивногорский направил на имя министра исповеданий рапорт о занятии Курским революционным советом объединенных рабочих, солдатских и крестьянских депутатов части консисторских помещений для размещения Военного комиссариата. Дивногорский отметил, что данная реквизиция «причинит епархии материальный ущерб и создаст большие неудобства для служащих консистории»³.

В Министерство исповеданий продолжали поступать донесения и от епархиальных преосвященных. В отношении от 22 ноября 1917 г. епископ Псковский Евсей докладывал министру исповеданий, что в ночь на 2 ноября местные крестьяне и солдаты (около 100 человек) захватили женскую Николаевскую общину Новоржевского уезда, «все имущество описано, лошадей берут неизвестно на что и куда». Настоятельница сумела скрыться, в монастыре оставлен караул из трех крестьян, чтобы сестры ничего не могли сделать. О случившемся духовная консистория также проинформировала 9 ноября Псковского губернского комиссара и прокурора Великолуцкого окружного суда⁴. 24 ноября 1917 г. архиепископ Владимирский Сергей сообщил товарищу министра исповеданий ситуацию во Владимирской духовной семинарии, где правление 13 ноября решило закрыть находившийся в здании образцовой школы епархиальный лазарет «вследствие ослабления военных действий на фронте за последнее время». Однако 22 ноября Владимирский совет солдатских и рабочих депутатов сообщил заведующему лазаретом, что тот лишь на время прекращает работу, больные переводятся в другие лечебницы, а в здании размещается общежитие для членов Совета, избранных от уездов. Кроме того, предписывалось оставить двух служителей с сохранением зарплаты от епархиального начальства, а остальных уволить с выплатой содержания за 3 месяца вперед (также за счет епархиальных средств). Заве-

¹ Там же. Л. 17.

² Там же. Ф. 797. Оп. 86. 1917. III отд. 5 ст. Д. 14. ЛЛ. 168 об., 171.

³ Там же. I отд. 2 ст. Д. 99. Л. 90.

⁴ Там же. III отд. 5 ст. Д. 14. ЛЛ. 157–158 об.

дующий лазаретом доложил, что «все имущество лазарета на днях было уже описано представителями Совета солдатских и рабочих депутатов, и не ныне – завтра будет реквизировано в целях использования его для проектируемого общежития». С.А. Котляревский поставил на документе следующую резолюцию: «министру внутренних дел. 4.12»¹.

12 декабря 1917 г. архиепископ Тамбовский писал «господину министру исповеданий», что граждане села Соломенки разграбили хлебный запас близлежащей Моршанской женской общины Всемилоостивого Спаса, оставив монахиням всего 300 пудов ржи из имевшихся 1160 пудов. Саму общину решили закрыть, предложив сестрам немедленно разъехаться по домам. Те, «боясь личных оскорблений и насилий», покинули обитель, вручив ключи и документы епархиальному начальству. Архиепископ просил «путем сношения с кем следует» защитить общину². В январе 1918 г. Министерство исповеданий подготовило проект отношения «военному министру» о необходимости принятия мер к освобождению дома Горовалдайской Св. Троицкой церкви, занятого в сентябре 3-м Кронштадтским пехотным полком³.

В течение ноября-декабря 1917 г. С.А. Котляревский продолжал утверждать перемещения служащих подведомственных Синоду учреждений. Приказом товарища министра исповеданий от 11 декабря 1917 г. назначены инспекторами в Витебской духовной семинарии некто Красковский, в Кашинской – Рженик⁴. Интересно, что тот же приказ подтверждал назначение доцентом Петроградской духовной академии гражданина Беляева «по определению Синода с 20 мая 1917 года»⁵. В этом прослеживалась все та же линия «соблюдения законности», проводившаяся А.В. Карташевым, который после своего назначения в августе-сентябре 1917 года «задним числом» провел через Временное правительство определения Синода весны-лета 1917 года.

Министерство исповеданий осталось единственным арбитром в конфликте Русской и Грузинской православных церквей. Учрежденная Временным правительством 21 октября комиссия для разделения церковных имуществ на Кавказе под председательством Б.Э. Нольде так и не успела собраться, а грузины начали активно проводить «национализацию» духовно-учебных заведений. Исходя из того, что «построенные на русские деньги» Тифлисская семинария и духовное училище должны остаться у Русской церкви, определением № 5748 от 7 ноября Синод уволил ряд служащих в них «как вышедших самовольно из подчинения установленной Высшей духовной власти»: преподавателей семинарии Вартагава, Гамзардия, Бериева и Барнова, преподавателей духовного училища Натроева и священника Горгадзе. Кроме того, Синод постановил «назначенного же католикосом грузинским на

¹ Там же. I отд. 2 ст. Д. 99. ЛЛ. 87 – 87 об.

² Там же. III отд. 5 ст. Д. 14. ЛЛ. 156 – 156 об.

³ Там же. I отд. 2 ст. Д. 99. Л. 88.

⁴ Там же. 1 ст. Д. 96. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 8 об.

должность смотрителя того же училища архимандрита Иоанна не считать состоящим в этой должности»¹. 22 ноября 1917 года товарищ министра исповеданий подтвердил данное определение своим приказом². 13 декабря 1917 г. С.А. Котляревский направил на бланке «товарища министра исповеданий» письмо бывшему уполномоченному Временного правительства по делам Грузинской православной церкви профессору В.Н. Бенешевичу с уведомлением о том, что Синод поручил ему и возглавляемой им комиссии провести распределение монастырей и приходов в пределах Кавказского экзархата между Святейшим Синодом и грузинским католикосом. Результаты товарищ министра обещал передать в комиссию Б.Э. Нольде в виде «пожелания» Синода «относительно распределения подлежащих разделу учреждений»³.

Само Министерство исповеданий после Октября 1917 года оказалось в раздробленном состоянии. Кроме С.А. Котляревского и директора Департамента по делам Православной церкви В.И. Яцкевича в Москве при Поместном соборе работал юрисконсульт министерства В.В. Радзимовский и еще около десятка сотрудников. В столице оставались около 20 сотрудников Департамента по делам Православной церкви под руководством вице-директора П.И. Исполатова, а также Департамент по делам инославных и иноверных исповеданий. Все они оказались вовлечены в забастовку госслужащих. Были парализованы даже работы Петроградской синодальной конторы. 11 ноября «исправляющий должность» ее прокурора Г.Н. Левицкий жаловался в письме к директору Канцелярии Синода П.В. Гурьеву, что служащие синодальных учреждений образовали стачечный комитет, который наложил запрет на всякую канцелярскую работу не только в здании Синода, но и на дому⁴. В итоге членам конторы приходилось собираться на заседания в Александро-Невской лавре, а несколько делопроизводителей заполняли необходимые бумаги тайком. При этом 17 ноября петроградские служащие Канцелярии Синода обратились к своему начальству с просьбой о приведении «в некоторое хотя бы соответствие» их зарплат с жалованием 19 сотрудников в Москве, получающих дополнительно командировочные⁵. Одновременно продолжал собираться образованный еще в октябре союз младших служащих Департамента по делам Православной церкви и Синода, пытавшийся как-то решать первоочередные проблемы «личного состава». Так, 19 ноября 1917 г. общее собрание союза постановило просить Хозяйственное управление Синода провести «квартирную комиссию» в помещениях «как младших служащих, так и чиновников во всех домах Петрограда Министерства исповеданий. Так же и в домах Духовно-учебных заведений»⁶.

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Д. 79. ЛЛ. 362 – 362 об.

⁴ Там же. Ф. 796. Оп. 204. I отд. 5 ст. Д. 315. ЛЛ. 144 – 144 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 151 – 151 об.

⁶ Там же. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I отд. 1 ст. Д. 97. Л. 2.

В середине декабря Петроград посетил директор Департамента по делам Православной церкви В.И. Яцкевич. Перед отъездом из Москвы он обратился 14 декабря 1917 г. с рукописной запиской к товарищу министра С.А. Котляревскому с просьбой разрешить ему двухнедельный отпуск в столицу. Котляревский написал на ней: «разрешается» и поставил свою подпись¹. Яцкевич несколько разобрался с делами в столице и вернулся в Первопрестольную. Продолжал «подавать признаки жизни» и второй департамент Министерства – перед Рождеством он принял «в работу» направленный 15 декабря 1917 года Пермским губернским комиссаром образец печати Пермской общины евангелических христиан, «зарегистрированной в установленном порядке»².

В течение ноября-декабря оставался открытым вопрос о пополнении штата сотрудников самого Министерства исповеданий в соответствии с утвержденным правительством в октябре расписанием. 8 января 1918 г. бывшему члену Государственного совета В.И. Карпову выдали удостоверение о том, что он «согласно утвержденному товарищем министра исповеданий журналу» причислен к Департаменту по делам Православной церкви³. 8 января 1918 г. заведующая хозяйственной частью Синодального лазарета Раиса Успенская обратилась к В.И. Яцкевичу с прошением принять ее на службу в Департамент ввиду отсутствия возможности «по расстроенному здоровью нести тяжелые хозяйственные обязанности»⁴. 23 января 1918 года в Департамент попросился некто Д.Ф. Троицкий, получивший предварительно в учебном комитете Синода удостоверение, что он – кандидат богословия и магистрант Казанской духовной академии выпуска 1915 г.⁵

Товарищ министра исповеданий занимался главным образом финансовыми и имущественными вопросами Синода постольку, поскольку последний все еще оставался правительственным органом, и подведомственные ему учреждения финансировались из государственной казны. В ноябре 1917 г. С.А. Котляревский утвердил списки служащих Синодальной типографии, которым «испрашивалось» пособие к Рождеству⁶. 3 декабря 1917 г. товарищ министра направил в Синод «предложение» о необходимости срочно занять освободившиеся помещения бывшего прокурора Московской синодальной конторы Ф.П. Степанова в доме упраздненного Крестовоздвиженского монастыря на Воздвиженке «ввиду возможности, по обстоятельствам текущего времени, занятия или реквизиции сего помещения какой-либо организацией или собранием»⁷. 14 декабря Синод постановил разместить там часть своих учреждений и работников, перемещенных в Москву, поручив распределение

¹ Там же. Д. 79. Л. 218.

² Там же. II отд. 3 ст. Д. 57. Л. 16.

³ Там же. I отд. 1 ст. Д. 79. Л. 369.

⁴ Там же. Л. 368.

⁵ Там же. ЛЛ. 370 – 371.

⁶ Там же. Ф. 796. Оп. 204. I отд. 5 ст. Д. 315. ЛЛ. 231 – 232.

⁷ Там же. ЛЛ. 250 – 250 об.

консультации при товарище министра исповеданий с участием членов Синода Н.А. Любимова, прот. А.В. Смирнова и прот. Ф.Д. Филоненко¹.

В середине декабря, видимо, ввиду близящейся очередной даты выплаты жалования, С.А. Котляревский пересмотрел и утвердил списки командированных в Москву сотрудников учреждений Синода и Департамента по делам Православной церкви, приписав от себя: «о вновь вызываемых прошу мне докладывать.15.12.1917»². От Департамента по делам Православной церкви там числилось 12 человек³. В датированной тем же 15-м декабря 1917 года записке о возможности начисления суточных отсутствовавшим в Москве большую часть ноября секретарю при директоре Хозяйственного управления Синода К.И. Разумовскому и чиновнику особых поручений при министре исповеданий М.В. Николаеву, Котляревский отметил, что последний «после Октябрьского переворота и заключения А.В. Карташева в Петропавловскую крепость» остался не у дел, но у него «были работы в Комиссии по разграничению интересов Русской и Грузинской церквей, в коей он состоит делопроизводителем». Ввиду этого товарищ министра предложил все же выплатить Николаеву деньги, но при этом «освободить его» от командировки в Москву «впредь до возвращения А.В. Карташева к власти или до назначения другого министра»⁴.

Через месяц, 11 января 1918 года, в Хозяйственное управление Синода направили новый список командированных в Москву сотрудников Департамента по делам Православной церкви. Там значились: директор Департамента В.И. Яцкевич, юрисконсульт при Министерстве исповеданий В.В. Радзимовский, столоначальник М.П. Никольский, помощники столоначальника П.И. Смоличев и Н.Д. Боголюбов, экзекутор М.И. Шергин, служащая О.О. Положенская, «причисленный к департаменту» Н.А. Соловьев, канцелярский служитель Е.И. Шергина, курьер И.Д. Мазко и секретарь при товарище министра С.Н. Бухаров (всего 11 человек, не считая самого Котляревского). В документе отмечалось, что «к выдаче означенным лицам суточного довольствия за январь месяц препятствий не встречается, за исключением С.Н. Бухарова, ввиду отсутствия из Москвы...»⁵. В другом подобном списке без даты, но, видимо, более позднем, так как вписанная в предыдущем от руки фамилия О.О. Положенской здесь уже напечатана наряду с другими, указано 9 человек (без Мазко и Бухарова). Однако оговаривается, что директору Департамента предоставляется право, в случае необходимости, вызвать в Москву еще одного штатного чиновника и одну переписчицу⁶.

В декабре 1917 г. Синод принял решение о необходимости «вызова» еще части чиновников из Петрограда, что требовало их размещения и выпла-

¹ Там же. Д. 315. Л. 247.

² Там же. Л. 254.

³ Там же. Л. 266.

⁴ Там же. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I отд. 1 ст. Д. 79. ЛЛ. 375 – 376.

⁵ Там же. ЛЛ. 367.

⁶ Там же. Л. 373.

ты им «подъемных» и командировочных. 15 – 18 декабря 1917 г. этот вопрос рассматривала консультация при товарище министра исповеданий с приглашением члена Синода Ф.Д. Филоненко, директора Хозяйственного управления А.А. Осецкого и главы синодального контроля М.А. Дьяконова. Совещание пришло к выводу, что приглашение дополнительного числа служащих из столицы крайне затруднительно. Осецкий заявил, что «нет уверенности в том, что можно будет выплатить чиновникам жалование за ноябрь и декабрь месяцы, а тем более за наступающий январь». Указывая на то, что Синод работает в Москве лишь временно, а потом после окончания Собора, вернется в столицу, и что «патриарх согласен приезжать на Синодальные сессии в Петроград», собравшиеся предложили вызывать сотрудников Канцелярии Синода в Москву лишь для доклада перед архиереями, и, кроме того, установить «систематические в определенные дни поездки курьеров». Консультация постановила просить Синод отменить свое решение или отложить его «впредь до выяснения после праздников политической обстановки и состояния финансов в духовном ведомстве»¹.

При составлении в ноябре 1917 г. сметы доходов и расходов специальных средств Синода на 1918 г. синодальный контроль выразил сомнение в возможности включить в нее оплату бывшей Канцелярии обер-прокурора. 24 ноября он запросил Департамент по делам Православной церкви о том, в каком состоянии находится вопрос о его финансировании². В ответ В.И. Яцкевич сообщил, что утвержденные Временным правительством 11 октября штаты Министерства исповеданий «не опубликованы» Правительствующим Сенатом, а потому Департамент не имеет права на получение кредитов из казны согласно новому расписанию. В связи с этим, по заключению Яцкевича, «впредь до дальнейших преобразований» необходимо придерживаться старого порядка, когда содержание чиновников оплачивается из синодальной сметы³.

Вопрос об источнике выплаты зарплат не мог не являться для служащих Департамента особо острым, так как по мере овладения Госбанком Совнарком стал активно вмешиваться в государственные финансы. Уже 19 ноября Советское правительство назначило комиссию для изучения смет министерств и ведомств под руководством В.Р. Менжинского⁴, а 21 ноября 1917 г. повестка дня Советского правительства включала доклад помощника народного комиссара по Министерству финансов Д.П. Боголепова о запрещении выдачи средств церковным учреждениям⁵. И хотя в протоколах СНК нет постановления по этому поводу, выдачу в Госбанке в Петрограде денег по Си-

¹ Там же. Ф. 796. Оп. 204. I отд. 5 ст. Д. 315. ЛЛ. 196 – 197 об.

² Там же. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I отд. 1 ст. Д. 79. ЛЛ. 357 – 357 об.

³ Там же. Л. 358.

⁴ См.: Соколов Е.Н. Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917 – август 1918 гг.). Рязань, 2008. С. 40.

⁵ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 40. Доклад перенесен на следующие заседания, но далее в протоколах о нем упоминаний нет.

нодальной смете действительно приостановили. Вместе с тем, по другим статьям духовные учреждения продолжали финансироваться. Так, в соответствии с постановлением Временного правительства от 5 августа 1917 г. о назначении прибавок к зарплатам младшим госслужащим (так называемая «Плехановская прибавка») выданы следующие суммы: 16 декабря 1917 г. 10 000 рублей Петроградской духовной семинарии, 20 декабря 1917 г. и 17 января 1918 г. 11 600 рублей Петроградской духовной академии, 4 января 1918 г. 17 300 рублей служащим Исидоровского духовного училища, 15 января 1918 г. 10 300 руб. Александро-Невскому Антониевскому духовному училищу, 29 января 1918 г. 11 200 руб. служащим Храма воскресения Христа в Петрограде¹. В Москве ситуация несколько отличалась от столичной. Там Синоду, видимо, удавалось получать отведенные ему бюджетом средства, или, по крайней мере, у Хозяйственного управления оставался некий запас наличности, позволяющий выплачивать зарплаты чиновникам. Свои средства имелись и у Собора: 6 октября 1917 г. Временное правительство дополнительно выделило ему 2 млн. руб.²

11 декабря 1917 г. С.А. Котляревский в соответствии с действующей процедурой направил в Синод «предложение» о необходимости подготовки сметы Ведомства православного исповедания на 1918 год. 12 – 14 декабря 1917 года Синод, рассмотрев рекомендации товарища министра, принял определение, в котором признал невозможным составление бюджета на следующий год «ввиду чрезвычайных обстоятельств переживаемого времени и непрерывного повышения цен на все предметы потребления и рабочие руки, а также вследствие предполагаемых изменений в строе церковной жизни решением Святейшего Собора...». В связи с этим предлагалось производить все текущие отчисления, исходя из сметы на 1917 год, составив дополнительные ведомости по тем затратам, которые появились в течение последних месяцев. Кроме того, Синод постановил «сохранить в смете кредиты по бывшей канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, а ныне Департаменту по делам Православной церкви, для производства расходов по департаменту впредь до открытия кредитов на его содержание из сумм Государственного казначейства». В будущем израсходованные средства подлежали возврату в церковное ведомство³. Таким образом, вопрос о содержании чиновников Министерства (включая командировочные расходы) временно закрывался: по смете Синода на 1917 года на оплату содержания обер-прокурора, его товарища и чиновников канцелярии предполагалось выделить 87 054 руб.⁴

В ноябре-декабре 1917 года продолжались работы Поместного собора. С.А. Котляревский регулярно выступал в его общих собраниях, но по чисто

¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 288. Л. 23 об.

² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1434. ЛЛ. 2 – 3.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I отд. 1 ст. Д. 79. ЛЛ. 363 – 363 об.

⁴ Объяснительная записка к смете доходов и расходов ведомства Синода на 1917 год. Пг., 1916. С. 7 (РГИА. Ф. 799. Оп. 29. Д. 761. Л. 4).

церковным вопросам. Например, 8 ноября о проповедничестве, 24 и 27 ноября по поводу проекта о Высшем церковном управлении¹. Это даже вызвало сарказм члена Синода прот. Ф.Д. Филоненко, заметившего, что «церковный консерватизм» товарища министра противоречит его «кадетству»².

18 ноября Поместный собор утвердил окончательную формулу церковного управления, согласно которой власть в церкви отныне принадлежала «Всероссийскому патриарху совместно со Священным Синодом и Высшим церковным советом». Вслед за этим утвердили распределение полномочий между всеми органами и провели выборы в них. В будущий Священный Синод избрали 6 «присутствующих членов» (митрополита Новгородского Арсения (Стадницкого), митрополита Харьковского Антония (Храповицкого), архиепископа Кишиневского Анастасия (Грибановского), митрополита Владимирского Сергия (Старгородского), архиепископа Волынского Евлогия (Георгиевского), митрополита Тифлисского, экзарха Кавказского Платона (Рождественского)) и 6 «членов-заместителей» (епископа Вятского Никандра (Феноменова), архиепископа Таврического Димитрия (Абашидзе), митрополита Петроградского Вениамина (Казанского), архиепископа Могилевского Константина (Булычева), архиепископа Тамбовского Кирилла (Смирнова), епископа Пермского Андроника (Никольского))³. В Высший церковный совет, в том числе, вошли А.В. Карташев (заочно), проф. С.Н. Булгаков, проф. И.М. Громогласов, С.М. Раевский, кн. Е.Н. Трубецкой и проф. И.Д. Лапин⁴. Однако в действие новая система управления до конца 1917 года введена не была. Министерство исповеданий и Поместный собор ожидали Учредительного собрания, чтобы определить свои дальнейшие действия.

2 декабря Собор утвердил текст законопроекта о Правовом положении Православной Российской церкви в государстве. Вместо выработанных летом Предсоборным советом и Синодом 18-ти пунктов этот документ состоял из 25. В нем, как и раньше, подчеркивалось первенствующее положение православия, а во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращалось к религии, преимуществом пользовалась русская православная церковь. В школах, где учатся дети православных родителей, преподавание Закона Божия признавалось обязательным. Кроме этого, церковь могла открывать и содержать свои собственные школы. Новым в сравнении с теми проектами, которые публиковались до свержения Временного правительства, было введение уголовного наказания за поношение и поругание церкви, а также указания на необходимость обеспечения армейским духовенством военнослужащих. Глава Российского государства, министр исповеданий, его заместитель и министр народного просвещения обязывались быть право-

¹ Священный собор Православной Российской церкви. Деяния. Пг., 1918. Кн. III. С. 137; Там же. Кн. IV. С. 134; Там же. Кн. V. С. 70, 77, 81.

² ОР РНБ. Ф. 322. Д. 49. Л. 31.

³ Наш век. 1917. 12 декабря.

⁴ Наш век. 1917. 21 декабря.

славными¹. Многие исследователи обращали внимание на «консерватизм» соборного законопроекта и объясняли его по-разному. Советский историк В.А. Алексеев считает, что церковь таким образом подчеркивала свое непризнание власти СНК и демонстрировала собственную «контрреволюционность»². А.Н. Кашеваров обращает внимание на то, что у духовенства еще не было осознания бесповоротности происходящих событий, и, кроме того, речь шла всего лишь о законопроекте, которому предстояло рассмотрение в Учредительном собрании³. Об этом прямо говорили члены Поместного собора проф. В.И. Мищенко⁴ и С.Н. Булгаков⁵. К.В. Ковырзин отмечает, что клир и паства психологически не могли принять идею безрелигиозного государства, а соборные делегаты «выступили принципиальными сторонниками союза церкви и государства, рассматривая проблему церковно-государственных отношений как ключевой вопрос государственного строительства в новой России»⁶. Конечно, своего рода «вакуум» власти подтолкнул членов Собора к тому, чтобы включить в постановление те позиции, о которых они не решились бы говорить ранее. Очевиден и расчет на своеобразный торг отдельными пунктами определения в ожидаемом Учредительном собрании. Однако нельзя забывать и о том, что обсуждение проекта проходило, когда созданная в августе 1917 года система церковного управления еще не была разрушена. Существовало Министерство исповеданий с привилегированным положением православия, и чиновники этого министерства активно участвовали в подготовке соборного определения. 13 ноября 1917 г. на Соборе в защиту существующей формулировки законопроекта выступил юрисконсульт Министерства В.В. Радзимовский, заверивший присутствующих, что «на место произвола и усмотрения обер-прокурора, которому не мог противиться и епископат, теперь надзор государственный за деятельностью церковных органов ограничен известными рамками, и министр исповеданий уже лишен будет возможности влиять на направление и разрешение церковных дел так, как это делал обер-прокурор». Судя по словам В.В. Радзимовского, он продолжал находиться в полной уверенности, что сложившаяся к октябрю 1917 года государственная система будет сохранена⁷. Во время споров о требовании принадлежности к православию главы государства и ряда министров, делегат Н.Н. Фиолетов заметил: «мы имеем в настоящее время закон, изданный пра-

¹ Священный собор Православной Российской церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. II. С. 6 – 8.

² См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 26 – 28.

³ См. Кашеваров А.Н. Православная Российская церковь и Советское государство (1917 – 1922 гг.). М., 2005.

⁴ Прибавление к Церковным ведомостям. 1918. № 2. С. 71.

⁵ Там же. № 1. С. 37.

⁶ Ковырзин К.В. Поместный собор 1917 – 1918 гг. и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008. № 4. С. 88 – 96.

⁷ Священный собор Православной Российской церкви. Деяния. Пг., 1918. Кн. IV. С. 64 – 65.

вительством революционным, чтобы министр исповеданий был православный. Это действующий закон, и как мы можем отказываться от этого»¹. Так что на тот момент за исключением некоторых статей законопроект не выглядел совсем уж оторванным от реалий.

Но надежды на Учредительное собрание не оправдались. Через несколько недель после его роспуска, 20 января 1918 г., Совнарком принял «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», более известный как «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви»². До этого власти уже предприняли ряд антицерковных мер, таких как передача Синодальной типографии в Петрограде комитету ее старейшин и попытка реквизиции Александро-Невской лавры, вызвавшие резко негативную реакцию церкви³. 28 января 1918 г. было «закрыто для занятий» и реквизировано здание Синода на Сенатской площади в Петрограде, а вместе с ним и все здания и помещения, занимавшиеся ранее Департаментом по делам Православной церкви Министерства исповеданий. Советское руководство не делало никаких различий между церковным и министерским имуществом, считая их единым целым. Комиссар над беженцами А.М. Джибит на основании ордера комиссара по внутренним делам в присутствии сотрудников бывшего Ведомства православного исповедания опечатал все капиталы Синода, состоящие из наличных денег, процентных бумаг и банковских счетов, и ночью в сопровождении помощника вывез их из синодального Казначейства. Согласно подписанному комиссаром и сотрудниками Синода акту общая сумма «реквизированных» средств составила 46 015 312 рублей 21 копейку⁴, большая часть – банковские книжки и ценные бумаги. Также были изъяты хранившиеся в Хозяйственном управлении «частные» суммы отдельных церквей и миссий⁵. Как писали в своем отчете члены Петроградской синодальной конторы «захват произошел внезапно и поэтому не было возможности заблаговременно принять меры к тому, чтобы принадлежащие конторе бумаги и предметы остались в распоряжении конторы...»⁶. 25 февраля 1918 г. нарком внутренних дел Г.И. Петровский внес в повестку дня СНК предложение о передаче кредитов ликвидируемых согласно декрету об отделении церкви от государства учреждений в ведение Комиссариата внутренних дел⁷.

¹ Там же. С. 75.

² Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 251.

³ В этой связи 19 января 1918 года патриарх выпустил специальное воззвание, анафемствовавшее советское руководство. 21 января в Петрограде состоялся масштабный крестный ход (Священный собор Православной Российской церкви. Деяния. Кн. VI. Вып. 1. С. 4 – 5). 21 января в Петрограде состоялся масштабный крестный ход (*Шкаровский М.В.* Александро-Невская лавра в год революционных потрясений (1917 – 1918) // Христианское чтение. 2010. № 1. С. 29 – 30).

⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 30. ЛЛ. 1 – 4.

⁶ Там же. Ф. 796. Оп. 204. I отд. 5 ст. 1917. Д. 315. Л. 290.

⁷ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 377, 379, 383, 395, 398, 401, 407.

4 марта этот вопрос направили на рассмотрение в Государственное казначейство¹.

31 января 1917 г. Священный собор постановил ввести в действие с 1 февраля 1918 г. новую систему церковного управления (патриарх – Священный Синод – Высший церковный совет). После этого определением от 1 (14) февраля Святейший Синод постановил «считать свои полномочия окончательными» и передал все дела новым органам². Это означало, что старый – являвшийся частью государственного аппарата – высший орган церковного управления перестал существовать, а новые учреждения уже *de jure* не подчинялись светской власти, составлялись самой церковью и только перед ней отчитывались.

По всей видимости, в это же время было принято решение и о «самоликвидации» Министерства исповеданий, хотя следов каких-либо приказов или распоряжений об этом найти не удалось. С.А. Котляревский остался активно работать на заседаниях Поместного собора как частное лицо, и даже закрывал своей речью его вторую сессию. Освобожденный из заключения А.В. Карташев написал в феврале 1918 г. письмо патриарху, о том что он «на некоторое время лишен физической возможности вступить в отправление обязанностей» члена Высшего церковного совета³. Ликвидационными вопросами Министерства исповеданий занимался В.И. Яцкевич, и именно он подписывал все бумаги Департамента по делам Православной церкви начиная с февраля 1918 года. Последний обнаруженный документ – датированное 12 (25) апреля 1918 года удостоверение, выданное для выезда из Москвы курьеру «бывшего Департамента по делам Православной церкви» Андрею Яковлеву о том, что он возвращается в Петроград к месту своего постоянного жительства «за окончанием работ в Департаменте»⁴.

В феврале 1918 года церковное руководство направило В.И. Яцкевича в Петроград в качестве «особоуполномоченного» для «объединения деятельности отдельных центральных учреждений Священного Синода в деле защиты юридических и имущественных прав этих учреждений и вообще ведомства Православного исповедания»⁵. Одной из главных задач поездки ставилась попытка получения средств из Государственного казначейства. Яцкевич посетил в столице все здания, ранее принадлежавшие Синоду и Департаменту по делам Православной церкви, встречался со служащими и правительственными комиссарами, выяснял текущее положение дел. По итогам поездки «особоуполномоченный» составил отчет, констатировавший, что от имуществ Си-

¹ Там же. С. 409. В исполнительном листе написано «Передано в Государственное казначейство за № 712» (Там же. С. 414).

² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I отд. 5 ст. 1917. Д. 315. Л. 284.

³ Там же. Ф. 831. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 13 – 13 об.

⁴ Там же. Ф. 797. Оп. 86. 1917. I отд. 1 ст. Д. 79. Л. 372.

⁵ О состоявшейся командировке В.И. Яцкевича упоминается также в Журналах заседаний соединенного присутствия патриарха, Священного Синода и Высшего церковного совета (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 21 об. – 22).

нода «веет полным разорением и расхищением»¹. Здание Синода перешло к литературно-издательскому отделу при комиссаре народного просвещения во главе с Д.С. Хлебниковым, занявшим кабинет синодального обер-прокурора. Все остальные помещения, за исключением нескольких комнат, пусты, и в них «в беспорядке валяются обрывки бумаг, канцелярские принадлежности, бланки, дела...» Все ценности увезены. В обер-прокурорском доме на Литейном, 62, разместился Союз раненных, больных и демобилизованных солдат (хотя церковь при доме действует), а в помещениях Канцелярии обер-прокурора и квартирах товарища обер-прокурора и директора канцелярии (Литейный, 34 и 32) – брачное бюро И.А. Шпицберга² и районная управа Литейной части Совета рабочих и солдатских депутатов с ее отделами. «Имущество Департамента по делам Православной церкви... в полном разгроме, – писал Яцкевич. – Несгораемый железный шкаф распилен и хранившиеся в оном пять золотых крестов, несколько медалей, знаки Северо-Американского братства и сто рублей денег увезены. Хранившиеся в Департаменте всеподданнейшие доклады за целые минувшие столетия выброшены в беспорядке в находящееся перед архивом темное проходное помещение. Все шкафы и столы открыты, находящиеся в них дела и документы в беспорядке свалены в коридорах»³. На заявление о необходимости бережного отношения с архивными делами Департамента комиссар А.М. Джигит обещал «полное содействие», после чего охрану бумаг В.И. Яцкевич поручил старшему столоначальнику Департамента В.И. Емельяновичу⁴.

Удручающую картину являли собой и служащие учреждений Синода и бывшей канцелярии обер-прокурора. В.И. Яцкевич сообщил, что все они «разрозненны и действуют вразброд», не проявляют заботы о церковном имуществе и завидуют тем, кто работает в Москве. Союз чиновников накануне «реквизиции» Синода образовал свою финансовую комиссию, которая пыталась поставить под контроль осуществляемые Хозяйственным управлением денежные выдачи, установив преимущество для петроградских работников⁵.

Задача получения средств увенчалась успехом. Департамент Государственного казначейства ввиду упразднения Синода и Министерства исповеданий как государственных учреждений постановил выплатить увольняемым чиновникам содержание за «ликвидационный период» в 45 дней, то есть с момента опубликования Декрета об отделении церкви от государства 23 ян-

¹ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

² Присяжный поверенный И.А. Шпицберг участвовал в апреле 1917 года в подготовке Синодом определения об изменении устава духовных консисторий (так называемом «законе о разводе»), после Октября стал активно сотрудничать с Советским правительством. Шпицберг готовил проекты декретов о гражданском браке и разводе, в связи с чем газета «Наш век» назвала его «большевиком по бракоразводным делам» (Наш век. 1917. 12 декабря). См. о Шпицберге также: *Кашеваров А.Н.* Указ. соч. С. 104).

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 29. ЛЛ. 3 – 3 об.

⁴ Там же. Л. 3 об.

⁵ Там же. ЛЛ. 4 – 4 об.

варя до 9 марта 1918 года¹. Расчет делался исходя из синодальной сметы на 1917 год. Кроме того, Яцкевичу удалось получить наличными некоторые суммы, причитавшиеся Синодальному ведомству за прошлый год: 151 676, 72 рублей на зарплату сотрудникам центральных учреждений Синода (включая бывшую Канцелярию обер-прокурора), и еще 42 352,79 рублей ему обещали выдать несколько позже в качестве «ликвидационного пособия»².

В дополнение к этому по «другим статьям» синодальной сметы Госбанк выдал в феврале 1918 года 30 000 руб., и еще обещаны 60 000 руб. на содержание духовно-учебных заведений за границей. Оставшиеся суммы Яцкевич поручил привести в Москву столоначальнику Хозяйственного управления А.Н. Федорову. В добавление к этому, не истраченные Синодом на духовно-учебные заведения по смете 1917 года 1 256 220,48 рублей объявили занесенными «в кредиторские списки» со сроком выплаты в течение 2-х лет. Как следует из отчета, все полученные деньги были направлены лично патриарху Тихону.

По итогам поездки Яцкевич предложил церковному руководству принять ряд срочных мер. Во-первых, решить вопрос о судьбе чиновничества, так как, начиная с марта 1918 г., их содержание из госбюджета прекратится, и нужно «уволить тех, кого можно уволить». В любом случае, добавлял Яцкевич, «необходимо ныне же сбросить со счетов Св. Синода всех тех сторожей, курьеров и других низших служащих, предательством которых призваны комиссары и разгромлено Синодское имущество»³. Во-вторых, нужно создать ликвидационную комиссию, которая приведет в порядок архив (делопроизводство) Синода и попытается установить все, что пропало⁴.

Оба предложения «особоуполномоченного» вскоре провели в жизнь. 10 – 11 (23 – 24) апреля 1918 г. Высшее церковное управление постановило «отчислить со службы» всех лиц, не назначенных в его новые органы, с 15 (28) мая с выплатой зарплаты по день увольнения при условии сдачи дел «в исправности». 11 (24) апреля 1918 г. соединенное присутствие патриарха, Священного Синода и Высшего церковного совета также объявило о создании «Ведомственной ликвидационной в городе Петрограде комиссии» под председательством вице-директора бывшего Департамента по делам Православной церкви П.И. Исполатова, которому временно сохраняли получаемый им до этого в Министерстве исповеданий оклад. В Комиссию также вошли настоятель Благовещенского храма при Синодальном подворье прот. Ф.Д. Филоненко, настоятель Ярославского храма прот. Н.В. Семеновский и начальник Синодального архива К.Я. Здравомыслов с правом привлечения других слу-

¹ Яцкевич сначала называл срок 2 марта, видимо по ошибке (РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 29. Л. 4 об.)

² РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 29. ЛЛ. 1, 4 об.

³ Там же.

⁴ Там же.

жащих¹. В задачи Комиссии входили «заботы по приведению в порядок дело-производства синодальных центральных учреждений, по внесению дел сих учреждений на хранение в Синодальный архив» и некие размытые ревизионные цели, сводящиеся к выявлению того, что «пропало из Синодального имущества», а что «приведено в негодность»². Постановлением от 17 (30 мая) 1918 г. Комиссии поручили срочно разобрать в архиве и переправить в Москву текущее делопроизводство Высшего церковного управления³.

Весной 1918 года при активном участии того же В.И. Яцкевича церковное руководство подготовило «Проект сметы расходов по ликвидации Св. Синода и Департамента по делам Православной церкви Министерства исповеданий на срок с 1 января по 9 марта включительно». Расчет также делался исходя из сметы на 1917 год, и при этом учитывались все отчисления бывшему Ведомству православного исповедания, которые Временное правительство утвердило, но не успело выплатить. Общая сумма равнялась 11 165 884 руб., в том числе Синоду (включая содержание местных епархиальных учреждений, духовно-учебных заведений, городского и сельского духовенства) 5 878 684 руб., чиновникам Департамента по делам Православной церкви 38 077 руб., на выдачу служащим Синода и Департамента «разных прибавок по обстоятельствам военного времени» 1 228 585 руб. и «на покрытие расходов, произведенных по смете специальных средств Синода 4 020 533 руб.»⁴.

3 (16) июня 1918 г. данную смету рассматривало Междуведомственное совещание при участии представителей от Комиссариата финансов, Комиссариата государственного контроля и учреждений духовного ведомства. Сумму решили несколько сократить, поскольку за ликвидационный срок (23 января – 9 марта) подлежали выплате только зарплаты служащим, а все затраты на хозяйственные нужды, содержание помещений и прочее государство покрывать не собиралось. С другой стороны в смету решили добавить сумму на «ликвидацию» и второго департамента бывшего Министерства исповеданий – по делам инославных и иноверных исповеданий. Итог составил 11 426 927 рублей, в том числе служащим бывших центральных учреждений 327 083 руб., местным учреждениям 5 698 135 руб., духовно-учебным заведениям 3 049 636 руб., «на расчеты с бывшими служащими ведомства Св. Синода по выдаче им разного рода прибавок (процентных, Плехановских, суточных) за 1917 год по кредитам, своевременно не отпущенным» 2 352 073 руб. Выплаты предписывалось произвести до 1 января 1919 года. Департамент государственного казначейства Комиссариата финансов передал данное представление в Совет народных комиссаров⁵.

¹ Вскоре в состав Ликвидационной комиссии пригласили бывшего сотрудника Департамента по делам православной церкви Н.П. Шарапова и казначея Хозяйственного управления Н.В. Соловьева (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 29. ЛЛ. 1 об., 4 об., 8).

² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Там же. Д. 288. ЛЛ. 1 – 7.

⁵ Там же. ЛЛ. 26 – 31.

Таким образом, Министерство исповеданий, созданное 5 августа 1917 года, просуществовало всего 6 месяцев, из них 3 месяца – после свержения Временного правительства. Этот период «междувластии» позволил Поместному собору Православной Российской церкви сконструировать и ввести в действие новую систему Высшего церковного управления, независимого от государственной власти. Кроме того, в 1918 году чиновники Департамента по делам Православной церкви помогли добиться от советского руководства выплаты бывшему Ведомству православного исповедания сумм, причитавшихся по сметам 1917 года, а также ликвидационных средств, что, конечно же, являлось существенным подспорьем церкви в тех нелегких условиях, в которых она оказалась в связи с изданием Декрета об отделении церкви от государства.

Мажара П.Ю.

Образ большевиков и событий 1917 г в мемуарах участников Белого движения на Северо-Западе России

События 1917 г. стали катализатором гражданской войны в России, расколовшей страну на множество противоборствующих лагерей. Борьба это продолжилась и после окончания периода активных боевых действий уже в печати, в публикациях описания произошедшего победившей и проигравшей стороной. Советская историческая традиция создавала свою версию и интерпретацию истории революции и гражданской войны. В эмиграции возникали альтернативные описания и толкования тех событий.

Свое видение предлагали в мемуарной литературе и участники Белого движения на Северо-Западе России, где 1918 – 1920 гг., где действовала армия генералов Н.Н. Юденича и А.П. Родзянко, дважды пытавшаяся в 1919 году взять «город трех революций», Петроград. Естественно, образы большевиков, Красной армии на страницах мемуаров – это образы врага, при этом создаваемые пристрастными авторами. Но мемуары белогвардейцев – это еще и попытка разобраться в причинах собственных неудач и в причинах успеха противника. Мемуаристы порой отдавали должное успехам своих победителей. Представляется интересным обратиться к наследию белых, чтобы понять, каким они видели своего противника, какими представляли большевики и красноармейцы перед читателем в эмиграции.

Для разрешения этой проблемы был привлечен круг мемуарных источников, выявленных при помощи библиографического указателя «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках»¹. Хорошим подспорьем

¹ Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннот. указ. кн., журн. и газ. публ., изд. за рубежом в 1917 – 1991 гг. / Науч. ред. А.Г. Тартаковский, Т. Эммонс, О.В. Будницкий. В 4-х т. М., 2004 – 2006.

для исследователя является также сборник мемуаров «Белая борьба на Северо-Западе России», составленный С.В. Волковым¹.

Собственно событиям 1917 г. в выявленных нами мемуарах участников Белого движения на Северо-Западе России, как правило, специального внимания не уделяется². Авторы мемуаров не играли какой-либо важной роли в этих событиях и подробно описывали уже последующие события 1918 – 1920 гг., время существования Северо-Западной армии. Исключение составляют здесь недавно опубликованные воспоминания генерала Б.С. Пермикина³ и воспоминания Н.Р. Вредена, сына известного хирурга Р.Р. Вредена⁴.

Б.С. Пермикин принимал участие в неудачной попытке антибольшевистского восстания юнкеров в Петрограде 28 – 30 октября 1917 г. Об обстоятельствах своего участия в этих событиях он подробно рассказывает в своих записках⁵. Организационным центром восстания был Всероссийский комитет спасения Родины и революции. Центром восстания стало Николаевское инженерное училище, находившееся в Инженерном замке. Возглавлял юнкеров бывший командующий Петроградским военным округом Г.П. Полковников. Б.С. Пермикин командовал ротой юнкеров, захватившей 28 октября здание Михайловского манежа, в котором находились броневики Петроградского гарнизона и склад оружия. Также Пермикин пытался агитировать присоединиться к восставшим Донской казачий полк (в конечном счете, безуспешно). 29 октября он на броневике «Борец за право» попытался пробиться к поддерживавшему восстание Владимирскому военному училищу, которое окружили лояльные большевикам войска. Никакого результата, кроме ранения шофера броневика эта попытка не принесла, училище в ходе ожесточенного боя

¹ Белая борьба на Северо-Западе России / Сост., научн. ред. и комментарии С.В. Волкова. М., 2003. Впрочем, в ряде случаев следует отдавать предпочтение первым изданиям опубликованных С.В. Волковым мемуаров. Так, мемуары А.П. Родзянко были переизданы без имевшегося в оригинальном издании документального приложения (*Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии*. Берлин, 1921. (Год на обложке указан ошибочно).

² Осмысление событий 1917 г. в творчестве П.Н. Краснова, некоторое время участвовавшего в организации пропагандисткой деятельности Северо-Западной армии, является темой для отдельного специального исследования, и поэтому не рассматривается в настоящей статье.

³ *Пермикин Б.С. Генерал, рожденный войной. Из записок 1912 – 1959 гг.* / Ред.-сост. С.Г. Зирин. М., 2011.

⁴ *Реден Н. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина 1914 – 1919* / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2006. Книга была написана автором на английском языке для американских читателей (Первое издание – Wreden N. *The Unmaking of a Russian*. N.-Y., 1935). Неправильный перевод фамилии «Вреден», равно как и неправильный перевод авторского названия книги остаются на совести переводчика (на это обстоятельство указал в своей статье А.Ю. Емелин (см.: «Американец, бывший русский»: Николай Романович Вреден и его воспоминания // *Емелин А.Ю. Белое движение на Северо-Западе России и судьбы его участников: Материалы 3-ей международной научно-исторической конференции в г. Пскове* / Сост. Н.А. Горбачев. Псков, 2009. С. 147).

⁵ *Пермикин Б.С. Генерал, рожденный войной*. С. 36 – 43.

было разоружено¹. Основная масса войск Петроградского гарнизона к восстанию не присоединилась, и оно быстро было подавлено. В мемуарах автор подробно описал свои действия в ходе восстания. Его описание происходивших событий заметно отличается от описаний советской историографии².

В своих записках Б.С. Пермикин дает и краткую оценку событиям февраля 1917 г. Ключевой причиной отречения императора этот офицер-монархист считает «заговор в верхах», утверждая при этом, что ключевую роль в заговоре играл Александр Иванович Гучков³.

Н.Р. Вреден писал свою книгу для американского читателя, что предопределило некоторые особенности произведения. В книге большое внимание уделено анализу происходивших в России событий. Автор показывает эволюцию настроения народных масс в ходе войны и революции, объясняет для читателей ее причины. В феврале 1917 г. Н.Р. Вреден был воспитанником Морского училища. В мемуарах он описывает возникшую в те дни между революционными солдатами и воспитанниками училища стычку, в которой он принимал участие. Автор пишет о расправах над офицерами, обрисовывает психологическое состояние, в котором находилось в те дни русское офицерство: «... офицер был вынужден полагаться только на себя. Революция не освободила его от обязанностей, но лишила средств, с помощью которых можно было добиваться выполнения приказов»⁴. Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. (который автор изображает уже не как очевидец, а как современник событий), по его мнению, был предопределен политическим бессилием Временного правительства. Ленин и другие лидеры большевиков в интерпретации Н.Р. Вредена – гениальные тактики, способные быстро приспосабливаться к стремительно меняющейся текущей политической обстановке, но при этом не отступающие от своей конечной цели⁵. В этой связи интересно отметить, что автор в некотором роде отмежевывается от Белого движения. По его мнению, победу движению могли принести лишь идеи, подобные идеям Б. Муссолини и А. Гитлера. Итоговый вывод автора – «если бы Белое движение в России приняло фашистски-нацистские идеи и победило, то вы-

¹ Там же. С. 37 – 42.

² См. подробн. об искажениях в советской версии изложения событий: *Митрофанов А.Ю.* За спасение Родины, а не революции. Восстание юнкеров в Петрограде 29 октября 1917 г // *Посев.* 2005. № 11 – 12.

³ Б.С. Пермикин даже имел по этому поводу бурные объяснения с А.И. Гучковым: «Моя бурная беседа с Гучковым в присутствии бывшего товарища председателя Государственной Думы и отчима моей жены А.Ф. Мейендорфа в Париже в 1927 году. Тогда я окончательно убедился не только в отсутствии элементарной честности у ответственных политиков, но, зная таких же и западных политиков, понял **мировую** опасность большевизма в 1927 году» (*Пермикин Б.С.* Генерал, рожденный войной. С. 40).

⁴ *Реден Н.* Сквозь ад. С. 61.

⁵ «Большевистские лидеры отодвинули свою долговременную цель создания совершенного государства на далекую перспективу и сосредоточили свои усилия на актуальных проблемах, с которыми сталкивались в каждый данный момент» (*Реден Н.* Сквозь ад. С. 112 – 113).

зывает сомнение, что общая сумма его достижений оказалась бы более значительной, чем у советской власти, или что история России стала бы от этого менее трагической»¹.

Другие мемуаристы писали свои воспоминания, ориентируясь на читательскую аудиторию, знакомую с историей революции и гражданской войны, и не делали широких обобщений. Упоминания о том, что происходило в 1917 г., носят у них эпизодический характер. Так, А.А. Северин с горькой иронией упоминал о «бескровной» Февральской революции, которая «вырвала у России близкую победу в Великую войну над Германией, разложив Русскую армию, и передала власть в преступные большевистские руки»². При этом противники Белого движения, большевики, естественно, не раз появлялись на страницах мемуаров белых. Конечно, образ врага, создававшийся в традиции эмигрантской мемуаристики, был отталкивающим и зачастую весьма схематично-тенденциозным. В статьях, появлявшихся в журнале «Служба связи ливенцев и северозападников», объединявшим в 1930-е гг. ветеранов Северо-Западной армии, большевики представляли людьми, лишенными какого-либо духовного мира, разрушителями русской культуры и православной веры, вселенским злом, возникшим вследствие чрезмерного увлечения человечества материализмом и отходом от веры в Бога³.

Эти оценки белых вполне понятны и закономерны. В мемуарах участников Белого движения на Северо-Западе России приводится много свидетельств о зверствах красных, о лишениях, которые приходилось нести населению под властью большевиков⁴. При этом свидетельства белых о красном терроре не всегда были достоверными. К примеру, в дневниках В.К. Пилкина, морского министра Северо-Западного правительства и верного соратника Н.Н. Юденича, можно встретить упоминания об ужасах жизни в большевистском Петрограде, зверствах большевиков, расстрелявших А.И. Гучкова (в действительности скончавшегося в эмиграции в 1936 г.)⁵. В значительной степени эта информация основывалась на слухах и сплетнях, поэтому конкретные факты зачастую нуждаются в проверке.

¹ Реден Н. Сквозь ад. С. 258.

² Северин А.А. Памяти Северо-Западной армии // Часовой. 1958. Июнь. № 388. С. 9; Современное переиздание: Северин А.А. Памяти Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России / Сост., научн. ред. и комментарии С.В. Волкова. М., 2003. С. 178.

³ См., напр.: Ливен А.П., кн. 1) Большевизм и религия // Служба связи ливенцев и северозападников. 1931. Апрель. № 4. С. 45 – 52; 2) Еврейство и франмасонство // Служба связи ливенцев и северозападников. 1931. Октябрь. № 5. С. 52 – 61; 3) «Новый человек» // Служба связи ливенцев и северозападников. 1932. Сентябрь. № 6. С. 45 – 50.

⁴ См., напр.: Горн В.Л. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 7 – 15; Ливен А.П., кн. В южной Прибалтике // Белое дело: Летопись белой борьбы: Материалы, собранные и разобранные бароном П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и светл. кн. А.П. Ливеном, под ред. А.А. фон Лампе. Берлин, 1927. Т. 3. С. 186.

⁵ Пилкин В.К., адм. В белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918 – 1920 / Публикация Н.Н. Рутыча-Рутченко. М., 2005. С. 33 – 34, 112.

Интересным представляется обращение к более отстраненным, а порой даже в чем-то и одобрительным отзывам о большевиках, встречающимся в мемуарах участников Белого движения на Северо-Западе России. Прежде всего, речь идет об уважительном отношении к умению воевать победившего противника. Применительно к гражданской войне говорить о высоком боевом духе Красной или Белой армии в целом представляется некорректным. Мемуаристы-северозападники писали о частых случаях переходов солдат из Красной армии в Белую и наоборот, подчас один и тот же солдат совершал такие переходы по нескольку раз. Об этом явлении писали полковник А.С. Гершельман¹ и Н.Р. Вреден.² Б.С. Пермикин сообщал о многочисленных случаях переходов из Красной армии в Белую, пытаясь доказать при помощи этого тезис о том, что симпатии населения были именно на стороне последней³. Однако белые мемуаристы отдавали должное организации Красной армии и боевому духу отдельных ее частей. Еще в 1920 г. вышла брошюра ротмистра Д.Д. Кузьмина-Караваева «Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода: Записки белого офицера»⁴. В книге автор освещал ключевую роль Л.Д. Троцкого в обороне Петрограда: «В защите Красного Петрограда кипучая энергия Троцкого сыграла большую роль. В разгар нашего выступления приехав в Петроград, он взял в свои руки все нити по обороне столицы и строгими принудительными мерами заставил буквально всех работать до изнеможения и добился того, что паника и растерянность в Красной армии не только улеглись, но и сменились воодушевлением и порывом»⁵. Далее автор переходит к похвале воинского духа красноармейцев: «дух в некоторых частях Красной армии был на высоте положения и до этого. Некоторые отряды, составленные из коммунистов или матросов и в самом начале нашего наступления окруженные белыми полками, и не имея никакой надежды на спасение, все же не сдавались, а все гибли геройской смертью. Крайнюю самоотверженность проявляли и советские курсанты, и команды бронепоездов, из которых большой преданностью к Советской власти отличалась команда «Ленина»⁶. В воспоминаниях полковника А.С. Гершельмана, командовавшего артиллерийской батареей в Северо-Западной армии, утверждается, что «большевики были гораздо сильнее, чем большинство думало <...> Красная армия, очень слабая в тактическом отношении, обладала все жестройной системой, организованной бывшими офицерами русского Гене-

¹ Гершельман А.[С]. В рядах Северо-Западной армии // Белая борьба. С. 339.

² Реден Н. Сквозь ад. С. 219 – 227.

³ Пермикин Б.С. О Северо-Западной армии: Ответ А. Северину // Часовой. 1958. Сентябрь. № 390. С. 10; Современное переиздание: Пермикин Б.С. О Северо-Западной армии // Белая борьба. С. 575 – 578.

⁴ [Кузьмин-Караваев Д.Д.] Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода: Записки белого офицера. Гельсингфорс, 1920.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Там же. С. 57 – 58.

рального штаба»¹. При написании своих мемуаров этот автор использовал захваченный им у убитого красноармейца дневник, воспроизводя точки зрения противоборствующих сторон на одно и то же событие и создавая, таким образом, объемную картину происходившего. При помощи дневника автор воспоминаний реконструировал ход сражений за деревню Сабицы (Лужский район) в 10-х числах сентября 1919 г. и сражений за деревни Аксентьево, Спас, Новые Краколы в 20-х числах сентября². Уважительно пишет о противнике и Н.Р. Вреден: «И в Белой, и в Красной армии имелись целые полки, личный состав которых был настроен в отношении противника бескомпромиссно, которые никогда не изменяли своим убеждениям. Вопреки утверждениям большевиков о классовой природе войны, в боевых рядах обеих сторон находились представители всех социальных, национальных и экономических слоев <...> большинство промышленных рабочих составляли надежные и преданные части Красной армии...»³. Упоминания о грозности боевого духа противника можно встретить и у других мемуаристов, например, в воспоминаниях капитана Г.И. Цельмина⁴. Даже в воспоминаниях такого непримиримого противника большевиков, как Б.С. Пермикин, можно встретить отзывы о высоком боевом духе некоторых частей Красной армии: «Большая единственная красноармейская часть из латышских стрелков, сплошь коммунистов, дралась отлично»⁵.

Примечательна оценка Красной армии и большевиков журналиста Г.Л. Кирдецова (настоящая фамилия – Дворжецкий), редактора ревельской газеты «Свободная Россия», пропагандировавшей наступление Северо-Западной армии на Петроград: «<...> у большевиков сказалось их дьявольское умение выходить из затруднительных положений путем напряженнейшей агитационной борьбы и энергичных военных действий <...> Троцкому относительно легко удалось <...> организовать еще в самом Петрограде сильные духом рабочие коммунистические отряды и бросить их в гущу борьбы»⁶. Основываясь на цитированной выше брошюре Д.Д. Кузьмина-Караваева, Г.Л. Кирдецов утверждает, что «<...> эти-то отряды, а не красноармейские части, да еще матросские батальоны и курсанты дрались как львы»⁷. Разочаровавшись в деятельности борцов с большевизмом, автор в дальнейшем примкнул к сменовеховскому движению, редактировал (с 26 марта 1922 по 1 октября 1923 гг.) ежедневную газету «Накануне» – главный печатный орган сменовеховской группы в Берлине. Вернувшись в СССР, 28 августа 1936 г. Г.Л. Кир-

¹ Гершельман А.С. В рядах Северо-Западной армии// Белая борьба. С. 440.

² Там же. С. 391 – 392, 399.

³ Реден Н. Сквозь ад. С. 225 – 226.

⁴ «19 октября [1919 г.] большевики вновь произвели ряд безрезультатных, чрезвычайно кровавых атак: наступали лучшие войска, состоящие из тверских курсантов и матросов. Эти войска никогда не сдавались, должно быть, они знали, что их ожидает у нас» (Цельмин Г.И. Под Петроградом // Белая борьба. С. 551).

⁵ Пермикин Б.С. Генерал, рожденный войной. С. 53.

⁶ Кирдецов Г.Л. У ворот Петрограда, 1919 – 1920 гг. Берлин, 1921. С. 351 – 352.

⁷ Там же. С. 352.

децов был арестован УНКВД по Северо-Кавказскому краю в городе Кисловодске. Умер он в заключении.

Образ большевиков, вырисовывавшийся на страницах мемуаров участников Белого движения на Северо-Западе России, безусловно, нес в себе негативную коннотацию. При этом мемуаристы отдавали должное силе и успешности своего противника. Порой красные демонизировались, и мемуаристы уподобляли их Антихристу¹.

Белые мемуаристы создали свою историческую традицию, альтернативную созданной в СССР версии истории. Эта традиция в значительной степени определяла восприятие советской истории и советской действительности в эмиграции, а сегодня активно влияет и на интерпретацию событий гражданской войны в современной России.

Репников А.В.

Григорий Шварц-Бостунич и его мировоззренческие метаморфозы: от критики Романовых до национал-социализма

Григорий Васильевич (Вильгельмович) Шварц (Шварц-Бостунич) является, по мнению современных исследователей, «наиболее загадочной фигурой», среди тех русских правых, которые активно поддержали национал-социалистов². До недавнего времени упоминания о нем и его взглядах были скудными. В определенной мере это пробел заполнен благодаря работе израильского ученого С.Ю. Дудакова³ «История одного мифа» и исследованиям Р.Ш. Ганелина⁴. Краткая биография Бостунича приводится в книге Д.А. Жукова и И.И. Ковтуна⁵. О нем, в связи с фигурой Г.Е. Распутина, упоминают в своих работах А.П. и Д.А. Коцюбинские, историк Б.И. Колоницкий, писатель

¹ См., напр.: *Вреде В.А.* Немного психологии // Служба связи ливенцев и северозападников. 1930. Ноябрь. № 3. С. 20 – 21; *Ливен А.П.*, кн. *Большевизм и религия* // Служба связи ливенцев и северозападников. 1931. № 4. С. 45 – 52.

² *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Русские эсэсовцы. М., 2010. С. 27.

³ *Дудаков С.Ю.* История одного мифа: Очерки русской литературы XIX – XX вв. М., 1993.

⁴ *Ганелин Р.Ш.* 1) Правое крыло первой волны российской эмиграции о политической роли либерализма в начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). Материалы научно-теоретической конференции 8 – 10 декабря 2003 года. СПб., 2004. С. 354 – 363; 2) СССР и Германия перед войной: отношение вождей и каналы политических связей. СПб., 2010. С. 226 – 228.

⁵ *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Указ. соч. С. 27 – 29. Авторы сообщают, что редкие сведения о Бостуниче они почерпнули из рукописи статьи М. Хабинейстера «Жизнь Грегора Шварца-Бостунича», которая пока не опубликована (Там же. С. 27).

А.Н. Варламов¹. Информацию о нем можно также почерпнуть из книг Б.А. Печникова, А.В. Репникова, Н. Гудрик-Кларка; статьи К. Семенова и записей протоколов допросов в Израиле А. Эйхмана². В Москве в ГАРФе в фонде Л.М. Савелова хранятся неопубликованные письма Бостунича (фрагмент одного из них был опубликован московским историком О.Н. Наумовым)³. Статьи о нем, иногда не свободные от ошибок, можно найти в интернете (в т.ч. в Википедии).

Григорий родился 1 декабря (по новому стилю) 1883 года в Киеве. Его отец Вильгельм Бертольд Шварц был сотрудником полиции. Мать – Ольга Бастунова-Бостунич, отец которой был обрусевшим сербом, а мать происходила из Баварии и «благодаря родственникам матери, юный Бостунич регулярно бывал в Германии»⁴. Сам Григорий превосходно владел немецким языком. В 1908 году он окончил юридический факультет Императорского Свято-Владимирского университета в Киеве и стал адвокатом. С 1910 выпускал собственную немецкоязычную газету «Der Sud koreken», выходившую «ежедневно тиражом в 100000 экземпляров вплоть до 1914 года»⁵. Работал журналистом и театральным критиком; был автором пьес и киносценария «Под Андреевским флагом» (фильм снят не был).

Перед началом войны с Германией выехал в Лейпциг, чтобы собрать материал для газеты о проходившей там выставке. После начала войны, находясь в Германии с отцом, решил ехать в Киссинген (Бад-Киссинген), где в это время лечились на курорте его мать и жена. Находясь в Киссингене с семьей, пытался вместе с другими русскими отдыхающими, застигнутыми войной вернуться в Россию. Доехал на поезде до Ганновера, затем прибыл в Гамбург, где русских на некоторое время задержали. Далее они проследовали до Любека и там были посажены на пароход, следующий в Данию. На этом приключения не закончились, но пересказывать всю историю мытарств в статье нет смысла. Впоследствии он написал об этих событиях книгу «Из вражеского плена», на обложке и титульном листе которой стоит фамилия Шварц, хотя в некоторых публикациях ошибочно указывается, что она вы-

¹ Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Григорий Распутин: тайный и явный. СПб., 2003; Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; Варламов А.Н. Григорий Распутин-Новый. М., 2008.

² См.: Печников Б.А. «Рыцари церкви». Кто они? Очерки об истории и современной деятельности католических орденов. М., 1991. С. 186 – 188; Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. СПб., 1993; Семенов К. Русские фюреры СС // Эхо войны. 2008. № 2. С. 8 – 9 (в подписи под фотографией Бостунича, помещенной в статье на 9 странице, он почему-то значится, как Георгий); Йохен Ланг фон. Протоколы Эйхмана. Магнитофонные записи допросов в Израиле. М., 2002.

³ Акиншин А.Н., Наумов О.Н. Леонид Михайлович Савелов – общественный деятель и генеалог // Савелов Л.М. Из воспоминаний, 1892 – 1903. Воронеж, 1996.

⁴ Гудрик-Кларк Н. Указ. соч. С. 188.

⁵ Там же.

пущена под фамилией Бостунич¹. В своей книге он утверждал, что, хотя «мы не должны... платить немцам их же монетой, в смысле совершения зверств и насилий, но мы должны и обязаны заплатить им еще худшей монетой, в смысле полного культурного отречения от них, в смысле абсолютного разграничения нашего и вашего – славянского мира и тевтонского. Примирения не может быть никогда, во веки веков. По окончании войны оружием необходимо начать самую ожесточенную общественную войну против немецкого засилья»². В заключении к книге высказывал предложение «об образовании общества немцененавистников, о наименовании его Русским антинемецким обществом и о присвоении ему, с высочайшего соизволения, титула императорского; тогда сокращенное И.Р.А.Н.О. вылилось бы в звучное слово “Ирано” – это слово должно было бы быть выгравировано на особых кольцах, отличительных признаках всех членов этого общества, по которому незнакомые могли бы сейчас узнавать своих единомышленников, а немцы, при путешествии членов о[бщест]ва за границей, своих врагов. О[бщест]во это должно было бы в широчайшем масштабе вести борьбу с тевтонским засильем»³. Интересно, что автор ссылаясь в качестве примера на реально существующее «Общество 1914 года», учрежденное в Петрограде 5 декабря 1914 г., включавшее в себя ряд видных деятелей правой ориентации⁴. В мечтах о тайном антинемецком обществе, особых кольцах и т.п., как и в рассказах, Бостунича того времени, печатавшихся в периодике, наряду с определенным романтическим налетом присутствовала тема мистики («Случай в походе»⁵).

В 1914 году он стал профессором истории литературы и театра в Киеве и в том же году возглавил киевский Железнодорожный театр. Не исключено, что склонность к «позе» и «игре» берут свое начало оттуда. Впрочем, это могло быть чертой характера. В своих пьесах «Женщина или...» и «Наука любви» он позволял себе аморальные вольности, а пьеса «В Гибельмании» была запрещена в январе 1917 г. цензурой. Быть бы ему автором с «сомнительной репутацией», но грянула революция. Бостунич объявил, что в запрещенной пьесе «в непривлекательном виде выведен Вильгельм, первый друг Николая Готторпа», фигурирует Пуришкевич и т.д., а сам он оказался жертвой «автократизма самодержавно-полицейского режима, как ржа разъедавшего весь организм великой России»⁶. То, что еще недавно запрещалось и преследовалось властями, теперь можно было выгодно представить через

¹ Шварц Г.В. Из вражеского плена: Очерки спасшегося: История мытарств русского журналиста в Германии. Пг., 1915. Книга была дозволена военной цензурой (Киев) 20 января 1915 г. (Там же. С. 2). В качестве приложения к книге фигурировали факсимиле ряда документов, например, письма кабинет-секретаря короля Швеции Густава V к автору книги (Там же. С. 244).

² Там же. С. 229 – 230.

³ Там же. С. 231.

⁴ Там же. С. 231 – 238.

⁵ Бостунич Г. Случай в походе // Огонек. 1916. № 13. С. 3 – 5, 8.

⁶ Цит. по: Ганелин Р.Ш. СССР и Германия перед войной: отношение вождей и каналы политических связей. С. 227.

призму борьбы с царской цензурой. «Слава богу, – писал Бостунич, – что мы пережили времена этого ужасного кошмара»¹.

После падения монархии Бостунич отметил брошюрками антираспутинского содержания². Историк Б.И. Колоницкий пишет: «Памфлет Бостунича “Отчего Распутин должен был появиться” сейчас бы назвали сочинением сексопатологически-политологическим. Автор смело признается, что, “отбросив ложный стыд, ложное сострадание, ненужную сентиментальность и ненужное жантильничанье”, он смело займется «делами физически мертвого некоронованного царя России Григория Распутина и политически мертвой тиранки Алисы Гессенской и Николая Готторпа, лежащих, но все же пытающихся ужалить ненавистную им Россию”. В основе психопатологических отклонений последнего императора Бостунич видит дурную наследственность: “Кто такой Николай? Сын алкоголика (Александра Ш-го), внук сексуально-ненормального человека (Александра II-го, который, как известно, был лишен одного из шулят), правнук морфиниста (Николая I-го), праправнук явно-го дегенерата (Павла I-го), и, наконец, если допустить, что Павел был законным сыном Екатерины II, пра-пра-правнук нимфоманки. Такая блестящая восходящая линия может дать, разумеется, только один плод, именно тот, который она дала в лице царя-последыша, царя-кретина, царя-поганыша, как мухомора пышно возросшего на болоте”. Без доли сомнения Бостунич утверждает, что Николай II обладал “наследственно ослабленным сексуальным аппаратом”, хотя и не утверждал, что последний царь был импотентом. Не жалеет он и императрицу: “...барышня – манекен, полнейшее полено для жаждущего любовных утех предназначенного ей в пару вялого Николая Гольштейн-Готторпского”. Глубокомысленные ссылки на “Камасутру” приводят Бостунича к квазинаучному выводу: “Естественно, что оба друг друга ни в коем случае и никоим образом не могли удовлетворить. ...И то, что должно было заставить Николая и Алису искать вне придворного этикета интимности брачной ночи, то же должно было их и отшатнуть друг от друга в сексуальном смысле (говорю в сексуальном, потому что в чисто психологическом Николай продолжал и продолжает и по сей день сидеть под туфлей у своей благоверной Алисы)”. С апломбом автор “констатирует” сексуальную несовместимость царя и царицы. Вследствие этого император, по мнению Бостунича, якобы вновь вернулся к Кшесинской: “Нужна была известная подготовка к любовному слиянию, нужен был известный массаж его дряблых мозгов, чтобы их расшатанные физиологические центры могли послать в известные удовлетворяющие центры восприятия приказы к конечностям – и ничего этого неподвижная жена-полено дать, разумеется, не могла”. Другого партнера якобы искала и царица: “А Алисе, наоборот, нужна была только могучая и деятельная мужская сила, только физиологическое воздействие без всяких

¹ Там же.

² Бостунич Г. 1) Отчего Распутин должен был появиться (Обоснования психологической неизбежности). Пг., 1917; 2) У отставного царя: Веселые похождения коммивояжеров в Царском Селе. М., 1917.

интеллектуальных поздравительных и повелительных телеграмм, только действие, как можно полнее, скорее и сильнее вызывающее известную физиологическую реакцию – и ничего больше, ничего больше, ничего абсолютно, но как раз то именно, что Николай ей дать и не мог никоим образом”. Такого партнера она якобы нашла в Распутине, который-де на протяжении “10 лет” и был “некоронованным царем России”. По мнению Бостунича, сексуальные проблемы властителей влекут за собой и серьезные политические последствия. Правда, автор признает за правителями страны “право на страсть”, однако он полагает, что власть имущие должны отделять свои увлечения от дел государственных. В этом отношении разумная и волевая Екатерина II противопоставляется “слабому” Николаю II... Неконтролируемый разврат в верхах влечет необратимые политические последствия: “А Распутин продолжал распутничать, обратил двор в свой гарем, где Алиса Гессенская была только старшей одалиской, а Николай Готторпский главным евнухом, и продавал Россию и русский народ оптом и в розницу, распивочно и навывнос, поштучно и раптом, пока две патриотические пули не пробили его предательской головы”. Феномен Распутина Бостунич также “объясняет”, используя квазинаучную аргументацию: “Но появление его было не случайно; это было естественное и неотвратимое последствие неравного спаривания (под вывеской "брак") двух вырожденков...”¹. До такой мерзости в отношении бывшего императора и его супруги в 1917 году опускался мало кто из «желтых» публицистов.

Иногда утверждается о неприятии Бостуничем Февральской революции². Это не так, поскольку именно революция, отбросившая цензуру, позволила не особо удачливому автору пьес «с клубничкой» и «многозначительными» политическими намеками оказаться «на коне». И не только ему... Американский историк Энтони Свифт отмечает: «Театры легкой комедии мгновенно приспособились к революционному настроению и сразу после февральских событий выпустили фарсы “Крах торгового дома Романов и К°”, “Веселые дни Распутина”, “Царские холопы” и т.п. Это были короткие сцены, обычно с одним действием, которые мешали злободневную политическую сатиру с большой дозой сексуальных инсинуаций. В пьесе “Ночные оргии Распутина”, исполнявшейся в мае в петроградском Троицком фарсе, министр внутренних дел А.Д. Протопопов спрашивал подругу императрицы А.А. Вырубову, знает ли она, что Г. Распутин имеет “огромный талант”, на что она отвечает: “О, знаю, огромный, огромный талант”. Пристрастие к пьесам о Распутине и императорской семье, главные темы которых – его сексуальная потенция и деятельность императрицы Александры Федоровны в пользу Германии, не ослабевало до конца осени»³.

¹ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика». С. 359 – 360.

² См.: Семенов К. Указ. соч. С. 8; Жуков Д.А., Ковтун И.И. Указ. соч.. С. 27.

³ Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 402 – 403.

В Гражданскую войну Бостунич был сотрудником ОСВАГа, выступая с лекциями вел антибольшевистскую и антисемитскую пропаганду в Белых армиях. Печатался в ростовской газете «В Москву!». В 1920 году, был «заочно приговорен большевиками к смерти»¹. В октябре того же года выступал с лекциями в Ялте, а затем эмигрировал в Константинополь. Оттуда перебрался в Болгарию, где продолжил выступать с лекциями. Там же познакомился с неким Петром Деуновым (Дейновым), соединяющим «эзотерический расизм Блаватской с образами славянского мессианизма»². Затем переехал в Королевство сербов хорватов и словенцев (Югославию).

Интересно проследить, как оценивал Бостунич свою прежнюю позицию в эмигрантской брошюре³. Там он именует Николая II, как «Царя Мученика», уверяя, что «это благородный человек знал свой гороскоп», и поэтому был фаталистом⁴. Развивая тему он заявляет, что «Николай II-й и Александра Федоровна были мистики. Они искренно искали духовных путей, но не всегда разбирались в носителях духовности и quasi-духовности», поэтому и появился авантюрист Распутин⁵. Характерно, что Бостунич не без гордости дает ссылку на свой опус: «См. мою брошюру “Отчего Распутин должен был появиться”, вышедшую в марте 1917 г. и разошедшуюся в один день»⁶. С одобрением отозвавшись о книге Илиодора «Святой черт», Бостунич завершает эту тему.

С августа 1922 г. Бостунич проживал в Германии (Мюнхен). В 1924 принял германское гражданство и изменил свою фамилию на Шварц-Бостунич. В этом же году он познакомился с Альфредом Розенбергом и Генрихом Гиммлером. В 1925 Шварц-Бостунич активно публиковался в газете «Фелькишер Беобахтер», а в 1926-м – выступил на партийной конференции с докладом «Правда о России». В 20-е годы он «сошелся с представителями “народнического” крыла НСДАП, в частности с нацистским гауляйтером Тюрингии Артуром Динтером, впоследствии исключенным из партии по приказу Гитлера за “сектантскую деятельность”. Под влиянием “народников” Шварц-Бостунич “проникся” теорией Ганса Гербигера о “вечном льде”, а также написал ряд сомнительных опусов...»⁷. В начале 1925 года он женился на медсестре, фанатичной нацистке Фриде Вольф.

Бостунич выпустил ряд книг о масонстве в которых содержались совершенно фантастические версии (например, о том, что А.Ф. Керенский якобы... сын участницы покушения на Александра II Г.М. Гельфман)⁸. В 1923 –

¹ Гудрик-Кларк Н. Указ. соч. С. 189.

² Там же. С. 189.

³ Бостунич Г. Масонство и русская революция: правда мистическая и правда реальная. Нови-Сад, 1922.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Указ. соч. С. 28.

⁸ См.: Бостунич Г. 1) Масонство и русская революция: Правда мистическая и правда реальная; 2) Масонство в своей сущности и проявлениях, Белград, 1928.

1929 г. он был антропософом, «в феврале 1928 на него ссылались как на специалиста по взаимоотношениям русской и немецкой души»¹. Можно предположить, что увлечение мистикой и оккультизмом у Бостунича было вполне искренним. В 1920-е годы в письме к своему другу, известному генеалогу Л.М. Савелову он просил его отказаться от уничтожения записей и исследований: «Какое Вы имеете право так распоряжаться не своим добром? Пора Вам знать, что когда мы, слуги Света, пишем, то руководят нами Высшие Силы, мы только орудие. Что Вы сказали, если бы Ваша ручка взяла бы и порвала бы написанное, по ее мнению, ею при участии чернильницы, а во все не Вами! Но подобно этой ручке рассуждаете Вы сами. А еще мистик, живший в Египте. Хорош, нечего сказать!»².

Подобно Н.Е. Маркову и А.Д. Нечволодову, Бостунич имел отношение к Бернскому процессу. «Работал на новое агентство Weltdienst Альфреда Розенберга, а после этого выразил чувства преданности возникающей организации СС» и лично Генриху Гиммлеру³.

В 1927 году Бостуничу был присвоен титул «имперского лектора НСДАП», В 1928 вышла его книга – «Масонство в своей сущности и проявлениях». В декабре 1931 Шварц-Бостунич вступил в НСДАП и получил членский билет № 869390. После прихода нацистов к власти прочел в разных городах Германии цикл лекций. Вступив в СС, Шварц-Бостунич стал 107481-м членом и получил звание гауптштурмфюрера. Назначен начальником 1-го отдела (масонство) V Управления СД и куратором «Музея масонства» в Берлине. 12 октября 1935 г. произведен в штурмбанфюреры, 30 января 1937 – в оберштурмбанфюреры СС⁴. Успешно продвигался по служебной лестнице, о чем упоминается в магнитофонных записях протоколов допросов А. Эйхмана в Израиле. Тот упоминал Шварц-Бостунича, который «занимался масонством, издал об этом книгу, и за это ему, ну, скажем пожаловали звание штурмбанфюрера СС», при этом он «почти ничего не слышал и выглядел здесь смешно, как совершенно чужой»⁵. Одно время в его непосредственном подчинении находился Дитер Визлицени, в 1948 году приговоренный в Братиславе к смерти и казненный.

Был вынужден оставить свой пост из-за неприязни шефа СД Р. Гейдриха, формально сославшегося на слабое здоровье Шварца-Бостунича. 19 июня 1941 года Гейдрих информировал Гиммлера, что одна из работ Шварца-Бостунича представляет собой «бессистемную публикацию списка масонских преступников», перемежающуюся «скандалами и сенсациями» и тот «не может быть никаким фюрером СС» и в «политическом отношении не пред-

¹ Гудрик-Кларк Н. Указ. соч. С. 189.

² Цит. по: Акинъшин А.Н., Наумов О.Н. Указ. соч. С. 8. В статье дается ссылка на архив: ГА РФ. Ф. 6091. Д. 18. Л. 28 об.

³ Гудрик-Кларк Н. Указ. соч. С. 190.

⁴ См.: Семенов К. Указ. соч. С. 8 – 9.

⁵ Йохен Ланг фон. Протоколы Эйхмана. Магнитофонные записи допросов в Израиле. С. 25. В книге ошибочно назван «Шварц-Бостович» (Там же).

ставляет из себя ничего иного, кроме как жалкого невежду»¹. 26 сентября 1941 г. Бостунич получил от Гиммлера письмо, в котором рейхсфюрер указывал: «Прошу вас правильно меня понять, но ваша лекторская и публицистическая деятельность в будущем может быть разрешена лишь после того, как я ознакомлюсь с ее содержанием и получу о ней полное представление»². В результате Шварц-Бостунич был переведен в резервное подразделение «Ост» Общих СС в Берлине.

В 1942 году стал почетным профессором СС. Р.Ш. Ганелин приводит уточняющую информацию: «Когда во время войны возник вопрос о присвоении Шварцу-Бостуничу профессорского звания, Олендорф, бывший в СС академиком, заявил, что метод его не является научным, не нашлось такого германского университета, который согласился бы дать ему профессуру, и он стал почетным профессором в СС. Однако в разгар войны Гиммлер запретил ему носить эсэсовскую форму и предписал смягчить отношение к масонству»³.

В феврале 1944 года Шварц-Бостунич был эвакуирован вместе с женой и библиотекой (составляющей, по некоторым сведениям, около 40 тысяч всевозможных антисемитских и антимасонских книг) из Берлина в Силезию. Гиммлер дал указание приписать его к штабу XXI округа Общих СС. 4 ноября 1944 года получил свой последний чин – штандартенфюрера СС. «При приближении советских войск он выехал на Запад и сдался в плен американцам. Последнее упоминание о нем датируется маем 1946 года: его имя числится в списке немецких военных преступников – офицеров войск СС, составленном Главным штабом американских войск в Германии»⁴. Как отмечает Николас Гудрик-Кларк, «его политическая карьера представляет собой сложный путь от антисемитизма в предреволюционной России до искреннего отождествления себя с нацистской Германией»⁵. Историк С.А. Степанов отмечает, что в его распоряжении «нет сведений, указывающих на принадлежность Бостунича к какому-либо из дореволюционных черносотенных союзов, хотя нельзя исключить, что этот уроженец Киева, как многие немцы, до революции считал себя истинно русским»⁶.

Признавая, что некоторые взгляды Бостунича находятся в рамках мировоззрения дореволюционных монархистов, нельзя согласиться с утверждением У. Лакера, что Бостунич «был связующим звеном между “черной сотней” и нацистами»⁷. Его работы по масонству, носившие компилятивный характер, не претендуют на серьезные исследования, а сам он не может счи-

¹ Цит. по: Жуков Д.А., Ковтун И.И. Указ. соч. С. 29.

² Там же.

³ Ганелин Р.Ш. Правое крыло первой волны российской эмиграции о политической роли либерализма в начале XX в. С. 361.

⁴ Жуков Д.А., Ковтун И.И. Указ. соч. С. 29.

⁵ Гудрик-Кларк Н. Указ. соч. С. 190.

⁶ Степанов С. А. Черная сотня. 2-е изд. доп. и перераб. М., 2005. С. 494.

⁷ Лакер У. Черная сотня. Истоки русского фашизма. Вашингтон, 1994. С. 74.

таться идеологом. До революции он не позиционировал себя, как монархист, что в полной мере подтверждают непристойные выпады в адрес бывшего императора и его супруги в 1917 году. Единственное, что могло роднить Бостунича с некоторыми (но далеко не всеми!) из дореволюционных черносотенцев – это антисемитская и антимасонская платформа, но этого недостаточно, чтобы данный непоследовательный во взглядах и склонный к авантюризму персонаж, мог считаться примером типичной эволюции русских правых в сторону фашизма и национал-социализма.

Романов К.С.

Две стороны одной открытки. К постановке проблемы о бедности сюжетной составляющей открыток к годовщинам Октябрьской революции

Открытка, появившись в конце XIX века, в следующем столетии превратилось в одно из наиболее распространенных средств дистанционной коммуникации между людьми. Вызвано это было тем, что в отличие от других средств невербальной межличностной коммуникации, таких как письмо или телеграмма, открытка обладала рядом неоспоримых преимуществ. Прежде всего, она не требовала значительного времени для написания, т.к. ее формат: небольшой объем поля для сообщения и отсутствие приспособлений для его сокрытия, не предполагал передачу каких-либо обширных или конфиденциальных сведений. Во-вторых, стоимость открытки была невелика, и фактически любой человек имел возможность для их приобретения. Это делало открытки удобным средством общения, которое не требовало от отправителя больших временных, финансовых и душевных затрат, но в тоже время позволяло сохранять и укреплять связь с людьми, непосредственное общение с которыми было затруднительно. Одним словом, открытки на протяжении почти всего XX в. выполняли те же функции, что сейчас исполняют средства телефонной и электронной коммуникаций.

В тоже время, открытка это не только средство межличностного общения. Благодаря изображению, которое помещается на ней, она, даже не неся никакого личного сообщения, легко становится небольшим подарком или знаком внимания. В результате, открытки прочно вошли в быт не только как носитель информации.

Формирование жанрового и сюжетного разнообразия открыток приходится именно на кон. XIX - нач. XX вв., время когда началось бурное развитие массовой культуры с ее стремлением к украшению и украшательству жизни. Именно тогда возникло обыкновение сохранять полученные открытки, а так же декорировать ими дом или рабочее место. В этот же период формируется интерес к открытке, как предмету коллекционирования, «возника-

ют многочисленные общества и клубы собирателей открыток»¹. Фактически собирание и изучение открытки было начато чуть ли не с момента ее зарождения. Несмотря на это их потенциал, как исторического источника, до сих пор не достаточно оценен. Они по большей части привлекаются исследователями в качестве иллюстративного материала, т.е. наряду с фотографиями, используются для воссоздания деталей быта прошедших эпох.

Между тем, по нашему мнению, открытки представляют собой уникальный массовый источник. Открытка, созданная как средство для передачи частных сообщений, т.е. сугубо личной информации, в тоже время содержит и публичный информационный посыл, обращенный к широкому кругу людей. Этот посыл содержится в изображениях и тексте, которые печатаются на открытках. В самом простом варианте они призваны стимулировать покупательский спрос. Иначе говоря, отражают представления издателя о запросах потенциальных потребителей, т.е. о вкусах и культурном уровне общества или отдельных социальных групп. Как уже было справедливо замечено «издававшиеся из года в год открытки должны были удовлетворять потребности жителей России, поскольку именно удовлетворение потребностей и позволяло их продавать»².

В тоже время изображение, помещенное на открытке, может нести и более сложный информационный посыл (пропагандистский, рекламный, просветительский и т.п.). Это несколько изменяет ее характер. Она становится не только средством межличностного общения, но и средством непосредственного обращения издателя к потребителю, а значит, перестает быть только товаром. Более того, иногда издатель сам использует поле для личного общения, выступая в роли автора текста. Тем самым он не только лишает потребителей возможности использовать открытку по ее первоначальному назначению, но и зачастую маскирует свое, по сути, публичное обращение под личное.

Все вышесказанное, позволяет утверждать, что потенциал открытки, как исторического источника, достаточно велик. Ее изучение может способствовать не только разрешению узкоспециальных вопросов, но и существенно расширять представление об общеисторических процессах, происходящих в обществе и стране. В равной степени это касается динамики изменения вкусов и пристрастий широких слоев общества; общественных настроений; методов пропаганды в различных сферах от торговой до просветительской, и от политической до социальной.

Однако для полноценного использования открыток, как источника, существует целый ряд препятствий. Прежде всего, это связано с отсутствием устоявшегося понятийного аппарата, даже понятие «открытка» не имеет однозначного определения. Так в данной статье под открыткой мы будем под-

¹ Тагрин Н.С. Мир в открытке. М., 1978. С. 26.

² Третьяков В.П., Гутерман А.А. Возможности использования открыток для анализа некоторых явлений обыденного сознания россиян [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.philocartist.su/articles/articles20.html>

разумевать все почтовые и не почтовые карточки, которые 1 – изданы официальными издательствами; 2 – содержат изображения и место для личного сообщения; и 3 – специально предназначены для поздравления с конкретным праздником.

Во-вторых, в России фактически отсутствует не только справочная литература, но и книги с систематически обработанным открыточным материалом. Имеется лишь несколько каталогов, которые включают максимально полные перечни открыток по некоторым издательствам и авторам. Так же в этом ряду стоит отметить, серьезные каталоги и справочники по открыткам времен Великой Отечественной войны. В большинстве же случаев книги посвященные открыткам, представляют собой лишь более или менее обширные подборки по определенной тематике. Такой подход к публикации открыток обусловлен тем обстоятельством, что серьезных регламентационных барьеров для издания открыток никогда не существовало, а количество издательств, занимавшихся их выпуском, всегда было значительным. В результате, отсутствует какая-либо методика обработки открыток, как массового источника. Даже вопрос о количественной составляющей выборки достаточной для объективного анализа является существенной проблемой. Все это препятствует введению открыток, как массового источника, в научный оборот. Несмотря на указанные сложности, можно осуществить постановку некоторых вопросов, решение которых позволит дать более объективный анализ ряду важных и до сих пор не исследованных в полном объеме социально-политических проблем истории России.

Одним из таких вопросов может быть изучение развития сюжетной составляющей открыток, издававшихся в СССР к годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции.

Выпуск открыток к различным праздникам всегда являлись одним из главных направлений в деятельности их издателей. Открытка для праздничного поздравления подходила как нельзя лучше. Она сочетает в себе черты подарка, благопожелания, приятного напоминания о радостном дне или событии, а потому обречена была стать одним из атрибутов любого широко отмечаемого праздника.

Так в дореволюционной России массово тиражировались открытки к таким религиозным праздникам, как Пасха и Рождество. После Октябрьской революции положение изменилось. Поздравительные открытки фактически перестали издаваться, т.к. общественный запрос на них отсутствовал. Гражданская война и последующие годы, когда были разорваны и уничтожены многие, ранее казавшиеся незыблемыми, узы, не располагали к написанию небольших формальных сообщений и рассылки милых пустячков. К тому же, большая часть старых традиционных праздников оказалась под негласным запретом, а система новых складывалась тяжело и болезненно. Власти даже не пытались создать праздники, направленные на создание в обществе «ат-

мосферы согласия, единения».¹ Они видели смысл праздников совсем в ином. Праздники «красного календаря» должны были прославлять героику борьбы с эксплуататорскими классами, напоминать о жертвах этой борьбы, звать к новым свершениям. Все это отстраняло от участия в празднике большие группы населения. В результате, грамотная часть общества, даже лояльно настроенная по отношению к новым властям, относилась к новоявленным праздникам, если не враждебно, то скептически.

Однако советская пропагандистская машина очень успешно работала над разрешением этой проблемы. Благодаря этому, события, в результате которых большевики пришли к власти, стали неразрывно ассоциироваться с 7 ноября (25 октября по старому стилю), и этот день стала главным государственным праздником. Именно от этого дня было принято вести отсчет годов и десятилетий существования первого в мире государства рабочих и крестьян, государства нового типа. Официально это праздничная дата была введена в советский календарь решением Совета народных комиссаров от 2 декабря 1918 г.², вскоре после широкомасштабных торжеств, посвященных первой годовщине октябрьских событий 1917 г.

Уже при праздновании первых годовщин своего прихода к власти большевики сделали все возможное, чтобы население стало воспринимать этот день, как праздник. Среди всех действий властей, способствовавших созданию праздничного настроения, особо следует выделить две группы мероприятий, которые, видоизменяясь, сохранили свое значение на протяжении всего периода существования СССР. Первая из них была связана с усиленным обеспечением населения накануне праздничной даты продовольственными и промышленными товарами, что являлось своеобразным символом будущего благосостояние народа. Вторая группа мероприятий имела не меньшее значение. Она заключалась в том, что в празднование вовлекались большие группы населения страны. С этой целью устраивались такие массовые мероприятия, как митинги, шествия, демонстрации, включавших в себя в качестве обязательных деталей элементы карнавала, театрализацию. Кроме того, обязательным элементом торжеств становилось праздничное убранство населенных пунктов. Все это должно было символизировать презрение к трудностям, готовность к дальнейшей борьбе и гордость за достигнутые результаты.

В таких условиях, со стороны властей неизбежно должен был возникнуть запрос на издание специальных открытки – традиционный атрибут праздника. И, действительно, в 1918 – 1919 гг. были предприняты попытки издания таких открыток. Так, в 1918 г., Центральное бюро по организации празднования годовщины Октябрьской революции при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов выпустило серию портретов деятелей рево-

¹ См.: *Жигульский К.* Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышление социолога. М., 1985. С. 144 – 145.

² Советские традиции, праздники, обряды: словарь-справочник / Сост. Б.В. Попов. Киев, 1988. С. 26

люционного движения¹. А уже на следующий год Литиздат Реввоенсовета выпустил поздравительные карточки к Первомайскому празднику и второй годовщине Октябрьской революции². Одна из них или подобная им репродуцирована в книге Н.С. Тагрина «Мир в открытке». На ней изображен красноармеец в окружение красных знамен, две красные звезды с датами «1917» и «1919», а так же надпись: «Привет с фронта. Поздравляем товарищей со второй годовщиной победы над помещиками и капиталистами»³. Однако, как показало время, издание таких открыток оказалось исключением, а не правилом.

При отсутствии достаточного спроса и тяжелом экономическом положении страны создание оригинальных открыток было не выгодным. Гораздо перспективней оказалось объединение их с таким видом массовой агитации и пропаганды, как плакат.

Плакат, который всегда рассматривался как «одно из средств донесения при помощи искусства призывов партии и правительства к народу»⁴, весьма близок к некоторым жанрам открытки. Еще до революции многие рекламные, выставочные, благотворительные и военные плакаты «выпускались в двух модификациях – как собственно плакат и как открытка»⁵. Несколько по иному складывалось взаимоотношение этих жанров в нелегальных революционных изданиях. По наблюдению исследователя плаката Б.С. Бутника-Свирского нелегальная открытка подменяла собой плакат. Он отмечает, что «Если сравнить такую открытку с открыткой легальной, то сразу же обнаружится их различие не только в содержании, но и в средствах выражения. Нелегальная открытка, и особенно сатирическая, это, по существу, плакат в вынужденно уменьшенном размере»⁶. После революции ситуация не изменилась. Наиболее удачные плакаты, в том числе и посвященные годовщинам Октябрьских событий стали репродуцироваться на открытках. Такие открытки рассматривались не как средство межличностного общения, а использовались как листовки⁷. Тем самым, советские пропагандистские органы не только продлевали срок службы плакатов, которые по законам жанра, выставляются на ограниченное время, но и расширяли ареал их действия. Существовала большая вероятность того, что человек, получивший такую открытку-плакат, и, будучи осведомленным, через газеты или устную пропаганду, о значении изображенного на ней, в дальнейшем, демонстрируя ее,

¹ Шлеев В.В. Революция и изобразительное искусство: очерки. Статьи. Исследования. М., 1987. С. 260, 264.

² Там же. С. 265.

³ Тагрин Н.С. Указ. соч. С. 59.

⁴ Бутник-Свирский Б.С. Советский плакат эпохи гражданской войны 1918 – 1921 гг. М., 1960. С. 28.

⁵ Нащокина М.В. Художественная открытка русского модерна. М., 2004. С. 72.

⁶ Бутник-Свирский Б.С. Указ. соч. С. 13.

⁷ Советский политический плакат. Из коллекции Государственной библиотеки им. В.И. Ленина / Авт.-сост. Н.И. Бабурина. М., 1984. С. 4.

сможет повторить толкование, помещенных на ней символов. Тем самым он сам окажется в роли пропагандиста. Для страны с низким уровнем грамотности и плохими коммуникациями это имело существенное значение.

Положение начало меняться во втор. пол. 1930-х гг. Подросло поколение, воспитанное в духе советской идеологии, для подавляющего большинства которого Октябрьские события уже не несли негативной окраски. К тому же, правящая верхушка, инициировав в 1936 г. принятия новой Конституции СССР, по крайней мере, формально, отказалась от дискриминационного отношения к некоторым группам своих граждан. Все это создало хорошие предпосылки для превращения дня Октябрьской революции в общенациональный праздник.

Одновременно с этим складывались и условия для формирования традиции использования открытки для поздравления с этим праздником. Главным из них было то, что события 1930-х – 1940-х гг. резко ускорили процесс урбанизации, вынудив значительные массы крестьянского населения к переселению в города и промышленные центры. Изменение процентного соотношения городских и сельских жителей ярко об этом свидетельствует. В 1922 г. в городах проживало только 18 % от общего числа населения, а в 1951 – 40 %¹. Но сменив место жительства, превратившись в горожан, вчерашние жители села не теряли из виду своих родственников и земляков. Будучи разбросанными в разные концы Советского Союза они стремились поддерживать ослабевающие связи, и единственным средством для этого оказалась почта. Кроме того, в 1920-е – 1930-е гг. существенно возрастает уровень грамотности населения. Если в 1920 г. грамотных был всего 44,1 %, а среди сельских жителей 37,8 %, то к 1939 г. этот показатель вырос до 87 и 84 % соответственно². Теперь фактически любой человек не испытывал затруднений, когда ему было необходимо написать или прочитать письмо. В этой обстановке открытка оказалась удобным средством связи, она позволяла напомнить о себе и в тоже время не сообщать особых подробностей о своей жизни.

Как итог, в кон. 1930-х гг. открытки к годовщине Октябрьской революции начинают выходить уже регулярно. Они по прежнему сохраняют стилистические особенности присущие плакату, а возможно, и репродуцируются с них. Главной особенностью этих открыток была официальное, лишенное каких-либо личностных мотивов, изображение. Так, например, на двух открытках 1939 г. выпущенных московским издательством «Искусство» главным смысловым элементом являются кремлевские стены и башни, с исходящими от них лучами. Дополнением их в работе Б.Е. Ефимова выступают слова наркома иностранных дел В.М. Молотова о том, что «... в случае вражеского нападения на Советский Союз, нападающий испытает, как силу нашей железной самозащиты, так и силу света советских рубиновых звезд, которые святят далеко за пределы нашей страны»³. А на открытке В. Климашина

¹ Там же. С. 169, 232.

² Яров С.В. Новейшая история России. 1917 – 1991. СПб., 1998. С. 171.

³ Почтовые карточки СССР 1938 – 1953. Справочник цен. СПб., 2006. Вып. I. С. 111.

звезда Спасской башни освещает эскадрилью красных самолетов¹. При этом никаких элементов, связанных с праздничным поздравлением в открытках нет. О празднике в первом случае напоминают лишь цифры «XXII. 1917 – 1939», а во втором – тиражный лозунг «Да здравствует XXII годовщина Великого Октября». Выпуская эти открытки власть, вне всяких сомнений, делала человека, пользующегося ими, проводником своих идей. Личный текст, который писался на открытки, при этом не имел не малейшего значения, т.к. рассылался одновременно со словами В.М. Молотова и однозначно пропагандистским изображением.

Великая Отечественная война несколько изменила открытки, посвященные годовщине Октябрьской революции. Правда, их выход по-прежнему был скорее исключением, чем правилом. Об этом наглядно свидетельствует каталог открыток, изданных в Ленинграде в годы войны. В нем приведены все открытки, выявленные на сегодняшний день². В частности, в нем приведены данные о 850 открытках. Из них празднику 7 ноября посвящено лишь 9 или 1 % от общего числа изданных открыток. В то же время поздравлений к Новому году среди них насчитывается 43 или 5 %. Кроме того, имеется несколько открыток непосредственно связанных с новогодней тематикой, но не имеющих поздравительных надписей. Правда, справедливости ради надо отметить, что другим праздникам повезло еще меньше. Так, к 1 мая была выпущена только одна открытка, а ко дню 8 марта – ни одной. Данные цифры говорят о том, что традиция отправлять друг другу поздравительные открытки с государственными, политизированными, праздниками до конца еще не сложилась.

Об этом свидетельствует и оформление открыток. Они по-прежнему являются лишь уменьшенными плакатами. Об этом свидетельствуют и крупные детали, и яркие краски, и краткая официальная надпись «Да здравствует годовщина Великого Октября!». Все рассчитано не на единичного получателя открытки, имеющего возможность подробно рассмотреть изображения, взглядеться в детали, читать и перечитывать написанное на ней, а на широкую аудиторию зрителей и довольно-таки беглый просмотр. Тем не менее, отбор изображений для репродуцирования на открытках позволяет говорить об изменении отношения к этому празднику. Большинство из них не несут большой идеологической нагрузки. Красные знамена, флажки, салют – это лишь антураж, настраивающий человека на определенное настроение. В то же время, они не теряют своего агитационного значения, т.к. благодаря ему утвердились стереотипы праздничного поведения. Главными героями большинства блокадных открыток являлись обычные люди (как солдаты, так и мирные жители), празднующие годовщину Октябрьской революции. Особенно в этом отношении показательны три открытки, первая из них издана в 1941 г.,

¹ Там же. С. 109.

² *Гдалин А.Д., Иванова М.Р.* Сражающийся Ленинград. Почтовая открытка: Энциклопедический каталог. СПб., 2007.

по рисунку художника А.Ю. Васнецова¹. На ней, под надписью «Поздравляю с XXIV годовщиной ОКТЯБРЯ» и двумя красными звездами, изображены силуэт Петропавловской крепости, гладь Невы, решетка Кировского моста, на котором женщина и маленькая девочка поздравляют красноармейца. При этом девочка протягивает бойцу небольшой рисунок или открытку. Все это делает сюжет данной открытки достаточно уникальным. Это, пожалуй, единственный случай, когда на открытке запечатлен непосредственный момент личного, а не официального, поздравления с праздником 7 ноября.

В 1944 г. были выпущены две открытки, автором которых был другой известный советский график Н.М. Кочергин². На них изображены те же герои, что и у А.Ю. Васнецова. На одной открытке – женщина с девочкой на руках на празднично украшенной Дворцовой площади, а на другой – красноармеец с красным флагом у Адмиралтейства. При этом трактовка сюжета сильно изменилась: в Ленинграде, освобожденном от блокады, годовщина Октябрьской революции – это массовый праздник (на Дворцовой площади множество людей с красными флагами), поэтому герои поздравляют уже не друг друга, а зрителя, как бы приглашая его принять участие в народном торжестве. Эти открытки Н.М. Кочергина, как нельзя лучше свидетельствуют об изменении характера Октябрьских торжеств, о превращении их в массовый общенародный праздник.

По окончании войны вид открыток, выпускаемые к 7 ноября, вновь претерпел изменения. Они сохраняют свой плакатный стиль, но их сюжетная составляющая существенно изменилась. С открыток опять исчезают люди. Их место заняли помпезные, нарядные композиции из флагов, государственной символики и римских цифр, обозначающих очередную годовщину. Вместе с тем информационный посыл этих рисунков был крайне не велик. Бедность их содержания особенно ярка видна на фоне произведений такого близкого к открыткам жанра, как плакат. Так, от художников-плакатистов в тот период требовали «показать в плакатах ведущую роль большевистской партии, создать яркие образы, красноречиво рассказывающие о преимуществах советского строя, о величии и силе советского народа, образы, воспитывающие деятельную любовь к социалистической Родине»³. Лучшие образцы плакатного искусства, безусловно, этим требованиям соответствовали. Открытки же в большинстве своем оставались лишь нарядной картинкой, на которой праздник и его политическое значение находят свое выражение лишь через устоявшийся ряд определенных символов. Безусловно, это было связано и с неразработанностью данной тематики в поздравительной открытке и их малом, в сравнении с плакатом, числе. Но в любом случае, создается впечатление, что заказчик, в лице государства, недооценивал ее агитационно-пропагандистские возможности. В результате, никак не стимулировался,

¹ Там же. № 006. С. 17; № 042. С. 23.

² Там же. №№ 579, 580. С. 111.

³ *Поволоцкая Е., Иоффе М.* Тридцать лет советского плаката. М.; Л., 1948. С. 53 – 54.

приуроченный к этому празднику, процесс обмена поздравительными открытками между гражданами.

Однако в обществе существовала потребность в таком типе общения, и это формировало устойчивый спрос на поздравительные открытки. Постепенно в роли заказчика открыток стало выступать не государство, а население. Крупные издательства, прежде всего центральные, выпускавшие открытки, явно были не готовы к росту спроса. Так, для решения этой проблемы, почтовому ведомству в 1953 – 1957 гг. на нейтральных, видовых, почтовых открытках, приходится делать соответствующие поздравительные надпечатки к праздникам нового года, 1 мая и 7 ноября. Например, в 1955 г. на открытках с Новосибирским государственным театром оперы и балета, Уральским политехническим институтом и видом на городской пруд в г. Свердловске были сделаны надпечатки «С праздником Великого Октября»¹. В 1957 г. надпись «Слава Октябрю!» была нанесена на открытку со зданием Московского университета на Ленинских горах². Более того, в сер. – втор. пол. 1950-х к изданию поздравительных открыток, в том числе и с годовщиной Октябрьской революции, подключились издательства специализирующиеся на выпуске массовой сувенирной продукции (фотографии артистов, фотоколлажи и т.п.). В результате, идеологическая составляющая в ряде открыток вообще свелась к упоминанию названия праздника.

Государство достаточно быстро исправило это ситуацию, и уже к кон. 1950-х гг. такие аполитичные открытки перестали выпускаться. Однако зависимость издателей поздравительных открыток от потребителя, ориентация на его потребности сохранилась и в дальнейшем.

Наиболее ярко эту тенденцию позволяют проследить двусторонний маркированные почтовые карточки (ДМПК), издаваемые Министерством связи СССР. На одной стороне этих открыток помещался почтовый формуляр и марка, напечатанная типографским способом, а на другой произвольное изображение. Уникальность ДМПК состоит не только в том, что их основной массив каталогизирован, но и в том, что они непрерывно выпускались с 1955 по 1991 гг. Ни одно другое советское издательство не занималось выпуском поздравительных открыток столь продолжительное время.

На протяжении всего этого периода поздравительные карточки к различным праздникам (государственным, профессиональным, личным) составляли существенную часть от числа ежегодно издававшихся ДМПК. При этом подавляющее большинство поздравительных открыток выпускалось к государственным общенародным праздникам. Это и не удивительно, т.к. данные праздники являлись важнейшими вехами годового идеологического цикла в СССР. К ним, помимо годовщины Октябрьской революции, на протяжении

¹ Емельянов Л.И., Пантюхин В.А., Сафонов Е.А. Двусторонний маркированные иллюстрированные почтовые карточки СССР 1924 – 1991 гг. Каталог / Под общ. ред. А.В. Пантюхина. М., 2004. С. 43. Карточки с марками VIII стандартного выпуска (1952 – 1960 гг.) №№ 105, 109, 110.

² Там же. С. 49. Карточки с марками VIII стандартного выпуска (1952 – 1960 гг.) № 361.

значительной части послевоенного периода так же относились Новый год (1 января), Международный женский день (8 марта), День международной солидарности трудящихся (1 мая), День победы (9 мая) и День Конституции СССР.

Анализ данных об издании ДМПК к этим праздникам показывает (см.: таблицу № 1), что на протяжении всего послевоенного периода у населения существовал устойчивый спрос на почтовые открытки. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что с кон. 1950-х по кон. 1970-х годов количество издававшихся ДМПК постоянно и существенно увеличивалось. Лишь в последующем десятилетии происходит незначительный спад, обусловленный целым рядом объективных причин. Наибольшую роль здесь играли технические и социальные процессы, шедшие в тот период. С одной стороны, предвосхищая прорыв 1990-х годов, произошли качественные и количественные изменения в области технических средств связи, прежде всего, телефонной. С другой стороны, усилился характерный для городского общества втор. пол. XX в. процесс атомизации, разобщенности людей. Все это уменьшило общественный запрос на почтовые открытки.

Таблица 1. Двусторонние маркированные почтовые карточки, изданные Министерством связи СССР к общегосударственным общенародным праздникам¹

Год	Общее число почтовых карточек	Количество почтовых карточек к праздникам	Праздники						
			Новый год	8 марта	1 мая	9 мая	День Конституции	7 ноября	Не определен
1957	104	12 (11,5)	4 (3,8)	0 (0)	3 (2,9)	0 (0)	0 (0)	2 (1,9)	3 (2,9)

¹ Подсчет для таблицы осуществлены по: Емельянов Л.И., Пантюхин В.А., Сафонов Е.А. Двусторонние маркированные иллюстрированные почтовые карточки СССР 1924 – 1991 гг. Каталог / Под общ. ред. А.В. Пантюхина. М., 2004. Первая цифра обозначает общее количество видов открыток, учтенных в каталоге, в скобках указан процент от числа видов открыток, выпущенных в данном году. При подсчете не учитывались указанные в каталоге разновидности и варианты открыток, как связанные с качеством бумаги и печати, так и с наличием надпечатками, в том числе и поздравительного характера, «выполненных по распоряжению местных (региональных) почтовых ведомств после выпуска карточек» (Там же. С. 35). При этом надо отметить, что данные подсчеты нельзя считать окончательными, т.к. каталог не иллюстрированный, а по названию открытки (например, «Поздравляю!», «С праздником!») не всегда возможно понять к какому празднику она выпущенная.

1962	201	44 (22)	13 (6,5)	4 (2)	12 (6)	0 (0)	0 (0)	11 (5,5)	4 (2)
1967	381	137 (35,9)	45 (11,8)	23 (6)	11 (2,9)	3 (0,8)	0 (0)	28 (7,4)	27 (7)
1972	590	116 (19,6)	41 (6,9)	34 (5,8)	18 (3)	3 (0,5)	0 (0)	14 (2,4)	6 (1)
1977	698	126 (18)	46 (6,6)	34 (4,9)	19 (2,7)	2 (0,3)	0 (0)	18 (2,5)	7 (1)
1982	511	119 (23,2)	41 (8)	40 (7,8)	15 (2,9)	3 (0,6)	0 (0)	15 (2,9)	5 (1)
1987	533	134 (25,1)	23 (4,5)	45 (8,8)	22 (4,3)	13 (2,4)	0 (0)	29 (5,7)	2 (0,4)

Необходимо отметить, что количественные изменения в сегменте поздравительных ДМПК, не всегда соответствовали общей тенденции издания этого вида открыток. В 1957 г. число выпущенных ДМПК было сравнительно не велико – 104 вида, из них поздравительных открыток к интересующим нас праздникам было 12 или 11,5 %. Однако уже через пять лет, эти небольшие, как в относительном, так и абсолютном выражении цифры, значительно выросли. Если общее количество ДМПК в 1962 г. увеличилось примерно в два раза до 201, то число поздравительных открыток выросло почти в четыре с 12 до 44 видов или 22 %. Еще больший прирост произошел за следующие пять лет. При этом основную роль в этом сыграл колоссальный рост числа поздравительных открыток к общегосударственным праздникам. По сравнению с 1962 г. в 1967 г. было издано на 180 ДМПК больше, при этом количество видов поздравительных карточек возросло на 93 – с 44 до 137 (35,9 %).

Такой рост был во многом обусловлен появлением в 1965 г. советском календаре еще двух общегосударственных праздников: Международного женского дня (8 марта), введен 8 мая, и Дня победы (9 мая). Этим подчеркивалась идеологическая значимость этих дат для государства, а так же указывалось на необходимость их более широкого празднования. Поэтому количество поздравительных ДМПК ко дню 8 марта в 1967 г., по сравнению с 1962 г. выросло почти в шесть раз с 4 до 23 видов.

В дальнейшем, несмотря на существенные колебания числа выпускавшихся видов ДМПК, количество поздравительных карточек оставалось достаточно стабильным. Иначе говоря, в сер. 1960-х гг. почтовым ведомством

были примерно определены потребности населения в том или ином виде открыток, что позволило сформировать своеобразный количественный стандарт.

Говоря о видовом разнообразии ДМПК, посвященным различным праздникам нельзя не отметить, что отнюдь не главный государственный праздник – годовщина Октябрьской революции являлся лидером по количеству выпускаемых видов поздравительных карточек. Даже в юбилейные годы наибольшее число ДМПК, издавалось к другим праздникам, таким как Новый год и Международный женский день. Лишь затем со значительным основанием следовали праздники, отмечавшиеся 1 мая и 7 ноября.

Эти же тенденции только для более локальных временных отрезков подтверждают данные и по другим издательствам. Так, ИЗОГИЗ – крупнейшее издательство, специализировавшееся на издание открыток в 1950-х – нач. 1960-х гг. в 1957 г. предполагало издать к общегосударственным праздникам 20 наименований открыток, общим тиражом 26 мил. Из них на поздравительные открытки к Новому году должно было приходиться 10 наименований, т.е. 50 % от общего списка наименований, тиражом 16 мил. экземпляров или 62 % от суммарного тиража открыток. На 1 мая и 7 ноября приходилось по четыре вида открыток (по 20 %), каждая из которых должна была выйти миллионным тиражом (по 15 %). Меньше всего открыток планировалось издать к Международному женскому дню, не являвшемуся на тот момент общегосударственным праздником, – всего два наименования (10 %), каждую тиражом один миллион экземпляров (8 %).¹ В 1962 г. – год сорок пятой годовщины Октябрьской революции – положение несколько изменилось. К тем же четырем праздникам было запланировано издать 38 наименований открыток, общим тиражом 78 мил. 14 наименований (37 %), с суммарным тиражом 30 мил. экземпляров (38,5 %) должно было приходиться на новогодний праздник. К трем оставшимся праздникам предполагалось выпустить по 8 видов открыток (по 21 %), каждую в количестве 2 мил. штук (по 20,5 %).² Как видно из приведенных цифр, номенклатура названий и тиражи открыток ко всем праздникам существенно возросли, но изменения произошедшие в процентных соотношениях фактически не коснулись праздников 1 мая и 7 ноября. Количество наименований возросло на 1 %, а тираж на 5,5 %.

В кон. 1970-х – 1980-х гг. особое место в издании поздравительных открыток к различным праздникам занимало издательство ЦК КПСС «Плакат». Оно было создано в 1974 г., как раз с целью издание различного агитационно-пропагандистского материала. К нему, между прочим, относились поздравительные открытки, поздравительные и сувенирные карточки. Все они печатались без почтового формуляра и не подлежали пересылки в открытом виде. Тем не менее, они выполняли функцию открытки, т.к. были предназна-

¹ Тематический план Государственного издательства изобразительных искусств на 1957 г. М., 1956. С. 37 – 38.

² Тематический план Государственного издательства изобразительных искусств на 1962 г. М., 1961. С. 24 – 25.

								шт.
1976 – 1980	330 (49,5 %)	1109,5 (67,8 %)	201 (30,2 %)	388 (23,7 %)	135 (20,3 %)	139,65 (8,5 %)	666 (100 %)	1637,1 5 (100 %)
1981 – 1985	125 (35,1 %)	271 (35,9 %)	101 (28,4 %)	211,5 (28 %)	130 (36,5 %)	272,5 (36,1 %)	356 (100 %)	775 (100 %)
1986 – 1990	67 (18,5 %)	103,7 (17,6 %)	153 (42,1 %)	241,1 (41 %)	143 (39,4 %)	243,1 (41,4 %)	363 (100 %)	587,9 (100 %)

Очевидно, что уменьшение общих плановых показателей по изданию открыток было связано с постепенным отказом населения от обмена праздничными поздравительными открытками. Однако в случае с издательством «Плакат» эти изменения стимулировались и другими причинами. Одной из них был то, что массовый потребитель не являлся его целевой аудиторией. Большая часть его продукции, такая как плакаты, грамоты, трафареты и материалы для оформления стенгазет и красных уголков были предназначены организациям. Расширяя ассортимент вычурно-помпезных, с золотым теснением, сувенирных карточек, сотрудники издательства лишь учитывали пожелания своих клиентов. Данные открытки как нельзя лучше подходили для официальных поздравлений в ходе различных торжественных мероприятий.

Эти общие тенденции, были характерны для всей открыточной продукции издательства «Плакат». В тоже время более показательны и интересны для нас другие процессы, которые связаны с изменением приоритетов в планирование издания открыток к различным праздникам. Как уже отмечалось, «Плакат» был издательством при ЦК КПСС, что, казалось бы, должно было предопределить усиленную идеологическую мотивацию в его деятельности. Однако анализ плановых показателей показывает, что однозначно такой вывод сделать нельзя.

В 1975 г. и в период с 1979 по 1986 гг. выпускались поздравительные карточки даже ко Дню Конституции. Между тем, несмотря утверждения советских исследователей праздничной культуры, что этот праздник «нередко отмечается и как семейный»,¹ не имел широких традиции празднования даже на официальном уровне. Однако при обращении к количественным показателям становится понятным, что данные издания были лишь формальной акцией. Число видов открыток к этому празднику было ничтожно мало. Даже в плане на 1979 г., составленном в начале 1978 г., вскоре после принятия новой Конституции и обновления даты праздник, к изданию намечалось всего три

¹ Советские традиции, праздники, обряды: словарь-справочник / Сост. Б.В. Попов. Киев, 1988. С. 44.

поздравительные карточки. В дальнейшем их число сократилось до одной в год, а начиная с 1986 г., издательство перестало планировать их издание.

Таблица 3. Количество видов и тираж поздравительных открыток к общегосударственным праздникам, запланированных к выпуску издательством «Плакат»

Год	Общее число видов открыток	Новый год	8 марта	1 мая	9 мая	7 ноября	День Конституции
1975	83	45 (54,22 %)	0 (0 %)	2 (2,41 %)	4 (4,82 %)	30 (36,14 %)	2 (2,41 %)
1976	118	29 (24,58 %)	25 (21,19 %)	25 (21,19 %)	14 (11,86 %)	25 (21,19 %)	0 (0 %)
1977	182	31 (17,03 %)	20 (10,99 %)	30 (16,48 %)	13 (7,14 %)	88 (48,35 %)	0 (0 %)
1978	148	27 (18,24 %)	40 (27,03 %)	25 (16,89 %)	14 (9,46 %)	42 (28,38 %)	0 (0 %)
1979	122	24 (19,67 %)	18 (14,75 %)	26 (21,31 %)	18 (14,75 %)	33 (27,05 %)	3 (2,46 %)
1980	96	26 (27,08 %)	14 (14,58 %)	15 (15,63 %)	17 (17,71 %)	23 (23,96 %)	1 (1,04 %)
1981	75	17 (22,67 %)	11 (14,67 %)	15 (20 %)	12 (16 %)	19 (25,33 %)	1 (1,33 %)
1982	70	17 (24,29 %)	12 (17,14 %)	13 (18,57 %)	11 (15,71 %)	16 (22,86 %)	1 (1,43 %)
1983	65	12 (18,46 %)	12 (18,46 %)	13 (20,00 %)	11 (16,92 %)	16 (24,62 %)	1 (1,54 %)
1984	74	16 (21,62 %)	13 (17,57 %)	13 (17,57 %)	13 (17,57 %)	18 (24,32 %)	1 (1,35 %)
1985	72	16 (22,22 %)	14 (19,44 %)	12 (16,67 %)	13 (18,06 %)	16 (22,22 %)	1 (1,39 %)

			%)		%)	%)	
1986	73	16 (21,92%)	14 (19,18%)	13 (17,81%)	13 (17,81 %)	16 (21,92%)	1 (1,37%)
1987	81	21 (25,93 %)	16 (19,75 %)	13 (16,05 %)	13 (16,05 %)	18 (22,22 %)	0 (0 %)
1988	73	22 (30,14 %)	16 (21,92 %)	13 (17,81 %)	9 (12,33 %)	13 (17,81 %)	0 (0 %)
1989	67	21 (31,34 %)	16 (23,88 %)	11 (16,42 %)	9 (13,43 %)	10 (14,93 %)	0 (0 %)
1990	69	21 (30,43 %)	18 (26,09 %)	9 (13,04 %)	11 (15,94 %)	10 (14,49 %)	0 (0 %)
1991	67	22 (32,84 %)	19 (28,36 %)	8 (11,94 %)	9 (13,43 %)	9 (13,43 %)	0 (0 %)

Открытки к другим общегосударственным политическим праздникам издательство «Плакат» издавало в значительно большем объеме.

Издательские планы свидетельствуют, что на протяжении ряда лет больше всего открыток планировалось издавать именно к годовщинам Октябрьской революции. Но сказать, что этот праздник был специализации издательства все же нельзя. Даже в кон. 1970-х – нач. 1980-х гг. число открыток ко дню 7 ноября, Новому году, Международному женскому дню было вполне сопоставимо. Лишь на протяжен трех лет, с 1977 по 1979 гг., запланированное к изданию число открыток к ноябрьским торжества было ощутимо больше. Более того, в некоторые годы число открыток, которое планировалось издать к новогодним праздниками, было самым значительным. Так, в 1975 г., в первый год существования издательства, планировалось выпустить 45 новогодних открыток и только 30 к празднику 7 ноября. На следующий год должно было выйти 29 и 25 открыток соответственно, а в 1980 г. – 26 и 23.

Лишь однажды, в 1976 г., ввиду предстоящей юбилейной годовщины Октябрьской революции, издательство «Плакат» существенно скорректировало свои планы. К празднику 7 ноября предполагалось издать 28 наименований поздравительных открыток разных видов¹, и, кроме того, еще 60 специально посвященных 60-ой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции². В общей сложности планировалось выпустить 88 видов открыток общим тиражом 165 мил. экземпляров. Это составляло 48 % от об-

¹ План выпуска изданий на 1977 г. издательства ЦК КПСС «Плакат». М., 1976. С. 51 – 56.

² Там же. С. 47 – 48.

щей на 1977 г. номенклатуры наименований открыток к общегосударственным праздникам и 37,7 % запланированного на них тиража. К сожалению, пока сложно судить, насколько полно был реализован вышеозначенный замысел. Как уже говорилось, тематический план издательства, даже в условиях советской плановой экономики, в отношении открыток являлся лишь декларацией о намерениях.

Иными словами, даже издательство ЦК КПСС при определении числа издаваемых открыток мало ориентировалось на идеологическую составляющую.

С началом пересмотра идеологических постулатов, начавшегося во втор. пол. 1980-х гг. это проявилось еще ярче. Уже на 1987 г., на который приходилась семидесятая годовщина Октябрьской революции, было запланировано издать только 18 открыток, а к новогодним праздникам – 21. В последующие годы уменьшение числа открыток к празднику 7 ноября в абсолютных и относительных цифрах пошло еще более быстрыми темпами в 1988 г. планировалось издать 13 видов открыток; в 1989 – 1990 гг. по 10, а в 1991 г. всего 9. Если, в начале 1980-х гг. количество видов открытки к ноябрьским праздникам составляло 22 – 25 % от общей номенклатуры открыток к шести общегосударственным праздникам, то в 1991 г. этот показатель сократился до 13,43 %. В тоже время, планы издания открыток к новогодним праздникам и 8 марта расширялись. Если в 1981 г планировалось издать 17 и 11 открыток соответственно, то в 1987 г. – 21 и 16, а в 1991 г. – 22 и 19, что составляло 32 и 28 % от общей номенклатуры. Таким образом, издательство явно демонстрировало свою незаинтересованность в издании поздравительных открыток к годовщинам Октябрьской революции.

Особенно наглядно это небрежение проявилось при составлении издательского плана на 1992 г., когда позиции советской традиционной идеологии были уже серьезно подорваны. К этому моменту издательство «Плакат» сменило и свой профиль, отказавшись от массового издания «листового материала», и свое название, переименовавшись в «Панораму». Тем не менее, это не объясняет, почему в плане издательства, подписанном к печати 4 апреля 1991 г., к годовщине Октябрьской революции, да и ко всем другим праздникам, имевшим историко-политическое значение (23 февраля, 1 и 9 мая), намечалось издать лишь по одной сувенирной карточки, тиражом один миллион экземпляров. В тоже время к Новому году планировалось издать восемь видов открыток, а к 8 марта – 6¹. К этому моменту времени судьба Советского Союза представлялась, по меньшей мере, неясной. Референдум, состоявшийся 17 марта 1991 г., на который был вынесен вопрос о сохранение СССР, показал, что за это выступает большинство населения страны. Годовщина Октябрьской революции, несмотря на переосмысление значения этого события для истории страны, продолжала оставаться главным государственным праздником. Традиции празднования и поздравлений исчезнуть в одно-

¹ План выпуска на 1992 г. издательства «Панорама». М., 1991. С. 24 – 26.

часье не могли. Несмотря на это, государственное издательство по каким-то причинам спешило свернуть издание открыток к этому празднику, чем явно способствует усилению негативного к нему отношения и вытеснению из общественного сознания. Судя по всему, здесь можно говорить о таком уже неоднократно отмечавшемся парадоксальном явлении, как ускоряющее, а не замедляющее влияние государственных и партийных средства массовой информации СССР, на деструктивные процессы, происходившие в стране. Однако данный вопрос заслуживает специального исследования, поэтому пока приходится лишь констатировать резкое уменьшение после 1987 г. числа открыток к празднику 7 ноября.

В рамках данной статьи гораздо важнее еще раз подчеркнуть следующую особенность издания поздравительных открыток к общегосударственным праздникам: наибольшее число открыток издавалось вовсе не к главному государственному празднику страны – годовщине Октябрьской революции, а к Новому году.

Такое повышенное внимание к новогодним праздникам со стороны издателя было не случайным. Лишь говоря о них, исследователи советского праздничного календаря особо подчеркивали существование традиции поздравлять друг друга по почте, указывая, что «по самым скромным подсчетам, предновогодние почтовые отправления составляют по стране не менее 500 миллионов»¹. Иначе говоря, именно новогодние открытки были наиболее востребованы населением.

Для других праздников, в том числе и для Октябрьских такое поздравление, не являлось обязательной частью праздничного ритуала. Они в сознании значительной части людей не являлись достаточным стимулом для совершения действий, направленных на поддержание межличностных отношений. Казалось бы, это находится в противоречии с тем фактом, что 7 ноября в советском календаре праздничных дат был праздником, в подготовку к которому через различные мероприятия, приуроченные к этому дню, было вовлечено подавляющее большинство населения. Причем, это было не только пассивное вовлечение через средства массовой информации, которые ежегодно уделяли этой дате повышенное внимание, особо подчеркивая ее важность в жизни страны или через праздничное оформление населенных пунктов и путей коммуникаций. Люди участвовали в трудовых вахтах и торжественных построениях, принимали участие в вечерах памяти и праздничных концертах. К 7 ноября приурочивали различные меры поощрения и стимулирования, организовывали прием в партию, комсомол, пионер. Даже на бытовом уровне приближение этой даты постоянно напоминал о себе и ожиданием временного расширения ассортимента товаров в магазинах, и появлением в холодильниках деликатесов «к празднику». Сам день годовщины Октябрьской рево-

¹ Наши праздники (советские общегосударственные, трудовые, воинские, молодежные и семейно-бытовые праздники, обряды и ритуалы) / Сост. В.В. Заикин. М., 1977. С. 150.

люции был связан с таким массовым мероприятием, как демонстрация. Именно она являлись важнейшей церемониальной частью празднования¹.

Это кажущееся противоречие, объясняется тем, что все массовые мероприятия, приуроченные к годовщинам Революции, были нацелены не на поддержание и укрепление межличностных отношений, а на упрочнение единства государства и граждан. Демонстрация рассматривалась, не как символ единения нации, а как выражение «трудящимися массами своей солидарности с политикой КПСС и Советского государства», как средство показа достижений «во всех областях коммунистического строительства»². Такое понимание праздника не создавало дополнительных поводов для отправки даже небольших посланий родственникам и знакомым. Напротив, сделало весьма распространенным обычай вручать поздравительные открытки от имени партийных, хозяйственных, профсоюзных организаций, что в условиях советской действительности можно рассматривать, как поздравление, полученное от государства.

Можно утверждать, что издательства при определении количества издаваемых открыток к тому или иному празднику не всегда руководствовались идеологическими соображениями. Главным потребителем поздравительных открыток все-таки был рядовой человек, поэтому издателям при составлении панов приходилось ориентироваться не столько государственно-идеологическую, сколько на народную иерархию праздников. В то же время, они были крайне зависимы в выборе сюжета для открыток к ноябрьским праздникам. Политическая составляющая праздника оказывала определяющее значение на оформление открыток.

Как уже говорилось, открытка, благодаря помещенному на ней изображению, дает возможность ее издателю или заказчику дополнить личное сообщение своим собственным. Казалось бы, открытки к общегосударственным праздникам, особенно тем, что имели историко-революционные корни и играли определяющую роль в идеологической жизни Советского государства, должны были использоваться для пропаганды и агитации, подстраиваясь под задачи текущей пропагандистской компании. Однако анализ содержательной стороны поздравительных открыток к годовщинам Октябрьской революции показывает, что это происходило крайне редко.

Более того, первенствующее место среди сюжетов поздравительных открыток к октябрьским праздникам занимают абстрактные композиции, основанные на сочетании из различной советской и революционной символики, лозунгов и поздравительных обращений. Открытки такого типа неизменно выходили на протяжении всего послевоенного времени. В результате, сложился достаточно ограниченный набор символов, ставших неизменным атрибутом этого типа поздравительных открыток. К таким символам, прежде

¹ *Немиро О.В.* Искусство оформления праздников. История и современность. Л., 1987. С. 122.

² Наши праздники. С. 20.

всего, относились серп и молот, красное знамя и красная звезда, гербы и флаги СССР и союзных республик, ордена Октябрьской революции и Дружбы народов, земной шар, с выделенным на нем очертаниями границ Советского Союза и местоположения Москвы. Реже использовались другие символы: факелы, красные банты, изображение кремлевских звезд и салюта. Это привело к тому, что новизну открытки и ее смысловой посыл определяли не события реальной жизни, а оригинальность, проявленная автором в использовании имеющегося набора символов и атрибутов. Результатом этого стала своеобразная вневременность этих открыток, т.к. за годы их существования изменялась лишь эстетическая, а не содержательная составляющая.

С этими открытками по своему характеру схожи и те, где основное внимание сосредоточено на обезличенных атрибутах и символах революционной поры. Речь, прежде всего, идет о дате «1917», крейсере «Аврора» и символическом изображении (в виде лозунгов или газетных полос) первых декретов советской власти и лозунгах той поры. Особенно много внимания художники уделяли крейсеру «Аврора», образ которого за годы своего бытования в открытке претерпел серьезные изменения. Так в нач. 1950-х гг. на открытках помещалось реалистичное изображение корабля на фоне Петрограда 1917 г. и даже делались, необходимы пояснения: «Крейсер “Аврора” громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры – эры Великой социалистической революции» (Иванов К., Эльцуфен М. Военно-Морское издательство Военно-морского Министерства СССР, 1952). В дальнейшем реальное историческое содержание начинает подменяться символическим. Город все чаще обозначается условным силуэтом или исчезает вовсе, а вместе с ним пропали и другие приметы реального. В результате, на многих открытках и от крейсера остается один силуэт, подвешенный в безвоздушном и безводном пространстве, окруженный сиянием, красными флагами и торжественными надписями. Такое вольное обращение с реальным историческим кораблем приводило к тому, что авторы открыток не редко полностью абстрагировались от действительности. Так, на фотомонтаже Е. Савалова из Арки Главного Штаба открывается прекрасный вид, но не на Дворцовую площадь, а на крейсер «Аврору» под развивающимся красным знаменем (Ленинградский комбинат цветной печати, 1972). Аналогичный сюжет избрал для своей открытки и А. Калашников. Его «Аврора» таранит знаменитые ворота Зимнего дворца, выходящие на Дворцовую площадь (Министерство связи СССР, 1988). Иначе говоря, легендарный крейсер из исторического объекта постепенно превратился в оторванный от реальной жизни символ, который можно было использовать, полностью игнорируя достоверности изображаемого.

Впрочем, крейсер «Аврора» и революционные лозунги были далеко не единственными историческими сюжетами на поздравительных открытках. Нередко на них изображались и другие эпизоды, имевшие место в 1917 г., чье историческое содержание не подверглось такому безжалостному выхолащиванию. Наиболее популярным из них, после сюжета с историческим вы-

стрелом «Авроры», был штурм Зимнего Дворца. Издавались также открытки с изображением Смольного в Октябрьские дни, видами предреволюционного Петрограда с рабочими патрулями на улицах и штурмом Московского Кремля. Безусловно, при всем реализме изображений, реальное историческое содержание этих открыток, как у любого агитационно-пропагандистского материала, мало соответствовало действительности. Все они были выдержаны в духе устоявшихся идеологических клише и лишней раз напоминали о том, кто и как совершил Октябрьскую революцию. Подспудно, через лозунги на знаменах революционных рабочих, через цветовую гамму, через введение дополнительных символических элементов в них давался ответ и на вопрос, зачем революция была совершена. Одним из символов дополнявшим, в общем-то, исторически достоверную картину революционного города было солнце, светящее сквозь тучи. Так на открытки Г. Васильева 1967 г. лучи исходящий от солнца и от громадного знамени (!) с лозунгом «Вся власть советам!» освещают мрачную Дворцовую площадь, Адмиралтейство и Исаакиевский собор (Советский художник, Л., 1967). Аналогичный образом важность Октябрьской революции продемонстрирована и открытки неизвестного автора 1968 г. Здесь над мрачным силуэтами Петропавловской крепости и Дворцового моста сквозь багряные тучи ярко светит солнце с написанной на нем датой «1917». Оно освещает, греющийся у костра революционный патруль: рабочего, солдата и матросов. (Министерство связи СССР, 1968). Таким образом, часть поздравительных открыток играла некоторую роль в формировании исторических представлений, закрепляя в сознании определенные штампы. Правда, необходимо отметить, что массово эта тема эксплуатировалась лишь в 1960-х гг., особенно до и после празднования пятидесятилетия революции, одной из идей которого была реконструкция городской среды и атмосферы революционных дней¹. В дальнейшем, количество поздравительных открыток на эту тематику резко сокращается. Место исторических сцен заняли изображение памятников, посвященных революционным событиям.

На утверждение сходных исторических штампов работали и открытки с В.И. Лениным. Среди них значительное место занимают изображения наиболее пафосных эпизодов, так или иначе, связанных с темой «В.И. Ленин и Октябрьская революция», начиная выступлением на Финляндском вокзале после возвращения из эмиграции и заканчивая знаменитым выступлением на II Всероссийском съезде советов. Большинство из этих открыток это репродукции различных произведений живописной и графической ленинианы. Однако были карточки и с оригинальными изображениями, которые, так же как и произведения больших жанров изобразительного искусства, были направлены на утверждения образа вождя мирового пролетариата, и как пламенного революционера, и как человека новой формации. Нередко на поздравитель-

¹ См.: *Немиро О.В.* Искусство оформления праздников. История и современность. Л., 1987. С. 229 – 231; *Мухина Е.Н.* Экскурсия в 1917 год (Выставки документов на улицах города) // Советские архивы. 1967. № 4. С. 104 – 106.

ных открытках изображались и памятники В.И. Ленину. Особенной популярностью пользовались монументы у Финляндского вокзала и Смольного.

Здесь нужно оговориться, что в отличие от плакатов сложившаяся политическая конъюнктура на открытки влияния почти не оказывала. Кроме В.И. Ленина массово ни один деятель революции или советского государства на поздравительных открытках запечатлен не был. Даже в 1940-х – нач. 1950-х гг., когда образ В.И. Сталина активно тиражировался, его изображений на поздравительных открытках к 7 ноября почти не было. Оно могло присутствовать на флаге, транспаранте, в названии какого-либо объекта. Так на открытке 1944 г. профили В.И. Ленин и И.В. Сталина помещены на знамени («Советский график». М., 1944), а на открытке 1952 г. изображен пароход «Иосиф Сталин» («Искусство». М., 1952). Единственное выявленное исключение, это ленинградская открытка 1943 г., на которой изображен А.А. Жданов. Но оно объясняется тем, что в виде открытки был переиздан плакат, а для этого жанра советского искусства изображение политических лидеров было делом обыденным. В последующий период, были лишь единичные случаи изображения на поздравительной открытке вместе с В.И. Лениным Карла Маркса.

Популярными для поздравительных открыток были и сюжеты, связанные с достижениями советского народа. Обычно они строились на противопоставлении суровых боевых дней революции и мирных туровых будней современности. Весьма показательная одна из первых открыток такого типа художника К. Иванова, изданная к 35 годовщине революции. Она разбита на два смысловых поля. Над цифрой «1917» помещен сумрачный Петроград, светящая прожектором «Аврора» и высится штык с привязанным к нему алым флажком «За власть Советов!». Над цифрой «1952» изображен солнечный день на одном из шлюзов открытого в этом году Волго-Донского канала, по которому плывет пароход «Иосиф Сталин» и громадное красное знамя со словами «Вперед, к победе коммунизма» («Искусство». М., 1952). В нач. 1960-х гг. художники открыток также оперативно реагировали на самые выдающиеся достижения СССР. На открытках появляется включенный в состав флота в 1960 г. атомобод «Ленин», который сопоставлялся с «Авророй», и космический корабль «Восток» (Кузьмин Ю.В. Министерство связи СССР. 1961; Долгоруков Н.А. «Советский художник». М., 1962).

Однако со временем, эта оперативность исчезает. Все достижения сводятся к освоению космического пространства, почти полностью игнорируются другие успехи страны. Еще в 1963 г. П.И. Вьюев и А.В. Плетнев помещают на свой открытки не только космические корабли «Восток-5» и «Восток-6», но и изображение Московского университета, и знак мирного атома, и плотину гидроэлектростанции и вагоны товарного поезда, т.е. многое из того что может символизировать разные сферы мирного труда (Министерство связи СССР. 1963). То в дальнейшем на два десятилетия космический корабль и космос становятся единственной темой, достойной поздравления к 7 ноября. Освоения космоса на открытки превращается в такой же оторванный от

жизни символ, как и другие атрибуты революции и советского государства. Безусловно, покорением космоса было одним из наиболее выдающихся достижений Советского Союза, оно позволяло авторам не только эксплуатировать законную гордость граждан за успехи своей страны, но и открывало большие возможности для сравнений и аллюзий. Но постоянное обращение авторов к этой теме обеднило ее: стали появляться расхожие сюжеты, стандартные сопоставления, формализм. К 1980-х гг. эта тема себя фактически исчерпала. Несмотря на это, она вновь и вновь появлялась в поздравительной открытке, будь-то значок «Интеркосмоса» у художника С. Горлицева (Министерство связи СССР. М., 1979) или летящая в космос ракета у А. Бурляева, изображением которым он заканчивает символическое повествование о наиболее значимых вехах развития СССР («Плакат». М., 1980). Другие научные, технические и трудовые успехи крайне редко удостаивались того, чтобы быть запечатленными на поздравительных открытках к 7 ноября. На рубеже 1980-х гг. были слабые попытки возродить в открытках тему свершений Октября. Так в 1979 г. издана ДМПК с атомоходом «Арктика» (Пикунов Г. Министерство связи СССР. М., 1979). Кроме того, были единичные случаи, когда через композицию, объединяющую различные производственные и научные символы, художники пытались представления наиболее выдающиеся достижения.

Такое отстранение от повседневной трудовой жизни страны для октябрьской открытки тем более странно, что во всех сферах искусства, и прежде всего в плакате, эта тема проходит красной нитью. Даже в открытках к такому аполитичному празднику, как Новый год, теме трудовых свершений уделялось гораздо больше внимания. Так помимо выше перечисленных тем, в новогодних открытках, нашли отражение исследования Арктики и Антарктики, строительство БАМа. Иными словами, именно открытки посвященные годовщинам революции, официально главному празднику страны, оказались наименее задействованы в отражении и прославлении побед и успехов Советского Союза.

За период существования октябрьской поздравительной открытки существенное изменение претерпело изображение города. Прежде всего, необходимо отметить, что на открытках этого типа обычно помещались изображения не какого-то абстрактного городского пейзажа, а места, имевшие вполне конкретную географическую привязку. Подавляющее большинство их связано с Москвой и Ленинградом. Лишь на открытках выпущенных республиканскими издательствами иногда помещалось изображение столиц союзных республик.

Первоначально, в 1950-х гг., на открытках помещались реалистические изображения наиболее узнаваемых зданий и памятников, праздничный характер которым придавали лишь соответствующие атрибуты и надписи. Для Москвы это были Кремль, скульптура В.И. Мухиной «Рабочий и колхозница», здания так называемых «сталинских высоток». Список ленинградских достопримечательностей был шире – крейсер «Аврора», Смольный, комплекс

зданий Дворцовой площади, Адмиралтейство, Петропавловская крепость, Ростральные колонны. В 1960-х гг. этот подход сохранился, но стали появляться открытки немного другого типа с изображением видов праздничного города и горожан. Наиболее многочисленными были открытки с видами города, дополненными демонстрацией или салютом.

Однако были открытки, где город представлялся не местом проведения официального праздничного мероприятия. В ряде случаев, это лишённые помпезности зарисовки праздничного города, которые свободны от казенных пропагандистских штампов и обращены к личностным переживаниям человека. Таковы открытки О. Маслакова, на которых праздничный Ленинград предстает тихим, задумчивым и почти пустым. На одной из открыток мужчина и женщина смотрят на крейсер «Аврора» (Лениздат, 1964), а на другой немногочисленные зрители с набережной Кронверкского пролива любуются горящими Ростральными колоннами (Лениздат, 1965). О том, что это поздравительные открытки напоминают лишь внесенные на поля лозунги «Слава Великому Октябрю». В это же время появляются открытки, на которых художники старались показать город, в который пришел праздник. А.В. Васильев («Художник РСФСР». Л., 1959) и С.В. Андриевич («Художник РСФСР». Л., 1963) темой своих открыток избрал Невский проспект в праздничном убранстве. Город на них живет своей обычной жизнью по проспекту мчатся автомобили, по тротуару прогуливаются люди. В них даже не нашлось места для поздравительной надписи, ее функцию выполняют флаги со словами «Слава Октябрю», повешенные над магистралью.

Однако подобные изображения города на поздравительных открытках к революционным годовщинам так и остались исключениями. Вскоре определился новая стилистика в изображении города. Прежде всего, она заключалась в выделение какого-либо объекта из городской среды. Художник свободно оперировал различными зданиями, сооружениями, памятниками, дополняя их по своему усмотрению различными атрибутами и символами праздника. Кроме того, упрощался сам рисунок, его детализация заметно снижалась. Довались лишь общие очертания, с тем, чтобы архитектурный объект быть узнаваем. Таким образом, можно сказать, что в 1970-х гг. праздничный город исчезает с открытки, а его место занимают декоративные композиции с городскими мотивами.

Но, пожалуй, самую интересную эволюция из всех открыток, выпускавшихся к 7 ноября, проделали те, на которых изображались люди. Как уже отмечалось, такие открытки стали появляться еще в годы войны, и, если не репродуцировались с плакатов, то имели с ними много общего. Они создавали особый настрой и формировали стереотипы праздничного поведения. В первый послевоенный период таких открыток нам выявить не удалось. Наиболее ранняя, известная нам, открытка с изображением людей относится к 1954 г. Однако по своей тематике она еще отличается от открыток военного периода. На ней художник С. Забалуев изобразил пионеров рисующий праздничный транспарант (ИЗОГИЗ, 1954). Лишь в кон. 1950-х гг. в открытку возвращают-

ся люди, отмечающие праздник. Первоначально это произошло в первомайской открытке, а затем и в октябрьской. Изображение ликующих демонстрантов стало самым ярким элементом поздравительных открыток тех дней. При этом эти октябрьские открытки имели еще одну характерную особенность. На многих из них художники устанавливали жесткую связь между праздничной демонстрацией и октябрьскими событиями. Достигалась это за счет введения двух визуальных рядов, один из которых был посвящен празднованию революционной годовщине, а второй непосредственно революционным событиям. Тем самым, открытки не только давали примеры праздничного поведения, но и подчеркивали, что демонстрация – это своеобразное продолжение борьбы, начатой народом в 1917 г. Ту же идею, только в несколько ином ключе, развивали и открытки, где вместо праздничных колонн демонстрантов изображались советские труженики: рабочие и колхозники, инженеры и ученые. Все это воедино связывало историю страны, делая современников причастными к революционному пафосу и романтики.

Правда, век этих открыток оказался чрезвычайно короток. Судя по всему, к сер. 1960-х гг. они уже исчезают. Ненадолго их место занимают карточки центральным смысловым элементом, которых является документальная фотография с октябрьской демонстрацией. В результате, смысловой и идеологический посыл был серьезно ослаблен, хотя вид улиц и площадей, заполненных демонстрантами, по-прежнему, оставлял очень сильное впечатление. Вскоре от изображения демонстрантов на праздничной открытке вообще отказались. Редко издавались карточки, где по обилию знамен на улице можно было догадаться о том, что здесь изображен проход праздничной демонстрации. В дальнейшем, изображения людей имели единичный характер. Так, в 1983 г., была выпущенная открытка Любезнова, на которой изображены силуэты рабочих монтирующих надпись «Слава, Октябрю!» («Плакат», 1983). Таким образом, можно говорить о том, что к 1980-м гг. с открыток к 7 ноября совершенно исчезли изображения современников.

Однако это не означало, что из открыток ушла идея связи времен и поколений. Она сохранилась, благодаря, введению такого популярного в любом жанре открытки персонажа, как ребенок. Начиная с сер. 1950-х гг. дети на октябрьских открытках выступали в качестве восприимчивых революционного опыта и традиций. Одним из самых популярных сюжетов было изображение детей и ветерана. Авторы всячески подчеркивали живую связь молодого поколения с революционным прошлым, изображая встречу в каком-нибудь знаковом месте, например у крейсера «Аврора». Таковы открытки художников Р.Н. Галицкого («Советский художник». М., 1956), Г.В. Шубина (Министерство связи СССР. М., 1962) и некоторых других. Чуть позже этот сюжет был несколько изменен. Место ветерана занял портрет героя революции или изображение какого-либо объекта, с революцией связанного. Изменилась и роль ребенка. Теперь он уже изображался не как ученик, внимающий седому патриарху, а как готовый продолжатель славных дел предыдущих поколений, строящий свою жизнь, равняясь на героев революции. Это сюжет многократ-

но использовался и варьировался разными авторами на протяжении втор. пол. 1960-х – 1980-х гг.

Впрочем, все выше изложенное, не означает, что дети рассматривались авторами открыток, как единственные носители революционной традиции. Появление этих сюжетов скорее было связано с популярностью детских изображений на поздравительных открытках к другим праздникам. Наряду с открытками, где тема преемственности и связи поколений решена в традиционном ключе со всей подобающей серьезностью, были открытки и совершенно другого плана. На них дети лишь по случаю праздника надели костюмы матроса, буденовца, космонавта. В такие же праздничные атрибуты лишённые какого-либо глубокого смысла здесь превращаются модели крейсера «Аврора» и флаги с революционными лозунгами. Иначе говоря, авторы и издатели, выпуская к октябрьским праздникам поздравительные открытки с детьми, лишь эксплуатировали популярную среди потребителей тему, мало заботясь об идеологическом содержании своей продукции.

Завершая обзор основных тем, использовавшихся в поздравительных открытках к 7 ноября нельзя не отметить наличие среди них одной абсолютно аполитичной, связанной с флористическими изображениями. Впервые изображение цветов занимающих на поздравительной карточки к главному политическому празднику страны появилось в нач. 1960-х гг. Одной из первых открыток такого типа была открытка художника А. Антонченко, на которой был помещен рисунок трех гвоздик и надпись «С праздником!» (ИЗО-ГИЗ, 1963). Для объяснения связи между букетом цветов и октябрьским праздником здесь же были помещены стихи А. А. Жарова:

«Для всей планеты наш Октябрь Великий
Зажег весны счастливую зарю...
Вот почему друзьям цветы гвоздики
Я к празднику осеннему дарю».

В дальнейшем, «октябрьская гвоздика» стала настолько устойчивым атрибутом, что помещение ее на поздравительной открытке уже не требовало никакого дополнительного пояснения. Она стала таким же постоянно используемым атрибутом праздника, как красное знамя, салют или крейсер «Аврора». Художники по своему усмотрению добавляли к цветам красные знамена, дату «1917», орден «Октябрьской революции», т.е. гвоздики дополнили собой список элементов используемых для построения композиции для открыток к 7 ноября.

Помимо гвоздики другие цветы на таких открытках встречаются крайне редко. Однако, по примеру первомайских открыток, как напоминание о времени года, на которое приходится этот праздник в них использовались мотивы осенней природы. Однако если первое мая еще со времен первых маевки прочно могло ассоциироваться с яблоневым цветом и первыми листочками березки, то желтые листья и красные ягоды рябины мало плохо вязались с событиями октября 1917 г. Несмотря на это, эти атрибуты осени тоже заняли свое место на поздравительных открытках.

Благодаря своей отстраненности от реальных событий 25 октября 1917 г. именно осенняя природа и цветы стали сюжетом последних открыток к этому празднику, выпущенных в 1989 – 1990 гг. Это многочисленные (и скучнейшие) фотокомпозиции И. Дергелева, основой которых служит цветочный букет. На этих открытках уже ничто не напоминает о празднике лишь сухие штампованные поздравления: «С праздником Великого Октября!».

Подводя итог, необходимо отметить, что за годы существования поздравительной открытки к 7 ноября проделала эволюцию от репродуцирования плаката до создания совершенно самостоятельного жанра со своей тематикой, символикой, и другими особенностями. Однако платой за это стало смысловое обеднение изображения – оно к нач. 1980-х гг. свелось к набору однозначных символов. Впрочем, необходимо оговориться, что жанр поздравительной открытки как раз и строится на использовании одних и тех же всем понятных символов, тиражируемых из года в год. Однако открытка, как средство межличностного общения, требует их своеобразного оживления, дополнения их каким-то личным обращением. Стандартный букет цветов на открытке к 8 марта или елка на новогодней открытке, при всей своей рафинированности, создают такую иллюзию. И букет, и новогодняя елка для подавляющего большинства людей, связаны с приятными личными воспоминаниями. Символика открыток к 7 ноября была слишком абстрактной, а потому лишенной личностного обращения. В результате, умение автора и новизну открытки определяло умелое и нестандартное их сочетание, а не оригинальность и актуальность информационного посыла. Кроме того, символика октябрьской открытки. Все это делало октябрьскую открытку слишком официальной, а порой даже казенной, как будто субъектом поздравления должно было быть само государство, а не человек.

Причиной такого плачевного положения, по нашему мнению, было то, что открытка оказалась на периферии сферы внимания идеологических органов. Крупнейший советский коллекционер открыток Н.С. Тагрин в своей книге 1978 г. сетовал: «Несмотря на то, что дело издания открыток ведется на столь высоком идейно-художественном уровне, все же мало издается хроникально-документальных открыток, которые должны были повседневно и оперативно отражать и широко пропагандировать героические дела и свершения советского человека»¹. Иначе говоря, ниши для открытки в агитационно-пропагандистской деятельности не нашлось. Это привело к тому, что при определении номенклатуры, тиражей, сюжетов открыток издательства, прежде всего, ориентировались на потребителя, а не на государство. В то же время, годовщина Октябрьской революции была слишком значимым событием в жизни государства, что, скорее всего, приводило к жесткому контролю со стороны цензурных органов за изображениями, помещаемыми на открытках к этому празднику. Отсутствие заинтересованности со стороны государства в открытках, как инструменте идеологического воздействия, при сохра-

¹ Тагрин. Н.С. Указ. соч. С. 70.

нении жесткого контроля над их сюжетной составляющей, как раз и привело к формализации их содержания. Это позволяло избежать расширительной трактовки сюжета, а, значит, облегчало процесс согласования и упрощало весь процесс издания открытки.

Сведения об авторах**(на ноябрь 2011 г.)**

Алексеев Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук, главный советник отдела этнической политики Управления по вопросам внутренней политики Президента Республики Татарстан, Аппарат Президента Республики Татарстан (Казань);

Бажанов Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Гавроева Екатерина Сергеевна – студентка 1 курса магистратуры по кафедре русской истории РГПУ;

Гордеев Петр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РГПУ;

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск);

Иванов (1-й) Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Иванов (2-й) Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры конфликтологии СПбГУП;

Мажара Петр Юрьевич – аспирант I кафедры источниковедения истории России исторического факультета СПбГУ;

Никитин Алексей Владимирович – студент 2 курса магистратуры по кафедре русской истории РГПУ;

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории РГПУ;

Репников Александр Витальевич – доктор исторических наук, профессор Российского университета театрального искусства (ГИТИС), главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ);

Романов Кирилл Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий специалист ГЭ;

Соколов Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий менеджер ГЭ;

Стогов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета (ЛЭТИ), докторант кафедры русской истории РГПУ;

Фруменкова Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ.

Список сокращений и аббревиатур

АРО ГЦТМБ – Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина;

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации;

ГЭ – Государственный Эрмитаж;

кн. – князь;

НА РК – Национальный архив Республики Карелия;

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан;

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;

ОРД СПбГМТиМИ – Отдел рукописей и документов Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства;

отд. – отдел;

прот. – протоиерей;

проф. – профессор;

РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота;

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства;

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив;

РГИА – Российский государственный исторический архив;

РГПУ – Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;

РО ИРЛИ РАН – Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом);

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет;

СПбГУП – Санкт-Петербургский государственный университет профсоюзов;

ст. – стол;

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга;

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга;

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;

КА – Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии).

Содержание

Оглавление

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
Иванов (1-й) А.А. «Все, что теперь совершается в России, сеет семена близкой бури»: предреволюционные «пророчества» П.Ф. Булацеля	5
Алексеев И.Е. Революционные события февраля – марта 1917 г. в Казани: реакция «верхов».....	15
Дубровская Е.Ю. Армейская и флотская повседневность: российские военнослужащие в Финляндии в период российской революции 1917 г.	36
Бажанов Д.А. Памятные революционные даты в Гельсингфорсе весной-летом 1917 г. как фактор формирования и отражения настроений (на примере моряков Балтийского флота)	46
Никитин А.В. Церковный суд в 1917 году: дело протоиерея Владимира Гуляева	53
Николаев А.Б. «Отравители» перед Временным судом (Петроград, март – июль 1917)	55
Стогов Д.И. Дело о «монархическом контрреволюционном заговоре» в контексте июльского политического кризиса 1917 года.....	73
Гавроева Е.С. Февральская революция в России по материалам английских парламентских дебатов	82
Иванов (2-й) А.А. Русская революция глазами британской разведки (февраль 1917 – март 1918 гг.).....	86
Гордеев П.Н. «Временное положение об управлении государственными театрами»: история создания, редактирования и обсуждения «театральной конституции» 1917 года	97
Фруменкова Т.Г. Московский воспитательный дом и проекты преобразования системы сиротских учреждений (1917 г.).....	169
Соколов А.В. Министерство исповеданий Временного правительства и Православная Российская церковь после 25 октября 1917 года	179
Мажара П.Ю. Образ большевиков и событий 1917 г в мемуарах участников Белого движения на Северо-Западе России	205
Репников А.В. Григорий Шварц-Бостунич и его мировоззренческие метаморфозы: от критики Романовых до национал-социализма.....	211
Романов К.С. Две стороны одной открытки. К постановке проблемы о бедности сюжетной составляющей открыток к годовщинам Октябрьской революции.....	219
Сведения об авторах	247
Список сокращений и аббревиатур	248
Оглавление	Ошибка! Закладка не определена.